515 1/175

РУССКАЯ ПРОСОДІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

объ акцентѣ вообще и значеніе, а равно законы русскаго ударенія въ особенности.

І. ШАРЛОВСКАГО.

ОДЕССА
Типографія Л. Нитче.
1890.

РУССКАЯ ПРОСОДІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

объ акцентѣ вообще и значеніе, а равно законы русскаго ударенія въ особенности.

І. ШАРЛОВСКАГО.

ОДЕССА
Типографія Л. Нитче.
1890.

Дозволено цензурою. Одесса, 15-го іюля 1890 г.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 294527
193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

§§		Стран.
	Предисловіе	V—VIII
	Введеніе	1— 2
1— 5	Образованіе звуковъ нашего голоса. Дѣленіе буквъ на гласн. и согласн. и проч. Звуки *е, ъ, ѣ*. Двугласныя *я, е, ё, ю*. Своеобразность звука нашихъ *і, и, ы* . .	3— 10
6— 11	Общія условія благозвучія языка. Уподобленіе звуковъ нашего голоса звукамъ музыкальнаго инструмента. Отзвукъ и призвукъ въ рѣчи. Тонъ и длительность гласныхъ звуковъ. Различіе между гласными и согласными звуками .	10— 18
12— 13	Общія понятія о длительности и мгновенности согласн. Зависимость сравнительной долготы согласн. отъ ихъ смягченія	19— 22
14— 17	Артикуляція разныхъ звуковъ. Физико-механич. законъ. Перерывы между слогами, составляющими цѣлое слово .	23— 28
18— 20	Общія понятія объ ударенiи. Причины различной протяжности ударяемыхъ слоговъ	28— 32
21— 26	Роль согласныхъ въ просодіи. Общій просодич. законъ	32— 40
27— 30	Сочетаніе звуковъ въ слоги и ихъ болѣе легкая, или болѣе трудная связность между собою	40— 46
31— 34	Разстановка согласныхъ по слогамъ	46— 50
35— 42	Зависимость ударенія отъ состава слова. Физико-динамическій законъ	50— 63
43— 45	Исключительное значеніе гласныхъ А, Е, О	63— 73
46— 51	Удареніе на приставкахъ	73— 80
52— 56	Акцентація словъ, состоящихъ изъ двухъ тождественныхъ слоговъ. Передвиженіе ударенія на конечный слогъ. Причины, по коимъ удареніе падаетъ на конечный слогъ и въ формахъ сложныхъ	80— 87

§§		Стран.
57— 84	Удареніе именъ существительныхъ	87—146
85— 99	» глаголовъ	146—163
100—108	» именъ прилагательныхъ	163—176
108—111	» нарѣчій и остальныхъ частей рѣчи	177—182
112—137	» при склоненіи и спряженіи	182—204
127—130	» какъ явленіе в. сложное: генетич., логич. эстетич. начала, аналогія. Двоякое и троякое ударе-ніе .	204—219
131—135	Семазіологическое (логическое) ударе-ніе	219—236
135—144	Сравнит. изслѣдованія: акцентъ польскаго, чешскаго, италіанск., литовск., греч. и франц. языковъ. Замѣчательныя особенности французскаго языка и идеальное совершенство его акцентаціи; причины различія акцента въ разныхъ языкахъ	236—253
	Заключеніе и послѣсловіе	254—256

Приложенія:

1.	Списокъ словъ съ двоякимъ удареніемъ	257—280
2.	Списокъ словъ съ троякимъ удареніемъ	280—281
3.	Списокъ именъ на *ота*	—281
4.	Списокъ одночлен. существит. именъ съ подвижнымъ удареніемъ при ихъ склоненіи	281—283
5.	Списокъ именъ существ. ж. р., переставляющихъ ударе-ніе въ винит. падежѣ на предыдущіе слоги	283—284
6.	Списокъ глаголовъ, въ коихъ происходитъ перестановка удареніе въ настоящемъ времени изъявит. наклоненія .	284—286

Предисловіе.

Такъ-какъ у тѣхъ народовъ, у коихъ мы позаимствовались грамматикою, вовсе не существовало никакой теоріи по слогоударенію, то и у насъ никто не думалъ заняться разработкою этого предмета, между-тѣмъ какъ знаніе просодіи для насъ гораздо нужнѣе знанія орѳографіи, на которую мы налегаемъ съ особенною настойчивостью, точно письменное начертаніе менѣе условно, чѣмъ изустное произношеніе, точно глазъ и въ этомъ случаѣ важнѣе, чѣмъ слухъ. По естественнымъ-же законамъ выходитъ совершенно наоборотъ: при изученіи языка самое главное слухъ — фонетика, какъ душа рѣчи, а не глазъ, зрѣніе, какъ внѣшнее вспомогательное пособіе. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ болѣе погрѣшительно: начертаніе-ли, напр., «на нѣбе», или произношеніе, напр., «пью воду́»? Въ чемъ же тутъ столь великое зло, за которое иногда губятъ всю будущность ученика? Мнѣ отвѣчаютъ: ученикъ *долженъ* знать общепринятыя правила употребленія буквы ѣ. Хотя это еще вопросъ — долженъ-ли *непремѣнно* знать; но я согласенъ, что долженъ. Слѣдуетъ-ли однако изъ этого, что ученикъ не долженъ знать еще въ большей мѣрѣ и такія правила, которыя не дозволяли бы ему дѣлать въ произношеніи ошибки, уже безусловно непростительныя. Еще не такъ давно у насъ до того разошлись въ отрицательномъ направленіи, что стали доказывать, будто не зачѣмъ въ школѣ проходить *склоненіе* и *спряженіе*, ибо всему этому дѣти научаются-де еще дома до поступленія въ заведеніе. Но при безпристрастномъ обсужденіи этого вопроса оказалось, что безъ помощи грамматики не научаются ни склонять, ни спрягать *правильно*. Тѣмъ болѣе, разумѣется, не научаются и *ударять* правильно. Въ «Русск. Слогоударепіи» приводятся такіе факты, которые совершенно наглядно доказываютъ, что и самые учителя, получившіе филологич. образованіе, обнаруживаютъ грубѣйшее невѣжество по просодіи, невѣжество иногда весьма постыдное для имени «Русскій». Даже извѣстный нашъ филологъ, покойный Бодровъ, изучившій разные иностранные языки, въ томъ числѣ

и еврейскій, однажды печатно высказалъ такую нелѣпость, будто «произношеніе неударяемаго **о** *вездѣ* какъ **а**». («Филологич. Зап.» 1885, II, 17). А между-тѣмъ, условіемъ братскаго сближенія съ Славянами мы выставляемъ гегемонію нашего языка! Ужь хоть по этой причинѣ пора бы намъ заняться посеріознѣе своимъ роднымъ языкомъ! Недаромъ умный и трудолюбивый Востоковъ, сознавая всю важность слогоударенія, ввелъ для этого послѣдняго въ свою грамматику особый отдѣлъ. Но такъ-какъ, съ одной стороны, вся просодія Востокова пока состояла изъ краткихъ и отрывочныхъ правилъ, правилъ далеко непсчерпывающихъ все разнообразіе явленій ударенія, а съ другой — послѣдующіе грамматики вовсе уже не думали о серіозной разработкѣ нашего языкознанія и по большей части пробавлялись чужими изслѣдованіями, перекраивая на разные лады одинъ и тотъ же матеріалъ: то понятно, что просодія была выброшена за бортъ какъ такой баластъ, который сочли теперь уже лишнимъ при мелкомъ плаваніи «вокругъ да около». Вслѣдствіе этого, какъ въ персоналѣ преподавателей русск. языка, такъ и въ учебной администраціи укоренилось убѣжденіе, будто просодія совершенно лишній предметъ. Между-тѣмъ, несмотря на сказанное сокращеніе курса, и до сихъ поръ остается въ грамматикахъ ненарушимъ такой ея отдѣлъ, гдѣ пресеріозно толкуется напр. о томъ, что не надо говорить «мы иду» или, наоборотъ «я идемъ» и т. п., т. е. толкуется именно о такихъ вещахъ, которыхъ вы никогда и нигдѣ не услышите, кромѣ отъ учителей, незамѣчающихъ даже того, что подобныя поученія не только безполезны, но и очень вредны уже по тому, что, не возбуждая въ учащихся никакого интереса къ подобнымъ предметамъ, вселяютъ въ нихъ отвращеніе и къ настоящему, серіозному языкознанію. Такъ-то все на свѣтѣ дѣлается! Вездѣ рутина и традиціи не только тормозятъ всякое умственное преуспѣяніе, но и ведутъ постоянно борьбу со здравымъ смысломъ! Не вдаваясь въ длинныя разсужденія, я сошлюсь только на авторитетъ нашего высокоуважаемаго академика, Я. Грота, какъ единственнаго человѣка, который послѣ Востокова такъ безкорыстно трудился надъ русскимъ удареніемъ, помѣстивъ въ своихъ «Филолог. Разыск.» нѣсколько дов. объемистыхъ статей, и который, хотя, будучи обремененъ другими трудами, и оставилъ

свои изслѣдованія неоконченными, тѣмъ не менѣе объяснилъ намъ многія в. интересныя явленія нашего акцента. Еще въ 1869 г. въ статьѣ «Ученіе о русскомъ акцентѣ» Я. К. Гротъ высказалъ свои убѣжденія о «многозначительности ударенія при всѣхъ проявленіяхъ законовъ языка» (см. журн. Министр. Народ. Просвѣщ., № 1).

Вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, испытывая немало затрудненій во время моего двадцати-трехъ лѣтняго преподаванія русскаго языка въ нѣсколькихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, я не разъ задумывался о томъ, какъ бы разъяснить значеніе и законы нашего слогоударенія. У меня накопилось объ этомъ немало замѣтокъ, какъ изъ личныхъ наблюденій, такъ и изъ теоретическаго изученія русскаго языка. Вышедши въ отставку и пользуясь свободнымъ временемъ, я уже всецѣло занялся удареніемъ, поставивъ себѣ задачею — не смущаясь никакими трудностями и неблагодарностью работы, добиться положительныхъ результатовъ помощью изученія, изученія и еще разъ изученія живого языка во всѣхъ его подробностяхъ какъ по словорямъ, такъ и личнымъ наблюденіямъ надъ изустною рѣчью. Черезъ нѣсколько лѣтъ такой работы я достигъ своей цѣли и началъ издавать свои изслѣдованія, которыя впродолженіи 1884—1889 вышли въ трехъ выпускахъ подъ заглавіемъ «*Русское Слогоударение*» и, кромѣ того, въ отдѣльной брошюрѣ «О благозвучіи русскаго языка». Бо́льшая часть этихъ изслѣдованій печатались въ журн. «Филол. Записки», издаваемомъ въ Воронежѣ. Продолжая, затѣмъ, дальше трудиться, я замѣтилъ, что въ мои книги вкрались недосмотры и опечатки. При томъ нѣкоторыя, помѣщенныя въ «Русск. Слогоуд.», разъясненія второстепенныхъ вопросовъ нынѣче оказались незаслуживающими особеннаго вниманія, а между-тѣмъ въ этомъ трудѣ все еще недоставало самыхъ существенныхъ статей, а именно: 1) физіологія звуковъ, 2) сравнительныя изслѣдованія и 3) нѣкоторые факты языка, имѣющіе особенное значеніе при практич. его изученіи. По всѣмъ этимъ причинамъ я издалъ настоящую книгу, устранивъ указанные критикою недостатки и значительно дополнивъ ее противу «Русск. Слогоуд.» Знаю, что и теперь есть недостатки въ моемъ трудѣ и, желая достигнуть возможно бо́льшаго совершенства, я съ благодарностью выслушаю отъ

ревнителей русскаго языкознанія всякія дѣльныя и безпристрастныя замѣчанія, кромѣ однако «поученій» о такихъ предметахъ, которые относятся къ школѣ грамматности, какъ напр. о типографскихъ погрѣшностяхъ и, вообще, о такихъ внѣшнихъ недостаткахъ, которые вовсе ничего не говорятъ ни о трудолюбіи, ни о способностяхъ, ни о направленіи автора, а говорятъ лишь о томъ, что у него не достало какой-нибудь тысячи-другой рублей, нужныхъ на гонораръ такому образованному человѣку, который настолько обладаетъ, съ одной стороны, знаніемъ русскаго языка, а съ другой — хорошимъ зрѣніемъ, что не допустилъ бы въ книгу ни малѣйшей ошибки — попади она или въ рукопись по недосмотру автора, или-же въ печать по неаккуратности корректора.

Вотъ главнѣйшія пособія, которыми я пользовался при своихъ изслѣдованіяхъ:

Филологич. Разысканія. Я. Гротъ. Изд. 3-ье. С.-П. 1885.

Толковый словарь живого великорусскаго языка. Влд. Даль. Изд. 2-ое. С.-П. 1882.

Словарь церковно-слав. и русск. языка. Академія наукъ. Изд. 2-ое. С.-П. 1868.

Полный русско-француз. словарь. Н. П. Макаровъ. Изд. 4-ое. С.-П. 1884.

Nouveaux Dictionnaires parallèles de langues Russe, Française, Allemande et Anglaise. Ch. Ph. Reiff. Edit. 3-me, St.-Pet. 1861.

Русская грамматика. Ал. Востоковъ. Изд. 12-ое. С.-П. 1874.

Опытъ словаря неправильностей въ русск. разговорной рѣчи. В. Долопчева. Одесса. 1886.

Филологич. наблюденія надъ составомъ русск. яз. Протоіерея Г. Павскаго. Изд. 2-ое. С.-П. 1850.

Гигіена голоса. Врача при Имп. Московскихъ театрахъ, М. Н. Глубоковскаго. Москва 1889.

Были еще просмотрѣны и многія другія сочиненія, какъ напр. *Начертаніе Славянской акценталогіи* Ром. Брандта, Die Lehre vom russischen Accent von Dr. Kayssler, Наука о языкѣ Макса Мюллера, Объ орган. голоса и рѣчи проф. Ланцерта, Механизмъ и гигіена голоса доктора Шоппе и проч.; но они здѣсь не перечисляются по тому, что мнѣ вовсе не пришлось ихъ цитировать.

Августъ 1890.

Я. Шарловскій.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ нашей русской, какъ и во всякой другой рѣчи, не всѣ слова произносятся съ одинаковымъ напряженіемъ голоса: въ каждой отдѣльной мысли (предложеніи) *одно слово* выдѣляется своимъ болѣе громкимъ, болѣе выразительнымъ выговариваніемъ противу другихъ. Выразительность такому слову придается помощью особенно сильнаго ударенія. Такое удареніе принято называть *логическимъ*: ибо оно обусловливается содержаніемъ, смысломъ рѣчи. Слѣдовательно, правильность логическаго ударенія находится въ прямой зависимости не отъ знанія грамматики, а отъ яснаго пониманія мыслей и *логически* вѣрнаго ихъ произношенія въ предложеніи. Возьмемъ для примѣра слѣдующее предложеніе: «Наши товарищи сегодня встали очень ра́но». Здѣсь логическое удареніе падаетъ на слово *рано*, потому-что, по смыслу предложенія, на этомъ именно словѣ, главнымъ образомъ, должно сосредоточиться наше вниманіе: представленіе о раннемъ вставаніи здѣсь занимаетъ главный предметъ рѣчи. Но если въ томъ же предложеніи сдѣлаемъ небольшія измѣненія, вставивъ слово *только* и замѣнивъ слово *очень* словомъ *такъ*, т. е., если выразимъ его слѣдующимъ образомъ: «Наши товарищи только сего́дня встали такъ рано», то главнымъ предметомъ рѣчи будетъ уже не представленіе о *раннемъ* вставаніи, а представленіе о томъ, что это вставаніе случилось лишь въ *сегодняшній* день; и поэтому здѣсь логическое удареніе перейдетъ на слово сегодня. Выговаривая слова *рано*, *сегодня* громче, нежели всѣ остальныя (точно передъ восклицательнымъ знакомъ), мы въ то же время и ударенію ихъ придаемъ особенную силу.

Независимо отъ сказаннаго логическаго ударенія, и въ каждомъ отдѣльномъ словѣ *одинъ* изъ двухъ или нѣсколькихъ *слоговъ*, входящихъ въ его составъ, выговаривается съ бо́льшимъ напря-

женіемъ голоса, чѣмъ всѣ остальные, т. е. на такомъ слогѣ тоже дѣлается *удареніе*, которое назовемъ *грамматическимъ*. Такимъ образомъ, во всякомъ предложеніи одно слово можетъ имѣть два ударенія — логическое (синтаксическое) и грамматическое (слоговое), которыя всегда совпадаютъ. Пропишемъ теперь вышеприведенный примѣръ съ обозначеніемъ всѣхъ ударенiй: «На́ши това́рищи сего́дня вста́ли о́чень ра̋но». На словѣ *рано* мы поставили два значка потому, что на это слово падаютъ оба сказанныя ударенія; сдѣлали же мы это для наглядности; но логическаго ударенія обыкновенно не обозначаютъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда обозначеніе грамматич. ударенія становится безусловно необходимымъ, какъ напр. для различенія понятія за́мокъ отъ понятія замо́къ.

Итакъ, надо различать два ударенія: одно изъ нихъ относится къ цѣлымъ предложеніямъ, а другое — къ отдѣльно взятымъ словамъ. Логическое удареніе, какъ объектъ, всецѣло зависящій отъ внутреннихъ условій нашего мышленія, не подлежитъ особому изученію. Напротивъ, грамматич. удареніе, какъ объектъ внѣшней, звуковой стороны слова, представляетъ особенную важность при основательномъ изученіи русскаго языка. Обстоятельное разсмотрѣніе и систематическое ознакомленіе съ грамматич. удареніемъ и составляетъ предметъ настоящей книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Голосъ и простѣйшіе словесные звуки.

§ 1. *Образованіе звуковъ нашего голоса.* Когда мы молчимъ, то физіологическій процесъ дыханія совершается вполнѣ свободно. Когда-же начнемъ говорить или читать, то этотъ процесъ болѣе или менѣе стѣсняется отъ работы нашими голосовыми органами, — что́ наглядно доказывается тѣмъ, что послѣ продолжительнаго, одушевленнаго и громкаго разговора или чтенія мы чувствуемъ усталость въ груди, подобно тому, какъ и послѣ быстраго бѣганья. Всякій какой бы то ни было звукъ въ природѣ, какъ извѣстно, происходитъ отъ дрожанія упругихъ тѣлъ и колебанія воздуха. Воздухъ, какъ вещество необыкновенно удобоподвижное и упругое, очень легко приходитъ въ колебательное движеніе отъ многоразличныхъ причинъ, какъ-то: толчка, паденія, тренія, удара одного предмета о другой. Такъ, напр., натянутая въ инструментѣ струна, чуть тронутъ ее смычкомъ или пальцемъ, издаетъ звуки, потому-что отъ этого она дрожитъ, а отъ дрожанія происходятъ волнообразныя теченія воздуха, которыя, достигая нашего слуха, сознаются нами какъ *звуки*. Точно такъ же и звуки нашего голоса создаются не иначе, какъ посредствомъ движенія воздуха, которымъ мы дышимъ. Отъ дыханія, внѣшній воздухъ, посредствомъ рта, носа и дыхательнаго горла, безостановочно то устремляется въ легкія, то обратно выходитъ наружу. Когда мы начинаемъ артикулировать (выговаривать отчетливо) какія бы то ни было слова, то наши голосовые органы — губы, языкъ, нёбная завѣска, нижняя челюсть съ зубами (верхняя всегда неподвижна), голосовая щель съ своими связками (въ гортани) приходятъ въ извѣстныя движенія и отъ колебанія, вслѣдствіе этого, воздуха, образуются звуки. Самые простѣйшіе звуки нашего голоса это — тѣ звуки, которые въ письменности называются буквами и изъ различныхъ сочетаній которыхъ образуются слова и вся наша рѣчь. Слѣдовательно, буква есть и слыши-

мый звукъ (въ произношеніи) и видимый знакъ (на письмѣ). Итакъ, въ одномъ и томъ же названіи надо различать два разныя понятія. Однако, для удобства изложенія, и мы, подобно тому, какъ это водится въ грамматикахъ, будемъ употреблять терминъ *буква*, вмѣсто *звукъ*, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ясно, что рѣчь идетъ не о чемъ другомъ, какъ только о голосовыхъ звукахъ.

§ 2. *Дѣленіе буквъ на гласныя, согласныя и проч.* Въ азбукахъ и грамматикахъ принято раздѣлять всѣ буквы на три разряда: *гласныя*, *согласныя* и *полугласныя*. Но это дѣленіе, унаслѣдованное нами русскими отъ латинскихъ грамматикъ, которыя составлялись еще въ то время, когда не существовало наукъ физіологіи и филологіи, не совсѣмъ точно и не безусловно вѣрно. Уже самое названіе *согласныя*, если его основывать на томъ предположеніи, будто эти буквы не могутъ быть выговорены иначе, какъ съ присоединеніемъ къ нимъ гласнаго звука (е, э, а), надо бы считать неподходящимъ. Правда, что нѣкоторыя изъ нихъ (въ особенности губныя б, п, ф) артикулируются съ трудомъ; но, во-первыхъ, опытъ (при обученіи грамотѣ по такъ называемому звуковому способу) показалъ, что даже и эти согласныя всетаки могутъ быть произнесены *чистымъ*, т. е. свойственнымъ имъ однимъ, звукомъ; а во-вторыхъ, различіе между гласными и согласными, заключается не въ этой внѣшней, а въ болѣе глубокихъ причинахъ, — о чемъ мы теперь уже имѣемъ прекрасное изъясненіе въ «фонетикѣ», изложенной въ руководствѣ нашего столь трудолюбиваго академика Я. К. Грота, подъ заглавіемъ «Русское правописаніе».

Общимъ названіемъ «полугласныя» окрещены въ нашихъ грамматикахъ буквы: ъ, ь, й. Буквы **ъ** и **ь**, когда-то въ старину изображавшія извѣстные (близкіе къ **о**, **е**) звуки, въ нашемъ современномъ русскомъ языкѣ совсѣмъ утратили это свойство и получили въ письменности особое назначеніе, состоящее въ томъ, что **ъ** служитъ для твердаго, а **ь** для мягкаго произношенія согласныхъ: такъ, напр., однозвучныя слова былъ и быль, данъ и дань, столъ и столь, кладъ и кладь, уголъ и уголь, жалъ и жаль, говоритъ и говорить различаются не иначе, какъ разнообразнымъ выговоромъ согласныхъ **л**, **н**, **д**, **т**; причемъ, однако, какъ **ъ**, такъ и **ь** сами по себѣ вовсе не издаютъ въ

произношеніи никакого звука. Поэтому, **ъ** и **ь** надо считать не полугласными, а безгласными буквами, или просто *знаками:* первый изъ нихъ **твердымъ**, а второй — **мягкимъ**.

Звукъ же **й** весьма близокъ къ звуку **и**; но **й** короче **и**, такъ-что первый изъ нихъ какъ будто составляетъ половину протяжности второго и, поэтому, его можно назвать **полугласнымъ**. Но смѣшивать **й** съ **ъ**, **ь**, какъ это принято въ грамматикахъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ.

§ **3.** *Звуки е, ѣ.* При изученіи просодіи прежде всего необходимо установить ясное представленіе о настоящемъ значеніи такихъ гласныхъ буквъ, какъ **и, і, е, ѣ, ю, я.** *Твердыя* гласныя **а, о, у, ы, э** гораздо менѣе измѣнчивы по своему звуку, чѣмъ такъ называемыя *мягкія;* при чемъ **э** всегда и неизмѣнно сохраняетъ одинъ и тотъ же звукъ — латинскій и польскій **е**. Въ особенности замѣчательна въ нашей письменности гласная **е**: помощью ея выражаются четыре различныхъ звука. Разъ она выговаривается какъ **э**, напр. церковь, чело, чека, другой какъ **о**, въ томъ случаѣ, когда носитъ на себѣ удареніе и стоитъ послѣ шипящихъ ж, ч, ш, щ, напр. желудь, челнъ, шелкъ, шелъ, щетка, счеты. Но и въ этомъ случаѣ не всегда сохраняется строгая послѣдовательность: такъ, напр., въ словахъ жестокій, жестъ, шестъ, щедрый она выговаривается какъ **э**. Во многихъ же словахъ, принадлежащихъ къ разнымъ какъ этимологическимъ, такъ и грамматическимъ категоріямъ, гласная **е** съ удареніемъ произносится какъ іо (ё), напр. берёза, нёбо, слёзы, колёса. Такое обозначеніе одною буквою различныхъ звуковъ главнымъ образомъ произошло вслѣдствіе того, что въ церковно-слав. азбукѣ не было никакого знака для гласной **э**. Эта послѣдняя же появилась уже въ такъ называемой гражданской азбукѣ, но стала употребляться почти исключительно для иностранныхъ словъ. Была еще и другая причина сказанной непослѣдовательности. Это — отсутствіе въ нашей азбукѣ точно опредѣленныхъ буквъ для такъ называемыхъ *двугласныхъ* звуковъ, которыхъ нѣтъ ни въ греческомъ, ни латинскомъ языкахъ и которые свойственны лишь славянскимъ языкамъ. Въ нашемъ современномъ русскомъ языкѣ настоящій (и это четвертый) звукъ буквы **е** есть *двугласный*, составной, т. е., звукъ **э** соединенный со звукомъ і (іэ), напр. день, межъ, мечъ. Въ

такомъ именно видѣ наше **е** употребляется въ значительномъ большинствѣ словъ всего нашего лексикона.

Отъ церковно-славянской письменности къ намъ перешла одна гласная — **ѣ**, которая въ старину имѣла свой какой-то особенный звукъ, отличавшійся какъ отъ **э**, такъ и отъ **е** и который нынѣче уже ничѣмъ не различается отъ этого послѣдняго. Впрочемъ, гл. **ѣ** представляетъ сравнительно съ **е** ту особенность, что она почти никогда не переходитъ въ звуки о, ё. Исключеніе составляютъ лишь немногія слова, и именно: гнѣзда, звѣзды, сѣдла, медвѣдка, подгнѣта, смѣтка (отъ смѣтить), вѣшка (отъ вѣха), обрѣлъ (пріобрѣлъ тоже), цвѣлъ (разцвѣлъ и проч. тоже), зѣвывалъ, надѣвывалъ (надѣвалъ тоже), запечатлѣнъ. Но и въ этихъ словахъ гласная **ѣ** выговаривается за іо только въ томъ случаѣ, когда на ней стоитъ удареніе: въ другой же формѣ, т. е. въ такой формѣ, гдѣ гл. **ѣ** не держитъ на себѣ ударенія, она сохраняетъ свой обыкновенный звукъ (е), напр. звѣздá, гнѣздó, зѣвáть, зѣвáлъ и проч.

§ 4. *Двугласныя я, е, ю.* Въ латинскомъ алфавитѣ есть двѣ буквы, очень близкія по своему звуку одна къ другой — **i**, **j**. Первая изъ нихъ выражаетъ настоящій гласный звукъ, напр. въ словѣ *idem*, другая — согласный, напр. въ словѣ jam. Въ нашу же азбуку введены **и, і**, согласная же **j** не принята. Такъ называемыя наши мягкія (двугласныя) **я, е, ю**, которыхъ нѣтъ въ латинскомъ и которыя присущи славянскимъ языкамъ, въ польскомъ изображаются двумя способами: 1) ja, je, jo, ju и 2) ia, ie, io, iu. За отсутствіемъ въ русскомъ языкѣ особой буквы для звука **j**, съ нашими **и, і** вышла путаница. Въ грамматикахъ букву **і** считаютъ такою же гласною, какъ и букву **и**, различая одну отъ другой лишь въ правописаніи. Но на дѣлѣ выходитъ, что **і** далеко не всегда выражаетъ гласный звукъ. Въ формахъ напр. *чтеніе, чтенія, чтенію* слышатся три звука **і**: одинъ (въ срединномъ слогѣ) дѣйствительно есть настоящій гласный звукъ, какъ составляющій самъ по себѣ отдѣльный слогъ; другіе два (въ начальномъ и конечномъ слогахъ), хотя на письмѣ и не обозначаются, тѣмъ не менѣе слышатся, но слышатся какъ звуки не отдѣльные, а слившіеся съ **э, а, у**, такъ-что наши **е, я, ю** въ конечныхъ = je, ja, ju, а **е** въ начальномъ слогѣ = іэ. Отсюда

выходитъ, что наше **е** разъ равняется je, а другой — iэ. Взявъ напр. формы *вяжея клюю*, мы ясно видимъ, что здѣсь **я**, **ю** тоже звучатъ не одинаково: въ первыхъ слогахъ онѣ = ia, iy, а въ послѣднихъ — ja, jy. По-польски эти слова изобразились бы такъ: wiazeja, kluju. (Въ слогѣ klu нѣтъ **i** передъ гл. **u**, потому-что эта послѣдняя смягчается отъ плавной l). И не даромъ въ польскомъ приняты два особыя начертанія для двугласныхъ **я, е, ё, ю**. И въ самомъ дѣлѣ, ja, je, jo, ju обозначаютъ тѣ же составные звуки, что́ и ba, be, bi, bo, bu, da, de, ...; у насъ въ ja, jэ, jo, jy, звукъ j тоже слышится какъ твердый согласный. Однако, при этомъ, надо замѣтить, что онъ не вяжется сводно ни съ одною изъ всѣхъ согласныхъ, тогда какъ **i** наоборотъ, съ этими послѣдними входитъ въ тѣсное единеніе при всевозможныхъ съ ними сочетаніяхъ. Такъ, напр., въ формахъ s(z)jadła и siadła слоги **s(z)ja** и **sia** звучатъ неодинаково: въ первой согл. **s(z)** получаетъ какое-то особое протяженіе, какъ бы выражая сама собою отдѣльный слогъ; при томъ, твердая **a** сохраняетъ свой чистый звукъ точно такъ же, какъ и предъ другими согласными. Во второй-же формѣ, наоборотъ, s свободно вяжется съ **ia**, образуя одинъ неразрывный слогъ; причемъ, звукъ i сливается съ смежною **a** такъ тѣсно, что здѣсь уже нельзя различить чистой гласной **a**; ибо эта послѣдняя въ этомъ случаѣ смягчается отъ предшествующей гласн. i. Подобнымъ образомъ и въ русской рѣчи различаются сказанные звуки, хотя въ письменности и употребляются все однѣ и тѣ же буквы — **я, е** (ѣ), **ё, ю**. За отсутствіемъ въ нашей азбукѣ буквы для звука **j**, вышеобъясненное различіе мы выражаемъ помощью знаковъ ъ, ь. Такъ, напр., въ формахъ *обявить*, *сѣли*, *льются*, слоговые звуки *обя*, *сѣ*, *льют* различаются отъ тождественныхъ слоговыхъ же звуковъ *обя*, *сь*, *лют* въ формахъ напр. *обязать*, *съли*, *лютый* не чѣмъ инымъ, какъ помощью ъ, ь, которые и служатъ указателями: 1) какъ надо произносить няходящіяся предъ ними согласныя — твердо или мягко; и 2) какъ должны размѣститься эти согласныя, т. е., что онѣ должны примкнуть *не* къ предыдущему, а къ послѣдующему слогу. Причемъ, **ь** смягчаетъ собственно не двугласныя **я, е, ю, ё**, (ja, je, jo, ju), а сказанныя согласныя. Это можно ясно видѣть изъ сравненія напр. слѣдующихъ двухъ формъ

— *лютый* и *лются*: въ первой дѣйствительно гл. **у** смягчается отъ звука **і**, переходя въ **ю**; во второй же **ь** (замѣняющій j) смягчаетъ не гл. **у**, а согл. **л**, которая, вслѣдствіе этого, принимаетъ извѣстное протяженіе, приближающееся къ звуку **і**; причемъ, однако **ь** здѣсь, точно такъ же, какъ и **ъ** въ формахъ *обявленный*, *съѣла* и проч., самъ по себѣ не издаетъ никакого звука. Что въ современномъ русск. языкѣ **ь** не имѣетъ никакого звука, это еще подтверждается и другими формами, гдѣ этотъ знакъ стоитъ не предъ гласными, какъ напр. льва, тьма, письмо и проч. По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, оставляя за буквами **я**, **е**, (**ѣ**,) **ё**, **ю** общепринятый терминъ *двугласныя*, однако мы не можемъ безразлично именовать ихъ, какъ это принято въ грамматикахъ, *мягкими*. Мягкими мы будемъ ихъ считать только въ такихъ формахъ, какъ напр. слѣдующія: обязать, дядя, няня; сѣли, небо, нёбо; лютый, дюжій, дюймъ и проч., гдѣ **я**, **е**, (**ѣ**) **ю** = іа, іэ, іу. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда **я**, **е**, (**ѣ**), **ю** = ja, jэ, ju и когда, слѣдовательно, твердыя **а**, **э**, **у** не смягчаются, а получаютъ лишь составной звукъ отъ прибавки согласной (j), какъ напр. въ формахъ объявить, дьяконъ, статья; съѣла, съѣздъ, подъёмъ (podjom); льются, вьюшка, грустью, сказанныя буквы **я**, **е** (**ё**), **ю** будемъ называть *твердыми* двугласными.

§ 5. *Своеобразность звуковъ нашихъ буквъ* **і**, **и**, **ы**. Въ предыдущемъ параграфѣ уже показано, что наши двугласныя **я**, **е**, **ё**, **ю** не всегда выражаютъ одинъ и тотъ же неизмѣнный звукъ и что это произошло вслѣдствіе отсутствія въ нашей азбукѣ особой буквы, долженствующей показывать различіе между двумя близкими звуками и именно: **і**, j, изъ коихъ первому слѣдовало бы изображать звукъ полугласный, а второму — согласный. Между тѣмъ въ нашей письменности буква **і** обыкновенно изображаетъ звукъ гласный, какъ напр. въ формахъ: Марія, бытіе, судія, чтеніе, прошеніе и проч. Однако та же самая **і**, въ тѣхъ случаяхъ, когда находится предъ другою, совершенно тождественною по звуку, гласною (и), теряетъ свой гласный звукъ, такъ-какъ формы Маріи, въ чтеніи, въ прошеніи и проч., въ современномъ языкѣ принято изображать слѣдующимъ образомъ: Марьи, въ чтеньи, прошеньи и проч. Здѣсь, вмѣсто гласнаго і, слышится лишь согласный

звукъ j, который, соединяясь съ послѣдующею гласною (и) въ одинъ слогъ, образуетъ вмѣстѣ съ нею двугласный звукъ, точно такой же, какъ ja, je, jo, ju. Стóитъ только сравнить напр. форму *семи* (отъ семь) съ ф. *семьи* (отъ семья), чтобы наглядно убѣдиться въ большой разницѣ звука одной и той же буквы и. Очевидно, что стеченіе сряду двухъ тождественныхъ и при томъ гласныхъ звуковъ (i, и) вноситъ въ нашу рѣчь монотонность и, поэтому, ради благозвучія, первый изъ нихъ сокращается въ согласный (j). Но такъ-какъ у насъ нѣтъ особой буквы для этого звука, то здѣсь, точно такъ же какъ въ другихъ аналогичныхъ формахъ, ставится знакъ ь, который и въ этомъ случаѣ играетъ такую же роль, какъ и передъ другими гласными, какъ напр. чтенье, чтенья, чтенью и проч. что́, впрочемъ, уже и выше объяснено. Итакъ, наша русская буква і изображаетъ три звука: 1) совершенно тожественный съ нею гласный и, 2) согласный j, который въ этомъ случаѣ замѣняется особымъ знакомъ (ь), и 3) та же гл. и, находясь передъ ь, получаетъ особый звукъ, и именно звукъ составной (ji) и отличный отъ чистаго гласнаго (и), — что́ мы и видѣли на вышеприведенныхъ примѣрахъ: Марьи, въ чтеньи, прошеньи и проч. И поэтому этотъ звукъ можно назвать *двугласнымъ мягкимъ*. Независимо отъ всего этого, когда буква и непосредственно примыкаетъ къ предшествующей гласной и вмѣстѣ съ этою послѣднею составляетъ одинъ слогъ, то она выражаетъ звукъ, отличный отъ гласнаго і и тожественный съ согласнымъ j, для обозначенія котораго, уже по необходимости, надо было придумать особый знакъ, такъ-какъ ъ и ь, употребясь съ спеціальною цѣлью исключительно *послѣ* согласныхъ, въ этомъ случаѣ не шли къ дѣлу. Надо отдать честь находчивости изобрѣтателя, этотъ знакъ (й) придуманъ остроумно: ибо, съ одной стороны, буква й выражаетъ звукъ весьма близкій къ сходной съ нею по начертанію гласной и, а съ другой — стоящею надъ нею кавычкою показываютъ, что ее не слѣдуетъ смѣшивать съ сказанною гласною. Въ русскомъ языкѣ есть немало такихъ формъ, которыя или совершенно тождественны или мало чѣмъ различаются одна отъ другой по своему начертанію и которыя въ то же время выражаютъ два разныя значенія, какъ напр. покой и покои, край и краи, вой-

на и вопнъ. Вотъ тутъ-то и встрѣтилась безусловная необходимость придумать кавычку, помощью которой и различаются два близкихъ между собою звука (и, й), изъ коихъ первый есть настоящій гласный, а второй — согласный, хотя и не безъ основанія этотъ послѣдній получилъ названіе *полугласнаго:* ибо если сличить длительность звука **и**, напр. въ словѣ *покон*, съ длительностью звука **й** въ словѣ *покой*, то **й** сравнительно съ **и** какъ бы на половину короче. Но въ сущности **й** есть тотъ же, очень короткій, согласный j, о которомъ мы говорили раньше.

Есть еще одна буква, и именно **ы**, которой дано названіе *еры* (ибо она замѣняетъ **ъ** и **і**): и дѣйствительно звукъ ея близокъ къ звуку **и**, но произносится твердо. Гласная **ы** весьма замѣчательна, во-первыхъ, тѣмъ, что она слышится только въ славянскихъ языкахъ (русскомъ и польскомъ) и, во-вторыхъ, еще тѣмъ, что она сама одна никогда не начинаетъ слога, для своего произнесенія безусловно требуя, чтобы передъ нею находилась согласная.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Благозвучіе, тонъ и долгота звуковъ.

§ 6. *Общія условія благозвучія языка.* Нашъ голосовой аппаратъ, т. е. всѣ тѣ органы, взятые въ совокупности, помощью которыхъ мы говоримъ и поемъ (§ 1), можно уподобить такому совершеннѣйшему орудію, которое совмѣщаетъ въ себѣ свойства какъ струнныхъ, такъ и духовыхъ инструментовъ: въ сказанныхъ органахъ есть и колеблющіяся пластинки, перепонки и струны (голосовыя связки). Всякая музыка, на какомъ бы инструментѣ она ни происходила, дѣйствуя на наши чувства и воображеніе, доставляетъ намъ эстетическое наслажденіе не иначе, какъ посредствомъ гармоническихъ и въ то же время весьма разнообразныхъ звуковъ, льющихся въ извѣстной послѣдовательности и съ бо́льшею или меньшею быстротою. Точно такъ же нашъ голосовой аппаратъ, хотя имѣетъ своимъ главнымъ назначеніемъ — просто, безыскусственно изъ-

яснять наши ощущенія, желанія, представленія и понятія о всевозможныхъ предметахъ какъ чувственнаго, такъ и отвлеченнаго міра, тѣмъ не менѣе способенъ издавать и такіе звуки, которые по своей гармоніи и мелодіи нетолько не уступаютъ, но и превосходятъ звуки любого музыкальнаго инструмента (въ пѣніи). Правда, что такимъ высокимъ совершенствомъ голосового аппарата надѣляются природою немногіе; тѣмъ не менѣе у всякаго, у кого правильно развиты какъ голосовые органы, такъ и мыслительныя способности, при свободномъ словесномъ изъясненіи, звуки льются не иначе, какъ въ извѣстномъ стройномъ порядкѣ и съ извѣстнымъ благозвучіемъ. Въ музыкѣ гармонія и мелодія главнымъ образомъ получаются отъ: 1) перемежки болѣе высокихъ тоновъ съ менѣе высокими и 2) бо́льшей или меньшей длительности какъ самыхъ звуковъ, такъ и промежутковъ между ними (тактъ, ритмъ). Безконечныя же, такъ называемыя, варіаціи (перемѣны, разнообразіе) въ тонахъ и ритмѣ и придаютъ пьесѣ извѣстную выразительность и характеръ. Точно такъ же и звуки нашего голоса могутъ до безконечности разнообразиться: 1) отъ бо́льшей или меньшей высоты простѣйшихъ (буквенныхъ) звуковъ, 2) отъ различныхъ сочетаній гласныхъ съ согласными и 3) отъ бо́льшей или меньшей долготы и протяжности какъ самыхъ членораздѣльныхъ (слоговыхъ) звуковъ. такъ и промежутковъ (перерывовъ) между ними (послѣ каждаго отдѣльнаго слога). Чѣмъ больше согласія между простѣйшими звуками и чѣмъ свободнѣе (плавнѣе) переходъ артикуляціи одного слога къ артикуляціи другого или, иначе говоря, чѣмъ равномѣрнѣе сказанные перерывы, тѣмъ благозвучнѣе должна быть и вся наша рѣчь. Изученіе этого согласія и этой плавности звуковъ и составляетъ главный предметъ просодіи. Начнемъ съ простѣйшихъ звуковъ.

§7. *Уподобленіе звуковъ нашего голоса звукамъ музыкальнаго инструмента.* Во всякой музыкѣ, а равно и въ пѣньи прежде всего различаютъ тоны звука. Тотъ или другой тонъ (высшій и низшій) зависитъ отъ числа сотрясеній (колебаній) въ одну секунду струны, стѣнокъ, пластинокъ (въ инструментахъ) и голосовыхъ связокъ и другихъ частей голосового аппарата (въ пѣньи и вообще въ рѣчи). Въ роялѣ напр. тоны различаются

по струнамъ: самыя короткія и самыя тонкія издаютъ и самый высокій тонъ, ибо онѣ способны въ извѣстное мгновеніе производить большее число сотрясеній, чѣмъ длинныя и толстыя. Такимъ образомъ разнообразіе тоновъ при переходѣ отъ самаго высшаго до самаго низшаго весьма велико уже по самому устройству инструмента. Но искусство игрока (помощью педали, а также посредствомъ болѣе или менѣе сильнаго удара по струнамъ (клавишамъ) или лишь легкаго прикосновенія къ нимъ пальцевъ) можетъ вызывать еще большее разнообразіе въ звукахъ, придавая имъ какъ громкость и длительность, такъ и, наоборотъ, мягкость и отрывочность. Отъ этихъ пріемовъ игрока происходитъ то, что одна и та же струна можетъ раскачиваться то сильнѣе, то слабѣе, дѣлая или бо́льшіе или меньшіе размахи вверхъ и внизъ. Такимъ образомъ, независимо отъ числа сотрясеній въ секунду струны во всю ея длину, — что́ обусловливаетъ *высоту* тона, — на характеръ звука оказываетъ свое дѣйствіе еще и величина сказанныхъ размаховъ струны; и чѣмъ больше эти послѣдніе, тѣмъ звукъ интенсивнѣе, громче, — что́ и составляетъ *силу* звука. Итакъ, въ музыкѣ главнымъ образомъ, кромѣ *тона*, различаютъ еще *силу* звуковъ и ихъ переливы съ болѣе или менѣе то длинными, то краткими перерывами. Точно такъ же и въ нашемъ голосѣ мы различаемъ: 1) высшіе и низшіе тоны звука, смотря по мѣсту его артикуляціи (въ той или другой части голосового аппарата); 2) силу напряженія органовъ, напряженія, вызывающаго бо́льшую или меньшую протяжность тона; и 3) болѣе или менѣе то краткіе, то длительные промежутки (перерывы) между артикуляціею двухъ и болѣе членораздѣльныхъ звуковъ, льющихся непосредственно одинъ за другимъ.

Извѣстно, что́ отъ дрожанія звучащихъ тѣлъ въ одну секунду можетъ произойти громадное число, даже десятки тысячъ волнообразныхъ колебаній воздуха. Чѣмъ больше такихъ колебаній, тѣмъ выше тонъ и, наоборотъ — чѣмъ меньше, тѣмъ ниже тонъ. Если сотрясеніе воздуха столь незначительно, что́ колебаній въ 1 сек. меньше 16 двойныхъ (т. е. въ одну и другую сторону отъ звучащаго тѣла), то не слышно звука. Нашъ человѣческій голосъ самый толстый (низкій) состоитъ изъ 100 колебаній, а самый тонкій (высокій) — изъ 38.000. При бо́ль-

шемъ числѣ колебаній звуки обыкновенно не слышатся. Впрочемъ, этотъ предѣлъ не безусловно точенъ; ибо какъ воспроизведеніе пѣвцомъ, такъ и воспріятіе слухомъ столь высокихъ тоновъ зависитъ отъ музыкальныхъ дарованій, коими, какъ извѣстно, не всѣ люди надѣлены въ одинаковой степени.

§ 8. *Отзвукъ и призвукъ въ рѣчи.* Всѣ какіе бы то ни было звуки въ природѣ подчиняются общимъ неизмѣннымъ физическимъ законамъ. По этимъ же законамъ создаются и звуки нашего голоса. Всѣмъ извѣстно физическое явленіе, называемое по гречески *эхомъ*, а по-русски *отзвукомъ*. Подобное явленіе, подъ названіемъ *резонанса*, считается необходимою принадлежностью всякой музыки. Резонансъ придаетъ звукамъ особенную силу и плавную, мелодическую протяжность. Для лучшаго резонанса въ музыкальныхъ инструментахъ есть тщательно подобранныя извѣстнаго качества доски и оставляются пустоты (ящики-резонаторы). Въ музыкальныхъ орудіяхъ бываетъ только одинъ такой ящикъ. Въ нашемъ же голосовомъ аппаратѣ есть нѣсколько такихъ пустотъ, которыя тоже можно назвать резонаторами: трубка дыхательнаго горла, полости зѣва, рта и носа. Эхо вообще въ природѣ образуется тогда, когда волнообразныя звуковыя теченія сначала свободно и быстро устремляются по одному направленію, а затѣмъ на своемъ пути встрѣчаютъ преграды, напр. въ стѣнахъ корридора, въ деревьяхъ въ лѣсу, и, отражаясь объ эти преграды, по закону инерціи, принимаютъ обратное движеніе. По тѣмъ же законамъ образуется отзвукъ и отъ звуковъ нашей рѣчи. Голосовая щель, то расширяясь, то суживаясь при артикуляціи звуковъ, производитъ волнообразныя звуковыя теченія, которыя и отржаются, встрѣчая преграды въ извѣстныхъ полостяхъ нашего голосоваго аппарата (въ затворѣ нёбной занавѣски, въ прижатіи къ нёбу языка, въ смыканіи зубовъ, губъ). Вслѣдствіе этого, смотря по мѣсту артикуляціи того или другого звука, а равно большей или меньшей напряженности органовъ, нетолько составные (слоговые), но и простѣйшіе (буквенные) звуки, получая, по выраженію Гельмгольца, извѣстный *цвѣтъ* (Klangfarbe), т. е. извѣстную окраску, какъ бы развѣтвляются на побочные звуки, въ видѣ отрывочнаго *отзвука*, то длительнаго *призвука*.

§ 9. *Тонъ гласныхъ звуковъ.* Простѣйшіе звуки нашей рѣчи раздѣляются на два главныхъ отдѣла: гласные и согласные. Существенное различіе между тѣми и другими состоитъ въ томъ, что первые по преимуществу выражаютъ ясные, отчетливые тоны. Что касается же относительной громкости, а равно относительной длительности, то нельзя сказать, чтобы эти качества исключительно принадлежали или однимъ гласнымъ, или однимъ согласнымъ. Впрочемъ, говоря вообще, гласные сравнительно съ согласными по преимуществу отличаются бо́льшею длительностью, чѣмъ эти послѣдніе, хотя, какъ это будетъ видно ниже, эта длительность въ нѣкоторыхъ слововыраженіяхъ сокращается до отрывочности.

Примѣчаніе. Чтобы избѣгнуть, съ одной стороны, лишнихъ повтореній, а съ другой — двусмысленностей, надо напередъ и разъ навсегда установить ясныя понятія о близкихъ по значенью и часто повторяющихся въ настоящей книгѣ терминахъ. Термины *длительность, длительный и мгновенность*, *мгновенный* будутъ употребляться въ тѣхъ случаяхъ, когда говорится о простѣйшихъ звукахъ, термины же *протяжность*, *протяжный* и *отрывочность отрывочный* — когда рѣчь зайдетъ о слоговыхъ звукахъ. Наконецъ, термины *долгота* и *краткость* могутъ быть употребляемы безразлично.

По выразительности тона основными и самыми простыми звуками надо считать чистыя гласныя **і**, **а**, **у**; причемъ, первая выражаетъ тонъ самый высокій, а послѣдняя, наоборотъ — самый низкій, гласная же **а** — средній между ними. Остальныя же чистыя гласныя составляютъ болѣе или менѣе близкіе къ нимъ переходы: такъ, **о** выражаетъ средній тонъ между **а** и **у**, а **э** — средній между **а** и **и**. Причемъ, чѣмъ выше тонъ, тѣмъ длительнѣе звуки. Затѣмъ, въ смѣшанныхъ (двугласныхъ) тонъ надо различать смотря по тому, будутъ-ли онѣ мягкія или же твердыя: первыя болѣе приближаются къ **і**, чѣмъ вторыя, звукъ которыхъ выдѣляется больше, какъ звукъ гласныхъ **а, э, о, у**, чѣмъ какъ звукъ **і** (§ 4). Но и въ этихъ (твердыхъ) двугласныхъ тонъ всетаки выше тона простыхъ (чистыхъ) гласныхъ, хотя и ниже тона **і**. Уже и отсюда видно, что смягченіе звука есть въ то же время и повышеніе его тона; но объ этомъ будетъ еще рѣчь болѣе подробная. Далѣе, твердая гласная **ы**, по исключительной своеобразности своего звука, представляетъ укло-

неніе отъ сказаннаго правила: по мѣсту ея артикуляціи, близкому, съ одной стороны, къ **у** (а также къ **в**) она выражаетъ какъ бы средній тонъ между этими гласными; но, по особенной напряженности органовъ при ея артикуляціи, издаетъ звукъ самый длительный между всѣми простѣйшими звуками. Наконецъ, полугласный **й** есть звукъ самый краткій.

§ 10. *Качество гласнаго звука (тонъ) и его длительность (количество).*

Въ предыдущемъ § сказано, что высшіе тоны въ то же время и болѣе длительные звуки, чѣмъ звуки низшихъ тоновъ; такъ, звукъ **і** самый высокій по тону въ то же время и самый длительный между всѣми гласными (за исключеніемъ ы). Это явленіе обусловливается мѣстоположеніемъ и способомъ артикуляціи. Всѣ гласныя артикулируются по преимуществу въ области гортани. Однако **и** звучитъ длительнѣе, чѣмъ **а**, а эта послѣдняя — длительнѣе, чѣмъ **у** и т. д. потому, что при артикуляціи **и** голосовая щель суживается въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ при артикуляціи **а**: и вообще, чѣмъ у́же проходъ въ голосовой щели, тѣмъ выше тонъ и чѣмъ сильнѣе смыканіе мышцъ голосовыхъ органовъ, тѣмъ сильнѣе и ихъ напряженіе или, что́ все равно, тѣмъ медленнѣе идетъ артикуляція. Понятно, что чѣмъ больше суживается голосовая щель, тѣмъ больше сгущается (уплотняется) воздухъ въ гортани; а по этой причинѣ и дрожаніе голосовыхъ связокъ или, что́ все равно, и число колебаній въ секунду воздушныхъ волнъ должно быть больше при артикуляціи **и**, чѣмъ при артикуляціи **а**. И, наоборотъ, при артикуляціи **у**, суженіе того же органа меньшее, и вслѣдствіе того, число колебаній меньшее, чѣмъ при артикуляціи **о**; а по этому и тонъ **у** ниже тона **о**. На этомъ основаніи по высотѣ тона чистыя гласныя размѣщаются въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ: **и, э, а, о, у**. Двугласныя же болѣе или менѣе приближаются или къ **и** или же къ остальнымъ чистымъ гласнымъ. Но если тонъ звука зависитъ отъ числа извѣстныхъ уже намъ колебаній, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что эти колебанія должны совершаться каждый разъ непремѣнно въ извѣстное число мгновеній, требующихся для проартикулированія звука одного и того же тона. Такъ, напр. гл. **а**, въ то время, когда означаетъ противоположеніе между двумя мыслями (какъ союзъ) произносит-

ся гораздо тише и короче, чѣмъ тогда, когда она выражаетъ душевныя волненія (какъ междометіе съ восклицаніемъ). Нѣчто подобное можно сказать и о другихъ звукахъ: такъ, звукъ **и** въ роли союза гораздо менѣе длителенъ, чѣмъ въ роли междометія. Слѣдовательно, на вышесказанное заключеніе, что высшій тонъ есть въ то же время и болѣе длительный звукъ чѣмъ звукъ низшаго тона, надо смотрѣть какъ на положеніе условное о такомъ явленіи, которое невсегда зависитъ лишь отъ мѣстоположенія органовъ артикуляціи, но можетъ также обусловливаться и извѣстнымъ психическимъ настроеніемъ при артикуляціи звука одного и того же тона. Такъ, союзъ **и** можетъ быть произнесенъ въ промежутокъ меньшій чѣмъ полсекунды, артикулируясь же какъ междометіе, потребуетъ времени не менѣе полсекунды. Такое приблизительное отношеніе надо признать и для относительной длительности звука **а** въ томъ и другомъ вышеобъясненномъ значеніи. Отсюда слѣдуетъ, что долгота звука есть понятіе условное, количественное, тогда-какъ тонъ есть понятіе точно опредѣленное, какъ качество звука. Если мы станемъ сравнивать долготу звука высшаго тона (и) съ долготою звука низшаго тона (а) при одинаковыхъ условіяхъ напряженія органовъ для проартикулированія того и другого звука, то, конечно, первый изъ нихъ выйдетъ длительнѣе, чѣмъ второй. Но если, наоборотъ, сказанныя условія будутъ не одинаковы: такъ, напр., если сравнимъ звукъ **и** въ роли союза со звукомъ **а** въ роли междометія, то еще нельзя безусловно сказать, который изъ нихъ будетъ болѣе длителенъ: ибо при спокойномъ, тихомъ произношеніи звукъ союза **и** можетъ выйти равнымъ звуку **а** и даже короче его въ то время, когда онъ въ роли междометія будетъ артикулироваться съ особенно сильнымъ напряженіемъ. Итакъ, долгота звука сопзмѣряется нетолько его *качествомъ* (тономъ), но и извѣстнымъ напряженіемъ органовъ, *количествомъ*, т. е. извѣстнымъ временемъ, требующимся для его проартикулированія.

§ 11. *Различіе между гласными и согласными звуками.* Природа, вообще, не любитъ скачковъ: явленія чередуются, замѣняясь одно другимъ въ непрерывной послѣдовательности, такъ-что нѣтъ строго опредѣленной границы напр. между растеніями и животными. Точно такъ же и различіе между глас-

ными и согласными не представляетъ рѣзкаго перехода, а проявляется такимъ образомъ, что общія свойства для тѣхъ и другихъ звуковъ, при ихъ развитіи, не изчезаютъ сразу во всей своей совокупности, а размѣниваются по частямъ, постепенно, то болѣе или менѣе сближаясь, то болѣе или менѣе удаляясь въ своемъ тожествѣ. При всемъ томъ, однако, въ гласныхъ замѣтно выдѣляются такіе признаки, которые свойственны имъ однимъ и которые представляютъ ихъ существенное отличіе отъ согласныхъ. Это различіе заключается въ томъ, что, хотя и согласныя сами по себѣ могутъ выражать отдѣльныя слова, напр. **къ**, **въ**, **гм**, **тс**, **шш**... (въ роли предлоговъ и междометій), точно такъ-же какъ и гласныя (тоже въ роли предлоговъ и междометій), напр. **а**, **и**, **о**, **у**, **э**; но это явленіе относится лишь къ частнымъ, сравнительно немногимъ, случаямъ (лишь въ односложныхъ словахъ), тогда-какъ гласныя съ неизмѣннымъ постоянствомъ служатъ основами для всякаго вообще членораздѣльнаго звука во всевозможныхъ слововыраженіяхъ, всегда составляя слоги какъ сами по себѣ, такъ и въ сочетаніяхъ съ согласными. Эти же послѣднія сами по себѣ, за исключеніемъ показанныхъ случаевъ, никогда не составляютъ слога. Поэтому классификація простѣйшихъ звуковъ на гласные и согласные, хотя и основывается на внѣшнихъ признакахъ, тѣмъ не менѣе представляетъ практическія удобства при изученіи языка. Но есть еще и другіе — уже внутренніе (физіологич. и физическіе) — признаки, по коимъ разница между гласными и согласными, хотя и нестоль замѣтна, тѣмъ не менѣе можетъ быть обнаружена при разсмотрѣніи органовъ для артикуляціи тѣхъ и другихъ звуковъ.

Всѣ гласные звуки артикулируются, хотя и при различномъ укладѣ губъ, но всетаки при болѣе или менѣе раскрытомъ ртѣ, такъ-что приливъ и отливъ воздуха остается свободнымъ. При этомъ, чѣмъ болѣе губы выдвигаются впередъ, образуя болѣе или менѣе округлый растворъ, тѣмъ ниже тонъ (**о**, **у**) и, наоборотъ, чѣмъ онѣ больше растягиваются въ ширь, тѣмъ выше тонъ (**а**, **э**, **и**). При артикуляціи же согласныхъ растворъ между губами меньше, болѣе или менѣе разнствуя отъ раствора при артикуляціи гласныхъ. При чемъ, нѣкоторые согласные, и именно **б**, **м**, **п**, артикулируются неиначе,

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Н. Б. РСФСР
№ .....
..... 193 г.

какъ при плотномъ смыканіи губъ, безъ всякаго раствора, хотя собственно звукъ слышится только вмигъ раскрытія рта: поэтому сказанные звуки — самые краткіе между всѣми остальными. Затѣмъ, при артикуляціи в, ф губы тоже смыкаются; но оставляется узкая щель, чрезъ которую точно процѣживается воздухъ: вслѣдствіе чего эти звуки выходятъ длительными. По органамъ же артикуляціи помянутые звуки называются губными. Мѣсто органовъ, артикулирующихъ эти звуки, по отношенію къ мѣстоположенію органовъ для гласныхъ представляютъ два крайнихъ и противоположныхъ пункта: оттого-то сказанныя согласныя менѣе всего способны издавать такіе звуки, которые можно бы считать настоящими тонами. Напротивъ, гортанныя г (латинское h) и х, какъ по мѣсту артикуляціи, такъ и по звуку болѣе всѣхъ другихъ согласныхъ приближаются къ гласнымъ (преимущественно къ а). Далѣе, по тѣмъ же причинамъ ближайшими къ этимъ двумъ согласнымъ надо считать нёбныя г (какъ лат. g) и к. Затѣмъ, среднее мѣсто между гласными и перечисленными согласными занимаютъ: з, с, д, т, ц, ж, ч, ш, щ, артикулируясь преимущественно помощью языка, нёба и зубовъ. Изъ этихъ согласныхъ четыре послѣднихъ издаютъ звуки очень длительные и напоминаютъ шипѣніе (а не опредѣленные тоны) и поэтому называются шипящими. Далѣе, между всѣми согласными выдѣляются своими особенными признаками двѣ согласныя — л, р, которыя, по выразительности своего звука, очень близко подходятъ къ гласнымъ и которыя по своей гибкости очень свободно вяжутся почти со всѣми согласными и, поэтому, называются плавными. Наконецъ, носовыя м, н, тоже отличаются отъ всѣхъ простѣйшихъ звуковъ замѣчательною своеобразностью, а именно: 1) первая изъ нихъ, хотя артикулируется при сомкнутыхъ губахъ (и, поэтому, ее можно назвать также губною), но звукъ ея выходитъ не чрезъ растворъ рта, (какъ при б, п, в, ф), а чрезъ носовую полость; 2) вторая изъ сказанныхъ согласныхъ — н, артикулируясь при тѣсномъ растворѣ сомкнутыхъ зубовъ, звукъ издаетъ такъ-же, какъ и м, чрезъ носъ; и 3) обѣ онѣ — самые трудные звуки для произношенія безъ помощи гласной э. Въ особенности длителенъ звукъ н съ своимъ призвукомъ, приближающимся къ звуку і.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Длительность и мгновенность согласныхъ.

§ 12. *Общія понятія о длительности и мгновенности согласныхъ.* При разсмотрѣніи гласныхъ уже замѣчено, что чѣмъ болѣе суживаются растворы голосовыхъ органовъ, тѣмъ мягче (тоньше) или что́ все равно, длительнѣе выходитъ звукъ. Тому же закону слѣдуютъ и согласные звуки, хотя, впрочемъ, не съ полною послѣдовательностію, что́ мы и видѣли въ предыдущемъ параграфѣ на звукахъ **б, п**. Но и эти послѣдніе, представляя исключительное въ своемъ родѣ явленіе не совсѣмъ уклоняются отъ сказаннаго закона: ибо хотя они для своего образованія требуютъ плотнаго смыканія губъ, однако самый звукъ, такъ сказать, вырывается изо рта наружу оч. быстро (мгновенно) именно потому, что въ тотъ же мигъ дѣлается такой широкій растворъ, какого не бываетъ при артикуляціи всякаго другого звука. Вообще, на вышеобъясненномъ основаніи, согласные звуки распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

мгновенные **б, г, д, к, м, п, т**;

длительные **в, з, ж, с, ф, х, ц, г, ш, щ**. Остальные затѣмъ **л, н, р** тоже можно причислить къ длительнымъ, хотя это качество весьма измѣнчиво. Впрочемъ, и вся эта классификація, основывающаяся на внѣшней сторонѣ голосового механизма, имѣетъ точно опредѣленный смыслъ только въ томъ случаѣ, когда звуки разсматриваются сами по себѣ поровнь, т. е. помимо сочетанія ихъ въ слоги. Какъ въ музыкѣ, независимо отъ тона, а смотря по способу или сильнаго удара или легкаго прикосновенія, одна и та-же струна можетъ издавать разъ краткіе и отрывочные, а другой — долгіе и тягучіе звуки: точно такъ же и въ нашей рѣчи, какъ краткость такъ и долгота звука зависитъ нетолько отъ мѣстоположенія органовъ, но и отъ сравнительной силы ихъ напряженія, — что́ уже и объяснено наглядно при сравненіи одного и того же гласнаго звука и разъ въ роли междометія, а другой — въ роли союза (§ 10).

Подобное же явленіе встрѣчается и при артикуляціи согласныхъ. Такъ напр., одна и та же согласн. **с** издаетъ звуки разъ мгновенные, другой — длительные, смотря по тому, артикулируемъ-ли мы ее какъ предлогъ (съ) или же какъ междометіе (ссс...): очевидно, что звукъ этотъ въ первомъ случаѣ выйдетъ гораздо короче, чѣмъ во второмъ. Отсюда видно, что на измѣненіе звука по его относительной долготѣ, кромѣ вышеобъясненной (внѣшней), дѣйствуетъ еще другая — внутренняя (логическая и психическая) причина. Но есть и еще одно явленіе, постоянно повторяющееся въ языкѣ и прямо зависящее отъ строя этого послѣдняго. Въ лат., греч., а равно въ новѣйшихъ романскихъ и германскихъ языкахъ согласныя при всевозможныхъ сочетаніяхъ съ гласными почти постоянно сохраняютъ одну и ту же приблизительную долготу: ибо въ этихъ языкахъ, напр. согл. **л** всегда выговаривается мягко, другіе же согласныя, наоборотъ — твердо. Въ славянскихъ же языкахъ, а равно и въ литовскомъ какъ **л**, такъ и всѣ остальные согласные произносятся то твердо, то мягко. Поэтому въ польскомъ **л** изображается двумя буквами: *l* (мягкое) и ł (твердое; другія же согласныя въ томъ случаѣ, когда ихъ слѣдуетъ произносить мягко, обозначаютъ особымъ значкомъ въ родѣ нашего ударенія (ʹ). Въ русскомъ же языкѣ, какъ извѣстно, сказанное различіе изображается или посредствомъ знаковъ ъ, ь, или же употребленіемъ мягкой двугласной, вмѣсто твердой гласной. Такъ, напр., въ словахъ гладить и глянецъ **л** выговаривается въ первомъ твердо, а во второмъ — мягко: такое произношеніе здѣсь зависитъ отъ того, что **л** въ *гладить* стоитъ передъ твердою, а въ *глянецъ* — передъ мягкою двугласною. Но эта послѣдняя всетаки произносится какъ **а**, а не какъ **я** (ja): иначе слогъ *гля*, вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія органовъ, вышелъ бы черезчуръ протяжнымъ, а поэтому и неблагозвучнымъ. Двугласная же **я** употреблена здѣсь, вмѣсто гласной **а**, для того, чтобы смягчить звукъ **л**. По-польски эти слова пишутся такъ: gładzić и glaniec (glanz). Вообще, смягченіе какъ гласныхъ, такъ и, въ особенности, согласныхъ придаетъ длительность даже самымъ мгновеннымъ звукамъ, въ чемъ мы и убѣдимся наглядно, когда станемъ сравнивать звуки не порознь одинъ съ другимъ, а въ слоговыхъ сочетаніяхъ.

§ 13. *Зависимость сравнительной долготы согласныхъ отъ ихъ смягченія.* Вообще, звуки б, п, можно считать самыми мгновенными и, наоборотъ, ж, ч, ш, щ, х, а равно г (въ роли лат. h или русск. х) — самыми длительными, остальные же согласные — средними между этими двумя крайними предѣлами; причемъ д, т, а равно г (въ роли лат. g) болѣе другихъ среднихъ приближаются къ самымъ мгновеннымъ, а в, ф — къ самымъ длительнымъ. Но эта классификація, какъ уже и выше замѣчено, вѣрна лишь по непосредственному отношенію сравнительной долготы одного изъ этихъ звуковъ къ сравнительной долготѣ другого. Но если станемъ эти же самые звуки сравнивать въ слоговыхъ сочетаніяхъ, то окажется, что какъ ихъ долгота, такъ и краткость весьма измѣнчивы. Такъ, въ словахъ *варъ* и *даръ* вовсе нельзя различить ни относительной длительности в, ни относительной мгновенности д; ибо звукъ ихъ теряетъ свою интенсивность, безразлично (нераздѣльно) сливаясь съ другими звуками въ одно слоговое цѣлое. Такъ, мы не можемъ безусловно сказать, что, напр. в длительнѣе т: напротивъ, мы явственно слышимъ, что, напр. въ словѣ *водить* в короче т въ словѣ *честь*. Затѣмъ, то же т въ словахъ, напр., *говоритъ*, *молитъ*, *даритъ* и т. п. короче, чѣмъ въ словахъ говорить, молить, дарить и т. п. Подобнымъ образомъ одинъ и тотъ же слогъ (даже безъ ударенія) — *хар* въ словахъ *са́харъ* и *па́харь* разъ слышится долгимъ (въ пахарь) а другой — сравнительно менѣе протяжнымъ (въ сахаръ): очевидно, что эта разница прямо зависитъ отъ того, мягко-ли, или же твердо произносятъ согласную р. Вотъ примѣры, гдѣ, кромѣ показанныхъ, еще и другія согласныя получаютъ звуки, то болѣе, то менѣе протяжные, смотря по ихъ произношенію: рабъ и рябь, островъ и любовь, кладъ и кладь, мазъ и мазь, мѣлъ и мель, гранъ и грань, цѣпъ и цѣпь, жаръ и жарь, вѣсъ и весь, молчатъ и молчать, тифъ и верфь, печка и печь, плащъ и мощь. Въ этомъ спискѣ приводятся примѣры на бо́льшую часть согласныхъ какъ съ твердымъ, такъ и мягкимъ произношеніемъ. Но надо замѣтить, что не всѣ согласные одинаково способны смягчаться. Нѣкоторые же изъ нихъ — г, к, х, ц — и вовсе не смягчаются; поэтому на эти согласныя не приведено ни одного

примѣра. Другіе же болѣе или менѣе рѣдко смягчаются; къ таковымъ относятся: губные **б, п** и, въ особенности, звукъ **м**, который слышится мягкимъ чуть-ли не въ одномъ словѣ **озимь**. И, наоборотъ, **л, н, р, с, ч, щ** и, въ особенности, **т** отличаются по преимуществу предъ всѣми согласными выдающимся свойствомъ смягчаться. Это свойство находится въ прямой зависимости отъ особенной способности сказанныхъ согласныхъ издавать звукъ близкій къ звуку **і**, который и здѣсь точно такъ же, какъ и передъ твердыми гласными, придаетъ звукамъ извѣстное протяженіе. А эта способность въ свою очередь зависитъ отъ того, что помянутые звуки артикулируются при тѣсномъ (узкомъ) растворѣ органовъ. Напротивъ, **г, к, м, х, б, п** артикулируются при болѣе широкомъ растворѣ и, поэтому, менѣе всего способны приближаться къ звуку **і**. Чтобы еще нагляднѣе видѣть значеніе нашихъ знаковъ **ъ, ь** сопоставимъ для сравненія два однозвучныхъ слова: предлогъ *обз* и названіе рѣки *Обь*. Если мы проартикулируемъ каждый изъ этихъ звуковъ съ одинаковымъ напряженіемъ органовъ, т. е. одинаково громко и отчетливо, то замѣтимъ, что въ *обз* слышится оч. мгновенный звукъ **б**, который, именно вслѣдствіе особенной мгновенности, по закону инерціи, издаетъ отрывочный (краткій) отзвукъ; отзвукъ этотъ приближается къ звуку твердой гл. **э**. Въ словѣ же **Обь**, напротивъ, слышится очень протяжный звукъ съ длительнымъ призвукомъ, который напоминаетъ звукъ **і**. Отсюда выходитъ заключеніе, что наше современное **ь**, *смягчая* согласныя, придаетъ имъ длительность, приближающую ихъ къ звуку **і**. Но есть въ русскомъ языкѣ двѣ согласныя и именно **ж, ш**, которыя, будучи очень длительны и постоянно произносясь мягко съ призвукомъ **и**, однако во многихъ формахъ, и преимущественно въ глаголахъ пишутся по-старинному въ окончаніи съ **ь**, напр. ложь, дашь, ѣшь, рѣжь, молчишь: въ этомъ случаѣ наше **ь** теряетъ свое значеніе; ибо въ такихъ формахъ благозвучіе безусловно не допускаетъ смягченія сказанныхъ согласныхъ, иначе онѣ вышли бы уже черезчуръ протяжными.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Перерывы между слоговыми звуками.

§ 14. *Артикуляція одиночныхъ простѣйшихъ звуковъ.* Артикуляція какихъ бы то ни было звуковъ болѣе или менѣе утомляетъ голосовые органы, въ особенности, при всякой значительной напряженности этихъ послѣднихъ. Но и при сравнительно меньшемъ и въ то же время болѣе продолжительномъ напряженіи артикуляція того или другого звука можетъ привести къ одному и тому же результату — къ одинаковому въ обоихъ случаяхъ утомленію органовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сдѣлаемъ слѣдующіе опыты на артикуляціи, положимъ, мгновеннаго **б** и длительнаго **ж**. Станемъ сперва артикулировать **ж** 20 разъ сподрядъ, дѣлая лишь такіе перерывы, какихъ достаточно для того, чтобы ясно различать слухомъ каждый отдѣльный звукъ, т. е., артикулируя не жжж..., а ж, ж, ж... Такая артикуляція займетъ времени около 10 секундъ. Затѣмъ, проартикулируемъ подобнымъ же образомъ **б**. При такихъ условіяхъ, повидимому, этотъ звукъ въ тѣ же 10 сек. долженъ бы быть проартикулированъ болѣе 20 разъ. Но на дѣлѣ оказывается: 1) что и звукъ **б** проартикулируется столько же разъ, сколько и звукъ **ж**; 2) оба звука для человѣка, необладающаго очень сильною грудью, въ 10 сек. одинаково трудно проартикулировать болѣе 20 разъ, не дѣлая перерывовъ продолжительнѣе тѣхъ, какіе обыкновенно дѣлаются между отдѣльными словами, отдѣляемыми одно отъ другого лишь запятою. Какъ ни страннымъ на первый взглядъ можетъ показаться это явленіе; но оно объясняется очень просто общими естественными законами.

§ 15. *Физико-механическій законъ.* Чтобы наглядно уяснить показанное въ предыдущемъ параграфѣ явленіе, возьмемъ примѣръ подобнаго и, притомъ, общеизвѣстнаго явленія изъ области физико-механической. Положимъ, паровозъ доставляетъ извѣстную тяжесть до мѣста назначенія чрезъ 10 часовъ; при чемъ на пути слѣдованія онъ встрѣчаетъ 20 станцій и на каждой изъ нихъ дѣлаетъ болѣе

или менѣе продолжительныя остановки, теряя на это 2 часа. Теперь предположимъ, что этотъ же паровозъ станетъ дѣлать остановки вдвое больше и, слѣдовательно, на нихъ употребитъ всего времени не 2, а 4 часа: вслѣдствіе этого онъ дойдетъ до мѣста своего назначенія двумя часами позже. Но, чтобы не опаздывать, паровозъ можетъ увеличить силу тяги соразмѣрно теряемымъ двумъ лишнимъ часамъ: въ такомъ случаѣ, какъ само собою разумѣется, онъ выполнитъ свою работу точно такъ же, какъ и при меньшихъ остановкахъ, тоже въ 10 час. Эта истина, какъ математическая аксіома, вполнѣ примѣнима и къ работѣ нашихъ голосовыхъ органовъ, съ тою лишь разницею, что паровозъ дѣлаетъ остановки произвольныя и не такъ частыя, какъ это бываетъ съ артикуляціею звуковъ. Здѣсь безусловно необходимо, чтобы перерывы между артикуляціею звуковъ перваго, второго, третьяго и т. д. происходили если не чрезъ извѣстную лишь часть секунды, то во всякомъ случаѣ непремѣнно чрезъ нѣсколько секундъ: иначе, мы станемъ задыхаться, не дѣлая слишкомъ долго передышки. Но это нисколько не измѣняетъ сути нашего заключенія, что отъ извѣстной работы можетъ быть достигнутъ одинъ и тотъ же результатъ двумя различными средствами: или помощью меньшаго напряженія силы при большей затратѣ времени, или, наоборотъ — помощью бо́льшаго напря́женія силы при меньшей затратѣ времени. Если проартикулировавъ тотъ или другой звукъ (или **б** или **ж**) только одинъ разъ, мы, затѣмъ, остановимся, не продолжая дольше этой работы, то безъ сомнѣнія звукъ **б** выйдетъ гораздо короче звука **ж**. Но если сказанную артикуляцію станемъ продолжать подобнымъ же образомъ, какъ это выше показано (§ 14): то въ такомъ случаѣ произойдетъ то же, что́ и въ работѣ паровоза, дѣйствующаго разъ съ меньшею силою тяги и меньшими остановками, а другой — наоборотъ — съ большею силою тяги и большими остановками. И въ самомъ дѣлѣ, хотя, по извѣстнымъ намъ причинамъ, самый звукъ **б**, какъ конкретное явленіе, ощущаемое слухомъ, гораздо мгновеннѣе звука **ж**, но процессъ его артикуляціи идетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ тотъ же процессъ для **ж**: когда послѣ произнесенія **б** въ первый разъ мы начнемъ его повторять въ другой, третій разъ и т. д.,

то переходъ артикуляціи отъ перваго звука ко второму, третьему и т. д. становится весьма затруднительнымъ. Ибо для образованія звука **б** губы должны сперва плотно сомкнуться, а затѣмъ быстро разомкнуться; а потому, чтобы его вторично произнести необходимъ болѣе длительный перерывъ, чѣмъ при повторенной артикуляціи звука **ж**, для образованія котораго вовсе не требуется двухъ діаметрально-противоположныхъ дѣйствій — сжиманій и разжиманій подлежащихъ органовъ. Въ этомъ ясно можно убѣдиться, сдѣлавъ слѣдующій опытъ. Станемъ какъ **б**, такъ и **ж** повторять, артикулируя возможно быстрѣе и стараясь не дѣлать ни малѣйшихъ перерывовъ. Оказывается, что звукъ **ж** можно протянуть много разъ безъ малѣйшей запинки; напротивъ, звукъ **б** невозможно повторить даже два раза, не оставляя никакого промежутка между первымъ и вторымъ звуками. И вотъ какимъ образомъ происходитъ такое явленіе, что при повторяющейся въ одинаковое число разъ артикуляціи какъ мгновеннаго **б**, такъ и длительнаго **ж** потребляется одинаковое количество времени. Реальность этого факта можетъ быть доказана съ математическою точностію посредствомъ слѣдующихъ уравненій. Приблизительно можно принять, что на длительность **б**, какъ конкретнаго звука, потребляется около 0,1 сек., на такую же длительность звука **ж** около 0,2, а на промежутки при переходѣ отъ артикуляціи перваго звука ко второму, третьему и т. д. потребляется — для **б** 0,4, для **ж** 0,3 сек. А потому $б = 0{,}1 + 0{,}4 = 1/2$ сек.,

$ж = 0{,}2 + 0{,}3 = 1/2$ »

Отсюда $б = ж$. Это значитъ, что для проартикулированія какъ **б**, такъ и **ж** 20 разъ потребляется одинаковое количество времени — 10 сек., не смотря на разницу въ относительной длительности этихъ звуковъ.

§ 16. *Артикуляція составныхъ (слоговыхъ) звуковъ.* Сдѣлаемъ еще одинъ опытъ. Станемъ артикулировать **б**, **ж**, присоединяя къ нимъ гласную, т. е. въ слоговыхъ сочетаніяхъ, положимъ, **ба**, **жа** и, притомъ, артикулировать съ такими же краткими перерывами, какіе мы дѣлали при артикуляціи одиночныхъ звуковъ (§ 15). Повидимому, на проартикулированіе какъ **ба**, такъ и **жа** 20 разъ потребуется больше времени, чѣмъ на проартикулированіе столь-

же разъ **б**, **ж**: ибо въ прежнемъ опытѣ мы артикулировали 20, а теперь артикулируемъ 40 звуковъ. Но опытъ показываетъ, что разницы не будетъ: въ 10 сек. мы проартикулируемъ **ба** и **жа** по 20-ти разъ, точно такъ-же, какъ и **б**, **ж**. Это объясняется слѣдующими причинами. Когда мы артикулировали одно **б** 20 разъ, то за каждымъ произнесеніемъ этого звука дѣлали слишкомъ длинные перерывы; теперь же, хотя тоже дѣлаемъ 20 перерывовъ, но эти послѣдніе гораздо короче: ибо мгновенность **б**, при слитіи въ одинъ нераздѣльный звукъ съ **а**, становится столь быстрою, что мы уже не отличаемъ слухомъ **б**, какъ отдѣльный звукъ; въ свою очередь, по закону инерціи, длительность **а** сокращается отъ сказанной мгновенности. Притомъ, надо еще принять во вниманіе, что въ прежнемъ опытѣ переходъ артикуляціи отъ одного **б** къ другому, какъ намъ уже извѣстно, былъ оч. затруднителенъ и поэтому вызывалъ передышку болѣе протяжную, чѣмъ теперь, т. е. въ то время, когда этотъ переходъ совершается уже при другихъ условіяхъ — не отъ самаго труднаго звука **б** къ такому же трудному **б**, а отъ самаго легкаго (а) къ сказанному **б**. Какъ прибавка гл. **а** къ согл. **б** не увеличиваетъ продолжительности времени, требующейся на проартикулированіе 20 разъ одиночнаго звука **б**, точно такъ-же и повтореніе 20 разъ артикуляціи звука **жа** не требуетъ больше времени, чѣмъ на такую же повторяющуюся артикуляцію одиночнаго звука **ж**, хотя то и другое явленіе происходитъ не по однимъ и тѣмъ же причинамъ. При артикуляціи **ба**, **ба**, **ба**... сокращаются перерывы сравнительно съ перерывами артикуляціи **б**, **б**, **б**... При артикуляціи же **жа**, **жа**, **жа**... сокращаются не эти перерывы, а очень длительное произношеніе согл. **ж**; ибо въ этомъ случаѣ часть этой длительности падаетъ на болѣе краткій звукъ **а** и, хотя согл. **ж** удлиняетъ нѣсколько звукъ **а**, но въ то же время она сама на столько же и сокращается отъ слитнаго произношенія съ этимъ звукомъ: а потому 20 **ж** = 20 **жа**. Конечно, это равенство, какъ основанное лишь на приблизительно тождественныхъ данныхъ, не отличается полною математическою точностію. Но тѣмъ не менѣе изъ всего изложеннаго въ настоящей главѣ можно безошибочно вывести ниже слѣдующее общее заключеніе.

Длительныя согласныя, находясь въ слоговомъ сочетаніи передъ гласными, теряютъ свою интенсивность, становясь болѣе или менѣе мгновенными и въ то же время придавая краткимъ гласнымъ извѣстную протяжность; и, наоборотъ, мгновенныя согласныя передъ гласными нетолько не уменьшаютъ своей краткости, но становятся еще болѣе стремительными и въ то-же время болѣе или менѣе сокращаютъ длительность гласныхъ. Эти явленія представляютъ тотъ общій законъ въ нашей рѣчи, по которому она стремится, по возможности, поддержать равновѣсіе между оч. мгновенными и оч. длительными простѣйшими звуками, болѣе или менѣе выравнивая относительную долготу одного слога къ таковой же долготѣ другого.

§17. *Перерывы между слогами, составляющими цѣлое слово.* Въ §§ 14 и 16 показано, что при артикуляціи какъ простѣйшихъ, такъ и слоговыхъ звуковъ, если они повторяются сподрядъ нѣсколько разъ, то за каждымъ отдѣльнымъ произнесеніемъ сказанныхъ звуковъ, слѣдуетъ перерывъ (передышка). Это явленіе составляетъ общій и безусловно повторяющійся законъ во всей нашей рѣчи и во всякомъ языкѣ. Когда мы говоримъ или читаемъ вслухъ, т. е., вообще удовлетворяемъ нашимъ духовнымъ потребностямъ, работая голосовыми органами, то эта функція — функція *психическая* — естественно должна болѣе или менѣе стѣснять и затруднять отправленіе *безостановочно* совершающейся другой (еще болѣе важной и болѣе необходимой для поддержанія нашей жизни) функціи — функціи *физіологической*. И, поэтому, чтобы при сказанной работѣ облегчить процессъ дыханія, мы часто дѣлаемъ передышки. Какъ бы торопливо и бѣгло мы ни говорили, или читали, мы непремѣнно дѣлаемъ извѣстные перерывы (передышки) нетолько послѣ произнесенія каждаго отдѣльнаго слова, но и послѣ артикуляціи каждаго членораздѣльнаго (слогового) звука. Хотя перерывы эти по своей крайней краткости, невездѣ уловимы для слуха, тѣмъ не менѣе они существуютъ несомнѣнно: иначе, наша рѣчь потеряла бы свою

ясность и выразительность. Сказанные перерывы бываютъ неодинаковы: они могутъ быть болѣе или менѣе протяжные и сравнительно болѣе или менѣе короткіе. Но во всякомъ случаѣ, если слово состоитъ изъ двухъ или болѣе слоговъ, одинъ изъ нихъ произносится съ болѣе замѣтнымъ (т. е. болѣе протяжнымъ) перерывомъ, чѣмъ всѣ остальные. Возьмемъ для примѣра слова: *табу́нъ*, *струна́*, *вода́*, *дрожу́*: здѣсь перерывы между первыми и вторыми слогами очень кратки, едва замѣтны; зато вторые (послѣдніе) слоги произносятся громче, чѣмъ первые. Сопоставимъ, затѣмъ, съ приведенными примѣрами слѣдующія слова: *та́бель*, *стру́нный*, *во́дный*, *дро́жди*. Здѣсь, наоборотъ, сказанные перерывы явственно замѣтны и, при томъ, первые слоги выходятъ гораздо протяжнѣе первыхъ же слоговъ въ выше приведенныхъ примѣрахъ, хотя эти слоги какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ примѣрахъ состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же звуковъ. Можно бы привести великое множество подобныхъ примѣровъ, изъ коихъ видно, что тѣ слоги, послѣ которыхъ слѣдуетъ болѣе протяжный сравнительно перерывъ, носятъ на себѣ удареніе. Отсюда можно заключить, что сравнительно бо́льшая протяжность слоговыхъ перерывовъ, перерывовъ, постоянно и неизмѣнно повторяющихся во всей рѣчи, находится въ прямой зависимости отъ ударенія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Общія понятія объ удареніи.

§ 18. *Удареніе, какъ физіологическая функція.* Выведенное въ послѣднемъ (17) параграфѣ заключеніе показываетъ: 1) что въ каждомъ словѣ одинъ слогъ произносится протяжнѣе сравнительно съ остальными слогами; и 2) что это явленіе находится въ связи съ удареніемъ. Чтобы наглядно увидѣть причину этой связи, сдѣлаемъ слѣдующіе опыты. Попытаемся произнести какое-нибудь слово, намѣренно не дѣлая на немъ никакого ударенія, положимъ, *словесность*. Ока-

зывается, что, стараясь достигнуть этой цѣли, мы не можемъ произнести это слово иначе, какъ артикулируя очень быстро два первыхъ слога и дѣлая лишнее протяженіе на послѣднемъ слогѣ, т. е. мы дѣлаемъ удареніе на этомъ слогѣ помимо нашей воли, произнося: словесно́сть. Затѣмъ, попробуемъ, наоборотъ, произнести то же слово, стараясь дѣлать удареніе на каждомъ изъ трехъ слоговъ: сло́ве́сно́сть. Мы ясно замѣчаемъ, что, при такомъ произношеніи, это слово становится слишкомъ протяжнымъ, какъ будто мы выговариваемъ отчетливо три отдѣльныхъ слова, вмѣсто одного. Значитъ, если мы на одномъ словѣ дѣлаемъ два или нѣсколько ударе́ній, вмѣсто одного, то въ то же время дѣлаемъ два или нѣсколько такихъ продолжительныхъ перерывовъ, которые оказываются совершенно лишними. Далѣе, сдѣлаемъ еще одинъ опытъ: станемъ произносить слово *словесность*, дѣлая удареніе попеременно то на первомъ, то на второмъ, то на третьемъ слогѣ. При произнесеніи *сло́весность* мы явственно чувствуемъ, что первый слогъ выходитъ слишкомъ протяжнымъ, а вторые два — несоразмѣрно быстрыми. И, наоборотъ, при произнесеніи *словесно́сть* слышится излишняя протяжность послѣдняго слога сравнительно съ быстротою двухъ первыхъ. Напротивъ, при произнесеніи *слове́сность* устраняется сказанная неравномѣрность между слоговыми частями слова. Возьмемъ, наконецъ, еще какія-либо слова съ другимъ удареніемъ, т. е. съ удареніемъ не на второмъ, а на первомъ и послѣднемъ слогахъ, положимъ, *пи́сьменность* и *дре́вако́сть*. Если и съ этими словами мы продѣлаемъ такіе же опыты, какъ и съ вышесказаннымъ, то придемъ къ тому убѣжденію, что и здѣсь удареніе, падая разъ (въ *пи́сьменность*) на первый слогъ, а другой (въ *древако́сть*) — на послѣдній, гармонически уравновѣшиваетъ неодинаковую долготу слоговыхъ звуковъ. До какой степени удареніе измѣняетъ слоговую протяжность, это нагляднѣе всего видно изъ сравненія между собою вышеприведенныхъ трехъ словъ при произношеніи ихъ съ удареніемъ на конечномъ слогѣ: всякій, даже необладающій особенно тонкимъ слухомъ, при отчетливой и неторопливой артикуляціи, явственно можетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ въ *словесно́сть* и *письменно́сть* окончаніе *ность* артикулируется до того протяжно, что кажется, будто

оно состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ слоговыхъ частей—*посс-ть*; причёмъ, призвукъ *сс* принимаетъ оттѣнокъ совсѣмъ излишняго присвиста, — чего вовсе не слышится при произношеніи слова *древокость* съ ударѐніемъ на окончаніи же, хотя и въ этомъ послѣднемъ повторяются тѣ-же звуки — *ость*. Изъ этихъ опытовъ мы видимъ: 1) что вслѣдствіе физіологическихъ требованій, въ каждомъ словѣ дѣлается передышка, перерывающая на мгновеніе артикуляцію льющихся въ рѣчи одинъ за другимъ звуковъ; 2) что тотъ слогъ, за которымъ слѣдуетъ передышка и который служитъ точкою опоры голоса, по закону инерціи, получаетъ болѣе протяжное произношеніе чѣмъ остальные слоги, составляющіе вмѣстѣ съ нимъ одно слово. Это протяженіе голоса и составляетъ во всѣхъ языкахъ акцентъ, акцентъ получившій у насъ русскихъ особое, весьма мѣткое названіе — *удареніе*. Такъ какъ длительность звука и высота его тона обыкновенно совпадаютъ между собою, какъ нѣчто тождественное (§§ 10 — 12), то дѣйствительно удареніе есть не только *протяженіе*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *повышеніе* голоса, повышеніе, происходящее отъ особенно сильнаго напряженія органовъ артикуляціи, точно такъ-же, какъ и всякій *громкій* звукъ въ природѣ происходитъ отъ особенно *сильнаго удара*, толчка и, вообще, сотрясенія звучащихъ тѣлъ.

§ 19. *Удареніе какъ психическая функція.* Физіологическія и психическія отправленія находятся въ тѣсной между собою связи и дѣйствуютъ не иначе, какъ во взаимномъ согласіи, нетолько не мѣшая, но и помогая другъ другу. И, дѣйствительно, если съ физіологической точки зрѣнія выше объясненные перерывы имѣютъ своимъ назначеніемъ, такъ сказать, переводитъ духъ: то и съ точки зрѣнія психологической эти перерывы нетолько нелишни, но и весьма цѣлесообразны; ибо они придаютъ нашей рѣчи ясность, выразительность и плавность. Какъ мы видѣли выше на приведенныхъ опытахъ (§ 18), удареніе не падаетъ какъ-нибудь безразлично на всякій, а выбираетъ именно такой слогъ, при подъемѣ голоса, на которомъ, его долгота становится равномѣрною сравнительно съ остальными слогами, входящими въ составъ одного и того же слова. Удареніе въ нашей рѣчи, въ сущности, играетъ ту же роль, что̀ тактъ въ музыкѣ.

Тактъ, регулируя какъ относительную быстроту, такъ равно и длительность извѣстнаго ряда звуковъ посредствомъ равномѣрныхъ между ними перерывовъ, въ то же время вноситъ гармонію между отдѣльными частями пьесы. Точно такъ же и удареніе, придавая равномѣрную протяжность извѣстному слоговому звуку, уравниваетъ относительную долготу всѣхъ слоговъ, составляющихъ цѣлое слово. Такимъ образомъ мы видимъ, что удареніе, выполняя физіологическую функцію, въ то же время безпрепятственно служитъ и эстетическимъ цѣлямъ языка, привзнося въ него извѣстную выразительность, соразмѣрность въ относительной долготѣ слоговыхъ звуковъ и разнообразіе этихъ послѣднихъ. Вообще, наше удареніе, отличаясь необыкновенною гибкостью (подвижностью), привзноситъ въ языкъ то особенное *благозвучіе*, которое само по себѣ, помимо морфологической фонетики, придаетъ нашимъ слововыраженіямъ спеціальную (просодическую) окраску. Причемъ, эта послѣдняя нерѣдко играетъ столь важную роль въ семазіологическомъ (логическомъ) отношеніи, что лишь помощью ея различаются два разныхъ значенія одной и той же какъ этимологической формы, напр. за́мокъ и замо́къ, му́ка и мука́, пу́стыня и пусты́ня такъ равно и грамматической формы, напр. профе́ссора и профессора́, воды́ и во́ды, окна́ и о́кна.

§ 20. *Причины различной протяжности ударяемыхъ слоговъ.* Протяжность ударяемыхъ слоговъ, по своей большей или меньшей интенсивности, бываетъ различна и ее невозможно подвести подъ строго опредѣленную акустическую норму. Тѣмъ не менѣе, однако, необыкновенная чуткость слуха, коею отличается русскій народъ, различаетъ двѣ противоположныя крайности въ долготѣ словесныхъ членораздѣльныхъ звуковъ. Эта долгота бываетъ: или 1) чрезмѣрно протяжная (нерѣдко съ лишнимъ призвукомъ), или 2), наоборотъ, отрывочно краткая (нерѣдко съ сильнымъ отзвукомъ), или 3) нормальная, т. е. умѣренно (плавно) протяжная. Та или другая изъ сказанныхъ долгота находится въ прямой зависимости отъ бо́льшаго или меньшаго напряженія органовъ артикуляціи. Сказа́нное же напряженіе въ свою очередь главнымъ образомъ обусловливается слѣдующими причинами: 1) психическимъ настроеніемъ (расположеніемъ духа)

говорящаго; 2) извѣстными слоговыми сочетаніями согласныхъ съ гласными (безконечно разнообразными звуковыми комплектами); 3) составомъ (по числу слоговъ), т. е. длинотою даннаго слога и 4) не только относительною длительностью или относительною мгновенностью ударяемой гласной, но еще и извѣстнымъ характеромъ той согласной, которая служитъ связующимъ звеномъ между двумя смежными слогами, и именно между ударяемымъ и слѣдующимъ за нимъ слогами.

Отсюда видно, что опредѣленіе той плавной (нормальной) протяжности ударяемаго слога, которая составляетъ главное условіе благозвучія нашего языка, представляетъ чрезвычайно сложный предметъ. Но, не смотря какъ на безконечное разнообразіе звуковыхъ комплексовъ, такъ и на необыкновенное богатство лексическаго состава, а равно и этимологическихъ и грамматическихъ формъ русскаго языка, сказанная задача значительно упрощается однимъ факторомъ, неизмѣнно повторяющимся во всей нашей рѣчи съ замѣчательною послѣдовательностію. Факторъ этотъ состоитъ въ томъ, что къ ударяемой гласной всегда и безусловно присоединяются нетолько предыдущія, но и послѣдующія, смежныя съ нею, согласныя. Эти послѣднія и служатъ коррективомъ, помощью котораго мы можемъ провѣрить слухомъ, на сколько удареніе выполняетъ или же не выполняетъ свое назначеніе, не противорѣча требованіямъ благозвучія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Роль согласныхъ въ просодіи.

§ 21. *Согласные передъ и послѣ ударяемой гласной.* Хотя удареніе ставится на гласной, но эта послѣдняя рѣдко сама по себѣ, безъ сочетанія съ согласными, составляетъ слогъ: за исключеніемъ, кажется, единственнаго собственнаго имени Аа (названіе рѣки, впадающей въ З. Двину), а также грамматическихъ формъ отъ мѣстоименія она — *ея*, *ее*, *ею* и нѣсколькихъ междометій, напр. *аа! ау! оо!*

нѣтъ ни одного нетолько многосложнаго, но даже двучленнаго слова, въ составъ котораго не входила хотя бы одна согласная. Уже это показываетъ, что согласныя, принимая весьма широкое участіе въ образованіи многоразличныхъ слоговыхъ комплексовъ, должны играть болѣе или менѣе важную роль въ законахъ просодіи. Выше (§ 16), изъ сдѣланныхъ нами опытовъ артикуляціи слоговыхъ звуковъ, мы вывели заключеніе, что нетолько мгновенныя, но и длительныя согласныя, находясь передъ гласными и сливаясь съ ними въ одинъ слоговой зукъ, артикулируются быстрѣе, чѣмъ въ то время, когда они произносятся какъ отдѣльные (простѣйшіе) звуки, причемъ, болѣе или менѣе измѣняютъ относительную протяжность гласныхъ. Но при всемъ томъ, согласныя, состоящія *передъ* ударяемой гласной, сами по себѣ не оказываютъ значительнаго вліянія на протяженіе слогового звука; на это явленіе гораздо болѣе сильное дѣйствіе производятъ именно тѣ согласныя, которыя непосредственно слѣдуютъ *за* ударяемой гласной. Возьмемъ для примѣра слово Оля и станемъ произносить гласную **о**, не присоединяя къ ней смежной съ нею согласн. **л** — О-ля. Мы ясно сознаемъ, что здѣсь гл. **о** съ удареніемъ выходитъ какимъ-то отрывочнымъ звукомъ, негармонирующимъ съ послѣдующимъ (ля). Если же мы усложнимъ звукъ **о**, прибавивъ согласныя **в**, **д**, т. е., если возьмемъ слова во́-ля, до́-ля, то здѣсь звуки **во** и **до**, вслѣдствіе мгновенности согласныхъ **в** и **д**, по закону инерціи, выйдутъ еще болѣе отрывочными. Возьмемъ еще другіе примѣры и, при томъ, въ такихъ формахъ, гдѣ передъ такою же краткою ударяемой гласной (о) стоятъ не мгновенныя, а очень длительныя согласныя (*ж* и *щ*), положимъ: *жолобъ*, *жолудь* и *щолокъ*, *щолкать*. Повидимому, слоги **жо́** и **що́** должны издавать умѣренно (плавно) протяжные звуки; и они дѣйствительно будутъ таковыми если къ нимъ присоединить слѣдующую за ударяемою гласной согласную (л): *жо́л-объ*, *жо́л-удь*, *що́л-окъ*, *що́л-кать* выходятъ вполнѣ благозвучными; но въ жо́-лобъ, жо́-лудь, що́-локъ, що́-лкать перерывы между первымъ и вторымъ слогами слышатся отрывочно протяжными еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ тѣ же перерывы въ формахъ во́-ля, до́-ля. Наоборотъ, въ во́л-я, до́л-я сказанные слоги получаютъ благозвучное протяженіе, не смотря даже на то, что

согл. л, смягчаясь отъ смежной съ нею мягкой двугл. я, выходитъ очень длительною. Весь секретъ здѣсь въ томъ, что хотя л отъ смягченія получаетъ протяжный призвукъ; но этотъ послѣдній падаетъ не на первый слогъ (воль, доль), а на второй (я). И такъ-какъ, съ одной стороны, смягченіе согласной л (ь) приближаетъ ее къ звуку і (ь = і), а съ другой — мягкая двугласная я = іа, то переходъ отъ артикуляціи перваго слога къ артикуляціи второго оч. легокъ и, поэтому, перерывъ между этими слогами не можетъ быть неумѣренно протяжнымъ. Надо разъ навсегда запомнить, что вообще, какъ это уже намъ извѣстно (§ 9), артикуляція всякой гласной производитъ звуки, длительность которыхъ болѣе интенсивна, чѣмъ длительность согласныхъ. Вслѣдствіе того, когда на гласной дѣлается удареніе, или, — что все равно — увеличивается нормальное протяженіе, то это послѣднее становится до того долгимъ, что при непосредственномъ переходѣ артикуляціи сказанной гласной къ артикуляціи послѣдующаго слога чувствуется такой продолжительный перерывъ, какой обыкновенно допускается лишь послѣ окончанія артикуляціи всего слова: оттого такой перерывъ, не смотря на свою длительность, кажется *отрывочнымъ*. Напротивъ, звуки согласныхъ образуются при сравнительно-меньшемъ напряженіи органовъ: когда мы къ ударяемой гласной присоединяемъ послѣдующую смеждую согласную, то извѣстная доля напряженія отъ артикуляціи сказанной гласной падаетъ на эту же смежную согласную, такъ-что передышка ложится на не одной гласной, а на протяженіе ея совокупно съ упоминаемой согласной. И поэтому перерывъ при переходѣ отъ ударяемаго слога къ послѣдующему не есть собственно остановка въ артикуляціи, а есть лишь ея замедленіе, вызываемое выдыханіемъ, которое всегда бываетъ при произнесеніи согласныхъ короче, чѣмъ при произнесеніи гласныхъ.

§ 22. *Общій просодическій законъ.* Изъ предыдущаго параграфа можно вывести слѣдующее положеніе: всякая ударяемая гласная при переходѣ ея артикуляціи къ артикуляціи послѣдующаго слога, ради плавности рѣчи, требуетъ, чтобы къ ней присоединялись не только предшествующія, но и послѣдующія, смежныя съ нею, согласныя. Это требованіе составляетъ главнѣйшее условіе благозвучія нашего язы-

ка и оно, какъ общій и первенствующій просодическій законъ, примѣняется почти неизмѣнно во всей рѣчи ко всевозможнымъ слововыраженіямъ. Обстоятельныя изслѣдованія показали, что реальность этого закона подтверждается фактами какъ изъ области всего лексическаго состава нашего языка, такъ равно и изъ области всѣхъ его безконечно-разнообразныхъ этимологическихъ и грамматическихъ формъ. Вотъ эти факты.

§ 23. *Ударе-ніе на одной изъ двухъ смѣжныхъ гласныхъ.* Хотя и спорадически, все же дов. часто встрѣчаются формы, гдѣ стекаются сряду двѣ гласныя, изъ коихъ первая съ удареніемъ, какъ напр.: по́ѣздъ, ча́ять, чу́ютъ; долгоше́я, вѣ́яло, надѣ́ются и проч. Повидимому, эти формы представляютъ уклоненіе отъ вышеприведеннаго закона, такъ какъ здѣсь послѣ ударяемой гласной вовсе нѣтъ согласной. Но если вспомнимъ наши разъясненія о двугласныхъ звукахъ (§ 4) и примемъ во вниманіе, что непосредственно слѣдующіе за ударяемой гласной звуки **е** (ѣ), **я**, **ю** = составнымъ звукамъ **jэ**, **ja**, **jy**, гдѣ **j** есть звукъ согласный, то окажется, что тутъ нѣтъ никакого уклоненія: ибо и въ этихъ формахъ отъ артикуляціи гласныхъ мы переходимъ не къ гласнымъ же, а къ согласной (j), которая хотя и не обозначается на письмѣ, тѣмъ не менѣе чувствуется фонетически.

Изрѣдка попадаются еще и такія формы, въ коихъ послѣ ударяемой гласной непосредственно слѣдуетъ гласная же **и**, какъ напр.: кле́ивать, а́истъ, а́пръ, по́искъ, про́игрышъ, на́илучшій. Но и здѣсь нѣтъ уклоненія отъ общаго закона; ибо и въ этихъ формахъ перерывъ идетъ не непосредственно за ударяемыми гласными (е, а, о), а послѣ присоединенія звука **и**, который въ этомъ случаѣ принимаетъ фонетику двугласнаго **ji**, т. е. мы произносимъ прописанныя здѣсь слова какъ клej-ívать, aj-ístь, aj-íръ, noj-íскъ, proj-ígрышъ, naj-лучшій, точно такъ же, какъ и въ вышеобъясненныхъ формахъ — судьи, въ чтеньи, прощеньи и проч. (§ 5). Съ показанными формами, по произношенію гласной **и**, тожественны формы: добрѣй-шій, ближайшій, кратчай-шій, и проч.

Есть многочисленный рядъ именъ, грамматическія формы коихъ оканчиваются на *ая, яя, ое, ее, ою, ею, ые, ыя, іе, ія*; аю, ую, ѣю; напр. бѣлая, ое, ою, ые, ыя; синяя, ее, іе, ія; розою, волею; даю,

дую, брѣю и проч. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ одна (первая) изъ двухъ смежныхъ согласныхъ носитъ на себѣ удареніе, напр. простáя, óе, ые, ыя; водóю, землéю; читáю, мóю, брѣю и проч. Здѣсь тоже вовсе нѣтъ уклоненія, такъ какъ и эти формы относятся къ категоріи вышеобъясненныхъ въ началѣ настоящаго же параграфа. Къ этой же категоріи надо отнести и нѣкоторыя, сравнительно немногія, иностранныя собственныя имена съ различными окончаніями, состоящими изъ двухъ сряду гласныхъ: Морея, Платея, Троя, Зоя, Никея, Фея и проч.

§ 24. *Формы, не терпящія ударенія ни на одной изъ двухъ смежныхъ гласныхъ.* Есть и еще, также многочисленный, рядъ существит. именъ, оканчивающихся на двѣ смежныя гласныя — **іе, ія**. Всѣ они (за исключеніемъ сравнительно немногихъ иностранныхъ, какъ-то: симпатія, хрія, Марія, Софія, а также литія, судія, кутія) вовсе не допускаютъ ударенія на сказанныя гласныя. Само собою понятно, что народное чутье избѣгаетъ подъема или — что́ все равно — протяженія голоса на такихъ длительныхъ звукахъ, какъ **і** и **я**, или **і** и **е** въ тѣхъ случаяхъ, когда они слѣдуютъ одинъ за другимъ непосредственно. Если же, какъ мы видимъ, нѣкоторыя изъ такихъ именъ, удерживая генетическое начало (греческую фонетику), и допускаютъ удареніе на одну изъ помянутыхъ гласныхъ, то эти слова надо считать самыми неблагозвучными. И, поэтому, нашъ языкъ, гдѣ только представляется возможность, звукъ **і** замѣняетъ на нѣмое **ь**. И вотъ почему такія греческія имена, какъ Марія, Софія, Просковія, Илія, а равно и наши славянскія — бытіе́, питіе́, житіе́, судія́ и проч. преобразовались въ Ма́рья, Со́фья, Пра́сковья, Илья́, бытье́, питье́, житье́, судья́ и проч. И вотъ почему также въ тѣхъ случаяхъ, когда это преобразованіе оказалось неудобнымъ, какъ напр. въ именахъ Евдокія, Евгенія, Артемизія, удареніе передвинулось со втораго на третій слогъ отъ конца, т. е. перешло отъ одной изъ двухъ смежныхъ гласныхъ (і) на другую предшествующую ей, гласную.

Во всѣхъ вышеприведенныхъ формахъ послѣ ударяемой гласной непосредственно слѣдуютъ такія двугласныя, въ составъ коихъ входитъ согласная (j); рѣчь же здѣсь зашла объ уклоненіяхъ отъ общаго закона только потому, что наша аз-

буква несовсѣмъ точно изображаетъ двугласные звуки. За дѣйствительное уклоненіе мы должны будемъ признать только такіе факты, гдѣ за ударяемой гласной непосредственно слѣдуютъ простыя гласныя, т.-е., а, о, у, э. Но есть-ли такіе факты? Почти что нѣтъ. Извѣстно только одно слово, и именно *праотецъ*, гдѣ послѣ ударяемой гласной (а) непосредственно слѣдуетъ другая такая же гласная (о), а не двугласная. Но это уклоненіе оправдывается тѣмъ, что здѣсь переходъ артикуляціи ударяемаго слога къ послѣдующему дов. легокъ: ибо звукъ, служащій связующимъ звеномъ этихъ слоговъ, **о**, очень близокъ къ ударяемому звуку **а**. При всемъ томъ, другихъ подобныхъ примѣровъ нельзя вовсе отыскать во всемъ языкѣ. Хотя и есть цѣлыя тысячи предложныхъ формъ, начинающихся съ сочетаній, *воо*, *доо*, *зао*, *нао*, *поо*, *соо* и т. п., однако ни одна изъ нихъ или вовсе не допускаетъ ударенія на эти гласныя, или же допускаетъ лишь на вторую гласную, напр. заóхать. Здѣсь къ ударяемой гласной уже примыкаетъ послѣдующая, смежная съ нею, согласная, на общемъ основаніи. Къ этой же категоріи надо отнести и тѣ иностранныя слова, въ составъ коихъ входятъ двѣ смежныя твердыя согласныя, изъ коихъ первая всегда безъ ударенія, какъ напр. боа́, креозо́тъ, реаге́нтъ, реа́кція и проч.

§ **25.** *Формы съ гласными ау* (яу). Вотъ еще одно, весьма своеобразное въ своемъ родѣ слово — кляуза съ производимыми: кляузный, кляузничій, кляузить, кляузничать, кляузникъ, кляузница, кляузничанье, кляузничество. Всѣ эти слова держатъ удареніе на гласной, за которою непосредственно слѣдуетъ гласная же — **у** и при томъ гласная простая: и поэтому здѣсь на первый взглядъ представляется уклоненіе отъ общаго закона. Но если обратимъ тщательное вниманіе на фонетику прописанныхъ словъ, то окажется, что здѣсь гласный звукъ **у** сокращается до краткости согласнаго, уподобляясь ближайшему къ нему по мѣсту артикуляціи звуку **в** и произносясь слитно съ ударяемою гласною. Мы произносимъ не кля-уза, кля-узить, кля-узникъ, кляузница и проч., а кляў-за, кляў-зить, кляў-зникъ и проч. Здѣсь гласная **у**, точно такъ же, какъ и всякая согласная, не составляетъ особаго слога: и, поэтому, перерывъ за ударяемою глас-

ною слѣдуетъ *не непосредственно* за этою послѣднею, а за артикуляціею **в** (вмѣсто у). Есть еще и другія подобныя, преимущественно иностранныя, слова: Ба́уценъ, Нассау́, Шафга́узенъ, рангоутъ, ра́утъ, па́уза. Русскихъ подобныхъ словъ весьма немного, а именно: на́узить, па́узить, па́ужинъ, па́уздокъ, на́узокъ, съ производными отъ нихъ — на́узный, па́узни, па́уженки и проч. (малоупотребительныя). Во всѣхъ этихъ словахъ, гласная **у**, если не совсѣмъ переходитъ въ звукъ согл. **в**, то во всякомъ случаѣ приближается къ этой послѣдней и не составляетъ особаго слога. Это явственно доказывается и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ подобныхъ словахъ и наше правописаніе отступаетъ отъ этимологіи въ угоду фонетики; такъ, напр. пишутъ: А́встрія, А́вгутъ, а́воръ, за́втра, вмѣсто: Аўстрія, Аўгустъ, аўторъ, заўтра. Оттого, наоборотъ, въ подобныхъ же словахъ, гдѣ та же гласная **а** не носитъ ударенія, правописаніе удержало генетическое начало: аудито́ръ, аудіе́нція, аукціо́нъ и проч. Впрочемъ, наше правописаніе, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, здѣсь непослѣдовательно, именно вслѣдствіе тожества звуковъ **у** и **в**; ибо пишутъ также нетолько Австра́лія, Августи́нъ, Августу́лъ, — что́ оправдывается правописаніемъ первообразовъ этихъ формъ (Австрія, Августъ), но и Авреліа́нъ, Авро́ра.

§ **26.** *Исключеніе изъ общаго закона.* Кромѣ вышеперечисленныхъ, затѣмъ, нѣтъ ни одного такого слова, которое если не опровергало бы, то по крайней мѣрѣ представляло сомнѣніе на счетъ общности разсматриваемаго здѣсь закона. Напротивъ, вся наличность словаря, а равно грамматическихъ формъ ясно показываютъ, что языкъ не произошелъ какъ-нибудь случайно, а создался точно по напередъ разумно расчитанному плану, примѣняясь, между прочимъ, и къ этому закону и, вообще, подчиняясь какой-то невидимой силѣ, силѣ дѣйствовавшей согласно тѣмъ естественнымъ законамъ, которые нынче объясняетъ намъ наука. Кромѣ единственнаго въ своемъ родѣ, уже вышепоименованнаго, слова пра́отецъ, исключеніе представляетъ еще одинъ рядъ тѣхъ предложныхъ формъ, въ составъ конхъ вошла привставка **вы**: вы́играть (вы́игрышъ), вы́орать, вы́остритъ, вы́удить, вы́учить, (вы́учка) и проч. Эти слова артикулируются съ перерывомъ

послѣ гласной ы и къ этой послѣдней не присоединяется никакой другой, слѣдующій за нею непосредственно, звукъ. Это уклоненіе отъ общаго правила объясняется тою исключительною ролью, какую играетъ вообще въ языкѣ гласная ы (§§ 5, 9). По всеобщему естественному закону единства во всѣхъ міровыхъ явленіяхъ, одна исключительность ведетъ къ другой. Гласная же ы именно представляетъ въ нашемъ языкѣ нѣчто особенное: артикулируясь сравнительно со всѣми другими звуками съ наибольшимъ напряженіемъ, она съ трудомъ вяжется какъ съ гласными, такъ и согласными, за исключеніемъ звука в, съ которымъ она имѣетъ нѣчто общее, такъ-какъ ея артикуляція какъ бы составляетъ продолженіе этого звука. И вотъ почему ы, вообще очень рѣдко встрѣчаясь въ рѣчи, въ сочетаніи же съ в образуетъ длинный рядъ предложныхъ формъ, т. е. формъ съ приставкою вы (такихъ формъ насчитывается до трехъ съ половиною тысячъ). Приставку вы надо считать самымъ протяжнымъ слоговымъ звукомъ. И, поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда на этомъ звукѣ дѣлается подъемъ голоса (передышка), весьма трудно продолжать артикуляцію, не сдѣлавъ перерыва раньше произнесенія какого бы то ни было слѣдующаго за ы звука. Даже въ тѣхъ формахъ, гдѣ послѣ ы непосредственно слѣдуетъ двугласная, какъ напр. выемъ, выемка, выѣхать, выѣздъ, выѣсть, выяснить и проч. и гдѣ, слѣдовательно, къ ы примыкаетъ послѣдующій согласный звукъ (j), благозвучіе не допускаетъ присоединенія этого послѣдняго къ ударяемой гл. ы: ибо въ такомъ случаѣ (т. е. при произношеніи вый-емка, вый-ѣздъ и проч.) перерывъ между первымъ и вторымъ слогами явственно слышится слишкомъ протяжнымъ. Но есть одна форма и именно вый-ти, гдѣ къ гл. ы присоединяется полугласная й: хотя и здѣсь слогъ вый выходитъ оч. протяжнымъ, но въ этомъ случаѣ другая слоговая разстановка звуковъ рѣшительно не возможна, такъ-какъ звукъ й, точно такъ же, какъ и j, не вяжется ни съ послѣдующимъ за нимъ т, ни съ какимъ бы то ни было другимъ согласнымъ (§§ 4, 5). Затѣмъ, во всѣхъ вообще формахъ съ приставкою вы, будетъ-ли послѣ этой послѣдней слѣдовать гласная или согласная — все равно — ни та, ни другая не присоединяется къ сказанной ы. Впрочемъ, встрѣчаются, хотя сравнительно рѣдко, и такія

формы, кои подчиняются не этому частному правилу, а общему закону, и именно: когда послѣ гласной **ы** слѣдуетъ оч. близкіе къ ней по мѣсту артикуляціи звуки **з, с,** то эти послѣдніе свободно вяжутся съ сказанною **ы** и, поэтому, могутъ быть произносимы совокупно съ приставкою **вы;** и въ этомъ случаѣ звуковые комплексы **выз, выс,** не выходятъ слишкомъ протяжными, какъ напр.: выз-вать, выс-казать, выс-тавить, выс-тегнуть и проч. Однако и здѣсь показанная слоговая разстановка звуковъ допускается не безусловно и допускается именно только въ томъ случаѣ, когда послѣ сказанныхъ **з, с** слѣдуетъ не гласная, а согласная: напротивъ, произношеніе такихъ формъ, какъ выз-олотить, выс-учить, выс-идѣть и проч. рѣшительно невозможно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сочетаніе звуковъ въ слоги.

§ **27**. *Звуки, съ трудомъ вяжущіеся между собою.* Одни звуки артикулируются свободнѣе, другіе же — съ сравнительно бо́льшимъ напряженіемъ голосовыхъ органовъ: къ первымъ относятся занимающіе среднее мѣсто между самыми краткими и самыми длительными, т. е., съ одной стороны, **б, п, г** (какъ лат. g), а съ другой — **г** (какъ лат. h), **ж, х, ц, ч, ш, щ,** ко вторыми — всѣ эти здѣсь перечисленные. Отъ относительной силы напряженія зависитъ и относительная долгота звука. Сравнительная же свобода или плавность артикуляціи сложнаго звука зависитъ отъ мѣстоположенія тѣхъ органовъ, при посредствѣ коихъ должны артикулироваться одинъ за другимъ простѣйшіе звуки, входя въ составъ одного и того же слога. Такъ, звуки согласныхъ гортанныхъ съ трудомъ вяжутся со звуками согласнымъ губныхъ; ибо область артикуляціи тѣхъ и другихъ находится на двухъ крайнихъ предѣлахъ голосовыхъ органовъ (губы и гортань): понятно, что непосредственный переходъ отъ напряженія губъ къ напряженію гортани не можетъ быть столь быстръ, какъ переходъ напряженія двухъ органовъ, ле-

жащихъ въ одной и той же (срединной) области голосового аппарата, какъ напр. **з, с.** И вотъ почему такія сочетанія, какъ:

губныхъ съ гортанными бг, бк, бх
пг, пк, пх или, наоборотъ,
гортанныхъ съ губными гб, кб, хб
гп, кп, хп,

за исключеніемъ трехъ-четырехъ словъ, вовсе неотличающихся благозвучіемъ, (пхино́вкикъ, пхихо́вникъ и пхать, пхнуть, (пихать), совсѣмъ не употребительны. Только плавная **м**, а равно **в** (вовсе неуступающая **м** въ своей плавности) спорадически (иногда даже дов. часто) встрѣчаются въ сочетаніи съ гортанными, а именно:

вг, вк, вх — напр. въ словахъ, въ составѣ конхъ входитъ **в** какъ предлогъ-приставка: вгибъ, вгнетать, вкладъ, входъ и производныя;

гв — въ словахъ гвоздь съ производимыми и въ нѣсколькихъ иностранныхъ, напр. гвалтъ, гвардія;

кв — въ словахъ квасъ, квакать съ производными и въ иностранныхъ, напр. кварта, квартира;

хв — во многихъ словахъ, напр. хвостъ, хвалить, хвоя и проч.;

мг — въ двухъ словахъ: мгла, мгновеніе съ производными;

мх — въ четырехъ словахъ отъ мохъ: мха, мховина, мховый, мховатый (во многихъ остальныхъ все съ бѣглою гласною: моховикъ, моховой и проч.; и

хм — въ трехъ коренныхъ: хмель, хмурить, хмылить съ производными.

Съ сочетаніями же **гм, км**, за исключеніемъ нѣсколькихъ областныхъ, нѣтъ ни одного общеупотребительнаго слова. Губной **ф**, который, впрочемъ, почти вовсе не употребителенъ въ словахъ славянскаго происхожденія, вяжется лишь съ гласными и плавными. Вовсе не вяжутся также между собою органически (въ одинъ слогъ) два, слѣдующіе непосредственно одинъ за другимъ, ни гортанные, ни губные **б, п.** Да и вообще такія формы, какъ суббота, каббала (вм. кабалистика), аппетитъ, группа, труппа, у насъ въ русскомъ языкѣ рѣдки. При томъ, мы произносимъ обѣ согласныя только въ томъ случаѣ, когда первая изъ нихъ непосредственно слѣдуетъ за ударяемой гласною: ка́б-бала, гру́п-па, тру́п-па. Но говоримъ:

суббота, апетитъ, комиссія (а не суб-бота, ап-петитъ, ком-миссія и проч.). Съ трудомъ вяжется и мгновенный б съ длительными согласными и, въ особенности, съ ч: предложныхъ формъ, начинающихся съ приставки об съ послѣдующею ч, насчитывается всего съ полтора десятка, напр. обчесть, обчесать, обчистить; но во всѣхъ этихъ формахъ звуки бч не входятъ въ органическую связь между собою, такъ-какъ одинъ изъ нихъ (б) присоединяется къ первому слогу, а другой (ч) — ко второму. Такое же число (съ полтора десятка) есть формъ начинающихся съ звуковъ пч, которые, въ противоположность своему аналогу бч, входятъ въ составъ одного и того же слога, напр. пчела, пчелка, пчелиный и проч. Это, повидимому, странное явленіе объясняется тѣми же самими общими причинами, которыя уже объяснены выше; но здѣсь онѣ мало замѣтны, такъ-какъ звуки б и п, по отношенію къ своей мгновенности, считаются тождественными. Наблюденія однако показываютъ, что это тожество лишь приблизительное (а не полное): ибо хотя за артикуляціею обоихъ сказанныхъ звуковъ, въ полости рта образуется широкій растворъ; (§ 11) но этотъ послѣдній всетаки меньше при п, чѣмъ при б. И поэтому звукъ п артикулируется съ меньшимъ напряженіемъ органовъ, чѣмъ звукъ б. Оттого-то нѣтъ ни одного слова, гдѣ бы б входило въ органическое сочетаніе съ ч. Не даромъ церк.-слав. форма *бчэла* (литовское bitis), за выпаденіемъ ъ, въ современномъ русскомъ языкѣ оказалась невозможною и преобразовалась въ *пчела*: сочетаніе бч слишкомъ трудно для выговора; вслѣдствіе того артикуляція его идетъ слишкомъ медленно, слишкомъ протяжно; а поэтому слоговой комплексъ бче выходитъ неблагозвучнымъ.

§ 28. *Звуки свободно вяжущіеся между собою.* Вообще, свободно вяжутся какъ между собою, такъ и съ другими звуками плавные в, л, м, р, а равно с. Эти звуки, входя въ различные слоговые комплексы какъ съ гласными, такъ и съ согласными, во многихъ формахъ повторяются сряду одинъ за другимъ два раза, какъ напр.: вводить, вволю, ввозить, ввѣрять; баллъ, вилла, капелла, аллея, коллегія, металлическій; сумма, эпиграмма, гамма, коммерція; корректура, территорія, терраса, корреспондентъ; классъ, масса, касса,

пресса, Одесса, сюда, ссорить, искусство и проч. Примѣры показываютъ, что и здѣсь удвоеніе согласныхъ практикуется преимущественно въ иностранныхъ словахъ. Только удвоен. в, а равно с дов. часто встрѣчаются и въ чисто славянскихъ словахъ. Свободнѣе всего вяжутся с, т, в какъ между собою непосредственно, такъ и съ другими согласными; и это понятно: всѣ они артикулируются въ одномъ и томъ же или, по крайней мѣрѣ, близко отстоящемъ другъ отъ друга мѣстѣ, (въ полости губъ и рта). Оттого-то такъ много словъ, въ коихъ постоянно повторяются комплексы св, ст, ств, въ особенности, ство. Изъ длительныхъ же звуковъ х, щ, ш, ч, ц, ж вовсе не вяжутся между собою свободно; только послѣдній, т. е. ж встрѣчается въ нѣсколькихъ формахъ, повторяясь непосредственно дважды, а именно: жужжать, жужжаніе, жжоный, жженіе, жжонка (однако сжечь, сжигать, сжиганіе и проч. не допускаютъ удвоенія ж). Вообще, исчисленные здѣсь звуки свободно вяжутся лишь съ гласными, а также и съ согласными плавными, а равно и съ согласною т, какъ напр.: тщета, тщедушіе; чтивый, учтивый, чтеніе; штабъ, штанга, штемпель, штопать, штукатурить и проч. Отсюда видно, что и звукъ т, подобно в, по своей гибкости, ближе другихъ согласныхъ подходитъ къ звуку плавныхъ л, р, м, н. Причемъ, онъ свободнѣе всего вяжется съ звуками и, е. И вотъ почему такъ часто (въ особенности, въ глагольныхъ формахъ) встрѣчается въ нашемъ языкѣ сочетаніе ти, те или, обратно — ит, ет.

§ 29. *Сочетаніе звука ы съ другими звуками.* Изъ гласныхъ, какъ это намъ уже извѣстно, особенно выдающуюся роль въ просодіи играетъ ы. Такъ-какъ она сама по себѣ очень длительна, то не входитъ въ непосредственное сочетаніе съ самыми длительными же согласными ж, х, ч, ш, щ. Не входитъ также въ сочетаніе и съ мгновенными г, к, потому-что, какъ это явственно сознается слухомъ, звуки гы, кы, по своей пустотѣ, оч. негармоничны и, не смотря на краткость г, к, всетаки оч. протяжны; между тѣмъ съ длительною ц та же ы вяжется совсѣмъ свободно и, поэтому, сочетаніе цы встрѣчается во многихъ словахъ. Очевидно, что нѣкоторыя согласныя спереди ы облегчаютъ и сокращаютъ ея артикуляцію, такъ-что прибавка даже длитель-

наго ц уменьшаетъ протяжность ы. Но изъ всѣхъ согласныхъ съ ы свободнѣе всего вяжется в, что́ и доказываетъ сама артикуляція звука вы: здѣсь уже въ произношеніи самого в выполняется нѣкоторая доля той работы, которую занимаетъ артикуляція одной ы, т. е. (какъ это уже объяснено въ § 26), артикуляція ы какъ будто составляетъ продолженіе артикуляціи в; и, поэтому-то, звукъ ы въ сочетаніи съ предыдущею в значительно сокращается. И вотъ почему такъ часто повторяется въ нашемъ языкѣ слогъ вы и, не смотря на чрезмѣрную длительность гл. ы, здѣсь оч. часто падаетъ на нее удареніе. Въ особенности часто употребляется вы, какъ приставка въ глагольныхъ формахъ и производныхъ именахъ: выбрать и выборка, выставить и выставка, выиграть и выигрышъ и проч.

§ 30. *Своеобразность звука* **н.** Выше (§ 27) замѣчено, что вообще русскій языкъ не любитъ удвоеніе согласныхъ. Но есть одна буква — а именно **н** — которая рѣзкимъ образомъ противорѣчитъ этому правилу. Съ удвоенною **н** въ нашемъ языкѣ очень много разныхъ формъ и преимущественно именъ существит., прилагательныхъ и причастій. Примѣры: Анна, ванна, манна, сохранность, медленность, одиннадцать; утренній, весенній, деревянный, конный, государственный, внесенный, подверженный, представленный, переданный, убранный, усмотрѣнный и проч. Формъ подобныхъ этимъ насчитывается цѣлыя тысячи. Удвоеніе чаще всего встрѣчается въ именахъ на **ный**: лишь немногія изъ этихъ послѣднихъ не допускаютъ удвоенія, какъ напр. береженый, званый, кожаный, раненый, стекляный, ученый и проч. Въ формахъ съ удвоенною н обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что эти согласныя постоянно *занимаютъ мѣсто между двумя гласными*, избѣгая единенія съ согласными. Да и, вообще, во всѣхъ другихъ формахъ **н** обыкновенно изолируется отъ согласныхъ, такъ какъ эти послѣднія примыкаютъ не къ тому слогу, въ составъ которыхъ входитъ **н**: не говоря о длинномъ рядѣ именъ на **ніе**, напр. чтеніе, ученіе, хотѣніе, стараніе, молчаніе и проч., и въ разныхъ другихъ формахъ **н** большею частью не входитъ въ органическое сочетаніе съ согласными, большею частью присоединяясь къ конечному слогу, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: мѣст-ный, буксир-ный, вод-ный, друж-

ный, блажен-ство, благоден-ствіе, услож-неніе, долж-ность, возмож-ность, успѣш-ность и проч. Впрочемъ, встрѣчаются дов. часто формы, въ коихъ **н** вяжется съ нѣкоторыми согласными и, преимущественно, съ **д, з, с, т,** (какъ центральными звуками) и плавными **в, м, л,** какъ напр.: вне-сти, дне-вной, давно, сонмъ, мгновеніе, гнѣдко, солнце, судно́, болѣзнь, жизнь, знамя, сначала, снова, асистентъ, процентъ, студентъ и проч. Но и въ такихъ и тому подобныхъ формахъ **н** очень часто изолируетъ себя отъ слогового единенія съ согласными (и преимущественно съ гортанными **г, к**) посредствомъ **ь,** какъ напр. въ слѣдующихъ формахъ: день-га́, мамень-ка, малень-кій, деньской, печаль-но, мень-шой, боль-ной, льнуть, льнянка и проч. Что **н** дѣйствительно избѣгаетъ слогового единенія съ согласными, то, независимо отъ разсмотрѣнныхъ здѣсь формъ, это доказывается еще и лексикономъ, изъ коего видно, что почти во всѣхъ словахъ, начинающихся съ этой буквы, послѣ нея постоянно слѣдуютъ гласныя (исключеніе представляетъ лишь одно коренное слово *нравъ*, съ десяткомъ производныхъ и составныхъ, напр. нравственный, нравоученіе и проч.). Всѣми этими фактами и доказывается, почему именно **н,** вопреки общему правилу, конмъ слѣдуютъ другія согласныя, удваивается въ столь многихъ словахъ. Вспомнивъ 1) что **н** издаетъ очень длительный призвукъ (см. въ концѣ 11 §) и 2) что удвоеніе этой буквы допускается неиначе, какъ только въ томъ случаѣ, когда къ ней съ обѣихъ сторонъ примыкаютъ гласныя, мы легко поймемъ, что сказанное удвоеніе вызывается требованіями благозвучія. И въ самомъ дѣлѣ: артикуляція такой длительной согласной, какъ **н,** сподрядъ съ двумя, смежными съ нею, гласными не можетъ не производить черезчуръ протяжныхъ слоговыхъ звуковъ, въ родѣ *вя́ный* въ словахъ напр. *оловя́нный*, *деревя́нный* и т. п. Когда же мы произносимъ не *деревя́н-ый*, а *деревя́н-ный*, то здѣсь переходъ отъ артикуляціи звука *вя́н* къ послѣдующему звуку *ный* гораздо свободнѣе, чѣмъ переходъ къ звуку *ый*: ибо въ первомъ случаѣ, чтобы за произнесеніемъ звука **н** въ слогѣ *вян*, перейти затѣмъ къ слѣдующему звуку (ы), артикуляцію надо перенести изъ одной области (носовой) въ другую, при томъ самую отдаленную, область (гортанную), (а это отнимаетъ много времени, отсюда и длитель-

ный призвукъ); во второмъ же случаѣ сказанный переходъ артикуляціи совершается при другихъ, гораздо болѣе благопріятныхъ, условіяхъ, т. е. здѣсь отъ артикуляціи звука н мы переходимъ къ артикуляціи другого такого же н, такъ-что это второе н есть собственно протяженіе перваго. А протяженіе н, точно такъ же, какъ и протяженіе (повтореніе) другихъ длительныхъ звуковъ, напр. жж, не вызываетъ долгихъ перерывовъ между первымъ и вторымъ слогами. Впрочемъ, о форахъ на ный еще будетъ рѣчь ниже.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Разстановка согласныхъ по слогамъ.

§ 31. *Слоговая разстановка согласныхъ въ сложныхъ формахъ.* Въ § 22 выведенъ законъ, по коему къ ударяемой гласной постоянно присоединяется непосредственно слѣдующая за нею согласная. Теперь предстоитъ разсмотрѣть вопросъ о томъ, какимъ образомъ распредѣляются согласныя между ударяемымъ и послѣдующимъ слогами въ тѣхъ случаяхъ, когда стекаются сряду два или нѣсколько этихъ звуковъ. Въ русскомъ языкѣ не рѣдкость такія формы, въ коихъ стекаются нетолько по двѣ, по три, но и по четыре, иногда даже по пяти сподрядъ согласныхъ. Вотъ примѣры на тотъ случай, когда послѣ ударяемой гласной стекаются четыре сряду согласныя: зем-ство, дворян-ство, сосѣд-ство, богатство, обжор-ство, доволь-ство, свой-ство, устрой-ство, чув-ство, искус-ство, звѣр-ство, волшеб-ство, лѣсовод-ство, полевод-ство; заим-ствовать, заим-ствованный, свирѣц-ствовать, благоденствовать; нрав-ственность, посред-ственность, —ный; благоденствіе, молеб-ствіе, бѣд-ствіе, слѣд-ствіе, дѣй-ствіе и проч. Изъ этихъ примѣровъ видно:

1) Только одна (первая) согласная примыкаетъ къ ударяемому слогу, остальныя же — къ послѣдующему; и

2) Эти послѣднія постоянно состоятъ все изъ однихъ и тѣхъ же звуковъ — с, т, в, составляющихъ слоги ство, ствe и

ствіе, слоги, которые, вообще, чрезвычайно часто повторяются въ русскомъ языкѣ и, преимущественно, въ составныхъ формахъ. Причина сказаннымъ двумъ явленіямъ объясняется очень просто. Во-первыхъ, всѣ три поименованныя согласныя (с, т, в) принадлежатъ къ такимъ звукамъ, кои вяжутся между собою свободнѣе всѣхъ другихъ звуковъ (§ 28). Во-вторыхъ, изъ четырехъ смежныхъ согласныхъ только тѣ, кои примыкаютъ къ ударяемой гласной, органически прикрѣпляются къ основной части слова, остальныя же составляютъ или вставку или наставку и, поэтому, уже ради выразительности слова, неудобны для присоединенія къ слогу, за которымъ слѣдуетъ и безъ того замѣтный перерывъ. Другія формы съ подобнымъ обиліемъ согласныхъ, по крайней мѣрѣ, непосредственно слѣдующихъ за ударяемою гласною, встрѣчаются очень рѣдко; таковы: *жест-кнуть*, *ожест кнуть*, *ожест-клый*, *наперст-ник*ъ, *наперст-ничек*ъ, *разверст-ка*, *поверст-ный*. Еще рѣже формы съ бо́льшимъ числомъ, чѣмъ четыре согласныя сряду. Авторъ сей книги едва могъ отыскать всего три такихъ слова, гдѣ послѣ ударяемой гласной слѣдуетъ пять сряду согласныхъ, и именно: **бодр-ствовать**, **мудр-ствовать**, **усерд-ствовать**, съ ихъ производными — **мудр-ствованіе**, **лжемудр-ствовать**, **добросерд-ствовать** и проч.

§ 32. *Формы* **со слогомъ тель.** Кромѣ вышеразсмотрѣнныхъ, есть еще не мало и другихъ подобныхъ формъ, отличающихся однако отъ первыхъ тѣмъ, что въ нихъ передъ слогами **ство**, **стве** стоитъ слогъ **тель**, какъ напр.: попечительство, покровительство, покровительствовать, учительствовать; покровительственный, нравственный и проч. Въ предыдущемъ §-фѣ мы видѣли, что всѣ слова съ четырьмя и пятью сряду согласными *постоянно* держатъ удареніе на слогѣ предшествующемъ звуковому комплексу **ство** (е); сдѣсь же, напротивъ, не смотря на видимую аналогію, удареніе рѣшительно *никогда* не падаетъ на сказанный слогъ; и это явленіе до того непреложно, что нельзя найти ни одного примѣра, представляющаго исключеніе. Вслѣдствіе особенной длительности звуковъ **е**, **ль**, комплексъ **тель** выходитъ чрезмѣрно протяжнымъ и, поэтому, какъ это мы увидимъ дальше, не терпитъ на себѣ ударенія нетолько въ вышепоказанныхъ, но въ менѣе слож-

ныхъ формахъ. Здѣсь же нѣтъ никакой причины, въ силу коей удареніе должно бы сдвинуться съ основного слога, напр. *чи* (въ словѣ *учительствовать*), на пришлый слогъ *тель*.

§ 33. *Слоговая разстановка при стеченіи двухъ согласныхъ сподряд.* Само собою разумѣется, что при двухъ смежныхъ однѣхъ и тѣхъ же согласныхъ, какъ напр. вил-ла, сум-ма, ван-на, племян-никъ, ран-ній, прес-са, груп-па, распредѣленіе ихъ безусловно подчиняется слѣдующему правилу: одна согласная присоединяется къ предыдущему, а другая — къ послѣдующему слогу. Почти постоянно слѣдуетъ тому же правилу и разстановка въ такихъ формахъ, гдѣ стекаются двѣ *различныя* согласныя, какъ напр. розвальни, пол-день, взят-ка, круж-ка, чаш-ка, друж-ба, блюд-це, окон-це, поден-щикъ, хлѣб-никъ, полез-ность, потреб-ность, лож-ность, удушь-е, прав-да, зем-ля, нож-ницы; друж-ный, крас-ный, вѣч-ный; дрог-нуть, останав-ливать, хозяйничать, взять-ся, занять-ся, мирить-ся; подроб-но, гром-ко, ежеднев-но; из-вергъ, воз-растъ, без-толочь и проч. Всѣ эти примѣры показываютъ, что согласныя, примыкая къ ударяемому слогу вслѣдствіе просодическихъ требованій, въ то же время относятся къ этому же слогу и по этимологіи, какъ органически-неразрывная часть слова. Слѣдовательно здѣсь законы благозвучія согласуются съ законами этимологіи. Но встрѣчаются, хотя сравнительно и рѣже, и такія формы, въ коихъ, ради этимологіи, пришлось бы присоединять обѣ согласныя или къ первому (ударяемому) слогу, какъ напр. дерзость, мерзость, мудрость, храбрость, храбрый, или же къ послѣдующему слогу, какъ напр. заступъ, поступь, забранный, наскоро, падчерица, подвигъ: ибо въ тѣхъ и другихъ формахъ обѣ смежныя согласныя принадлежатъ къ основной части слова. Однако, такая разстановка согласныхъ, какъ напр. *дерз-ость*, *храбр-ый*, и проч., а равно и *за-ступъ*, *па-дчерица* и проч. рѣшительно невозможна, ибо вовсе не удовлетворяетъ извѣстнымъ уже намъ требованіямъ благозвучія. И поэтому, въ угоду благозвучія, надо принять за правило: вообще, во всѣхъ формахъ, съ двумя смежными согласными, находящимися послѣ ударяемой гласной, эти согласныя постоянно разъединяются, примыкая какъ къ предыдущему, такъ и къ послѣдующему слогу. Исключеніе

представляютъ лишь сокращенныя формы: счасть-е (вм. счас-тіе), участь-е (вм. учас-тіе), ненасть-е (вм. ненас-тіе), подобострасть-е (вм. подобострас-тіе), возмездь-е (вм. возмез-діе), власть-ю (вм. влас-тію) и проч. Здѣсь присоединеніе обѣихъ согласныхъ къ ударяемому слогу основывается на требованіяхъ какъ этимологическихъ, такъ и просодическихъ законовъ.

§ 34. *Слоговая разстановка при стеченіи трехъ согласныхъ сподрядъ.* Разсматривая, наконецъ, формы съ тремя сряду согласными, слѣдующими за ударяемой гласной, мы находимъ, что значительное большинство этихъ формъ въ разстановкѣ сказанныхъ согласныхъ сохраняютъ генетическое (этимологическое) начало, какъ напр.: бездна, пол-дникъ, пол-дничать; дѣт-скій, свѣт-скій, господ-скій, свой-скій, армей-скій, житей-скій и проч. Въ этихъ формахъ только одна согласная примыкаетъ къ ударяемой гласной. Но равнымъ образомъ бываетъ и наоборотъ, т. е. къ ударяемой гласной примыкаютъ двѣ согласныя и лишь третья присоединяется къ окончанію слова: верх-ній, поверх-ность, усерд-ный, безвозмезд-ный; мерз-кій, дерз-кій, жест-кій; долж-ность, желк-нуть, поверг-нуть, гавк-нуть, гарк-нуть; удаст-ся, продаст-ся; безмолв-но, безстраст-но и проч. Въ большей части этихъ формъ двѣ смежныя (и относящіяся къ главной части слова) согласныя встрѣчаютъ передъ собою такую третью (н), которая, какъ вставка, составляетъ связующее звено между основою и окончаніемъ слова. Такая разстановка нетолько согласуется съ этимологіею, но и удовлетворяетъ въ то же время одному изъ требованій благозвучія, т. е. требованію, по коему согласн. н, находясь между ударяемымъ и непосредственно слѣдующимъ за нимъ слогомъ, должна примыкать къ смежной съ нею гласной, а не согласной (§ 30). Но, ради благозвучія, разстановка иногда идетъ и вопреки этимологіи, какъ напр. въ слѣдующихъ формахъ: зав-тра, зав-тракъ, зав-тракать. Подобнымъ образомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ, какъ напр.: чис-тка, остріе, ос-тровъ, торжес-твенный, вещес-твенный и проч. показанная здѣсь разстановка хотя и не согласуется съ этимологіею, но болѣе благозвучна, чѣмъ иная; ибо, какъ намъ уже извѣстно, звуки с, т, при перерывѣ на одномъ изъ нихъ вслѣдствіе передышки, легче всѣхъ другихъ совокупляются между

собою. И, поэтому, одинъ изъ нихъ (первый) весьма подходящъ для того, чтобы служить связующимъ звеномъ между слогами — ударяемымъ (оканчивающимся на с) и послѣдующимъ (начинающимся съ т).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Зависимость ударенія отъ состава слова.

Разсматривая различныя слова по ихъ составу (по числу слоговъ), мы замѣчаемъ постоянно повторяющіяся одни и тѣ же явленія, въ коихъ ясно обнаруживается извѣстная послѣдовательность ударенія въ занимаемомъ имъ мѣстѣ на опредѣленныхъ слогахъ.

§ 35. *Удареніе двучленныхъ и трехчленныхъ формъ.*

Возьмемъ, напр., первообразныя формы *день, слой, слово, вода* и станемъ отъ нихъ производить двучленныя формы: *днёвка, денёкъ, днёвный, денной, дневной, дневникъ, денщикъ, дённо, дневáть; слоúть, слóйка, слóйщикъ; словцó, словникъ, словáрь; вóдка, вóдный.* Эти примѣры показываютъ, что удареніе здѣсь не держится опредѣленнаго мѣста, хотя, впрочемъ, оно падаетъ чаще на слогъ послѣдній, чѣмъ на первый. Произведемъ, затѣмъ, отъ тѣхъ же первообразовъ формы трехчленныя: *денёчекъ, деннúца, дéнщина* (2 удар.), *дневáнье, дневáльный, подённый, подéнщикъ, днéвывать, задневáть; слóйчатый* v. *слоúстый, слоúться, слоёнье, слаúвать, прослóекъ; словéсность, словéсный, словéсникъ, словéчко, словáрикъ, словáрчикъ, словáрный, словáрникъ; водúца, водúчка, водянка, вóдочка, вóдочникъ, водянóй* и *водянóй, вóдочный, водянúстый, подвóдный, водовúкъ, водянúкъ.* Здѣсь, въ противоположность двучленнымъ формамъ, обнаруживается извѣстная послѣдовательность ударенія, которое большею частью падаетъ на слогъ второй, рѣже на третій отъ конца и еще рѣже на послѣдній.

§ 36. *Удареніе четырехчленныхъ и болѣе сложныхъ формъ.*

Произведемъ, наконецъ, отъ вышеприписанныхъ первообразовъ формы еще болѣе усложняющіяся, т. е. состоящія изъ четырехъ и болѣе слоговъ: поденщица, дневáльная, дневáльщица, дневáльщина, передневáть; перeслóекъ, наслоéніе, наслáивать, слоевáтый; словéсничать,

безслове́сный, слова́ри́ще, слова́ри́шка, прекосло́вить, безпрекосло́вный, прекосло́венье, безпрекосло́віе, прекосло́вливый, прекосло́вникъ, прекосло́вница; водя́нинка (води́нка), водяни́ца и водя́нница, водяни́стый. Здѣсь во всѣхъ этихъ усложнившихся формахъ, не смотря на то, что онѣ произошли отъ четырехъ различныхъ первообразовъ, повторяется одно и то же явленіе: удареніе постоянно падаетъ на слоги или на третій (чаще — въ 15 формахъ) или на второй отъ конца (рѣже — въ 11 ф.) и очень рѣдко на послѣдній (въ 1 ф.).

§ 37. *Спеціальныя изслѣдованія на фактахъ живой рѣчи.* Какъ это, такъ и вышеобъясненное (§ 35) явленіе не есть случайное, повторяющееся лишь въ рядѣ формъ извѣстной категоріи, а есть общее явленіе для всей наличности языка въ его лексическомъ и грамматическомъ складѣ. Въ «Русскомъ Слогоударе́ніи» по этому предмету сдѣланы слѣдующія изслѣдованія. Изъ нѣсколькихъ, разнообразныхъ какъ по своему внутреннему содержанію, такъ и по своей внѣшней формѣ, книгъ было взято по одной страницѣ, съ тѣмъ, чтобы прослѣдить и отмѣтить удареніе по занимаемому имъ мѣсту на каждомъ словѣ въ нашей обыкновенной, т. е. живой рѣчи. Каждая такая страница представила перечень, показывающій, въ какихъ именно словахъ удареніе чаще падаетъ на слоги: 1-й, 2-й, 3-й и т. д., считая ихъ отъ конца. Прослѣдивъ такимъ образомъ 20 страницъ, (за пропускомъ односложныхъ словъ) авторъ получилъ въ итогѣ до 3000 словъ, которыя и распредѣляются по слѣдующимъ рубрикамъ:

Слова по составу.	СЪ УДАРЕНІЕМЪ НА:						Общее число словъ.
	1-мъ слогѣ	2-мъ слогѣ	3-мъ слогѣ	4-мъ слогѣ	5-мъ слогѣ	6-мъ слогѣ	
2-членныя.	650	748	—	—	—	—	1398
3-хъ членныя	203	406	280	—	—	—	889
4-хъ членныя	26	208	174	32	—	—	440
5-ти членныя	1	25	142	38	7	—	213
6-ти членныя	1	1	26	16	5	—	49
7-ми членныя	—	—	2	4	1	1	8
8-ми членныя	—	—	1	1	1	—	3
Итого. . . .	881	1388	625	91	14	1	3000

Примѣчаніе. Словъ, состоящихъ изъ 9-ти и болѣе слоговъ, очень мало — что́ доказываетъ и тотъ фактъ, что изъ

3000 общаго числа всѣхъ разсмотрѣнныхъ словъ вышепоименованныхъ нѣтъ ни одного. При этомъ надо замѣтить, что такія слова — все составныя формы и что ихъ удареніе не представляетъ никакихъ уклоненій отъ общихъ началъ — о чемъ у насъ и будетъ рѣчь въ слѣдующемъ параграфѣ.

Изъ вышеприведенной таблицы видно, что, по мѣрѣ бо́льшаго усложненія формъ, удареніе все чаще и чаще падаетъ на срединные слоги и все рѣже и рѣже на конечный. Такъ, изъ числа 889 трехчленныхъ формъ только 203 терпятъ удареніе на первомъ слогѣ. Затѣмъ, изъ 5-ти и 6-ти членныхъ, всего числомъ 262, только два слова допускаютъ удареніе на первый слогъ. Наконецъ, въ числѣ 7-ми и 8-ми членныхъ словъ нѣтъ ни одного съ удареніемъ на сказанномъ слогѣ. Изъ этой же таблицы видно, что въ общей сложности всѣхъ двучленныхъ словъ (1398) перевѣсъ ударенія палъ на второй слогъ (считая отъ конца). Но при этомъ надо однако замѣтить, что въ итогахъ по отдѣльнымъ страницамъ случалось и наоборотъ, т. е. сказанный перевѣсъ встрѣчался и на сторонѣ перваго (конечнаго) слога, такъ-что, вообще, удареніе двучленныхъ словъ представляетъ нѣкоторое колебаніе между однимъ и другимъ слогами. А это несовсѣмъ согласуется съ вышеприведеннымъ выводомъ, по коему выходило, что въ двучленныхъ формахъ удареніе «падаетъ чаще на послѣдній слогъ, чѣмъ на первый» (§ 35). Но это несогласіе еще не знаменуетъ никакого противорѣчія и объясняется очень просто слѣдующими обстоятельствами. (Смотри стр. 140 и 141 вып. 3-й «Русск. Слогоуд.»).

Въ приведенныхъ въ 35 § примѣрахъ взяты слова въ ихъ первообразной (грамматической) формѣ, т. е. имена въ именит. падежѣ, а глаголы въ неопред. накл. Слова же, коихъ удареніе отмѣчалось въ графахъ вышепоказанной таблицы, брались безъ всякой внѣшней системы, а лишь въ той логической связи, какая присуща обыкновенной живой рѣчи. Вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ и формы, а равно и мѣсто ударенія однихъ и тѣхъ же словъ должны измѣниться: такъ, напр. слова *вода*, *дневной*, *дневать*, взятыя отрывочно, носятъ удареніе на конечномъ слогѣ; но если мы ихъ возьмемъ въ логической связи (въ предложеніи), то они примутъ другія формы съ перемѣною

въ то же время и мѣста ударенія, напр. водою, дсиному, днюю, днюешь..., гдѣ удареніе занимаетъ уже слогъ не конечный, а предпослѣдній. Слѣдовательно, вышесказанное несогласіе не представляетъ никакого противорѣчія между двумя, на первый взглядъ разногласными, выводами, а, напротивъ, оно лишь подтверждаетъ фактически вѣрность того и другого вывода. При составленіи же настоящей книги авторомъ было еще сдѣлано одно, подобное вышеобъясненному, изслѣдованіе и именно: было взято изъ разныхъ книгъ 22 страницы, вмѣщающія въ себѣ 3665 разнообразныхъ по строенію словъ (за исключеніемъ односложныхъ). Удареніе этихъ словъ въ сущности подтвердило выводы, сдѣланные изъ разсмотрѣнія вышепомянутыхъ 3000 словъ, съ тою разницею, что здѣсь оказалось одно слово, состоящее изъ 10 слоговъ — «переосвидѣтельствованные» съ удареніемъ на шестомъ слогѣ отъ конца.

§ 38. *Удареніе составныхъ словъ.* Разсматривая различныя формы составныхъ словъ, мы опять встрѣчаемся съ тѣми же просодическими явленіями, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ въ настоящей главѣ, и именно:

1. Краткія предложныя формы, т. е. формы состоящія изъ двухъ слоговъ (изъ основы и приставки) вовсе не отличаются устойчивостью ударенія, которое постоянно колеблется въ выборѣ мѣста. Такъ, совершенно аналогичныя по строенію формы носятъ удареніе разъ на послѣднемъ слогѣ, напр. изгибъ, истокъ, набѣгъ, побѣгъ, обрывъ, помолъ, отелъ, заводъ, проходъ, расходъ, уходъ, уступъ, другой — на первомъ слогѣ, напр. приступъ, отзывъ, откликъ, отзвукъ, отпрыскъ, розыскъ, очеркъ, почеркъ, извергъ, запахъ, отмахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ носятъ двоякое удареніе: прѝсвистъ и присвѝстъ, прѝступъ и приступ́ъ, прóростъ и проростъ, зáпонъ и запóнъ, нáслудъ и наслу́дъ, у́жинъ и ужи́нъ, нéводъ и невóдъ, пóростъ и порóстъ, пóлогъ и полóгъ, нáсморкъ и насмóркъ, зáчерпъ и зачéрпъ, зáщипъ и защи́пъ. При чемъ надо замѣтить, что формы съ окончаніемъ на ь, хотя по преимуществу держатъ удареніе на первомъ слогѣ, однако въ своей акцентаціи менѣе всего обнаруживаютъ послѣдовательности. Примѣры: наледь, прихоть, пропись, упряжь, запись, помѣсь, повѣсть, совѣсть, немощь, хворость (и хворóстъ) накипь (и на-

ки́пъ), заводь (и зава́дъ), пророcть (но также про́ростъ и проро́стъ). Гораздо рѣже встрѣчаются такія формы съ удареніемъ на конечномъ слогѣ, какъ напр.: медвѣ́дь, нетѣ́ль, повѣ́ть, прошѐсть; при чемъ три послѣднихъ слова болѣе употребительны съ удареніемъ на первомъ же слогѣ.

2. Ударе́ніе трехчленныхъ предложныхъ формъ болѣе постоянно предыдущихъ формъ, держась большею частью срединнаго слога. На первый же слогъ оно падаетъ обыкновенно, когда приставкою бываютъ предлоги, и преимущественно: **вы, на, па, пра, роз, су**. Примѣры съ удареніемъ на приставкѣ: задвора, надолба, надолбня, палуба, пагуба, парусло, патока, пауздокъ, паужинъ, пазолки (и пазо́лки), правнука, проводы, прозвище, сумерки, супрядки, суножка, розвальни, улица, присказка. Нѣкоторыя изъ подобныхъ именъ носятъ двоякое ударе́ніе — или на приставкѣ, или на срединномъ, или же (изрѣдка) и на послѣднемъ слогѣ: и́згнанникъ и изгна́нникъ, и́стопокъ и исто́покъ, у́молотъ и умоло́тъ, по́слушникъ и послу́шникъ, пра́бабка и праба́бка, при́хвостникъ и прихво́стникъ, про́сѣка и просѣ́ка, су́песокъ и супесо́къ, су́межье и суме́жье, на́волокъ и наволо́къ, за́суха и засу́ха, за́дворокъ и задво́рокъ, при́горокъ и приго́рокъ, за́воротъ и заворо́тъ, за́дѣлье и задѣ́лье, за́мошье и замо́шье, за́суха и засу́ха, за́вальный и зава́льный, за́ночный и зано́чный; вы́купать и выкупа́ть, вы́метать и вымета́ть, вы́сыпать и высыпа́ть, у́жинать и ужина́ть. Примѣры съ удареніемъ на срединномъ слогѣ: заслуга, поклажа, подмога, умора, потѣха, задвижка, истопка, находка, походка, набивка, надбавка, отпирка, разборка, поѣздка, убавка, увертка, разстройство, устройство, убійство, разбойникъ, поклонникъ, заемщикъ, убытокъ, осадокъ, порядокъ и проч. (подобныхъ формъ очень много). Что касается же ударе́нія на послѣднемъ слогѣ, то оно встрѣчается довольно рѣдко и только въ такихъ формахъ, кои произошли отъ одночленныхъ первообразовъ и преимущественно въ именахъ оканчивающихся на **й** и глаголахъ на **ть**, напр. перегной, перебой, урожай, перегонъ, переходъ, позабрать, передать. Впрочемъ, есть и болѣе сложные глаголы, коихъ повелительное наклоненіе, оканчиваясь на сказанную же полугласную, такъ же носятъ ударе́ніе на послѣднемъ слогѣ,

напр. передай, продавай, покидай, торжествуй, перемой, пожалѣй, перелей и проч. Однако надо замѣтить, что далеко не всѣ эти формы носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Напротивъ, многія изъ нихъ требуютъ ударенія на срединномъ слогѣ, какъ напр. побáрствуй, заквáкай, потрéбуй, помúлуй, покáшляй, залáяй и проч.

3. Вообще, надо замѣтить, что, независимо отъ строенія слóва, всѣ такія формы, въ коихъ одинъ слогъ оканчивается на полугласную **й**, обыкновенно носятъ удареніе на этомъ слогѣ, будетъ-ли онъ находиться въ срединѣ, или же на концѣ слова — все равно: убíйство, устройство, разстройство, злодѣй, убой, перебой, звѣробой, соловей, лиходѣй и проч.

4. Трехчленныя же формы, составленныя помимо приставокъ-предлоговъ, т. е. формы, состоящія изъ двухъ *знаменательныхъ* словъ и оканчивающіяся на **ъ**, обнаруживаютъ значительную устойчивость ударенія, которое постоянно держится послѣдняго слога: козерогъ, носорогъ, мухоморъ, скотоводъ, пчеловодъ, мореходъ, богомолъ, дровосѣкъ, буреломъ, винодѣлъ, звѣздочетъ, пустоцвѣтъ, скопидомъ, трубочистъ, лисохвостъ и проч. Напротивъ, трехчленныя формы на **ь**, точно такъ же, какъ подобныя же двучленныя, по своему акценту своенравны. Впрочемъ, значительное большинство этихъ формъ держатъ удареніе на первомъ слогѣ, напр. безтолочь, заповѣдь, проповѣдь, увалень, уровень, поясень, перéкось, перевязь, перемѣсь, перепись, скоропись, живопись, лѣтопись, и только немногія — на послѣднемъ, какъ-то: благодать, водотечь, перепрѣль, наизусть. Колебанія ударенія въ этихъ словахъ наглядно видно изъ того, что сравнительно очень многія изъ нихъ мѣняютъ свой акцентъ: вóдоросль и водорóсль, нúворосль и ниворóсль, кóловерть и коловéрть, кóновязь и коновúзь, нéлюбовь и нелюбóвь, пéречень и перéчень, жúвокость и живокóсть, пéрекось и перекóсъ, óчередь и очерéдъ, подóчередъ.

5. Заслуживаютъ особеннаго вниманія болѣе или менѣе сложныя формы, формы, составляющія довольно многочисленный рядъ именъ на **тель**, удареніе которыхъ почти съ неизмѣннымъ постоянствомъ все падаетъ на предпослѣдній слогъ: учитель, писатель, читатель, смотритель, служитель, добродѣтель,

благодѣтель, путеводитель, дѣлопроизводитель, предводитель, содержатель и проч. Только изрѣдка встрѣчаются формы, представляющія уклоненія: украси́тель, вѣритель, (2 удар.); впрочемъ, оба эти слова носятъ ударе́ніе также и на второмъ слогѣ отъ конца. Само собою понятно, что во всѣхъ именахъ женскаго р. на **ица**, произшедшихъ отъ мужск. р. на **тель** и усложнившихся двумя лишними слогами противу этихъ послѣднихъ, ударе́ніе, хотя остается на одной и той же гласной, но свое мѣсто занимаетъ уже не на второмъ, а на четвертомъ слогѣ отъ конца: смотри́тельница, благодѣтельница, учи́тельница и проч. Подобнымъ образомъ и въ другихъ формахъ, напр. именахъ прилагат. содержа́тельный, благодѣтельный, поучи́тельный и проч., въ глаголахъ усложнившихся вставками (ство) и наставками (ва), напр. учительствовать, предводительствовать, свидѣтельствовать и проч., а также въ именахъ существит., происшедшихъ отъ этихъ глаголовъ, напр. представительство, учительствованіе, свидѣтельствованіе и проч. ударе́ніе, постоянно держась основной гласной, по мѣрѣ усложненія слова, отодвигается все дальше отъ конца на слогъ четвертый и даже шестой.

6. Вообще, четырехчленныя и болѣе сложныя формы въ своей акцентаціи не допускаютъ такого колебанія, какъ формы простыя: ударе́ніе ихъ почти постоянно падаетъ или на второй, или на третій слогъ отъ конца, — что́ и доказываютъ слѣдующіе примѣры, взятые какъ изъ категоріи предложныхъ, такъ изъ категоріи составленныхъ изъ двухъ знаменательныхъ словъ. 1) Предложныя формы: восхожде́ніе, исцѣле́ніе, дозна́ніе, надвига́нье, разсмотре́нье (и разсмотре́ніе) и проч.; протали́на, напра́слина, перебо́рка, разрабо́тка; замужество, произво́дство, разбира́тельство и проч.; промы́шленность, возвы́шенность, перейми́вость, усту́пчивость и проч. и 2) Формы, составленныя изъ двухъ знаменательныхъ словъ: двоеду́шіе, малоду́шіе, милосе́рдіе, сусве́ріе, простонаро́дье, мѣстоположе́ніе, слюнотече́ніе (— че́нье) земледѣ́ліе (— дѣ́лье) и проч., горемы́ка, костоѣда, скопидо́мка, головомо́йка, червото́чина, скотобо́йня, маслобо́йня, винокуре́нія, пивова́рня, богоде́льня; жизнеспосо́бность, самостоя́тельность, косноязы́чность и проч.; полево́дство, скотово́дство, скопидо́мство, гостепріи́мство и проч. Между многосложными предложными именами весьма рѣдки такія, въ коихъ уда-

реніе колеблется, разъ падая на приставку, а другой на конечные слоги. Къ этимъ именамъ относятся слѣдующія: за́волочье и заволо́чье, за́говѣнье и заговѣ́нье, и́згорода и изгоро́да, при́городъ и пригоро́докъ, не́поворо́тень и неповоро́тень, за́головокъ и заголо́вокъ, про́волочка и проволо́чка, при́толока и притоло́ка, на́бережный и набере́жный, за́болотный и заболо́тный, за́навѣска и занавѣ́ска (отсюда и прилагательное тоже съ двоякимъ удареніемъ (— за́навѣсный и занавѣ́сный). Сюда надо еще причислить единственное въ своемъ родѣ слово — *пе́ревёртѣнь* съ троякимъ удареніемъ.

§ 39. *Выводы объ ударе́ніи, зависящемъ отъ состава слова.* Изъ вышеразсмотрѣнныхъ и другихъ (ниже сего приводимыхъ) составныхъ словъ выходятъ слѣдующія заключенія:

1. Двучленныя и отчасти трехчленныя формы, по причинѣ краткости и отсутствія ясной конкретности въ ихъ основѣ, очень часто пользуются подвижностью удареніа, которое и придаетъ имъ извѣстную выразительность и иногда даже особое значеніе и которое отличается особеннымъ непостоянствомъ преимущественно въ предложныхъ словахъ, разъ падая на слогъ первый, другой — на послѣдній, — о чемъ, впрочемъ, мы будемъ говорить подробно въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

2. Слова же, принявшія болѣе растянутую оболочку, достигаютъ сказанныхъ цѣлей помощью вставокъ и наставокъ и, поэтому, удареніе ихъ большею частью остается *неподвижнымъ*, т. е. удерживается того же слога, на который оно падало до усложненія простого слова. Но такъ-какъ при усложненіи этого послѣдняго слоги его сдвигаются съ своихъ мѣстъ пришлыми слогами и, поэтому, не сходятся съ слогами составной или, вообще, многосложной формы, то и удареніе производнаго слова, хотя остается на прежней или замѣнившей ее гласной, но уже занимаетъ не то мѣсто, которое оно занимало въ первообразѣ, отодвинувшись или впередъ или назадъ на одинъ, два или нѣсколько слоговъ, смотря по числу вставокъ и наставокъ. Такъ, удареніе, стоявшее въ первообразѣ напр. *вѣ́ра* на второмъ слогѣ отъ конца, въ производномъ словѣ напр. *суевѣ́ріе* отодвинулось на третій; подобнымъ же образомъ удареніе формы *наслои́ть* со слога послѣдняго

передвинулось на третій отъ конца въ формѣ *наслоéніе*, хотя въ то же время оно всетаки падаетъ на одну и ту же гласную (и), здѣсь, впрочемъ, замѣнившуюся на **е**.

3. Въ производныхъ словахъ (нетолько двучленныхъ, но изрѣдка и въ болѣе сложныхъ) удареніе невсегда удерживается на основной (или замѣнившей ее) гласной, передвигаясь съ одного слога на другой. Примѣры: отъ вода́ — во́дный, водяно́й; отъ день — денно́й, денщи́къ, дневáть и проч.; отъ сло́й — слои́ть, слоевáтый; отъ сло́во — словáрь, слова́рикъ, слова́ри́шка; отъ звать, зва́ніе — про́звище; отъ ру́сло (или русло́) — па́русло; отъ узда́ — па́уздокъ; отъ долби́ть — надо́лба; отъ прода́ть — продава́й; отъ бере́чь — береги́ и проч. Изъ этихъ примѣровъ видно: а) что удареніе предложныхъ именъ очень часто держится приставки, причина чему будетъ объяснена ниже; и б) въ глагольныхъ же формахъ, наоборотъ, удареніе избѣгаетъ слога начальнаго и предпочитаетъ конечный, не смотря на усложненія этихъ формъ приставками и наставками. Примѣры: говори́ть, переговори́ть, образова́ть, переобразова́ть, воодушевля́ть, оставля́ть, переставля́ть. Отсюда мы видимъ, что здѣсь удареніе даже въ шестичленныхъ формахъ можетъ падать на конечный слогъ. Но это случается единственно только въ глаголахъ. Что касается же именъ, то только въ нѣкоторыхъ четырехчленныхъ формахъ удареніе падаетъ на слогъ послѣдній, какъ напр.: передовой, береговой, величина, единорогъ, девятерикъ, волосяникъ, передовикъ, ворожея, немогота, библіографъ, негоціантъ, артиллеристъ, антогонизмъ и т. п. преимущественно иностранныя. Пятичленныхъ же формъ съ удареніемъ на конечномъ слогѣ, если не считать иностранныхъ съ французскимъ акцентомъ, какъ напр. матеріализмъ, барометрографъ, дифференціалъ, генералитетъ и т. п., чисторусскихъ почти нѣтъ: мы едва отыскали такихъ формъ всего нѣсколько — дорогопроводъ, глухонѣмота, блѣдноголубой (и свѣтлоголубо́й), подочередной и нѣкоторыя слова, составленныя изъ числительныхъ, напр. пятифунтовикъ, полуоборотъ, полусапоги и проч.

4. Формы, составленныя изъ двухъ знаменательныхъ словъ, почти постоянно удерживаютъ генетическое удареніе своей *второй* составной части: косого́ръ, мухомо́ръ, скотово́дъ... домовладѣлецъ... скотово́дство, лѣсово́дство... простонаро́дье, мѣ-

стоположе́ніе... путеводи́тель, тѣлохрани́тель... горемы́ка, костое́да, бѣлоли́ца, словоли́тня, винокýрня и проч. Исключенія изъ этого общаго правила составляютъ:

а) Имена, оканчивающіяся на **ь**: вóдопись, скóропись, лѣ́топись и проч. (См. § 38 п. 4); и

б) Въ нѣкоторыхъ именахъ, преимущественно на *ецъ*, хотя, на общемъ основаніи, удареніе и падаетъ на вторую изъ двухъ составныхъ частей, но не удерживается на томъ самомъ слогѣ, гдѣ оно стояло въ своемъ непосредственномъ производителѣ: живопи́сецъ (отъ живо и писе́цъ), миротво́рецъ (отъ миръ и творе́цъ), трезýбецъ v. троезýбецъ (отъ три и зубе́цъ), земледѣ́лецъ (отъ земля и дѣле́цъ), книгопрода́вецъ (отъ книга и продаве́цъ), полугóдокъ (отъ полу и годóкъ). Есть еще одна, замѣчательная по своей исключительности, форма и именно — простолюди́нъ, удареніе коей, въ противоположность здѣсь перечисленнымъ, переходитъ не съ конечнаго слога на предыдущій, а съ этого послѣдняго на конечный (отъ лю́дъ, лю́ди, простолю́дье). Подобно перечисленнымъ, и въ нѣкоторыхъ предложныхъ именахъ удареніе не удерживается на своемъ коренномъ слогѣ: перепрода́вецъ (отъ продаве́цъ), бездóмокъ (отъ домóкъ), разугóлокъ (отъýголъ), назýбецъ, назýбица (отъ зубе́цъ), назý-бокъ (отъ зубóкъ), безцѣ́нокъ (отъ цѣна́), пригорóдокъ (отъ городóкъ). Сюда надо отнести еще двѣ, очень рѣдкія по своему образованію, формы и именно: анти́христъ и ра́дуга, гдѣ удареніе падаетъ не на вторую, а на первую составную часть слова.

5. Многосложныя формы не любятъ ударенія на первомъ слогѣ точно такъ же, какъ и на послѣднемъ. Глаголовъ нетолько пятичленныхъ и болѣе сложныхъ, но и четырехчленныхъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ (авторствовать, безтолочить, варварствовать, пакостничать, пасынковать), сýтолочить, пáвечерничать, сýмеречничать) почти вовсе нѣтъ. Но имена, преимущественно предложныя, съ сказаннымъ удареніемъ встрѣчаются довольно часто, какъ напр.: барсовина, биссерина, — ка, — ница, бѣшенница (раст.), взяточница, выбонна, зимородокъ (но и зиморо́докъ), ящерица и проч. Изъ подобныхъ же формъ пятисложныхъ и шестисложныхъ мы нашли лишь слѣдующія: бре́згованіе, бодрствованіе, мудрствованіе, сѣтованіе, на́коваленька, жи́молостина,

на, па́озерица (5-тисложныя) и па́мятованіе, па́поротниковый, па́сынкованіе (6-тисложн.).

Примѣчаніе. Существительнаго имени *па́сынкованіе* (отъ гл. па́сынковать) нѣтъ ни въ одномъ изъ трехъ словарей. Но оно довольно употребительно: въ особенности среди людей, занимающихся уборкою табака, это слово можно слышать часто, какъ незамѣнимое другимъ.

6. При переходѣ одной (простой) формы въ другую (сложную) обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія явленія. Удареніе очень часто удерживается на своемъ коренномъ мѣстѣ, какъ напр. въ формахъ: песо́къ и песча́ный, песча́никъ, уголо́къ и уголо́чекъ, брать и бра́тство, кни́га и кни́жечка, кни́жный, кни́жникъ и т. д. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда удареніе не сохраняетъ генетическаго начала, оно обыкновенно сдвигается со слога конечнаго на предыдущіе (чаще всего на предпослѣдній): колесо́ — коле́сный, коле́сникъ; вода́ — во́дный, водяни́стый, води́ца; висѣ́ть — зависѣ́ть; суди́ть — обезсу́дить; умѣ́ть — обезу́мѣть, наразу́мить, надоу́мить. Независимо отъ этихъ предложныхъ формъ, встрѣчающихся лишь спорадически, есть длинный рядъ усложнившихся глаголовъ на **и(ы)вать**, въ коихъ удареніе неизмѣнно держится третьяго слога, напр. ходи́ть и ха́живать, чита́ть и чи́тывать, ковыря́ть и иско́вырывать, говори́ть и гова́ривать, смотрѣ́ть и усма́тривать, подписа́ть и подпи́сывать и проч. Но встрѣчаются, хотя рѣже, и такія формы, въ коихъ при ихъ усложненіи удареніе отодвигается съ предыдущаго на послѣдующій (конечный) слогъ, какъ напр. въ слѣдующихъ: до́брый — добря́къ, вещь — вещество́, домъ — домо́къ (но и до́микъ), зо́лото — золото́й и проч. Ниже, когда мы познакомимся поближе съ удареніемъ, мы узнаемъ и причину этому явленію, повидимому, уклоняющемуся отъ общихъ просодическихъ началъ.

§ 40. *Опытъ артикуляціи многосложныхъ словъ.* Въ предыдущемъ параграфѣ, между прочимъ, мы видѣли, что нѣкоторыя составныя слова въ своей акцентаціи уклоняются отъ общаго правила. Отсюда является вопросъ: какая тому причина? Почему напр. въ словѣ *книгопродавецъ* удареніе его второй составной части *продавецъ* съ послѣдняго слога перешло на второй отъ конца? И въ са-

момъ дѣлѣ: если въ словѣ продавецъ удареніе на конечномъ слогѣ не противорѣчитъ требованіямъ благозвучія, то непонятно, почему это же слово должно мѣнять свой акцентъ въ формѣ книгопродавецъ, вовсе не измѣняя своего строенія? Очевидно, что независимо отъ звукового комплекса ударяемаго слога и характера слѣдующей за нимъ согласной, тутъ есть особая причина, оказывающая свое дѣйствіе на подвижность ударенія, причина пока еще намъ необъясненная. Чтобы наглядно увидѣть эту причину, сдѣлаемъ опытъ сравнительной артикуляціи двухъ разныхъ формъ, съ одной стороны, краткой, напр. продавецъ, а съ другой — многосложной, напр. книгопродавецъ, ударяя какъ въ томъ, такъ и другомъ словѣ на послѣдній слогъ. Сдѣлавъ этотъ опытъ, мы явственно замѣтимъ, что во второмъ изъ этихъ словъ одинъ и тотъ же слогъ (*вецъ*) выходитъ гораздо протяжнѣе, чѣмъ въ первомъ. Если при этомъ мы станемъ внимательно наблюдать за относительною скоростью артикуляціи сказанныхъ словъ, то не трудно будетъ замѣтить, что со словомъ книгопродавецъ эта работа идетъ быстрѣе, чѣмъ со словомъ продавецъ. А поэтому, согласно закону инерціи, конечный слогъ перваго изъ этихъ словъ долженъ быть протяжнѣе, чѣмъ тотъ же слогъ второго. А такъ-какъ морѳологическая фонетика слова продавецъ вовсе не измѣняется отъ соединенія его въ одно цѣлое съ другимъ словомъ (книга), то отсюда понятно, что здѣсь на передвиженіе ударенія прямое дѣйствіе оказываетъ не что иное, какъ усложненіе слова (въ смыслѣ увеличенія числа его слоговъ).

§ 41. *Физико-динамическій законъ.* Конечно, мы можемъ, по желанію, произносить то или другое слово съ большею или меньшею быстротою, съ такою или другою передышкою. Но обыкновенно мы артикулируемъ звуки безсознательно; и быстрота ихъ теченія (а слѣдовательно и та или другая передышка) находятся въ зависимости отъ какой-то внутренней (психической) силы, о присутствіи которой мы даже и не подозрѣваемъ и которая въ свою очередь подчиняется извѣстнымъ законамъ, управляющимъ нашимъ голосомъ и рѣчью. Если, — въ чемъ нынѣче никто не сомнѣвается, — языкъ есть орудіе, созданное по извѣстному разумному плану: то и тѣ два дѣятеля — наши психическія

способности и голосовые органы — дѣятели, при помощи которыхъ создано это орудіе, не могутъ работать какъ-нибудь механически; и они дѣйствительно работаютъ неиначе, какъ во взаимномъ между собою согласіи и послѣдовательномъ, цѣлесообразномъ направленіи. И въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію слѣдующее физико-психическое явленіе: какъ только мы приступаемъ къ артикуляціи какого бы то ни было слова, въ то же мгновеніе психическій рефлексъ, съ быстротою электрической искры, даетъ нашимъ голосовымъ органамъ такое направленіе, которое было бы способно выполнить эту работу такъ, чтобы процессъ дыханія и въ то же время теченіе звуковъ не мѣшали одинъ другому къ безостановочному отправленію своихъ дѣйствій. Понятно, что чѣмъ многосложнѣе данное слово, съ тѣмъ большею энергіею оно должно артикулироваться, чтобы, не стѣсняя процесса дыханія, не остановиться, не докончивъ этой работы. По физико-динамическимъ же законамъ, чѣмъ больше сила напряженія, тѣмъ скорѣе совершается какая бы то ни была работа, и слѣдовательно (въ настоящемъ случаѣ) и работа голосовыхъ органовъ, или, говоря иначе — артикуляція звуковъ. А чѣмъ быстрѣе происходитъ артикуляція звуковъ даннаго слова, тѣмъ сильнѣе долженъ быть отзвукъ окончательнаго слога, если на него падаетъ удареніе: вслѣдствіе чего протяжность сказаннаго слога можетъ выйти чрезмѣрною (негармоничною). И, поэтому, что бы избѣгнуть этой дисгармоніи, при артикуляціи длиннаго слова естественнѣе всего передышку (удареніе) дѣлать на одномъ изъ срединныхъ слоговъ.

§ 42. *Общее заключеніе.* Изъ всего изложеннаго въ настоящей главѣ можно вывести общее заключеніе: что, кромѣ такого или другого состава слоговыхъ комплексовъ, какъ намъ уже извѣстно, весьма часто обусловливающихъ мѣсто ударенія, на это послѣднее нерѣдко оказываетъ свое дѣйствіе также и строеніе даннаго слова во всей его цѣлости: чѣмъ болѣе оно усложнилось и, слѣдовательно, чѣмъ больше требуется времени для безостановочнаго проартикулированія его отъ начала до конца, тѣмъ быстрѣе должна совершаться эта работа. Причемъ, по мѣрѣ

большей быстроты въ артикуляціи, увеличивается и сила ударенія; и, поэтому, оно въ такомъ случаѣ, во избѣжаніе чрезмѣрной своей интенсивности, предпочитаетъ слоги срединные, избѣгая конечнаго, на долю котораго оно приходится преимущественно въ двучленныхъ, гораздо рѣже въ трехчленныхъ и еще рѣже въ болѣе сложныхъ формахъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Исключительное значеніе гласныхъ А, Е и О.

§ 43. *Обиліе въ русскомъ языкѣ гласныхъ Е и О.* Разсматривая цѣлые десятки тысячъ словъ, относящихся къ разнымъ, какъ этимологич., такъ и грамматич. категоріямъ, мы постоянно замѣчаемъ одинъ и тотъ же, вездѣ повторяющійся, фактъ, и именно: во всей лексической наличности нашего языка самое большое число занимаютъ тѣ слова, въ составъ коихъ входятъ гласныя Е и О. Онѣ, въ особенности, часто употребляются въ конечныхъ слогахъ именъ существ. и прилагат., напр.: колесо, помело, кольцо, колечко, яйцо, добро, братство, блюдце, игрище, чтеніе; доброе, великое, синее и проч. Независимо отъ этого, почти вездѣ, гдѣ выговоръ требуетъ вставки гласной (такъ называемой бѣглой), чаще всего несутъ службу эти же О и Е. Сравнивая, затѣмъ, наши слова, изобилующія буквами О и Е, со словами *одного происхожденія* другихъ языковъ, мы находимъ, что въ этихъ послѣднихъ ни та, ни другая гласная не играетъ такой исключительной роли, какую онѣ играютъ въ нашемъ языкѣ. Въ этомъ можно наглядно убѣдиться, сопоставивъ съ нашимъ языкомъ ближайшій къ нему — польскій. Хотя и въ польскомъ тоже нерѣдко повторяются обѣ сказанныя гласныя; но во многихъ формахъ онѣ произносятся иначе, чѣмъ у насъ, и именно: Е какъ i, а О какъ y (ó = лат. u). Такъ напр.:

русское боль = польскому ból
» соль = » sól

русское выводъ = польскому wywód
» мой, твой, свой = » mój, twój, swój
» который = » który
» толочь = » tłuć
» велъ = » wiódł
» свѣча = » swiéca (читается swica)
» молоко = » mléko (» mliko)
» четыре = » cztéry (» cztyry)

Дальше, въ нѣкоторыхъ (впрочемъ, немногихъ) формахъ русскому О въ польскомъ соотвѣтствуетъ j:

волкъ = wilk
иволга = wilga
трость = trzcina.

Затѣмъ, во многихъ словахъ наши Е и Ѣ въ польскомъ выражаются чрезъ A (большею частью смягченное — *ia*, *rza*):

лѣсъ, лѣсокъ = las, lasek
вѣнокъ = wianek
летѣть = latać
бѣлый = biały
черный = czarny
рѣдкій = rzadki
ведро = wiadro
песокъ = piasek
лебедь = łabędź
поѣздъ = pojazd и т. п.

Наконецъ, наши полногласныя формы (т. е. формы съ двумя О) въ польскомъ или выражаются съ однимъ О, или же и вовсе не заключаютъ этого звука, вмѣсто котораго принятъ звукъ ó, = лат. u. Такъ напр.:

отъ гладъ = русское голодъ, польское же głód
» стражъ = » сторожъ, » stróż
» клать = » колоть, » kłuć
» младъ = » молодъ, » młody
» славій = » соловей, » słowik
» прамъ = » паромъ » prom и проч.

Изъ этихъ фактовъ видно, что въ польскомъ, вмѣсто нашихъ О и Е, очень часто употребляются A, I, У. То же самое мы бы нашли, если бы стали сравнивать нашъ языкъ

съ другими языками. Но мы ограничимся лишь краткимъ сравнительнымъ перечнемъ словъ одного изъ замѣчательныхъ современныхъ языковъ, и именно литовскаго, который сохранилъ понынѣ свои первобытныя черты въ большей чистотѣ, чѣмъ другіе европейскіе языки, не исключая и классическихъ древнихъ. Вотъ этотъ перечень:

русское	стекло	= литовскому	stiklas
»	серна	= »	stirna
»	жерновъ	= »	girna
»	око	= »	akis
»	вѣнокъ	= »	wajnikas
»	столбъ	= »	stulpas
»	ворота	= »	wartaj
»	боязнь	= »	bajmė
»	дверь	= »	duris
»	постель	= »	pàtalas
»	полный	= »	pilnas
»	острый	= »	asztrus
»	мереть	= »	mirti
»	просить	= »	prasziti
»	кто	= »	katràs
»	весь	= »	wisas
»	когда	= »	kadda
»	потомъ	= »	patám и т. п.

Примѣчаніе. Удареніе въ литовскомъ языкѣ большею частью держится предпослѣдняго слога. Тѣ слова, кои уклоняются отъ общаго правила, въ приведенномъ перечнѣ отмѣчены удареніемъ.

Всѣ вышеприведенные факты наглядно показываютъ, что въ то время, какъ въ другихъ языкахъ преобладаютъ звуки А, І, У, у насъ наоборотъ: эти звуки встрѣчаются гораздо рѣже сравнительно съ Е и О, которыми наша рѣчь чрезвычайно изобилуетъ. Въ особенности рѣдко употребляется у насъ гласная А, что̀ доказывается уже и тѣмъ, что, какъ замѣчаетъ въ своемъ словарѣ Даль, «русскихъ словъ съ буквы А почти нѣтъ, если не признавать такими глаголы: акать, аукать, ахать и давно усвоенныхъ: адъ, артель, атаманъ и проч.» Послѣ этого, при столь часто повторяющихся Е, О и при

сравнительно рѣдко встрѣчающейся А, русская рѣчь неизбѣжно вышла бы очень однообразною и монотонною, если бы двѣ сказанныхъ гласныя постоянно и неизмѣнно сохраняли одинъ и тотъ же звукъ. Но буква Е, какъ мы уже выше объяснили, выражаетъ четыре звука (§ 3): и, поэтому, она, разнообразя нашу рѣчь оттѣнками своихъ звуковъ, обогащаетъ ее благозвучіемъ. Теперь разсмотримъ, какое значеніе въ нашемъ языкѣ имѣетъ буква О.

§ 44. *Замѣна гласной О на гл. А и, наоборотъ — А на О.* Такъ какъ звуки А и О очень близки между собою, то на историческихъ стадіяхъ развитія языка гласныя, изображающія эти звуки, часто смѣшивались, употребляясь одна вмѣсто другой какъ въ произношеніи, такъ и на письмѣ. Еще и теперь въ наше время, по выраженію Даля, одна часть Россіи (Москва и Юго-западъ) *а́каетъ*, а другая (Сѣверо-востокъ) — *бкаетъ*. Но въ образованномъ обществѣ вездѣ принятъ московскій говоръ, т. е. произношеніе А вмѣсто О. Затѣмъ, школа изъ года въ годъ все болѣе и болѣе объединяетъ языкъ, всюду распространяя этотъ говоръ. Такое направленіе въ дальнѣйшемъ развитіи языка свидѣтельствуетъ о богатыхъ эстетическихъ задаткахъ русской націи, націи инстинктивно (раньше филологической разработки языка) разгадавшей, что, ради благозвучія рѣчи, необходимо устранить изъ нея слишкомъ частое повтореніе звука О. У насъ издавна установилось школьное правило, что О «*безъ ударенія читается за* А.» Но это правило далеко неточно и не совсѣмъ вѣрно. Гласная О весьма рѣдко носитъ на себѣ удареніе. А потому, если бы дѣйствительно *всякое* О безъ ударенія читалось за А, то, при выше объясненномъ, столь частомъ, повтореніи этой гласной, въ нашей рѣчи отъ обилія звуковъ А произошла бы та же монотонность, которая могла произойти отъ обилія звуковъ О. Но на дѣлѣ ничего подобнаго не случилось: геній языка съумѣлъ поставить эти два звука въ надлежащее равновѣсіе, замѣняя ихъ одинъ на другой въ такой лишь мѣрѣ, въ какой это необходимо для удовлетворенія какъ эстетическимъ, такъ и логическимъ требованіямъ. Въ особенности переходъ гл. О въ гл. А, какъ исключительное, свойственное лишь русскому языку, явленіе, представляетъ въ просодіи в. важное

значеніе, оказывая широкое вліяніе на подвижность нашего акцента.

Сопоставляя глаголы водúть, спросúть, уговорúть, ходúть, толкáть и т. п. съ глаголами вáживать, спрáшивать, уговáривать, хáживать, тáлкивать, мы находимъ: 1) формы важивать, спрашивать и проч. усложнились однимъ лишнимъ слогомъ противу формъ ходить, спросить и проч.; 2) коренной (или, по меньшей мѣрѣ, основной) звукъ первыхъ формъ — О замѣнился на звукъ А во вторыхъ формахъ; и 3) удареніе передвинулось со слога послѣдняго на третій отъ конца. Всѣ эти измѣненія наглядно показываютъ, что на передвиженіе ударенія съ одного слога на другой здѣсь оказали свое дѣйствіе одновременно двѣ причины: 1) усложненіе формы и 2) замѣна гласнаго звука низшаго тона (О) на гласный же звукъ высшаго тона (А). Кромѣ приведенныхъ глаголовъ, есть еще цѣлый рядъ формъ, въ которыхъ также, если не постоянно, то довольно часто удареніе падаетъ на гласную А, замѣнившую гласную О: это — формы съ приставкою **па**, напр. падубъ, пазвукъ, пасынокъ, падчерица, пазолки, палуба, палубить и проч. Здѣсь такъ же, какъ и въ глаголахъ на **ивать**, перестановка ударенія съ основной части слова на прибавочную (предлогъ) находится въ прямой причинной зависимости какъ отъ усложненія первообразной формы, такъ и отъ замѣны звука О на звукъ А. Но здѣсь измѣненія какъ въ формѣ, такъ и въ фонетикѣ произошли не ради одного лишь благозвучія, но и вслѣдствіе семазіологическихъ требованій. И, дѣйствительно, вникая въ смыслъ такихъ словъ, какъ напр. *пáдубъ*, *пáсынокъ*, *пáлуба*, и проч.; нетрудно замѣтить, что они въ своемъ значеніи далеко ушли отъ своихъ первообразовъ — *дубъ*, *сынъ*, *лубъ*. Понятно, что если бы при переходѣ формы напр. *дубъ* въ форму *падубъ* какъ удареніе, такъ и звукъ О въ предлогѣ **по** остались ненарушимыми, т. е. если бы образовалось слово не *пáдубъ*, а *подýбъ*: то это послѣднее попрежнему сохранило бы всю силу своей фонетики на второмъ слогѣ; а потому и не могло бы въ наше мышленіе привзноситься того новаго представленія, какое мы связываемъ со словомъ *пáдубъ*. Есть еще другой предлогъ-приставка и именно **пра**, въ которомъ подобно тому, какъ и въ предлогѣ-приставкѣ **па**, А замѣняетъ О и такъ же

очень часто принимаетъ на себя удареніе. Вслѣдствіе этихъ измѣненій, здѣсь также измѣняется и значеніе первообразнаго слова, напр. пра́отецъ, пра́дѣдъ, пра́внукъ, пра́зелень, пра́солъ, и проч. Кромѣ глаголовъ на **ивать** и предлоговъ-приставокъ **па, пра,** спорадически встрѣчаются еще и другія формы, въ коихъ съ замѣною О на А происходитъ и перестановка ударенія: кропи́ть и кра́пать, клони́ть и кла́няться, горѣ́ть и уга́ръ, уга́рный, твори́ (отъ твори́ть) и тва́ри (отъ тварь) ка́мфорный и камфа́рный. Изъ всего этого мы видимъ, что замѣна гласной О на А въ нашемъ языкѣ практикуется весьма часто. Гораздо рѣже происходитъ обратное явленіе, т. е. замѣна А на О. Такія формы, какъ: балаба́нъ и бало́банъ, растя́гъ и ро́стягъ, пла́та, плати́ть и пло́тишь, пло́тить... составляютъ весьма рѣдкое явленіе. Только предлогъ-приставка **роз**(рос), употребляясь довольно часто (съ этимъ предлогомъ образуется болѣе полсотни формъ) представляетъ исключеніе. Это послѣднее оправдывается двумя причинами: съ одной стороны, слоговой комплексъ, какъ состоящій изъ краткой гл. О и умѣренно длительныхъ согл. **р, з,** (с), даже при ударе́ніи на О издаетъ плавно протяжный звукъ; а съ другой — переходъ А безъ ударенія въ О съ удареніемъ удовлетворяетъ семазіологическимъ требованіямъ, т. е. придаетъ такимъ, напр. словамъ, какъ ро́звалъ, ро́звальни (отъ развалиться), ро́зсыпь (отъ разсыпать), ро́зница (отъ разница), особое значеніе, отличное отъ первообразовъ. Что касается, наконецъ, роли гл. А и О въ граммат. формахъ, то какъ та, такъ и другая чередуются, замѣняясь одна на другую, напр. пра́во и права́, мѣ́сто и мѣста́, зе́ркало и зеркала́, село́ и се́ла; или наоборотъ (замѣна А на О): вода́ и водо́ю, страна́ и страно́ю, па́лка и па́лкою и проч.

§ 45. *Переходъ звука (а не буквы) О въ звукъ А.*

Какъ ни часто встрѣчается замѣна *буквы* О на *букву* А, еще гораздо чаще практикуется переходъ *звука* О безъ ударенія въ *звукъ* А и помимо сказанной замѣны. Однако и этотъ переходъ, какъ мы мимоходомъ уже замѣтили въ предыдущемъ параграфѣ, хотя и очень часто, но далеко невсегда и не во всѣхъ формахъ имѣетъ мѣсто. Разсмотримъ этотъ вопросъ на фактахъ языка.

I. Правда, что въ краткихъ и, вообще, не очень растя-

нутыхъ формахъ, какъ напр. конéцъ, возóкъ, водá, вдовá, дровá, головá, сторонá, колесó, окнó, полотнó; золотóй, дорогóй, плохóй; водúть, бросáть, говорúть; хорошó, горячó, высокó и проч. неударяемое О постоянно произносится какъ А. Но какъ въ этихъ, такъ и вообще во всѣхъ безъ исключенія формахъ гл. О безъ ударенія въ тѣхъ случаяхъ, когда она входитъ въ составъ *конечнаго* слога, какъ напр. лéто, стáдо, дéрево, гóродъ, гóлосъ, остáтокъ, мúло, прекрáсно, довóльно и проч. вовсе не лишается своего настоящаго звука. Понятно, что тутъ, съ одной стороны, произношеніе гл. О за настоящій ея звукъ ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ благозвучію, а съ другой — произношеніе ея за А часто противорѣчило бы семазіологическимъ требованіямъ. Такъ, при произношеніи О за А, мы бы не могли отличать въ формахъ, напр. *брáтство*, *блю́до*, *колы́но*, единственное число отъ множественнаго; или формы именъ прилаг. жен. р., напр. *земля прекрасна*, ничѣмъ бы не разнились отъ формъ средн. р., если бы напр., вмѣсто поле прекрáсно, мы читали *поле прекрáсна*.

II. Что же касается, затѣмъ, среднихъ и начальныхъ слоговъ въ формахъ болѣе сложныхъ и преимущественно составныхъ, то здѣсь соблюдаются слѣдующія правила:

1. Гласная О, разъ получивъ ударéніе въ первообразной, простѣйшей формѣ, не лишается своего настоящаго звука и въ то время, когда, за преобразованіемъ этой формы въ болѣе сложную, она теряетъ свое прежнее ударéніе. Такъ напр., коль скоро въ словѣ *приходъ* гласная О держала ударéніе, то хотя она лишается его въ словѣ *приходорасхóдъ*, однако не измѣняетъ своего настоящаго звука. Очевидно, что произношéніе, вмѣсто приходорасходъ, прихадарасходъ придавало бы этому слову какой то особенный и довольно рѣзкій оттѣнокъ, вовсе ненапоминающій о прихóдѣ. И нетолько въ формахъ составленныхъ изъ двухъ знаменательныхъ словъ, но и вообще въ формахъ, усложнившихся наставками и приставками такая гласная О, которая сохраняетъ свой чистый звукъ въ первообразѣ, не измѣняетъ его и въ производномъ словѣ, хотя бы она и не носила на себѣ ударенія. Такъ, напр., отъ лéто — лéтошній, а не лéташній, отъ кóлосъ — колоснóй, а не каласнóй (отсюда и Кóлосовъ, а не Кóласовъ),

отъ ко́локолъ — колако́лецъ, а не калака́лецъ (недаромъ говорятъ также и калако́лецъ); такъ, отъ ско́лько — нѣсколько, а не нѣскалько, отъ кото́рый — нѣкоторый, а не нѣкатарый. Подобнымъ образомъ и въ предложныхъ именахъ, въ томъ случаѣ, когда удареніе съ основной гласной О переходитъ на приставку, эта гласная остается по прежнему при своемъ настоящемъ же звукѣ. Такъ, если напр. въ словахъ утоло́ка, загоро́да, исто́покъ предпослѣдняя гл. О сохраняетъ свой чистый звукъ, то этотъ послѣдній остается ненарушимымъ и въ словахъ у́толока, за́города, и́стопокъ.

2. Вотъ еще формы — словоли́тня, самодово́льно, самоли́чно, въ коихъ, кромѣ конечнаго, еще первое и второе О (считая отъ начала) вовсе не читается за А. Сто́итъ только вдуматься и подвергнуть хотя бы только поверхностному анализу эти слова и — намъ станетъ совершенно ясно, почему здѣсь гл. О безъ ударенія сохраняетъ свой настоящій звукъ. Если бы, напр., первое изъ вышеприведенныхъ словъ мы стали произносить славали́тня, то оно получило бы совсѣмъ не то значеніе, какое оно имѣетъ на самомъ дѣлѣ, т. е. въ немъ бы выразилось представленіе не о словѣ, а о славѣ. Нѣчто подобное вышло бы и со словами самодовольно и самолично при произношеніи въ первой составной части О за А: такъ, напр., предложеніе «я самолично распоряжусь» могло бы поставить слушателя въ немалое недоумѣніе, если бы это сказалъ мужчина, а не женщина. И въ словѣ, напр., градоби́тіе О также не можетъ читаться за А потому, что градаби́тіе скорѣе означало бы битіе града, чѣмъ битіе (истребленіе) чего градомъ. Еще явственнѣе исказился бы смыслъ слова бѣлоборо́дка, если его произносить бѣлабородка: при такомъ выговорѣ оно означало бы не извѣстное растеніе, а бѣлую бородку. Подобнымъ образомъ, если бы, напр., въ словѣ коловёрть О читалось за А, то фонетика его намекала бы на то, что рѣчь идетъ о колѣ (колъ), а не о ко́лѣ (ко́ло): слѣдовательно такое произношеніе, при которомъ уничтожаются звуки съ органическимъ значеніемъ, не выражало бы ясно того содержанія, какое должно заключаться въ сказанномъ словѣ на самомъ дѣлѣ. Еще хуже бы вышло, если бы, напр., въ словѣ домовладѣлица звукъ О мы замѣнили на звукъ А: очевидно, что такая фоне-

тика, какъ дамавладѣлица, мѣшала бы ясности пониманія — идетъ ли здѣсь рѣчь о дамѣ владѣлицѣ вообще, или же о владѣлицѣ лишь дома. Подобныхъ словъ въ русскомъ языкѣ есть очень много и разобрать ихъ сполна нѣтъ никакой возможности, если не писать объ нихъ цѣлаго трактата. Но достаточно и этихъ примѣровъ, чтобы вывести слѣдующее правило: въ составныхъ словахъ *эвфоническая* (вставленная для благозвучія) гласная О, придающая ихъ значенію извѣстную окраску, никогда не переходитъ въ звукъ А, хотя бы она замѣняла собою этотъ послѣдній, какъ напр. въ формѣ правдоподобный (отъ правда).

3. Итакъ, мы видимъ, что въ сложныхъ формахъ ни эвфонической, ни коренной гласной О не дозволяютъ переходить въ звукъ А семазіологическія требованія. Если, затѣмъ, мы обратимъ вниманіе на фонетику такихъ формъ, какъ напр., *скоропроходя́ще*, *приходорасхо́дная* и проч. гдѣ, при произношеніи звука О за А, изъ всѣхъ шести или семи слоговъ четыре бы состояли изъ звука А: то намъ станетъ понятно, что сказанное произношеніе нетолько не благопріятствуетъ, а, напротивъ, мѣшаетъ благозвучію, которое хотя во многихъ случаяхъ и требуетъ замѣны звука О на звукъ А, однако далеко еще не въ такихъ частыхъ повтореніяхъ.

4. Въ русскомъ языкѣ встрѣчаются и такія замѣчательныя по своей тождественности формы, какъ, съ одной стороны, именныя; напр., ду́мою, забо́тою, рабо́тою, горемы́кою, мурлы́кою, па́чкою, подде́ргою, плю́хою, хлю́пою, хны́кою, ца́пою, шле́пою, шле́ндою, бу́ркою, и съ другой — глагольныя: ду́маю, забо́таю (хотя можно и забота́ю), рабо́таю, горемы́каю, мурлы́каю, па́чкаю, подде́ргаю, плю́хаю, хлю́паю, хны́каю, ца́паю, шле́паю, шле́ндаю, бу́ркою. Если бы и здѣсь въ именныхъ формахъ предпослѣднее О произносилось за А, то между двумя сказанными формами не было бы никакого различія, между-тѣмъ-какъ по значенію онѣ совершенно разнствуютъ между собою. Можно-ли допустить такую неурядицу въ нашемъ языкѣ, вобще отличающемся особенною ясностью и выразительностью? Разумѣется, это невозможно. Вышепомянутая замѣна звука О на звукъ А понапрасну только противорѣчила бы вопіющимъ требованіямъ семазіологіи, вовсе не вызываясь требованіями бла-

гозвучія. Поэтому можно признать за положительное и недопускающе никакихъ исключеній слѣдующее правило: нетолько въ конечномъ, но и въ предпослѣднемъ слогахъ, составляющихъ флексію именъ, гл. О безусловно сохраняетъ свой чистый звукъ, не смотря на то, будетъ-ли она съ удареніемъ или безъ ударенія. И нетолько вышепоказанныя флексіи женскихъ именъ на **ою**, но и флексія мужскихъ именъ на **омъ** подчиняются тому же правилу: о́стровомъ, до́момъ, зе́рнышкомъ, наро́домъ, тума́номъ, а не о́стровамъ, до́мамъ, зе́рнышкамъ, наро́дамъ, тума́намъ. Понятно, что если бы и здѣсь гл. О читалась за А, то во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда флексія творит. пад. единст. числа тождественна по ударенію съ флексіею дательнаго падежа множ. числа, эти формы ничѣмъ бы не различались одна отъ другой. А это, какъ само собою разумѣется, много бы мѣшало ясности нашей рѣчи. Неблагозвучнымъ и не отвѣчающимъ также логическимъ требованіямъ было бы и окончаніе прилагательныхъ именъ средняго рода на **ае**, вмѣсто **ое**, напр. прекраснае, великае, простае, вмѣсто прекрасное, великое, простое.

5. Изрѣдка попадаются въ русскомъ языкѣ еще и такія двѣ, относящихся къ одной и той же грамматической категоріи, формы, которыя совершенно однозвучны и ничѣмъ не отличаются одна отъ другой, кромѣ одной гласной или А или О безъ ударенія, между-тѣмъ-какъ по значенію онѣ не имѣютъ между собою ничего общаго, какъ напр.: умаля́ю и умоля́ю, накалю́ и наколю́, даю́ (отъ дава́ть) и дою́ (отъ дои́ть), равня́ть и ровня́ть, равне́нье и ровне́нье, намаща́ть, намащёный (отъ мазь) и намоща́ть, намощёный (отъ мостъ).

6. По тѣмъ же самымъ причинамъ вовсе не слѣдовало бы и въ собственныхъ именахъ, а равно и въ нарицательныхъ иностранныхъ словахъ О безъ ударенія произносить за А. Само собою понятно, что къ такимъ словамъ, какъ напр. Волы́нь, Оне́га, Орёлъ, Очако́въ, Охо́тскъ, поля́къ, которыя или образовались изъ чисто славянскихъ корней, или издавна уже обрусѣли до того, что о началѣ ихъ происхожденія забыто, нельзя примѣнять ни правилъ правописанія согласно выгору, ни наоборотъ — правилъ выговора согласно правописанію. Но

нѣтъ никакой надобности, вопреки генетикѣ (этимологіи), чистый звукъ О читать за звукъ А въ такихъ, напр., словахъ, какъ: колизе́й, конспе́ктъ, прое́ктъ, соціали́змъ, Ове́рнъ, Остенде, Родо́съ и проч. Къ чему приводитъ такое, ничѣмъ неоправдываемое, произношеніе, примѣромъ можетъ служить слово кобальтъ. Въ нашихъ словаряхъ оно приняло слѣдующую фонетику: у Макарова — коба́льтъ и кобо́льтъ, у Рейфа и Академіи — коба́льтъ, у Даля — ко́бальтъ. Итакъ, одно и то же слово, сохраняющее постоянное, неизмѣнное произношеніе во французскомъ языкѣ (cobalt), у насъ получило три различныхъ произношенія. Очевидно, что эта путаница произошла именно вслѣдствіе отсутствія всякихъ правилъ нашего слогоударенія. Спрашивается: которое же изъ трехъ показанныхъ произношеній болѣе правильно? Если гласную О не читать за А — въ чемъ и здѣсь не представляется никакой надобности — то самымъ правильнымъ начертаніемъ будетъ: коба́льтъ. Самымъ неправильнымъ надо признать начертаніе ко́больтъ: ибо оно, съ одной стороны, совершенно несогласно ни съ правописаніемъ, ни съ произношеніемъ первообраза, а съ другой — противорѣчитъ основнымъ требованіямъ благозвучія (слогъ **коб** издаетъ слишкомъ сильный отзвукъ).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Удареніе на приставкахъ.

Приставки-предлоги въ нашей просодіи играютъ весьма важную роль, оказывая свое дѣйствіе на подвижность ударенія. Въ двухъ послѣднихъ главахъ, между прочимъ, мы вкратцѣ коснулись и этого предмета. Теперь разсмотримъ его подробно.

Приставками служатъ слѣдующіе предлоги: без, во, воз, вы, до, за, из, на, над, низ, о, обез, от, па, пере, пре, пред, по, под, пра, при, про, раз, ров, со, су, у, через.

§ 46. *Удареніе формъ съ приставкою* **вы**. Самою замѣчательною приставкою надо считать уже нѣсколько намъ знакомую **вы**. Обстоятельное разсмотрѣніе формъ съ приставкою **вы** приводитъ къ тому заключенію, что удареніе въ этихъ формахъ по преимуществу имѣетъ своимъ назначеніемъ различать глагольные виды. При чемъ оно подчиняется слѣдующимъ двумъ правиламъ:

1) Формы краткія (какъ по числу слоговъ, такъ и по долготѣ слоговыхъ звуковъ) выражаютъ совершенный (окончательный), а также однократный виды и въ то же время постоянно держатъ удареніе на приставкѣ: выбрать, выдать, вылить, выронить, выпустить, выростить, выиграть; выдвинуть, вынуть, вытолкнуть, выдернуть и проч. Происшедшія отъ этихъ глаголовъ имена, а равно причастія сохраняютъ то же удареніе: выборъ, выборка, выбранный, выдача, выданный, вылитый, вылитіе, выроненный, выроненіе, выпускъ, выпущенный, выростъ, выростка, выросшій, выращенный, выращеніе, выигрышъ, выигранный; выдвинутый, выдвинутіе, вынутый, вынутіе, выемъ, выемка, выемщикъ, вытолкнутый, вытолкнутіе, выдернутый, выдернутіе, выдерга и проч.

и 2) Напротивъ, формы растянутыя и усложнившіяся вставками и наставками выражаютъ несовершенный (длительный), а также многократный виды и, согласно общему закону (§ 41), удареніе по преимуществу держатъ на одномъ изъ срединныхъ слоговъ и только изрѣдка (въ глагольныхъ формахъ на *ть* и въ прилагат. на *ой*) — на конечномъ: выбира́ть, выбира́ніе, выбира́тель, выбира́ющій; выдава́ть, выда́вывать, выдава́нье, выдаю́щій, выдава́емый; вылива́ть, вылива́нье, вылива́ющій; выроня́ть, выра́ниванье, выра́нивающій; выпуска́ть, выпуска́ніе, выпуска́ющій, выпуска́емый, выпускно́й; выраща́ть, выра́щивать, выраща́емый; выи́гривать, выи́гривающій, выи́гриваемый, выигришно́й; выдвига́ть, выдвига́ющій, — емый, выдвижно́й; вынима́ть, вынима́ніе, вынима́ющій, — емый; выта́лкивать, выта́лкиванье, выта́лкивающій, — емый; выде́ргивать, выде́ргиванье, выде́ргивающій, — емый. Если сопоставить съ этими примѣрами примѣры вышеприведенные (въ 1-мъ пунктѣ), то можно предположить, что около половины словъ съ приставкою **вы** носятъ удареніе на этой послѣдней. По точнымъ же исчис-

леніямъ, показаннымъ въ «Русскомъ Слогоуд.», всѣхъ приставокъ **вы** ударяемыхъ сравнительно съ неударяемыми доходитъ до 60% слишкомъ (I вып. стр. 58).

§ 47. *Удареніе на приставкахъ*: **па, пра, роз** и **су**.

Словъ съ приставками **па**, **пра**, **роз** (рос) и **су** гораздо меньше, чѣмъ съ приставкою **вы**; тѣмъ не менѣе эти приставки заслуживаютъ наше вниманіе по тому, что и онѣ очень часто требуютъ на себѣ ударенія. Изъ нихъ приставка **па** по числу падающихъ на нее ударенiй занимаетъ во всей просодіи первое мѣсто, такъ-какъ это число сравнительно съ общимъ числомъ всѣхъ словъ съ сказаннымъ предлогомъ составляетъ 80% слишкомъ. Затѣмъ другія приставки, взятыя въ подобныхъ же отношеніяхъ, равняются:

пра — около 34% слишкомъ,
роз (рос) — около 50%,
су — около 39%. Эти выводы сдѣланы изъ новыхъ исчисленій, уже не по словарю Академіи, а по словарю Даля и, поэтому, не сходятся съ выводами «Русскаго Слогоуд.» (стр. 60 и 61).

§ 48. *Удареніе остальныхъ предлоговъ-приставокъ.*

Изъ предлоговъ, служащихъ приставками, по ударенію замѣчательны, какъ контрастъ съ вышеисчисленными, слѣдующіе:

приставки **обез** и **пред**, хотя входятъ въ составъ нѣсколькихъ сотъ словъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не держатъ на себѣ ударенія; далѣе,

приставка **без**, входя въ составъ больше тысячи словъ, принимаетъ на себѣ удареніе только въ двухъ словахъ — *бездна* и *безтолочь* (а также въ производномъ отъ послѣдняго — безтолочить); затѣмъ,

приставка **у**, повторяясь въ словаряхъ больше трехъ тысячъ разъ, удареніе принимаетъ только въ 30 словахъ; почти въ такомъ же видѣ практикуется и

приставка **раз** и, наконецъ,

приставка **че́рез (чрез)**, входя въ составъ 16 словъ, вовсе лишается своего ударенія, передавая его, на общемъ основаніи акцентаціи составныхъ словъ, второй составной части, напр., черезсѣдѣ́льникъ, чрезвыча́йно, черезчу́ръ и проч.

Что касается другихъ, еще неперечисленныхъ, приставокъ, то только **пере** довольно часто носитъ удареніе (до 20%); остальныя же — рѣдко (отъ 1 до $4^1/_2$%). Такъ, предлогъ **по**, употребляясь какъ приставка съ огромнымъ числомъ словъ (до 7 тысячъ слишкомъ), держитъ удареніе на 180 словахъ ($2^1/_2$%).

§ 49. *Послѣдовательность ударенія на приставкахъ.* Разсматривая спеціально тѣ формы, на приставки коихъ падаетъ удареніе, въ ихъ акцентаціи можно замѣтить ту же послѣдовательность, какую мы видѣли раньше въ § 38 п. п. 1, 2, 4, 6 и § 44, а именно: удареніе часто падаетъ на приставку 1) въ краткихъ формахъ именъ и преимущественно на **ь**, какъ напр. возрастъ, подвигъ, ободъ, обыскъ, облако, облачный, убыль, убыльный, надпись, перекось, ухоботь, утварь, увалень, участь, помѣсь и проч. и 2) въ причастіяхъ страд., напр. дознанный, изгнанный, изданный, названный, проданный, пойманный, пе́реданный v. пере́данный и проч. При чемъ, въ причастіяхъ чаще всего удареніе падаетъ на предлоги **со** и **у**: 1) убранный, угнанный, узданный, узрѣнный, узнанный, усланный, устланный, урванный, утканный; и 2) собранный, совранный, солганный, согнанный, согнутый, содранный, созванный, созданный, сорванный, сосканный, сосанный, сотканный, соткнутый. Кромѣ причастія, изъ глагольныхъ формъ также довольно часто держитъ удареніе на приставкахъ форма прошедшаго же времени изъявит. накл., какъ напр. продалъ, создалъ, обнялъ, пе́редалъ и проч., — о чемъ, впрочемъ, мы будемъ еще говорить подробно въ главѣ о семазіологическомъ удареніи.

Примѣчаніе 1-е. О приставкахъ **въ, вз, съ** мы вовсе не упоминали не потому только, что онѣ сами по себѣ не составляютъ слога, но и по тому, что не оказываютъ никакого вліянія на измѣненіе мѣста ударенія въ соединяемыхъ съ ними словахъ: такъ, напр., удареніе въ словахъ: бива́ть, бры́знуть, веде́ніе, де́рнутый, у́зить и проч. остается то же и тогда, когда къ нимъ будутъ приставлены сказанные предлоги: вбива́ть, взбры́знуть, взводи́ть, введе́ніе, вздёрнутый, су́зить, су́живать и проч. Что же касается словъ: взголо́вье, взго́рье, взго́рокъ, взго́рочекъ и проч., то и здѣсь предлогъ **вз** остается ни при чемъ, такъ-какъ на передвиженіе ударенія съ одного слога въ первообразномъ словѣ на другой — въ производномъ дѣйствуетъ другая причина, объясненная уже въ девятой главѣ, т. е. усложненіе формы.

§ 50. *Рѣдкія формы неопред. наклоненія, въ коихъ удареніе падаетъ на приставки.*

Въ акцентаціи предложныхъ глаголовъ замѣчательно одно явленіе, состоящее въ томъ, что, въ противоположность объясненнымъ въ предыдущемъ параграфѣ формамъ прошедш. времени, формы неопред. накл., даже самыя краткія, почти вовсе не терпятъ ударенія на своихъ приставкахъ (за исключеніемъ, какъ само собою разумѣется, приставки вы): изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ предложныхъ глаголовъ едва можно было отыскать около сорока такихъ, кои носятъ удареніе на приставкѣ. Вотъ эти глаголы:

безтолочь
возриться
дозрити (ц.-сл.)
заврить (отъ стар. во́ры — сваи; отсюда заво́ра — затворъ, засовъ).
завтракать
зазрѣть
застить и за́стовать (засѣнить, затемнять).
затхлѣть
наузить
пабѣдить и па́бѣдовать
павечерничать
павозить и па́возиться
пагубить
паздерить (драть, сдирать)
пакостить и па́костничать
палубить
памятовать
пасмурить
пасынковать
паторочить (отъ торочить — «ввязывать въ торока». Д).
паузить и па́узиться
паужинать (то-же, что́ па́вечерничать)
пачесать (ленъ)
пере́чить (см. ниже 2-е примѣчаніе)
помнить
потчивать
прашничать (праши́ть — промышлять прасольствомъ)
призрить (ц.-сл.)
призрѣть (ц.-сл.)
рознить и ро́зничать
совѣстить (ся)
суводить (волновать, мутить)
су́во́риться (2 ударенія) — сердиться, дуться
сумеречничать v. суме́рничать, тоже:
сутемничать v. сутеме́нничать.
сутолочить
ужинать. Къ этому же разряду глаголовъ надо еще причислить и глаголъ *по́лдничать*, хотя здѣсь приставка *пол* — не предлогъ.

Примѣчаніе 2-е. Въ словѣ *перечить*, по краткости его второй составной части, первая часть (пере) представляется не-

возможною какъ приставка (prefix). Однако факты изъ сравнительнаго языкознанія положительно доказываютъ, что здѣсь *пере* есть предлогъ, какъ ни кажется это оригинальнымъ. Вотъ эти факты:

1) польское prze = русск. пере;

2) польское przeciw, naprzeciw = русск. противъ, напротивъ;

и 3) przeczyć, sprzeczać się, przeciwić śię и проч. = не соглашаться, спорить, противиться чему, или, что́ все равно — *пере́чить*.

Да и въ русскомъ простонародномъ языкѣ можно найти подобные же факты. Такъ, *супре́тить* значитъ стошнить (т. е. удалить *противное* противиться).

Супрети́ть и *супре́чивать* значитъ упорно спорить. (Даль). Отсюда выходитъ, что въ извѣстномъ смыслѣ слово *пере* есть такой же предлогъ, какъ и слово *противъ*. Впрочемъ, форма *перечить* не есть особенно рѣдкое явленіе. Помимо нѣкоторыхъ другихъ изъ перечисленныхъ глаголовъ, какъ-то: *зазрить*, *помнить*, *рознить* и проч., по своей краткости немногимъ отличающихся отъ *перечить*, есть еще и другія слова съ такою же краткою темою, какъ и упомянутая форма, какъ напр. не́тель и нетёлъ, не́четъ, не́сыть, не́сѣдь, не́хоть, не́учъ и проч.

§ 51. *Другія приставки, кромѣ предлоговъ.* Изъ другихъ приставокъ, кромѣ предлоговъ, заслуживаютъ вниманія слѣдующія двѣ:

1) Приставка пол (полу) употребляется со многими именами, преимущественно существительными, и съ слѣдующими глаголами: по́лдничать, полови́нить, полови́нничать, пол(у)но́чничать, полудённичать. (По словарю Даля, словъ съ приставкою *пол* и *полу* насчитывается съ полтысячи). Что касается акцентаціи этихъ словъ, то здѣсь она очень своенравна, такъ-что невозможно вывести точно-опредѣленнаго правила, по тому-что какъ ихъ составъ, такъ и значеніе чрезвычайно разнообразны. Но вообще можно сказать, что удареніе рѣдко падаетъ на сказанныя приставки, и именно только въ слѣдующихъ формахъ: по́лка, по́лгода, по́лслова, полу́бочье, по́лдень, по́лдникъ (и полдни́къ) по́лдница (половина деннаго пути), полу́денный (и полуде́нный), полу́дникъ, полу́денница, по́лдничанье; по́лночь, полу́ночный (и полно́чный), полу́ночникъ (и полно́чникъ), полу́ночница. Числительныя, сложенныя съ словомъ *пол*, носятъ удареніе на конечномъ слогѣ: полтора́ (и полу́тора), полтретья́, полпята́, полшеста́, полсема́, полосьма́, полдевята́, полдесята́, полуста́. Затѣмъ, зна-

чительное большинство разсматриваемыхъ формъ удерживаетъ генетическое удареніе, какъ напр.: полугóдокъ, полуóстровъ, полуýмный, полдéсти, полдéньги, полбóчки, полдюжины, полуведрó, полусукнó, полухóлстъ, полуставъ, полугласный, полусýточный, полунагóй и проч.

и 2) Другая приставка, такъ называемая отрицательная частица *не* употребительна съ весьма многими словами, преимущественно же съ именами существительными, отчасти съ прилагательными, глаголами и нарѣчіями. Такихъ формъ по словарю Даля (за исключеніемъ тѣхъ, кои употребляются и безъ отрицанія *не*) наберется до полторы тысячи. Изъ этихъ формъ приблизительно десятая часть носитъ удареніе на приставкѣ и преимущественно въ именахъ существительныхъ, оканчивающихся на *ь*, какъ напр.: недолéть, неспорь, нетель, недолись, неурядь, нéдородь (и недорóдъ), некресть (и нéкрестъ) и проч. Изъ именъ прилагательныхъ извѣстно только одно съ удареніемъ на *не* — нéмощный, (отъ нéмощь); остальныя, образовавшіяся подобнымъ образомъ, свое удареніе переносятъ на послѣдующіе слоги, какъ напр. отъ нéчетъ — нечéтный, отъ нéнависть — ненáистный, отъ нéнасыть — ненасытный. Изъ нарѣчій носятъ удареніе на приставкѣ *не* слѣдующія: нетдѣ, некуда, неоткуда, некогда, неколи, нечто, нехотя, небожно (не божась), невѣсь, невѣсть, нечего; и нежели (союзъ). Что касается, наконецъ, глаголовъ, въ коихъ отрицаніе употребляется *только* слитно, то ихъ насчитывается всего до 40 и ни одинъ изъ нихъ не допускаетъ ударенія на приставкѣ. Хотя послѣ этого они не имѣютъ никакого значенія въ просодіи, но такъ-какъ ихъ всетаки надо знать ради правописанія, а между-тѣмъ они не помѣщены въ грамматикахъ: то, разъ потрудившись надъ ихъ выборкою, авторъ сей книги считаетъ нелишнимъ перечислить здѣсь всѣ эти глаголы. Вотъ они: небось, небрéчь, невзвидѣть, невздолить, невздужать, неволить, невольничать, невѣстить, невѣститься (отъ невѣста), негодовать, нельзя, недомагать, немочь, неможется, недомочь, немогти, несмочь, несмогать, немоществовать, недоразумѣвать, недоумѣвать, недоумѣть, недоставать, (*безл.* недостаетъ, недостало, недостанетъ, въ смыслѣ не имѣть), недуговать v. недужать, неистовать, неистовствовать, нейти (нейдетъ), нейметъ, неймется,

необинуясь, несмотря (въ видѣ нарѣчія), ненавидѣть, ненавистничать, нездоровится (безлично, быть больнымъ) и непоздоровиться (прійтись не по добру, неудачно), несдобровать, нестанетъ (безлично) нестало, напр., красныхъ дней и я не стану, онъ не станетъ и проч., напр., читать книги.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Удареніе на конечномъ слогѣ.

§ 52. *Акцентація словъ, состоящихъ изъ двухъ тождественныхъ слоговъ.* Если и между слоговыми частями каждаго слова должны быть перерывы, хотя бы по своей краткости едва уловимые: то тѣмъ болѣе ясность рѣчи требуетъ, чтобы перерывы между отдѣльными словами были всегда вполнѣ явственны или, что́ все равно, сравнительно болѣе длительны. И поэтому одинъ и тотъ же звукъ, входя въ составъ конечнаго слога, бываетъ длительнѣе, чѣмъ входя въ составъ начальнаго или срединнаго слоговъ: такъ, напр., согл. **л, р, ч** въ словахъ *земель, горъ, рѣчь* длительнѣе, чѣмъ въ словахъ *земельный, горный, рѣчью*; подобнымъ же образомъ, напр., согл. **к** длительнѣе въ словѣ *земляни́къ*, чѣмъ въ словѣ *земляни́ка*. Иначе и быть не можетъ: ибо, заканчивая собою слово, каждый звукъ, по необходимости, долженъ вполнѣ вылиться наружу со всею своею силою, тогда-какъ имѣя предъ собою другіе звуки, онъ можетъ часть своей долготы передать слѣдующему за нимъ звуку. А такъ-какъ ударе́ніе, въ сущности, есть увеличеніе долготы (т. е. протяженіе) того слога, на который оно падаетъ, то естественно, что для того, чтобы въ формахъ, состоящихъ изъ двухъ совершенно тождественныхъ или фонетически близкихъ между собою слоговъ, относительная долгота этихъ послѣднихъ по возможности выравнялась, ударе́ніе должно падать на первый слогъ. И это дѣйствительно подтверждается многими формами, какъ напр. вава, мама, папа, баба, дядя, няня, тятя, тётя, Лёля, ляля и проч.

§ 53. *Переходъ ударенія въ краткихъ формахъ на конечный слогъ.* Вотъ формы: *дудá*, *бобá* (отъ бобъ), *попá* (отъ попъ), формы, которыя противорѣчатъ изложенному въ предыдущемъ параграфѣ правилу, такъ-какъ въ этихъ формахъ оба слога состоятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же согласныхъ, между-тѣмъ-какъ гласныя во вторыхъ слогахъ длительнѣе чѣмъ въ первыхъ; и, поэтому, во избѣжаніе того, чтобы конечный слогъ не вышелъ очень протяжнымъ, ударенію не слѣдовало бы падать на этотъ послѣдній. Но это противорѣчіе объясняется и оправдывается причинами болѣе общими тѣхъ, на основаніи которыхъ мы вывели упомянутое правило. Причины эти заключаются въ способѣ артикуляціи такихъ звуковъ, какъ, съ одной стороны, о (съ широко раскрытымъ ртомъ), а съ другой — б, д, п (съ сжатыми губами), что́ уже достаточно выяснено во второй и третьей главахъ. Разсматривая вышеупомянутыя формы, мы видимъ, что въ составѣ ихъ обоихъ слоговъ входятъ одни и тѣ же, самые мгновенные, согласные звуки, — что́ вообще встрѣчается рѣдко: а это обстоятельство ведетъ къ тому, что если мы станемъ артикулировать первые слоги, дѣлая на нихъ ударе́ніе, слѣдовательно присоединяя къ нимъ смежныя согласныя, т. е. слоги *дуд*, *боб*, *поп*, то эти слоги выйдутъ черезчуръ протяжными, такъ-что перерывъ между ними и вторыми слогами (а) окажется равносильнымъ тому перерыву, какой обыкновенно бываетъ между двумя отдѣльными словами. Если же мы, сплою воли, постараемся ту же артикуляцію выполнить возможно быстрѣе, съ тѣмъ, чтобы избѣгнуть сказаннаго перерыва, то мы невольно сдѣлаемъ ударе́ніе и на послѣднемъ слогѣ, такъ-что въ этомъ случаѣ появятся въ одномъ словѣ два ударе́нія вопреки нашему желанію. И вотъ почему здѣсь невозможны ни ударе́ніе на первомъ слогѣ, ни другая разстановка согласныхъ, какъ лишь слѣдующая: *ду-дá*, *бо-бá*, *по-пá*. Конечно, здѣсь вторые слоги выходятъ болѣе протяжными, чѣмъ первые; но отношеніе долготы одного слога къ другому здѣсь всетаки менѣе неравномѣрно, чѣмъ въ *дýд-а*, *бóб-а*, *пóп-а*.

§ 54. *Замѣчательное просодическое явленіе, происходящее отъ передвиженія ударенія на конечный слогъ.*

Выше разсмотрѣнныя формы, при артикуляціи *дýд-а*, *бóб-а*, *пóп-а*, какъ мы уже выше объяснили, выходятъ весьма неблагозвучными; ибо здѣсь въ ударяемыхъ слогахъ мгновенныя согласныя (д, б, п) издаютъ рѣзко протяжный отзвукъ. Во избѣжаніе этого, народъ безъ всякихъ разсужденій, подъ вліяніемъ силы своего генія, сдѣлалъ то, что́ мы находимъ нужнымъ сдѣлать на основаніи извѣстныхъ намъ законовъ, т. е. устранилъ этотъ неудобный въ сказанныхъ случаяхъ звукъ **о**, замѣнивъ его на болѣе подходящій звукъ — **а**. Такимъ образомъ, мы и здѣсь видимъ, что фонетика, долго боровшись съ этимологіею, восторжествовала надъ этою послѣднею и пошла своею дорогою (§ 44). Это очень запутало нашу орѳографію; но за то нашъ акцентъ пріобрѣлъ особенную гибкость и подвижность; а вслѣдствіе этого и благозвучіе нашего языка получило ту окраску, то разнообразіе, какими не могутъ пользоваться другіе языки. Мы обыковенно говоримъ: *бáба*, *пáпа*, потому-что это, какъ намъ уже извѣстно (§ 52), благозвучнѣе, чѣмъ бабá, папá (впрочемъ, нерѣдко случается слышать и этотъ послѣдній «прононсъ» à la française). Но коль скоро встрѣтятся такія формы, кои требуютъ, по этимологіи, начертанія **бо**ба (отъ бобъ), **по**па (отъ попъ), въ произношеніи мы игнорируемъ этимологію и, замѣняя звукъ **о** на **а**, говоримъ: бабá, папá, потому-что, хотя это менѣе благозвучно, чѣмъ бáба, пáпа, но всетаки благозвучнѣе, чѣмъ **бо**ба, **по**па. Сопоставляя между собою формы баба и боба, папа и попа и другія, имъ подобныя, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ, весьма замѣчательнымъ въ русскомъ языкѣ явленіемъ: взятыя въ извѣстныхъ формахъ два слова, хотя, несмотря на нѣкоторое свое тожество, не сходятся между собою въ своихъ трехъ отличительныхъ чертахъ (по корню, правописанію и значенію), однако ничѣмъ бы не различались одно отъ другого и по своей фонетикѣ, если бы при замѣнѣ звука **о** на звукъ **а** въ такихъ формахъ, какъ боба и попа, въ то же время и ударе́ніе не сдвигалось съ своего кореннаго мѣста на конечный слогъ. Итакъ, передвиженіе ударенія на конечный слогъ иногда находится въ прямой зависимости отъ произношенія гласной **о**: нося на себѣ

удареніе, она никогда не теряетъ своего настоящаго звука; лишившись же ударенія, въ извѣстныхъ случаяхъ она замѣняется на звукъ **а**. Передвиженіемъ же ударенія и одновременно съ нимъ замѣною звука **о** на звукъ **а** достигаются заразъ двѣ цѣли — возможно большее благозвучіе и возможно бо́льшая ясность рѣчи.

§ 55. *Причины, по коимъ удареніе падаетъ на конечный слогъ нетолько въ кратких, но и въ довольно сложныхъ формахъ.* Чтобы ясно представить себѣ, почему не только въ такихъ краткихъ, какъ дуда, боба, попа, но и въ довольно сложныхъ формахъ удареніе нерѣдко падаетъ на конечный слогъ, разсмотримъ напр. глаголы переговори́ть и на́вечерничать. Здѣсь удареніе съ основныхъ слоговъ простѣйшихъ (двучленныхъ) формъ — го́воръ и ве́черъ — передвигается разъ на окончаніе, а другой — на приставку поименованныхъ сложныхъ (пятичленныхъ) формъ. И поэтому является вопросъ: почему здѣсь, не смотря на аналогичность этихъ формъ по этимологіи, нѣтъ никакой послѣдовательности въ просодіи? Если бы удареніе зависѣло лишь отъ состава (по числу слоговъ) данной формы, то, конечно, въ настоящемъ случаѣ можно бы заключить, что наша акцентація или вовсе не подчиняется никакимъ законамъ, или если и подчиняется, то все же не тѣмъ, какіе мы вывели въ §§ 39, 41 и 52. Но дѣло въ томъ, что наше удареніе есть явленіе чрезвычайно сложное: кромѣ упомянутыхъ законовъ, есть еще и другія, отчасти нами уже объясненныя (въ §§ 6, 13 и 20), причины, отъ которыхъ также въ свою очередь зависитъ перестановка ударенія. Повторимъ здѣсь вкратцѣ эти причины:

1) извѣстныя сочетанія простѣйшихъ звуковъ въ слоговые комплексы;

2) бо́льшая или меньшая интенсивность звука той согласной, которая служитъ связующимъ звеномъ между ударяемымъ и послѣдующими слогами;

3) смягченіе какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ звуковъ;

4) предлоги-приставки;

5) переходъ звука **о** въ звукъ **а**; и

6) логическія (семазіологическія) требованія.

Эти факторы могутъ совмѣщаться въ данной формѣ или всѣ заразъ, или же лишь нѣкоторые изъ нихъ. Но и въ первомъ случаѣ не всѣ они безусловно равносильны: нерѣдко случается, что тотъ или другой изъ шести перечисленныхъ факторовъ не оказываетъ никакого дѣйствія на акцентацію, предоставляя свою просодическую роль остальнымъ факторамъ. И въ настоящемъ случаѣ одинъ изъ перечисленныхъ факторовъ, именно *смягченіе звуковъ* не имѣетъ никакого просодическаго значенія: ибо формы *говори́ть* и *говори́тъ*, а равно *переговори́ть* и *переговори́тъ* совершенно тожественны по акцентаціи, несмотря на то, что въ одной изъ нихъ послѣ ударяемой гласной слѣдуетъ мягкая, въ другой — твердая согласная (т). Зато остальные факторы въ своей совокупности производятъ то, что форма — *переговорить* удареніе держитъ на конечномъ слогѣ вопреки какъ своей генетикѣ, такъ и чуть упомянутому общему закону. И вотъ какимъ образомъ это происходитъ. Хотя слово *говорь* и носитъ удареніе на первомъ слогѣ, но эта акцентація не благозвучна: ибо переходъ артикуляціи отъ звука **о** къ звуку **в** и обратно — отъ **в** къ **о**, при подъемѣ голоса на первомъ **о** весьма затруднителенъ. И, поэтому, подобныя же слова, какъ напр. заговóръ, наговóръ, приговóръ, сговóръ, уговóръ и т. п. не допускаютъ ударенія на слогъ **гов**. По этой же причинѣ и многія формы какъ глагольныя, такъ и именныя со вставкою **ов** рѣшительно отвергаютъ удареніе на этой послѣдней. Отсюда ясно, что и въ словѣ переговорить слогъ **гов** не можетъ носить на себѣ ударенія. Подобнымъ образомъ и слогъ **вор** въ этомъ же словѣ не годится для передышки: ибо здѣсь звуку **р**, органически связанному съ твердымъ звукомъ **во**, коль скоро на этомъ послѣднемъ (вслѣдствіе ударенія) дѣлается протяженіе, трудно смягчиться для того, чтобы примкнуть къ смежному съ нимъ мягкому звуку **и**, не дѣлая слишкомъ длиннаго и, слѣдовательно, негармоничнаго перерыва. Послѣ этого, удареніе, по необходимости, должно падать или на конечный слогъ, или же на приставку. Хотя, какъ намъ это уже извѣстно (§ 48), предлогъ *пере* какъ приставка и допускаетъ на себѣ удареніе; но это случается довольно рѣдко и, что́ главное, только въ краткихъ формахъ. Въ такихъ же сложныхъ формахъ, какъ *переговорить*, акцентъ на этой при-

ставкѣ невозможенъ: ибо, чтобы проартикулировать это слово отъ начала до конца безъ всякой остановки, здѣсь передышка должна быть гораздо энергичнѣе, чѣмъ напр. при артикуляціи слова *пе́рекось*; а поэтому и слогъ *пе́р*, уже и самъ по себѣ довольно протяжный, при сказанномъ же условіи долженъ выйти слишкомъ протяжнымъ. По всѣмъ этимъ причинамъ ударе-ніе въ разбираемомъ словѣ падаетъ на слогъ конечный. Что касается, затѣмъ, формы *павечерничать*, то здѣсь удареніе, падая на приставку, не мѣшаетъ благозвучію подобно тому, какъ въ формѣ *переговорить*, гдѣ слоговой комплексъ *пе́р* несравненно протяжнѣе слогового комплекса *пав*; при чемъ, такая акцентація въ то же время удовлетворяетъ и семазіологическимъ требованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ: если бы удареніе въ этомъ словѣ осталось на слогѣ *веч*, то такая фонетика напоминала бы о вечерѣ, между-тѣмъ-какъ здѣсь должно выразиться представленіе объ ужинѣ, т. е. о ѣдѣ, которая обыкновенно происходитъ у крестьянъ вечеромъ. Вотъ это-то представленіе и привзносится помощью перестановки ударенія съ коренного слога на приставку. Въ глаголѣ же *говорить* приставка *пере* не имѣетъ подобнаго значенія, какъ приставка *па* въ глаголѣ павечерничать. Напротивъ, семазіологическая сущность глагола *говорить* мало измѣняется отъ прибавки къ нему предлога, который въ этомъ случаѣ привзноситъ въ его значеніе лишь такой оттѣнокъ, который нельзя назвать иначе, какъ *глагольно-видовымъ*. А этотъ оттѣнокъ, независимо отъ предловъ, обыкновенно выражается помощью глагольнаго окончанія при подъемѣ на этомъ послѣднемъ голоса.

§ 56. *Общій выводъ объ ударе-ніи на конечномъ слогѣ.* Въ главѣ девятой (§ 39) мы видѣли, что удареніе довольно часто падаетъ на конечный слогъ въ пятичленныхъ формахъ, какъ напр. переговорить, перетолковать, воодушевить, преобразовать, пооткалотить, предувѣдомлять, и иногда даже въ шестичленныхъ, какъ напр. переобразовать. Но это случается только въ такихъ предложныхъ глаголахъ, конхъ приставка состоитъ изъ двухъ слоговъ (*пере*, *прео*, *поот*, *воо*, *преду* и проч.). Въ предыдущемъ параграфѣ мы уже объяснили причины этого уклоненія отъ общаго закона. Но каковы бы ни были эти причины, во всякомъ слу-

чаѣ, при подъемѣ голоса на конечномъ слогѣ такихъ длинныхъ какъ вышеприведенныя и имъ подобныя слова, сказанный слогъ, уже по закону инерціи, не можетъ не быть очень протяжнымъ. Однако это небезусловно вѣрно. Прежде всего вспомнимъ, что слоговая долгота — вещь относительная и что она зависитъ не отъ одного состава (числа слоговъ) даннаго слова, но и отъ его строенія (членораздѣльныхъ звуковъ изъ сочетаній гласныхъ съ согласными). Затѣмъ, обратимъ вниманіе: 1) что тѣ изъ сложныхъ формъ, которыя носятъ удареніе на конечномъ слогѣ, состоятъ если невсегда изъ самыхъ простыхъ, т. е. изъ одной гласной и одной согласной, то, по крайней-мѣрѣ, не очень трудныхъ для артикуляціи слоговыхъ звуковъ, какъ напр. слово восторжествовать, гдѣ звуки *ст* и *ств* очень свободно вяжутся въ одно органически цѣлое; и 2) что, напротивъ, подобныя же (четырехчленныя и пятичленныя) формы, усложнившіяся длительными и, слѣдовательно, замедляющими артикуляцію вставками какъ *тель, нич*, напр. свидѣтельствовать, хозяйничать, совсѣмъ отвергаютъ удареніе на конечномъ слогѣ. По этимъ причинамъ артикуляція сказанныхъ словъ съ удареніемъ на конечномъ слогѣ идетъ болѣе или менѣе свободно, безъ особеннаго напряженія голосовыхъ органовъ, а потому и долгота ударяемаго слога болѣе или менѣе гармонируетъ съ общею фонетикою такихъ словъ. При томъ, изъ фактовъ приведенныхъ въ IX главѣ видно, что на конечный слогъ удареніе падаетъ преимущественно въ тѣхъ четырехчленныхъ и пятичленныхъ формахъ, въ коихъ этотъ слогъ отличается особенно плавною краткостью, какъ напр.: волосянникъ, единорогъ, антогонизмъ, библіографъ, передовой, блѣдноголубой и проч. (§ 39 п. 3). Правда, что между этими формами попадаются (хотя изрѣдка) и такія, которыя въ своемъ ударяемомъ окончаніи издаютъ или очень протяжный призвукъ, какъ напр. казначея, ворожея или очень сильный отзвукъ, какъ напр. генералитетъ, дорогопроводъ. Но коль скоро при изученіи просодіи мы имѣемъ дѣло съ благозвучіемъ нашей рѣчи, то не должны забывать, что, кромѣ относительной долготы ударяемаго слога, это благозвучіе находится въ зависимости еще и отъ другого условія, и именно отъ плавности звуковъ при переходѣ артикуляціи сказаннаго слога къ артикуляціи слѣдующаго, смежнаго

съ нимъ, слога. Имѣя это въ виду, мы легко поймемъ, что если удареніе, падая на конечный слогъ, невсегда удовлетворяетъ первому изъ сказанныхъ условій благозвучія, то зато *безусловно* не противорѣчитъ второму условію, т. е. оно въ этомъ случаѣ безусловно избѣгаетъ встрѣчи съ такими слоговыми комплексами, при передышкѣ на которыхъ пострадали бы нетолько плавность, но и выразительность рѣчи вслѣдствіе долгаго перерыва среди неоконченнаго артикуляціею слова. И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы отъ ударенія ни становился протяжнымъ конечный слогъ, все же это протяженіе не производитъ такой дисгармоніи, какъ неумѣстный подъемъ голоса на другихъ слогахъ: ибо и очень длительное протяженіе голоса послѣ окончанія артикуляціи цѣлаго слова не производитъ впечатлѣнія той отрывочности, какая чувствуется отъ затрудни-тельности артикуляціи при переходѣ ея отъ ударяемаго къ послѣдующему слогу.

Изъ всего изложеннаго въ настоящей главѣ мы приходимъ къ слѣдующему выводу: Когда при извѣстномъ строеніи даннаго слова ни та, ни другая акцентація не выравниваетъ относительной долготы его составныхъ частей, то удареніе обыкновенно падаетъ на конечный, т. е. тотъ именно слогъ, при подъемѣ звуковъ котораго неравномѣрность сказанной долготы становится менѣе чувствительною.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Удареніе именъ существительныхъ.

§ 57. *Общее обозрѣніе.* Изъ всѣхъ частей рѣчи имя существительное по отношенію къ акцентаціи играетъ первенствующую роль: какъ вообще по своему строенію, такъ и по чрезвычайному разнообразію своихъ окончаній, оно заключаетъ въ себѣ многія данныя для точнаго опредѣленія всевозможныхъ явленій ударенія. Если возьмемъ

важнѣйшую по разнообразію грамматическихъ формъ часть рѣчи — глаголъ, то и въ его окончаніяхъ мы не найдемъ многихъ сочетаній, встрѣчаемыхъ въ окончаніи именъ существительныхъ, какъ напр.: *аніе*, *еніе*, *иніе*, *аръ*, *оръ*, *ижа* и т. п., между-тѣмъ, ни въ одной части рѣчи нѣтъ ни одного такого слога, который бы не встрѣчался въ окончаніяхъ именъ существительныхъ, взятыхъ или въ прямомъ или въ косвенныхъ падежахъ. Не даромъ всякое слово, къ какой бы части рѣчи оно ни принадлежало и какъ бы оно ни разнилось по своему значенію отъ имени существительнаго, всегда можетъ быть принято за это послѣднее въ извѣстномъ смыслѣ, какъ отвлеченное представленіе о предметѣ. Уже это одно, при изученіи ударенія, даетъ важное преимущество имени существительному предъ прочими частями рѣчи. Но у насъ имѣется подъ рукой еще одинъ весьма любопытный фактъ; это — количественное отношеніе именъ существительныхъ къ остальнымъ частямъ рѣчи. По сдѣланному въ «Русск. Слогоуд.», исчисленію оказывается, что въ словарѣ Макарова существительныя занимаютъ приблизительно половину (около 26,300) всей наличности словъ (52,277). Нѣтъ никакого основанія предполагать, что это отношеніе можетъ измѣниться не въ пользу количества существительныхъ въ другихъ словаряхъ; напротивъ, если бы принять трудъ сдѣлать подобное же исчисленіе по словарю Даля, то навѣрно бы оказалось, что относительное количество этихъ именъ гораздо больше, такъ-какъ Даля не безъ основанія обвиняли въ «сочиненіи» новыхъ словъ; а сочинять можно собственно только имена существительныя. И, дѣйствительно, словарь Даля изобилуетъ, въ особенности, отглагольными именами до излишества, нерѣдко свидѣтельствующаго о явной несообразности; довольно привести хоть, напр., слѣдующія существительныя, произведенныя отъ глагола прибе-регать: «прибереганье, прибереженье, приберёга, прибережка, *при́берегъ* и *прибере́гъ*», не говоря о многихъ другихъ именахъ въ родѣ «обжи́дъ» (отъ обжидать), «о́зиръ» (отъ озирать), поражающихъ слухъ странною фонетикою. (См. вып. II-й, стр. 45, 46). [Слова при́беретъ и прибере́гъ здѣсь уже потому лишни, что первое изъ нихъ — повторяется въ томъ же словарѣ Даля и съ инымъ значеніемъ — прибере́жье (отъ берегъ), а

второе, т. е. приберегъ значитъ прошедшее время отъ глагола приберегать]. Вслѣдствіе такого лексическаго обилія и вышепоказаннаго морѳологическаго разнообразія именъ существит., и акцентація ихъ представляетъ весьма сложный и запутанный предметъ, въ которомъ нелегко разобраться. Несмотря, однако, на все это, изъ обстоятельныхъ изслѣдованій видна здѣсь извѣстная послѣдовательность, состоящая въ томъ, что значительное большинство сказанныхъ именъ подчиняется аналогіи, смотря по примѣтамъ ихъ окончанія, изъ конхъ одни постоянно требуютъ, а другія, наоборотъ — не терпятъ на себѣ ударенія. Разсмотримъ сначала первыя изъ этихъ именъ.

§ 58. *Имена съ окончаніемъ на* **й**. Еще въ началѣ нашей книги (§ 5) мы обратили вниманіе на одинъ весьма своеобразный звукъ и именно й (j), который входитъ въ слоговое сочетаніе неиначе, какъ съ гласными, вовсе не связываясь съ согласными. Затѣмъ, въ главѣ девятой (§ 38 п. 3) показано, что *вообще* всякій слогъ, оканчивающійся на **й**, будетъ ли онъ срединный или конечный — все равно — обыкновенно держитъ на себѣ удареніе. Здѣсь же, разсматривая подробно имена существительныя, мы находимъ, что, за исключеніемъ окончаній **ый**, **ій**, остальныя сочетанія гласныхъ съ полугласною почти постоянно держатъ удареніе. Причемъ, окончанія **ой, уй, юй, ѣй, яй** не допускаютъ противу этого правила никакихъ исключеній. Примѣры: водопой, застой, піздой, перебой; валуй, поцѣлуй, почечуй, халуй; фатюй, волоклюй, пустоплюй; брадобрей, злодѣй, ротозѣй; вихляй, лѣнтяй, негодяй. Что же касается именъ съ окончаніемъ на **ай, ей**, то ихъ акцентація разнообразна. Одни изъ нихъ (бо́льшая часть) тоже носятъ удареніе на этихъ же слогахъ, какъ напр. горностай, закрай, коровай, попугай, растягай, урожай, сарай, шугай; воробей, дуралей, кащей, казначей, соловей, — другія же, наоборотъ, отвергаютъ сказанное удареніе, хотя, впрочемъ, это случается довольно рѣдко, какъ-то: же́ребей (v. жре́бій), иней, чирей, улей; обы́чай, случай, глаша́тай, ратай, ора́тай, согляда́тай, хода́тай, обхожа́тай. Причемъ, надо замѣтить, что собственныя имена на **ей** (ѣй) на этомъ окончаніи удареніе держатъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ: Алексѣй, Андрей, Тимоѳей, Ѳаддей, Орѳей, Тезей и проч. —

Въ существительныхъ нарицательныхъ славянскаго происхожденія окончанія **ій**, **ый**, за исключеніемъ жребій v. жеребій, вовсе не употребительны. Но есть немало подобныхъ именъ иностраннаго происхожденія, какъ-то: антикварій, викарій, опій, цикорій и проч. Это окончаніе встрѣчается также довольно часто и въ собственныхъ именахъ: Овидій, Фабрицій, Василій, Григорій, Ѳеодосій, Ѳотій. Удареніе въ именахъ съ этимъ окончаніемъ, разумѣется, невозможно на послѣднемъ слогѣ: оно падаетъ всегда на предпослѣдній слогъ, т. е. на ту гласную, гдѣ ему слѣдуетъ быть въ первообразномъ словѣ, напр. Basílius, antiquàrius, cichórium и проч. Иностранныхъ именъ на **ый** почти вовсе не встрѣчается: мы припоминаемъ только одно собственное имя съ этимъ окончаніемъ — Батый. Но между русскими нарицательными существительными есть не мало такихъ, которыя, какъ по своему окончанію, такъ и склоненію, относятся къ именамъ прилагательнымъ, напр., двугри́венный, ко́нный, бога́тый; ни́щій, стря́пчій, при́ѣзжій, Всевы́шній. Здѣсь тоже ударе́ніе никогда не падаетъ на послѣдній слогъ. Напротивъ, подобныя же существительныя на **ой** всегда носятъ ударе́ніе на окончаніи: вѣстовой, верховой, городовой, домовой.

§ **59.** *Другія окончанія съ болѣе или менѣе постояннымъ ударе́ніемъ.* Къ другимъ существительнымъ съ постояннымъ или почти постояннымъ ударе́ніемъ на конечномъ слогѣ относятся слѣдующія.

1) Малочисленные ряды двучленныхъ и трехчленныхъ именъ на:

мо: бѣльмо, дермо, клеймо, письмо, ярмо. Исключе́ніе: па́смо.

цо: деревцо, винцо, колесцо, сѣнцо, письмецо, тенетцо, яйцо. Исключе́ніе па́смецо.

чо: на это окончаніе извѣстно только одно имя, какъ особнякъ — плечо.

ачъ: бородачъ, колачъ, силачъ, скрипачъ и проч.

ашъ, яшъ: карандашъ, мурашъ, палашъ, торгашъ; племяшъ, поляшъ и проч.

2) Иностранныя имена, съ неизмѣннымъ постоянствомъ держащія ударе́ніе на окончаніи:

азмъ, измъ: плеоназмъ, сарказмъ, энтузіазмъ; аѳоризмъ, анахронизмъ, оптимизмъ и проч.

антъ, янтъ, ентъ онтъ, интъ: негоціантъ, оффиціантъ, сержантъ, брильянтъ; агентъ, ассистентъ, контрагентъ, экспонентъ; горизонтъ, Піемонтъ; гіацинтъ, лабиринтъ и проч.

ансъ, янсъ: балансъ, контрадансъ, сеансъ; пасьянсъ, фаянсъ.

актъ, ектъ: абстрактъ, контрактъ, экстрактъ; комплектъ, конспектъ, объектъ, проспектъ и проч.

ажъ, ижъ: этажъ, экипажъ, эрмитажъ; престижъ, Адижъ, Парижъ.

3) Такія же, но допускающія исключенія, иностранныя имена на:

асъ, есъ: ананасъ, ватерпасъ, примасъ, хрисопрасъ; конгресъ, интересъ, процесъ, эфесъ. Исключеніе: а́дресъ.

афъ, ифъ: апографъ, стенографъ, телеграфъ, этнографъ; тарифъ, шерифъ, халифъ. Исключеніе: ро́стбифъ.

атъ, итъ, отъ, утъ, ютъ, етъ, этъ: аэростатъ, акробатъ, аристократъ, секретаріатъ; ареолитъ, бисквитъ, кредитъ, бегемотъ, Искаріотъ, камлотъ; вандрутъ, висмутъ; дебютъ, салютъ; авторитетъ, винигретъ, билетъ, квартетъ; поэтъ, силуэтъ и проч. Исключеніе: ве́рмутъ, кли́матъ (но и клима́тъ).

астъ, естъ, истъ: ба́ластъ, схоластъ, энтузіастъ, Эрастъ; аристъ, манифестъ, протестъ, Тріестъ; аметистъ, аллегористъ, методистъ, оптимистъ, пессимистъ. Исключеніе: а́истъ, ака́ѳистъ, анти́христъ.

4) Къ этому же разряду надо причислить и тѣ иностранныя имена, окончанія конхъ отличаются своеобразностью и несходствуютъ съ русскими, и именно на:

и, у, е, э, ѳ: Боссюэ, какаду, жюри, пари, Мишле, аплике, клише, тире, шоссе, медрессе, филе, пліе, фойе, карре, канапе, Готье, Кювье, колье, пресъ-папье, Іудиѳъ, Іокиѳъ, Коринѳъ, Саваоѳъ. Исключеніе: ко́фе, коли́бри, ало́е (но и ало́й).

Русскія имена, оканчиваясь на гласную **е**, обыкновенно имѣютъ предъ собою гласную же **і** или мягкій знакъ **ь**. Такія формы, какъ го́ре, мо́ре, лезвеё (но и ле́звіе), ло́же, по́ле, остреё (но и о́стріе), составляютъ рѣдкость.

5) Почти всѣ исчисленныя въ этомъ параграфѣ иностранныя слова съ замѣчательною устойчивостью держатся и въ нашемъ

языкѣ акцента, свойственнаго тѣмъ языкамъ, изъ коихъ они позаимствованы. Но есть и русскія имена, (впрочемъ, не всѣ славянскаго происхожденія), которымъ тоже принадлежатъ нѣкоторыя изъ упомянутыхъ окончаній, и именно: **атъ, ятъ, етъ, ѣтъ, отъ, утъ, ютъ, ежъ, асъ, есъ, ѣсъ, астъ, остъ, естъ, ѣстъ, устъ, ыстъ** и въ которыхъ удареніе такъ же падаетъ на послѣдній слогъ, напр. булатъ, халатъ, супостатъ, казнопрятъ, пустосвятъ, полетъ, предметъ, водометъ, привѣтъ, разцвѣтъ, завѣтъ, хомутъ, пріютъ, дѣлежъ, кутежъ, падежъ, чертежъ, свинопасъ, тарантасъ, балбесъ, бельмесъ, утесъ, развѣсъ, перевѣсъ, противовѣсъ, прохвостъ, конехвостъ, насѣстъ, посѣстъ, присѣстъ, балахрыстъ. Впрочемъ, нѣкоторыя чисто русскія имена, какъ-то: во́ротъ, ши́ло, хо́ботъ, ле́петъ, скре́жетъ, стре́петъ, во́згласъ, у́жасъ, во́зрастъ, бла́говѣстъ, бе́рестъ, ле́пестъ, пе́рекрестъ, по́свистъ, по́ростъ, хво́ростъ не подчиняются сказанному правилу. Сюда надо причислить, кажется, единственныя имена на **ожъ**: нарицательное сто́рожъ и собственныя: Согожъ, Усо́жъ и Пу́дожъ. Есть еще одно рѣдкое существительное, особнякъ на **очъ**: свѣточъ.

6) Значительною устойчивостью удареніе на конечномъ слогѣ отличаются имена на:

агъ, ягъ, огъ, ѣгъ, угъ, югъ:

Астіагъ, архипелагъ, оврагъ, рычагъ; Варягъ, затягъ, натягъ; каталогъ, итогъ, сапогъ, творогъ, чертогъ, козерогъ; Печенѣгъ, набѣгъ, побѣгъ, перебѣгъ; бельчугъ, терпугъ, сычугъ, Кременчугъ; вертлюгъ, смольчюгъ, утюгъ. Исключенія: не́другъ, во́рогъ, по́тягъ, вы́бѣгъ.

акъ, якъ, укъ, юкъ, ыкъ, ѣкъ:

батракъ, простакъ, рысакъ; берестнякъ, землякъ, известнякъ, острякъ, просвирнякъ; бамбукъ, бурундукъ, коблукъ, паукъ; бирюкъ, битюкъ, индюкъ; балыкъ, башлыкъ, кадыкъ, языкъ; дровосѣкъ, человѣкъ, извѣкъ, засѣкъ (и за́сѣкъ). Исключенія: за́втракъ, су́мракъ, га́лстухъ, на́звукъ, о́тзвукъ, фа́ртукъ, о́блукъ.

алъ, (ялъ), илъ, ылъ, ѣлъ, улъ:

адмиралъ, зубоскалъ, идеалъ, церемоніалъ (церемоньялъ), имперіалъ, матеріалъ; крокодилъ, берилъ, Измаилъ; пусторылъ, досылъ, краснорылъ; пострѣлъ, раздѣлъ, придѣлъ, пробѣлъ;

караулъ, посулъ, эсаулъ, Θедулъ, артикулъ (и арти́кулъ). Исключенія: о́силъ, я́шплъ v. я́шелъ.

анъ, янъ, унъ, юнъ, ѣнъ:

барабанъ, баклажанъ, бусурманъ, курганъ, тараканъ; буянъ, бурьянъ, сафьянъ; брезгунъ, колдунъ, пачкунъ, пѣвунъ, тіунъ; горюнъ, кашлюнъ, щепелюнъ; замѣнъ, обмѣнъ, промѣнъ.

авъ, ивъ, ывъ, ѣвъ:

Изяславъ, Мстиславъ, буравъ, пилавъ, уставъ; мотивъ, заливъ, черносливъ, разливъ; зазывъ, подрывъ, перерывъ; засѣвъ, напѣвъ, посѣвъ. Исключенія: при́ставъ, о́тзывъ, по́зывъ.

адъ, ядъ, идъ, ѣдъ, удъ, юдъ:

водопадъ, закладъ, конокрадъ, укладъ, маскарадъ; зарядъ, обрядъ, отрядъ, снарядъ; болидъ, элипсоидъ, Леонидъ; дармоѣдъ, міроѣдъ, законовѣдъ, обѣдъ, сосѣдъ; изумрудъ, сосудъ, присудъ, талмудъ; верблюдъ, лизоблюдъ. Исключенія: а́спидъ, не́людъ, на́слудъ, (но говорятъ и наслу́дъ).

азъ, язъ, изъ, ызъ, озъ, ѣзъ, узъ, юзъ:

алмазъ, заказъ, лабазъ, оазъ, разсказъ; киповязъ, пеньковязъ, перевязъ; блюдолизъ, сюрпризъ, эскизъ; пустогрызъ, перегрызъ; діагнозъ, нищелозъ (Salia repens), обозъ, морозъ; ледорѣзъ, зарѣзъ, обрѣзъ; арбузъ, картузъ, бутузъ; союзъ, мелюзъ. Исключенія: о́бразъ, то́рмазъ, блокга́узъ, ко́нфузъ (морск.) или вѣрнѣе ка́мбузъ (ка́мбусъ).

амъ, имъ, ымъ, омъ, умъ, юмъ:

Варлаамъ, бальзамъ, гиппопотамъ; Акимъ, налимъ, анонимъ, перенмъ; бардадымъ, надымъ, чурымъ; агрономъ, экономъ, пустодомъ, скопидомъ; Батумъ, Наумъ, пустосумъ, пустоумъ; битюмъ, изюмъ, костюмъ. Исключенія: во́тчимъ или о́тчимъ, ра́зумъ.

апъ, ипъ, опъ, ѣпъ:

Потапъ, сатрапъ, этапъ; Архипъ, прототипъ, охрипъ; геліотропъ, землекопъ, сыропъ, холопъ; зацѣпъ, прицѣпъ, курослѣпъ.

иръ (іръ), уръ, юръ, ѣръ:

вампиръ, кумиръ, кашемиръ, пасажиръ; Болемиръ, Любомиръ, Казимиръ, Остромиръ; балагуръ, винокуръ, штукатуръ; алюръ,

бордюръ, колюръ, турнюръ; недомѣръ, обмѣръ, перемѣръ, глазомѣръ. Исключаются собственныя имена: Владимиръ, Житомиръ (но и Житомиръ, по словарю Макарова).

§ 60. *Имена на* **це**. Весьма замѣчательное постоянство въ удержаніи генетическаго ударенія представляютъ имена на **це**. Эти имена весьма распространены въ народныхъ пѣсняхъ: весельице, пированьице, желаньице, ученьице, мученьице, сраженьице и проч. Многія изъ этихъ именъ вовсе неупотребительны въ обще-литературномъ языкѣ. Но всѣ они удерживаютъ удареніе своихъ непосредственныхъ производителей; причемъ, оно падаетъ постоянно на третій слогъ отъ конца: весе́лье — весе́льице, пирова́нье — пирова́ньице, сраже́нье — сраже́ньице и т. д., потому-что всѣ первообразы ихъ, какъ оканчивающіеся на **ье**, постоянно носятъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; а такъ-какъ образовавшееся изъ нихъ имя на **це** усложняется особымъ слоговымъ нарощеніемъ, то удареніе въ этомъ имени, оставаясь на своемъ прежнемъ мѣстѣ, попадаетъ уже не на второй, а на третій слогъ отъ конца. Да и общеупотребительныя имена на **це** въ своей акцентаціи слѣдуютъ генетическому началу; но здѣсь удареніе падаетъ не на третій, а на второй слогъ отъ конца, потому-что здѣсь нарощеніе состоитъ лишь изъ одной согласной (ц) и, слѣдовательно, не составляетъ особаго слога: блю́до — блю́дце, коры́то — коры́тце, мы́ло — мы́льце, поле́но — поле́нце, ры́ло — ры́льце, са́ло — са́льце. Впрочемъ, и въ этихъ именахъ, точно такъ же, какъ и въ простонародныхъ, удареніе можетъ падать тоже на третій и даже иногда на пятый слогъ съ конца: ды́хало — ды́хальце, зе́ркало — зе́ркальце, жа́лованье — жа́лованьице. Во всякомъ случаѣ, какъ эти, такъ и многіе другіе тому подобные примѣры лишь подтверждаютъ устойчивость генетическаго ударенія въ именахъ на **це**. Однако, и здѣсь встрѣчаются уклоненія, хотя только въ томъ единственномъ, сравнительно рѣдкомъ, случаѣ, когда имя на **це** образуется изъ существительнаго съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: волокно́ — волоко́нце, окно́ — око́нце, дно — до́нце, сѣдло́ — сѣде́льце. Но и здѣсь уклоненіе заключается лишь въ сдвиженіи ударенія съ одного слога на другой; въ сущности же, оно, падая на одну и ту же гласную (о, или же смягчен-

ную е), остается генетическимъ, такъ-какъ эти имена образовались чрезъ наставку **це** къ окончанію производителя и перестановку звуковъ въ послѣднемъ слогѣ: (такъ, *кно* перешло въ *кон*, *дно* — въ *дон*, *дло* — въ *дель*). Только одно имя, и именно веретéнце (отъ веретенó) не удерживаетъ генетическаго начала; ибо здѣсь ударяемый слогъ **но** замѣнился на неударяемый **це**.

§ 61. *Еще имена съ постоянным ударéніемъ на предпослѣднемъ слогѣ.*

Кромѣ перечисленныхъ въ предыдущихъ параграфахъ, слѣдующія имена тоже отличаются постоянствомъ ударенія на предпослѣднемъ слогѣ.

1) Ниже мы увидимъ, что имена на *окъ*, *екъ*, *икъ* отличаются разнообразіемъ ударенія. Но есть одинъ немногочисленный рядъ именъ на

унчикъ, а также (рѣже) на **анчикъ**, которыя усложнились изъ именъ съ постояннымъ ударéніемъ на *анъ*, *унъ* (§ 59, п. 6) и неизмѣнно сохраняютъ тотъ же акцентъ: отъ бѣгунъ — бѣгунчикъ, отъ бородунъ — бородунчикъ, отъ дергунъ — дергунчикъ, отъ колдунъ — колдунчикъ, отъ лягунъ — лягунчикъ, отъ скрипунъ — скрипунчикъ, отъ пригунъ — пригунчикъ, отъ плясунъ — плясунчикъ; отъ барабанъ — барабанчикъ, отъ стаканъ — стаканчикъ, отъ тушканъ — тушканчикъ. Одного происхожденія съ перечисленными именами мужскаго рода, имена женскаго рода на

унья тоже удерживаютъ генетическое ударéніе: врýнья, горбýнья, колдýнья, пригýнья, ревýнья, хохотýнья, пѣстýнья (но и пѣ́стунья).

2) Подобнымъ образомъ и другія женскія имена, образовавшіяся изъ мужескихъ съ ударéніемъ на конечномъ слогѣ, удерживаютъ генетическій акцентъ на предпослѣднемъ слогѣ, а именно на:

ша съ предшествующею согласною: отъ экономъ — экономша, отъ агрономъ — агрономша, отъ тапёръ — тапёрша, отъ пономарь — пономарша, отъ землемѣръ — землемѣрша, отъ капитанъ — капитанша, отъ генералъ — генеральша, отъ лейтенантъ — лейтенантша и проч. Само собою разумѣется, что тѣ изъ перечисленныхъ здѣсь именъ, кои произошли отъ мужеск. именъ съ акцентомъ на второмъ слогѣ

отъ конца, удареніе носятъ на третьемъ слогѣ: отъ апте́карь — апте́карша, отъ профе́ссоръ — профе́ссорша, отъ учи́тель — учи́тельша и проч.

Сюда же слѣдуетъ причислить и нѣкоторыя собственныя, а также и чисто русскія нарицательныя имена на *ша* съ предшествующими гласными (преимущественно а, о, у), а именно:

аша, еша, оша, уша: Параша, Саша, милаша, милуша, депеша, Стеша, Миша, Гриша, пороша, ладоша, святоша, Тимоша, горбуша, туша, клуша, скрипуша, Павлуша, рябуша, клюша, Андрюша, Ванюша, крыша. Но уклоняются: душа́, ра́туша, ю́ноша.

3) Къ этому же разряду надо отнести довольно многочисленныя, большею частью чисто русскія, имена на:

ага, яга, юга, ига, ыга: бумага, ватага, колымага, сермяга, тяга; вьюга, плѣснюга, севрюга, стелюга, шелюга (и ше́люга); верига, коврига, книга, прощалыга. Исключеніе: яга́.

ара, ера, ѣра, эра, ира, ура, юра: отара, гитара, химера, карьера, филоксера, Церера, вѣра, эра; квартира, лира, Пальмира; архитектура, бандура, вильчура, дура, корректура, регистратура, конура (но и канура́); брошюра, пеньдюра, увертюра и проч. Исключенія: дира́, дѣвчура́, мишура́, нѣмчура́.

ата, ита, ѣта: вата, заплата, саламата, хата; волокита, защита, Никита, свита; помѣта, примѣта, смѣта и проч. Исключенія: фата́, ѳита́.

ѣса, есса, исса (или безъ удвоенія *с*): завѣса, повѣса, пьеса, кулиса, Лариса, баронесса, виконтесса, абатисса, актриса, діаконисса, директриса.

жа съ предшествующими гласными: кража, поклажа, пропажа, сажа, вельможа, кожа, лужа, стужа, невѣжа, сѣжа, грыжа, лыжа, пряжа, дежа (впрочемъ, и дежа́). Исключенія: госпожа́, межа́.

аха, яха, ёха, ѣха: сваха, замараха, разсомаха, рубаха, черепаха; бляха, неряха, растеряха; лепёха, тетёха; потѣха, прорѣха, утѣха. Исключеніе: вѣха́.

ля (преимущественно съ предшествующими гласными): воля, доля, Коля, холя, Леля, краля, фаля, простофиля, пустомеля,

бородуля, козуля, косуля, сосуля, ходуля, каструля, капсуля (и ка́псюля); букля, пукля, цапля, петля, гребля, кровля, ловля, торговля, травля, оглобля, рашпля, и (во множественномъ числѣ) грабли, гусли, ясли. Исключенія: кара́куля, земля́, конопля́, сопля́.

4) Къ существительнымъ съ постояннымъ же удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ надо еще причислить слѣдующія:

а) иностранныя имена женскаго рода съ своеобразнымъ окончаніемъ на **двѣ гласныя** и преимущественно на **ея**:

Троя, Зоя; Корея, Іудея, Халдея, Гвинея, аллея, батарея, идея, линея, лоторея, траншея, фармакопея; аллилуя, збруя (польск. zbroja) и проч. Исключенія: Бо́рнео, То́рнео, Ге́нуа, Ма́нтуа, Па́дуа, ста́туя (впрочемъ, и стату́я) и Труа́, амплуа́, боа́ (съ французскимъ акцентомъ). Съ подобнымъ же окончаніемъ имена славянскаго происхожденія удареніе держатъ разъ на предпослѣднемъ (свая, стая, соя, хвоя (но и хвоя́), затѣя, выя, долгошея, уклея), а другой — на конечномъ слогѣ (чаще), какъ напр. шамая, ворожея, казначея, вязея, врачея, верея, жнея, ищея, кисея, сулея, плетея, пестрея, струя, чешуя, швея, змѣя. Причемъ, имя ли́двея носитъ удареніе на третьемъ слогѣ отъ конца.

б) Иностранныя же имена, въ коихъ между предпослѣднимъ и конечнымъ слогами **дважды повторяется одна и та же согласная**:

Анна, ванна, колонна, примадонна, Бонна, Даніетта, Морокко, Фригга, будда, Савва, Ревекка, валгалла, комиссія, масса, касса, сумма, дилемма, группа, труппа, Шарлотта и проч. Сюда можно причислить и слѣдующія имена: белло́на, балла́да, Палла́да, Элла́да, суббо́та, и ка́ббала (съ удар. на третьемъ слогѣ отъ конца).

в) Десять извѣстныхъ въ грамматикѣ именъ на

мя: бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, сѣмя, стремя, темя. Къ нимъ надо еще причислить: по́ломя v. по́лымя и голомя́ v. голымя́.

и г) Къ настоящему же разряду надо еще отнести в. малочисленныя имена на

зо: желѣзо, пузо — и на

хо: брюхо, ухо, эхо.

§ 62. ***Имена на*** **ie, ье.** Между именами существительными особенно замѣчательны формы, оканчивающіяся на *іе*, *ія*, *ка*, *ще*, *ща*, *есть*, *ость*. Эти окончанія почти совсѣмъ отвергаютъ удареніе, которое съ бо́льшимъ или меньшимъ постоянствомъ держится генетическаго начала, падая преимущественно на слоги второй или третій отъ конца. Разсмотримъ прежде всего самый многочисленный рядъ именъ на **ie**, или, въ сокращеніи, **ье**. Въ § 24 мы уже объяснили, что какъ **ie**, такъ равно и **ія** не терпятъ на себѣ ударенія. Такія слова, какъ бытіе́, житіе́, питіе́, которыя собственно надо считать церковно-славянскими, нынѣче вовсе не употребительны. Напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда звукъ **і** сокращается въ **ь** и когда гласн. **е** (іэ) теряетъ свой очень длительный звукъ, замѣняясь на болѣе краткій іо (ё), удареніе съ неизмѣннымъ постоянствомъ падаетъ на эту гласную: бытьё, бритьё, бѣльё, враньё, дурачьё, житьё, копьё, литьё, мытьё, питьё. Но такая фонетика и такой акцентъ встрѣчается лишь въ краткихъ формахъ и то далеко невсегда; ибо говорится также: взмо́рье, зе́лье, пла́тье, пѣ́нье, чте́нье, у́стье и проч. Въ болѣе же сложныхъ удареніе безусловно никогда не падаетъ на конечный слогъ даже и въ то время, когда окончаніе **ie** сокращается въ **ье**, какъ напр. безлю́дье, взголо́вье, здоро́вье, зати́шье, остро́вье, подво́рье, разде́лье и проч. Такъ-какъ разсматриваемыя здѣсь имена — большею частью все слова производныя и ихъ окончаніе **ie**, какъ наставка, не вяжется органически съ основною частью того производителя, отъ коего они произошли, то нѣтъ никакого основанія къ тому, чтобы удареніе падало на сказанное окончаніе; напротивъ, оно почти постоянно держится своего кореннаго слога, строго подчиняясь нижеслѣдующимъ правиламъ:

1. Въ тѣхъ именахъ, кои произошли отъ глаголовъ съ удареніемъ на окончаніи, какъ, напр., отъ дѣли́ть — дѣле́ніе, отъ различа́ть — различе́ніе, отъ учи́ть — уче́ніе, отъ ходи́ть — хожде́ніе, отъ моли́ть — моле́ніе, отъ умѣ́ть — умѣ́ніе, отъ чита́ть — чте́ніе, отъ вычисля́ть — вычисле́ніе, отъ хули́ть — хуле́ніе, отъ изъя́ть — изъя́тіе, отъ свести́ — сведе́ніе и проч., удареніе неизмѣнно падаетъ на *третій* слогъ и въ то же время согласуется съ своимъ первообразомъ. Само собою разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда полное окончаніе **ie** со-

кращается, замѣняясь на **ье**, удареніе въ сказанныхъ именахъ, вмѣсто третьяго, попадаетъ на *второй* слогъ, но все-таки удерживается той же гласной, что́ и въ глаголѣ, напр. учёнье, умѣнье, хулёнье и проч. Удареніе не сдвигается съ своего коренаго мѣста даже въ томъ случаѣ, когда къ имени на **ie** присоединяется приставка, невозможная въ глаголѣ какъ напр. сомнѣніе (отъ мнить), событіе (отъ быть), сожи́тіе (отъ жить).

2. Въ именахъ же, образовавшихся изъ глаголовъ съ акцентомъ на предшествующихъ окончанію гласныхъ, удареніе постоянно держится этихъ же гласныхъ и въ то же время оно можетъ попадать: 1) или на *третій* слогъ (въ трехсложныхъ именахъ), подобно тому, какъ въ вышеупомянутыхъ, напр., отъ та́ять — та́янье, отъ ка́шлять — ка́шлянье, отъ хо́лить — хо́ленье, отъ мно́жить — мно́женье, отъ дѣ́лать — дѣ́ланье, отъ сѣ́ять — сѣ́янье; и 2) или же и на другіе, т. е. *начольные* слоги (въ четырехсложныхъ и вообще многосложныхъ именахъ), напр., дѣ́ланіе, свѣдѣніе, пра́зднованье, блаже́нствованіе, па́мятованье, сѣ́тованіе, уха́живаніе и проч. отъ дѣ́лать, съвѣдѣти, пра́здновать, блаже́нствовать; па́мятовать, сѣ́товать, уха́живать и проч. Отъ изложеннаго здѣсь правила отступаютъ лишь весьма немногіе слова; мы нашли всего только четыре, и именно: видѣ́ніе, провидѣ́ніе (отъ ви́дѣть), умноже́ніе (отъ умно́жить), строе́ніе (отъ стро́ить). Это отступленіе отъ генетики зависитъ отъ требованій благозвучія.

3. Не всѣ существительныя на **ie** (ье) — отглагольныя имена: нѣкоторыя изъ нихъ (значительно меньшая часть) образуются изъ другихъ (коренныхъ) существительныхъ и отчасти прилагательныхъ съ помощью предлоговъ и наставокъ: подво́рье (отъ дворъ), зати́шье (отъ тишь), помѣ́стье (отъ мѣсто), безлю́дье (отъ людъ, лю́ди), беземе́лье (отъ земля́), взмо́рье (отъ мо́ре), зимо́вье (отъ зима́), слѣ́дствіе (отъ слѣдъ), верхо́вье (отъ верхо́вый, но не отъ верховой). Какъ показываютъ примѣры, здѣсь удареніе съ неизмѣннымъ постоянствомъ падаетъ или на второй или на третій слогъ отъ конца и въ то же время удерживаетъ свое коренное мѣсто. Но и тутъ встрѣчаются, хотя и рѣдкія, уклоненія: лоску́тье (отъ ло́скутъ), остро́вье и заостро́вье (отъ о́стровъ), разу́міе (отъ ра́зумъ), вето́шье (отъ ве́тошь).

И 4. Вообще, почти во всѣхъ именахъ на **іе** и **ье** удареніе неизмѣнно падаетъ или на второй (въ формахъ на *ье*) или же на третій слогъ отъ конца (въ формахъ на *іе*); если же оно иногда встрѣчается и на другихъ (начальныхъ) слогахъ, то не можетъ, однако, занять другого мѣста, какъ только то, которое ему принадлежитъ въ первообразѣ. Уклоненія отъ этого общаго правила очень рѣдки и случаются при слѣдующихъ двухъ условіяхъ:

а) Когда, какъ мы уже и выше замѣтили, окончательная гласная **е** (ье) произносится за **іо** и, слѣдовательно, непремѣнно требуетъ на себѣ удареніе, которое поэтому и невозможно на другомъ слогѣ, какъ напр. отъ дура́къ — дурачьё, отъ бѣ́лый — бѣ́лье, отъ жить — житьё и проч.; и

б) Когда въ нѣкоторыхъ (немногихъ) именахъ на **нье** съ приставками *за*, *розз*, для приданія сказаннымъ именамъ извѣстнаго логическаго оттѣнка, эти приставки требуютъ на себѣ удареніе, напр. за́бережье, за́водье, за́волочье, за́говѣнье (т. е. за́говины), ро́зговѣнье (т. е. ро́зговины). Но и здѣсь удареніе стремится все-таки занять свое мѣсто, принадлежащее ему на общемъ основаніи: такъ — говорится и заво́дье, заволо́чье, заговѣнье.

§ 63. *Имена на* **ія, ья.** Акцентація этихъ именъ аналогична съ разсмотрѣнными въ предыдущемъ параграфѣ. Въ именахъ на **ія** удареніе, такъ же, какъ и въ именахъ на **іе**, большею частью держится третьяго слога отъ конца: Австрія, Азія, Индія, біологія, библія, литографія, христоматія, унія и проч. Къ этому разряду слѣдуетъ отнести и бо́льшую часть крестныхъ именъ: Агнія (Агне́са), Агафія (Ага́та), Ксенія (Акси́нья), Амалія, Анисія, Аѳимія (Евѳи́мія), Ефросинія (Афроси́нья), Евлагія, Исаія (Иса́й), Лукерія, Меланія (Мела́нья), Настасія (Наста́сья, На́стенька), Наталія (Ната́ша), Прасковія (Праско́вья), Пульхерія, Соломонія (Соломони́да), Февронія (Хавро́нья), Хіонія, Цецилія (Кики́лія), Юлія, Ѳеодосія (Ѳедо́сья). Нѣкоторыя же имена съ этимъ окончаніемъ допускаютъ удареніе на второй слогъ отъ конца и (рѣже) на послѣдній: витія, мусія, хрія, литургія, стихія, симетрія, симпатія, Мессія, Россія, Евдокія (Авдо́тья, Ду́ня), Іеремія (Еремѣ́й), Пелагія (Пелагѣ́я), Осія, Софія (Со́фья),

Мари́я (Ма́рья) — съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, — и литія, судія (судья́), кутія (кутья́), Илія (Илья́) — съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что въ нѣкоторыхъ именахъ передъ окончательною гласною **я** гласная **і** замѣняется знакомъ **ь**; причемъ, ударе́ніе или остается на прежнемъ мѣстѣ (считая слоги отъ конца слова): Евдокія — Авдо́тья, Софія — Со́фья, Илія́ — Илья́, или же передвигается съ третьяго слога на второй: Ксе́нія — Акси́нья, Мела́нія — Мела́нья и т. д. Всѣ вышеисчисленныя имена — или иностранныя, (преимущественно собственныя), или же церковно-славянскія. Русскія же нарицательныя имена оканчиваются не на **ія**, а на **ья** и почти всегда съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: бадья, скамья, понадья, семья, скуфья, свинья, статья, полынья, спорынья, тулья. Только немногія нарицательныя, подобно собственнымъ (Авдо́тья, Наста́сья и проч.), требуютъ ударенія на второмъ слогѣ отъ конца: ботвинья, гостья, сватья. Впрочемъ, есть особый еще рядъ именъ на **унья**: врунья, горбунья, колдунья, прыгунья, ревунья, хохотунья, пѣсту́нья (и пѣ́стунья), въ коихъ ударе́ніе съ неизмѣннымъ постоянствомъ падаетъ на предпослѣдній слогъ и о коихъ мы уже говорили въ § 61 п. 1.

§ 64. *Имена на* **ка**. Имена на **ка** составляютъ весьма многочисленный разрядъ словъ и замѣчательны тѣмъ, что почти вовсе не терпятъ ударенія на конечномъ слогѣ. Изъ нѣсколькихъ тысячъ этихъ именъ всего насчитывается только 28 такихъ, кои не отвергаютъ ударенія на сказанномъ слогѣ, и именно: башка, битка, доска, камка, кирка, кишка, клюка, лука, луска, масака, мука, пенька, плюска, рука, рѣка, тоска, строка, чека, щека, и собственныя имена: Лука, Ока. Кромѣ того, есть еще три имени съ двоякимъ удареніемъ: осо́ка, треска и опоя́ска (опоя́ска — вмѣсто поясъ, кушакъ и опояска́ — вмѣсто опоя́санье). Затѣмъ, въ словарѣ Даля еще помѣщены четыре слова областныя и мало извѣстныя: сырка (астрах., персидск., виноградный уксусъ), сюряка (казанск., головная повязка татаръ), трека (вологдск., деревянная колотушка), яшка (казанск., чувашская похлебка) — тоже съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. За исключеніемъ перечисленныхъ здѣсь именъ, объ акцентаціи другихъ подобныхъ двучленныхъ существительныхъ, напр. балка, булка, вилка, крыш-

ка, мышка, полка, вспышка, стойка и проч. не можетъ быть и рѣчи, такъ-какъ въ нихъ и немыслимо другое удареніе, кромѣ какъ на первомъ слогѣ. Что касается, затѣмъ, трехчленныхъ и болѣе сложныхъ формъ, то хотя по ударенію онѣ схожи съ именами на **ie**, но образуются преимущественно не изъ глаголовъ, какъ эти послѣднія, а изъ простѣйшихъ именъ же существительныхъ и только изрѣдка изъ прилагательныхъ и отчасти числительныхъ и глаголовъ. Причемъ, морѳологія именъ на **ка** болѣе разнообразна, чѣмъ морѳологія именъ на **ie**, бо́льшая часть коихъ образуется очень просто — замѣною окончанія глагольнаго на именное, какъ напр. отъ писать — писаніе, отъ смотрѣть — усмотрѣніе, отъ чаять — чаяніе. Имена же на **ка** образуются нетолько помощью замѣны окончанія, но еще и посредствомъ различныхъ нарощеній какъ наставкою, такъ и вставками. А потому и акцентація этихъ именъ весьма сложна и своеобразна. При всемъ томъ, однако, послѣ обстоятельнаго разсмотрѣнія именъ на **ка**, оказывается, что и здѣсь возможны обобщенія въ акцентаціи, ибо эта послѣдняя представляетъ довольно устойчивую послѣдовательность. Вотъ эти обобщенія.

1) Когда имя произошло отъ двучленной формы съ ударѳніемъ на послѣднемъ слогѣ и, кромѣ нарицанія **ка**, не усложняется ни однимъ лишнимъ слогомъ противу сказанной формы: то удареніе такого имени съ неизмѣннымъ постоянствомъ держится срединнаго слога и въ то же время совпадаетъ съ ударѳніемъ своего непосредственнаго производителя. Примѣры:

отъ артистъ — артистка	отъ изба — избёнка
» краса — красотка	» слуга — служанка
» игла — иголка	» печать — печатка
» земля — землячка	» ступень — ступенька
» игра — игрушка	» статья — статейка
» зима — зимовка	» дикарь — дикарка
» узда — уздечка	» знакомъ — знакомка.

2. Этой же акцентаціи слѣдуютъ и трехчленныя формы въ томъ случаѣ, когда слогъ **ка** есть не нарощеніе, а замѣна окончанія ихъ непосредственнаго производителя, носившаго удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, какъ напр.

отъ лачуга — лачужка	отъ лучина — лучинка
» лепеха — лепешка	» дорога — дорожка

отъ веснуха — веснушка	отъ поляна — полянка
» коврига — коврижка	» берёза — берёзка и пр.

3. Но если эти имена усложнятся вставками между ихъ окончаніемъ и основою, то удареніе, хотя тоже остается генетическимъ, но уже не попадаетъ на слогъ предпослѣдній, почти постоянно избѣгая его, какъ пришлаго:

Васю́тка и Васю́точка	весну́ха и весну́шечка
лачу́га и лачу́жечка	кни́жка и кни́жечка
лепе́ха и лепе́шечка	лучи́на и лучи́нушка
доро́га и доро́женка	поля́нка и поля́ночка и проч.

Подобнымъ образомъ и вышепоказанныя имена, непосредственные производители коихъ носили удареніе на конечномъ слогѣ (п. 1), усложнившись вставкою, слѣдуютъ этой же акцентаціи: такъ,

отъ (игла́) иго́лка — иго́лочка,	отъ (статья́) стате́йка — стате́ечка,
» (изба́) избе́нка — избе́ночка,	» (дика́рь) дика́рка — дика́рочка и проч.
» (игра́) игру́шка — игру́шечка,	

4. Формы одночленныя и двучленныя съ удареніемъ на первомъ слогѣ при нарощеніи наставкою *ка*, хотя тоже большею частью удерживаютъ прежнее удареніе, но невсегда. Примѣры на формы съ неподвижнымъ удареніемъ: бархатъ и бархатка, ива и ивушка, знахарь и знахарка, вѣялъ и вѣялка, мазанъ и мазанка, сѣянъ и сѣянка и проч. Формы съ подвижнымъ удареніемъ: го́лубь и голу́бка, ле́карь и лека́рка, ло́шадь и лоша́дка, су́дарь и суда́рька, вѣтошь (вѣто́ха) и вѣто́шка, семь и семёрка, де́сять и деся́тка; си́ній и синя́ка, че́рный и черня́ка и проч. Причины перестановки здѣсь ударенія не что иное, какъ требованія благозвучія. Но иногда это происходитъ и ради семазіологическихъ требованій: такъ, отъ пи́сарь — пи́сарша (жена писаря) и писа́рка (женщина писарь) съ тѣмъ же удареніемъ какъ и *писа́ка*.

5. Трехчленныя формы съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, преобразуясь въ имя на *ка* безъ всякихъ слоговыхъ нарощеній, посредствомъ замѣны лишь окончанія, свое удареніе, вслѣдствіе того, что окончаніе *ка* не терпитъ на себѣ акцента, переносятъ на слогъ срединный, уклоняясь въ этомъ случаѣ отъ генетическаго начала.

Примѣры:	отъ сторона — сторонка
отъ бахрома — бахромка	» голова — головка
» бичева — бичёвка	» борода — бородка
» новина — новинка	» простыня — простынка
» красота — красотка	» тороко (или отъ болѣе употребительн.) торока́ — торочка (отсюда оторо́чка).
» дѣвчура — дѣвчурка	
» булава — булавка	

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда сказанныя простѣйшія формы преобразуются въ имя на *ка* помощью *наращенія* этого слога къ окончанію (а не помощью замѣны этого послѣдняго), ударе́ніе остается на прежней гласной, т. е. сохраняетъ генетическое начало, хотя и переходитъ со слога конечнаго на предыдущій. Примѣры:

отъ скопидо́мъ — скопидо́мка	отъ перебо́ръ — перебо́рка
» эконо́мъ — эконо́мка	» земляно́й — земляни́ка
» борода́ — борода́вка	» костяно́й — костяни́ка.

Примѣчаніе. Само собою разумѣется, что и въ четырехсложныхъ и, вообще, многосложныхъ именахъ на *ка*, согласно извѣстному закону (§ 39), постоянно сохраняется генетическая акцентація, какъ напр. отъ би́серина — би́серинка, отъ жемчу́жина — жемчу́жинка, отъ ра́ковина — ра́ковинка, отъ боро́дка — боро́душка.

6. Между разсматриваемыми именами замѣчателенъ дов. значительный рядъ именъ на **ика** и (изрѣдка) на **ыка**, кои обыкновенно носятъ ударе́ніе на предпослѣднемъ слогѣ: брусника, голубика, земляника, заика, владыка, горемыка. Кромѣ многихъ чисто русскихъ формъ, въ нашъ языкъ перешло немало именъ съ этимъ окончаніемъ съ французскаго языка на *ique*, какъ напр.:

botanique — бота́ника	polémique — поле́мика
colique — ко́лика	statistique — стати́стика
mimique — ми́мика	physique — фи́зика.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, здѣсь не удерживается французскій акцентъ, такъ-какъ наше ударе́ніе передвигается со слога послѣдняго на третій отъ конца. Этой акцентаціи придерживаются почти всѣ имена подобнаго образованія, какъ въ краткихъ (напр. ко́лика, ми́мика), такъ и въ многосложныхъ формахъ (напр. характери́стика, эквилибри́стика). Укло-

няется отъ этого правила только одно слово — м а с т и́ к а (отсюда масти́тый).

7. Довольно многочисленныя имена на **ня** обыкновенно съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ (изрѣдка также и на другихъ слогахъ, но не на конечномъ), напр. купа́льня, колоко́льня, на́ковальня, ба́шня, ви́шня, спа́льня, переходятъ въ уменьшительныя, перемѣняя свое окончаніе **ня** на **ень** и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарощаясь еще однимъ новымъ слогомъ чрезъ прибавку *ка*: купа́ленька, колоко́ленька, на́коваленька, ба́шенька, ви́шенька, спа́ленька. Подобныя преобразованія встрѣчаются и съ другими именами, преимущественно женск. рода: напр. отъ На́стя — На́стенька, отъ Ѳе́дя — Ѳе́денька, отъ Татья́на — Татья́нушка, отъ Да́рья — Да́рьюшка, отъ Аграфе́на — Аграфе́нушка, отъ ба́тя — ба́тюшка, ба́тенька, отъ пе́тля — пе́телька и проч. Иногда въ этихъ же именахъ, когда передъ *ня* стоятъ гласныя **и, ы**, нарощенія лишняго слога не бываетъ, такъ какъ преобразованіе здѣсь совершается помощью замѣны ихъ окончанія (*иня, ыня*) на *енька, ынька*: такъ, напр., отъ мона́хиня — мона́шенька, отъ ба́рыня — ба́рынька, отъ ми́лостыня — ми́лостынька.

8. Нѣкоторыя имена существительныя различаютъ два разныхъ значенія нетолько посредствомъ этимологическихъ преобразованій ихъ формы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и помощью перестановки удареніе. Такъ,

ду́шенька . . .	выражаетъ	уменьшеніе и ласку,		а душо́нка . .	увеличеніе и уничиженіе.		
рѣ́ченька v.				рѣчо́нка v.			
рѣ́чушка	»	»	»	» рѣчу́шка . . .	»	»	
ру́ченька	»	»	»	» ручо́нка . . .	»	»	
но́женька	»	»	»	» ножо́нка . . .	»	»	
ба́бенька.	»	»	»	» бабёнка . . .	»	»	
кни́жка, кни́жечка.	»	»	»	» книжо́нка. . .	»	»	
бума́жка.	»	»	»	» бумажо́нка. . .	»	»	
лоша́дка	»	»	»	» лошадёнка . .	»	»	
стару́шечка. . .	»	»	»	» старушо́нка . .	»	»	
коро́вушка . . .	»	»	»	» коровёнка v. коровищка. . .	»	»	

Здѣсь удареніе, то передвигаясь (напр. кни́га и книжо́нка), то удерживаясь на своемъ коренномъ мѣстѣ (напр. кни́га и кни́жка, кни́-

жечка), очевидно находится въ зависимости нестолько отъ этимологическаго строенія формы, сколько отъ ея логическаго смысла. Примѣры подобной подвижности ударенія, какъ самособою разумѣется, чаще всего встрѣчаются въ тѣхъ случаяхъ, когда однимъ и тѣмъ же словомъ означаются два различныхъ понятія: какъ, напр., ки́рка — нѣм. церковь (отсюда ки́рочка ум. и названіе одной изъ Петербургскихъ улицъ — Ки́рочная) и кирка́ — извѣстное орудіе (отсюда ум. кирóчка и прил. кирóчный).

Примѣчаніе. При этомъ надо замѣтить, что не во всѣхъ ласкательныхъ и уничижительныхъ именахъ акцентація подчиняется вышеизложенному правилу: такъ, хотя особенную нѣжность выражаютъ формы ба́бенька, ру́ченька, но́женька, но и бабёнка, ручóнка, ножóнка иногда означаютъ собственно не уничиженіе, а скорѣе ласку, хотя и оказываемую съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Уменьш. избу́шка и уничиж. избёнка держатъ одно и то же удареніе; ибо здѣсь перестановка ударенія не дозволяется законами благозвучія: во-первыхъ, оно не можетъ падать на конечный слогъ на общемъ основаніи акцентаціи именъ на *ка*, а во-вторыхъ, оно также не можетъ падать и на первый слогъ, по тому что звукъ *иг*, послѣ подъема на немъ голоса, по извѣстнымъ уже намъ причинамъ, плохо вяжется съ послѣдующимъ звукомъ *бе*. По этой же причинѣ, т е. ради благозвучія, нѣкоторыя (хотя сравнительно немногія) имена допускаютъ удареніе и на вставочные слоги, вопреки вышеизложенному правилу (п. 3), какъ-то: отъ бездѣ́лка — бездѣлу́шка, отъ мóрда, (мóрдка) — мордáшка, отъ мóтка — мотýшка, отъ гóрка — горýшка, отъ кли́нъ — клини́шко, отъ сы́нъ — сыни́шка, отъ трáвка — травúнка, отъ дудка (ду́тчатый) — дутчáтка, отъ дѣ́ва, дѣвка — дѣвчу́жка, дѣвчу́рка, дѣвчóнка и проч.

9. Къ числу именъ, постоянно держащихъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, относятся всѣ существительныя женскаго рода, происшедшія отъ существительныхъ мужескаго рода съ окончаніемъ на *инг* и на *ецъ*: отъ англича́нинъ, крестья́нинъ, магометáнинъ, африкáнецъ, испáнецъ, торгóвецъ, богомóлецъ — англичáнка, крестья́нка, магометáнка, африкáнка, испáнка, торгóвка, богомóлка. Здѣсь имя женскаго рода согласуется съ удареніемъ своего первообраза — имени существительнаго мужескаго рода. Но если это послѣднее держитъ удареніе на окончаніи, напр. дворянинъ, мѣщанинъ, горянинъ (вм. гóрецъ), молодецъ, то существительное женск. рода — дворя́н-

ка, мѣща́нка, горя́нка, моло́дка, — не можетъ уже никакъ согласоваться съ удареніемъ имени мужескаго рода, потому-что здѣсь ударяемыя окончанія *инъ* и *ецъ* замѣняются на окончаніе же *ка*, которое, какъ мы уже знаемъ, вообще, не терпитъ ударенія. Однако и здѣсь въ томъ случаѣ, когда сказанныя окончанія остаются безъ перемѣны и слогъ *ка* составляетъ новую наставку, удареніе удерживается генетическое: русѝнъ — русѝнка, грузѝнъ — грузѝнка, простолюдѝнъ — простолюдѝнка.

10. Изъ всего изложеннаго въ настоящемъ параграфѣ можно вывести слѣдующее общее заключеніе.

Если не въ трехъ четвертяхъ, то по крайней-мѣрѣ въ двухъ третяхъ всего числа именъ на *ка* акцентація удерживается генетическая; и если въ остальной части удареніе становится подвижнымъ, то всетаки падаетъ не на какой либо другой слогъ, кромѣ какъ на второй отъ конца. Вообще, здѣсь замѣчательна послѣдовательность ударенія въ томъ, что оно почти постоянно удерживается на слогѣ своего непосредственнаго производителя и чаще всего на предпослѣднемъ.

Впрочемъ, и здѣсь встрѣчаются изрѣдка уклоненія, и именно:

а) Мы уже знаемъ, что имена, означающія предметы въ ихъ нормальномъ видѣ, переходя въ уменьшительныя или ласкательныя первой степени, замѣняютъ лишь свою окончательную гласную (а) на *ка* и остаются при одномъ и томъ же числѣ слоговъ, напр. отъ дира́, сума́, борода́, кни́га — ди́рка, су́мка, боро́дка, кни́жка. Здѣсь удареніе, въ томъ случаѣ, когда оно стояло на конечномъ слогѣ, по извѣстной уже намъ необходимости сдвигаясь съ послѣдняго слога на предыдущій, разрываетъ свою генетическую связь; однако оно сохраняетъ эту связь съ формою второй степени — ди́рочка, су́мочка, боро́душка, гдѣ оно по обыкновенію избѣгаетъ вставки и, слѣдовательно, не попадая на второй отъ конца слогъ, сходится съ удареніемъ сказанной формы. Но не всѣ имена безъ исключенія образуютъ уменьшительныя формы такимъ способомъ: иногда нормальное имя непосредственно переходитъ въ уменьшительное второй степени, минуя первую степень. Въ такомъ случаѣ, если удареніе подобнаго имени стоитъ на послѣднемъ слогѣ, то сказанная связь неизбѣжно прерывается, такъ-какъ

здѣсь удареніе, тоже избѣгая вставки, не попадаетъ на предпослѣдній слогъ, а сдвигается на первый. Примѣрами такого случая могутъ служить имена:

аа) *ко́зочка*, происшедшее прямо отъ первообраза коза́, (а не отъ неупотребительнаго ко́зка, подобно тому, какъ напр. ди́рочка отъ ди́рка);

бб) *зи́мушка*, *ку́мушка*, происшедшія прямо отъ зима́ (а не отъ зи́мка) и отъ кума́ (а не ку́мка). Одного происхожденія съ словомъ зимушка есть еще другое слово — зимо́вка съ другимъ удареніемъ и значеніемъ.

б) Второй (весьма рѣдкій) случай показаннаго уклоненія отъ общаго правила встрѣчается при переходѣ именъ изъ второй въ третью степень уменьшенія. Выше мы видѣли, какъ напр. отъ коренного *дѣва* произошли двѣ степени или уменьшительныхъ и ласкательныхъ, или же уничижительныхъ именъ: 1) дѣ́вка, 2) дѣ́вочка, дѣ́вонька, дѣвчо́нка (дѣво́нька); отсюда третья степень — дѣвчо́ночка. Здѣсь удареніе вполнѣ подчиняется вышеуказанному общему правилу, держась или своего первоначальнаго коренного мѣста (дѣ́вка, дѣ́вонька), или мѣста ближайшаго и непосредственнаго своего производителя (дѣвчо́ночка отъ дѣвчо́нка), или же, уклоняясь отъ того и другого, падаетъ все-таки на предпослѣдній слогъ (дѣвчо́нка и дѣво́нька). Съ этимъ же аналогичны и слова бума́га, бума́жка, бумажо́нка и бумажо́ночка и другія. Но не всѣ подобныя имена подчиняются показанной аналогіи. Такъ, если мы возьмемъ первообразное слово, напр. *лепе́ха*, то въ образовавшемся отъ него уменьшительномъ имени третьей степени удареніе уже не можетъ попасть ни на тотъ, ни на другой изъ упомянутыхъ слоговъ: лепе́шка, лепе́шечка и лепеше́ночка. Здѣсь удареніе въ имени второй степени лепе́шечка, уклонившись отъ вставки *еч*, сохранило свою генетическую связь съ именемъ первой степени лепе́шка, но, затѣмъ, порвало эту связь съ именемъ третьей степени — лепеше́ночка, гдѣ оно передвинулось со второго на третій слогъ и въ то же время не попало однако и на предпослѣдній слогъ, такъ-какъ здѣсь между нимъ и окончательнымъ слогомъ появилась другая вставка *но*. Со словомъ дѣвчо́ночка не случилось отступленія отъ генетики потому только, что вторая его степень имѣетъ, кромѣ формы — дѣ́вонька, еще другую форму — дѣв-

чо́нка, (и дѣво́нька) съ удареніемъ на вставку *он*, чего вовсе нѣтъ во второй степени отъ имени лепе́шка.

§ 65. *Имена на* **ща** *и* **ище**.

1. Нѣтъ ни одного имени, которое бы терпѣло удареніе на конечномъ слогѣ **ще**, такъ-какъ, съ одной стороны, звукъ **ще** очень протяженъ и помимо подъема на немъ голоса, а съ другой — **ще** постоянно составляетъ наставку производнаго слова, какъ напр. отъ верзи́ла — верзи́лище, отъ стулъ — сту́лище, отъ сугро́бъ — сугро́бище, отъ хлѣбъ — хлѣ́бище, отъ столъ — столи́ще, отъ столбъ — столби́ще, отъ хвостъ — хвости́ще, отъ хому́тъ — хомути́ще. Все это или увеличит. или уничиж. имена. Но есть и другія имена на **ще**, кои не имѣютъ этого значенія, какъ напр. гульби́ще (отъ гульба́), зрѣ́лище (отъ зрѣть, зрѣлъ), игра́лище (отъ игра́ть, игра́лъ), храни́лище (отъ храни́ть, храни́лъ), ту́ловище (отъ ту́ло, ту́лово), жили́ще (отъ жить, жилъ). Какъ показываютъ приведенные примѣры, удареніе именъ на **ище** совершенно аналогично съ именами на **ка**: оно и здѣсь или чаще всего держится предпослѣдняго слога (**и**), или же, въ противномъ случаѣ, падаетъ не на какой либо иной (предыдущій) слогъ, какъ только на тотъ, который ему принадлежитъ въ первообразномъ словѣ. Но для каждаго отдѣльнаго случая трудно опредѣлить, при какихъ именно условіяхъ удареніе раздержится одного изъ сказанныхъ слоговъ, а другой — другого. Впрочемъ, и тутъ, не смотря на большую сложность требованій благозвучія, всетаки замѣтна нѣкоторая послѣдовательность, и именно: если въ родительномъ падежѣ первообраза удареніе переходитъ съ кореннаго слога на конечный, то въ происшедшемъ отъ такого слова имени существительномъ увеличительномъ удареніе падаетъ на сказанную гласную **и**, напр. хомути́ще (отъ хому́тъ, хомута́), кнути́ще (отъ кнутъ, кнута́), столи́ще (отъ столъ, стола́), топори́ще (отъ топо́ръ, топора́). Однако, сказанное правило нельзя считать совершенно положительнымъ, недопускающимъ исключеній, такъ-какъ въ нѣкоторыхъ увеличительныхъ именахъ удареніе не держится кореннаго слога, а переходитъ на предпослѣдній и при томъ условіи, когда въ склоненіи ихъ первообраза оно остается неподвижнымъ, напр., доми́ще (отъ домъ, до́ма), плути́ще (отъ плутъ, плу́та), сыни́ще (отъ сынъ, сы́на) городи́ще (отъ го́-

родъ, го́рода). Причемъ, въ этомъ послѣднемъ словѣ удареніе остается одно и то же безразлично, будетъ-ли сказанное слово означать большой городъ или же мѣсто нѣкогда бывшаго селенія. Вообще, въ разсматриваемыхъ здѣсь нами словахъ удареніе чаще всего держится предпослѣдняго слога, лишь изрѣдка другихъ слоговъ, но, какъ мы выше уже замѣтили, никогда не встрѣчается на послѣднемъ слогѣ. Иногда то и другое удареніе допускается безразлично въ одномъ и томъ же словѣ; причемъ, значеніе этого послѣдняго остается безъ измѣненія: ло́говище и логови́ще, жи́лище и жили́ще, кла́дбище и кладби́ще, стрѣ́льбище и стрѣльби́ще.

Примѣчаніе. Вмѣсто окончанія **ище**, для нѣкоторыхъ увеличительныхъ именъ употребляютъ также окончаніе **ища**, напр., вмѣсто и́грище (забавы) — и́грища (Даль), а также игри́ща (Ак.) (увеличительное отъ игра), вм. топори́ще (древко, ручка топора) — топо́рища (большой топоръ). Впрочемъ, Даль всѣ имена увеличительныя и уничижительныя оканчиваетъ на *ища*; такъ, напр., въ его словарѣ находимъ: кли́нища, столи́ща, хомути́ща, хотя въ грамматикахъ принято на *ища* (вм. *ище*) оканчивать *только* ж. р. имена, какъ напр.: игли́ща, ножи́ща, ру́чища, кни́жища. Вслѣдствіе такого отступленія отъ правилъ грамматики, у Даля вышло: ножи́ща (вм. ножи́ще) отъ ножъ и также ножи́ща отъ нога, — что́, конечно, мѣшаетъ ясности рѣчи.

2. За исключеніемъ словъ вища́ и луща́ (вм. луска́), удареніе именъ на

ща — будутъ-ли они означать увеличеніе и уничиженіе, или же не будутъ — такъ же какъ и въ именахъ на *ще*, вовсе не терпитъ конечнаго слога. Именъ второй категоріи сравнительно немного и они принадлежатъ къ краткимъ, простымъ формамъ, какъ-то: гуща, куща, пуща, пища, роща, тёща, чаща, толща. Само собою разумѣется, что объ удареніи такихъ словъ не можетъ быть и рѣчи. Имена же первой категоріи, (т. е. имена увелич. и уничижит. какъ на *ще*, такъ и на *ща*) составляютъ довольно многочисленный классъ усложнившихся производныхъ словъ. Удареніе именъ на *ще* мы уже разобрали; что касается же формъ на *ща*, то здѣсь оно обыкновенно падаетъ на слогъ предпослѣдній, а иногда и третій отъ конца, въ томъ и другомъ случаѣ согласно акценту своего непосредственнаго производителя: такъ, отъ игла́ — игли́ща, отъ корзи́на — корзи́нища, отъ кни́га — кни-

жища, отъ булава́ — була́вища, а отъ була́вка — була́вища и проч. Однако несмотря на эту послѣдовательность, и здѣсь встрѣчаются уклоненія отъ генетики: такъ, отъ коро́ва — коро́вища, но и корови́ща, отъ соба́ка — соба́чища, но и собачи́ща, а отъ печь — не пе́чища, но печи́ща. Но въ этомъ случаѣ удареніе падаетъ не на какой-нибудь слогъ безразлично, а именно на предпослѣдній и, такимъ образомъ, при подъемѣ голоса на звукѣ, по преимуществу характеризующемъ увеличеніе, т. е. на звукѣ **ищ**, привноситъ извѣстный оттѣнокъ въ значеніе сказанныхъ именъ. Впрочемъ, не ради однихъ только семазіологическихъ требованій, но и ради также благозвучія акцентація держится показаннаго порядка: такъ, слово *печи́ща* (большая печь) не отличается отъ другого однозвучнаго слова съ инымъ значеніемъ — печи́ще (остатки развалившейся печки) помощью перестановки ударенія; потому-что при подъемѣ голоса на звукѣ *пе́чь* слово *пе́чище* вышло бы неблагозвучнымъ. Сто́итъ только неторопливо проартикулировать это слово съ явственнымъ ударе́ніемъ на первомъ слогѣ, чтобы убѣдиться, что эта работа очень тяжела для дыханія, такъ-что послѣ нея приходится сдѣлать такую длинную передышку, какая допускается лишь послѣ проартикулированія цѣлаго слова отъ начала до конца.

§ 66. *Имена на* **есть, ость.** Весьма характернымъ и замѣчательнымъ изъ окончаній именъ существительныхъ надо считать окончаніе **сть** съ какою бы то ни было предшествующею гласною. Впрочемъ, окончаніе *асть*, *исть* (о́бласть, ло́пасть, про́пасть, у́часть, напа́сть; за́висть, не́нависть) рѣдко; еще рѣже окончаніе *ъсть*, *ысть*, *юсть* (по́вѣсть, со́вѣсть, кры́сть, че́люсть); съ окончаніемъ же на *усть*, кромѣ односложнаго грусть, мы не нашли ни одного имени. Зато изобилуютъ многими именами окончанія **есть** и **ость**.

Замѣчательныя особенности сказанныхъ именъ заключаются въ слѣдующемъ.

а) Бо́льшая часть этихъ именъ принадлежитъ къ словамъ позднѣйшей формаціи, что́ доказывается уже тѣмъ, что почти всѣ они выражаютъ отвлеченныя представленія: въ сущности, только по грамматической, внѣшней формѣ, они относятся къ разряду существительныхъ; по своему же внутреннему содер-

жанію они — настоящія прилагательныя, отъ которыхъ и произошли. Имена съ конкретнымъ представленіемъ въ родѣ: вѣ́домость, крѣпость (въ смыслѣ зданія), и́звесть, о́бласть составляютъ рѣдкія исключенія.

и б) Имена съ разсматриваемыми нами окончаніями обращаютъ на себя особенное вниманіе тѣмъ, что удареніе въ нихъ отличается рѣдкою послѣдовательностью. Во-первыхъ, въ двусложныхъ именахъ, за исключеніемъ лишь двухъ, и именно: напа́сть и кори́сть, удареніе неизмѣнно держится перваго слога: бодрость, бойкость, вѣрность, ревность, стойкость, частность, хворость; горесть, всхожесть, доблесть, свѣжесть, прелесть. Во-вторыхъ, въ именахъ трехсложныхъ и, вообще, многосложныхъ удареніе падаетъ обыкновенно на второй или третій слогъ отъ конца: скупова́тость, тума́нность, сохра́нность, терпѣли́вость, хлопотли́вость, жизнеспосо́бность, ме́дленность (и медли́тельность), забо́тливость, обворожи́тельность, усту́пчивость, мо́лодость, внима́тельность, стара́тельность, самостоя́тельность. Только въ немногихъ сравнительно именахъ удареніе можетъ встрѣчаться на четвертомъ и даже пятомъ слогѣ отъ конца: аля́поватость, бѣле́соватость, могу́щественность, послѣдовательность. Если имя начинается приставками *вы*, *на*, то удареніе падаетъ на первый слогъ (т. е. на эти приставки): выпуклость, выдержанность, вычурность, памятливость; но слово выразительность (чуть-ли не единственное) составляетъ исключеніе.

Вообще, объ именахъ съ окончаніемъ **сть** надо замѣтить: 1) за исключеніемъ двухъ вышепомянутыхъ словъ (п. б.), да еще словъ древоко́сть и живоко́сть (впрочемъ, послѣднее болѣе употребительно съ акцентомъ на первомъ слогѣ), — удареніе никогда не падаетъ на послѣдній слогъ; и 2) опредѣлять здѣсь мѣсто его, значитъ то же, что́ опредѣлять его мѣсто въ имени прилагательномъ, такъ-какъ оно въ существительномъ постоянно сохраняетъ то же мѣсто, которое ему принадлежитъ въ прилагательномъ: терпѣли́вость — отъ терпѣли́вый, забо́тливость — отъ забо́тливый, сде́ржанность — отъ сде́ржанный, всхо́жесть — отъ всхо́жій, могу́честь — отъ могу́чій, случа́йность, отъ случа́йный и т. д. Здѣсь надо, однако, замѣтить, что въ числѣ существительныхъ попадаются, хотя сравнительно

немногія, и такія, которыя произошли не отъ прилагательныхъ; а, наоборотъ, эти послѣднія произведены отъ первыхъ: отъ во́зрасть — во́зрастный, отъ кре́пость — кре́постно́й, отъ го́ресть — го́рестный, отъ пре́лесть — прелѐстный, отъ о́бласть — областно́й и проч. Здѣсь, какъ показываютъ примѣры, далеко невсегда сохраняется генетическое удареніе и, въ особенности, въ томъ случаѣ, когда прилагат. оканчивается на *ой* и, слѣдоват., безусловно носитъ ударе́ніе на этомъ слогѣ.

§ 67 *Имена, оканчивающіяся на согласныя съ непостоянн. удареніемъ.* Кромѣ вышеразсмотрѣнныхъ и, затѣмъ, кромѣ тѣхъ, болѣе или менѣе многочисленныхъ именъ съ окончаніями на: *тель, во, ко, ло ло, ецъ, ца, па, ия, окъ, екъ, икъ*, которыя не отличаются постоянствомъ ударенія и о коихъ будетъ рѣчь ниже, другія имена съ такимъ же непостояннымъ удареніемъ встрѣчаются лишь спорадически, небольшими группами или даже особняками. Выше (§ 59 п. п. 1 и 4) бо́льшую часть именъ, оканчивающихся на согласныя *чъ, шъ, съ, гъ, лъ, нъ, въ, дъ, зъ, пъ, ръ*, мы отнесли къ категоріи словъ съ постояннымъ удареніемъ. Но нѣкоторыя изъ этихъ именъ, встрѣчающіяся въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, отличаются особенною своенравностью акцента. Вотъ эти имена на:

ичъ, ычъ, учъ: кирпи́чъ, кули́чъ, холи́чъ, магары́чъ и ба́рычъ, би́ричъ, ро́дичъ, соо́тничъ, цесаре́вичъ, Гне́дичъ, У́гличъ; спву́чъ, сургу́чъ, недоу́чъ и о́бручъ, по́ручъ, не́учъ.

ишъ, ышъ: би́тишъ, гла́дышъ, глу́пышъ, ду́тышъ, ла́ндышъ, ку́кишъ, ми́лышъ, мя́кишъ, спо́рышъ и гаши́шъ, фети́шъ, бары́шъ, глупы́шъ, каты́шъ, камы́шъ, малы́шъ, наги́шъ и пр. При этомъ надо замѣтить, что, за исключеніемъ предложныхъ вы́игрышъ, вы́кидышъ, про́игрышъ, трехчленныя имена на *ышъ* носятъ ударе́ніе на срединномъ слогѣ и тѣмъ болѣе строго держатся этого правила тѣ изъ нихъ, въ окончаніи коихъ **е** произносится за **іо**: оборышъ, зародышъ, околышъ, подкидышъ, дѣтёнышъ, найдёнышъ и проч.

исъ, ысъ: ани́съ, барбари́съ, бенефи́съ, реди́съ, кумы́съ и анали́зисъ, катехи́зисъ, те́зисъ, синте́зисъ, си́нтаксисъ, си́нопсисъ (и сино́псисъ).

осъ: абрико́съ, вопро́съ, високо́съ, прмо́съ, утконо́съ, коло́ссъ, хао́съ, Христо́съ и а́ртосъ, го́лосъ, и́ккосъ, ко́лосъ, кли́росъ, са́ккосъ.

усъ, юсъ: бѣлоу́съ, Іису́съ и а́ргусъ, ка́ктусъ, па́русъ, у́ксусъ, си́нусъ, архива́ріусъ, и́русъ; бо́люсъ, по́люсъ, па́юсъ.

егъ, игъ: бе́регъ, при́прегъ, ше́легъ (v. ше́лягъ), по́двигъ и бу́бре́гъ, ковче́гъ, Оле́гъ, оме́гъ, ночле́гъ, обжи́гъ.

елъ, олъ: а́нгелъ, ве́ртель, про́мыселъ, вы́мыселъ, дя́тель, пе́пелъ, апо́столъ, ку́полъ, у́голъ, шо́мполъ и козе́лъ, оре́лъ, оте́лъ, богомо́лъ, камзо́лъ, помо́лъ, произво́лъ, щего́лъ.

инъ: англича́нинъ, ба́ринъ, крестья́нинъ, однополча́нинъ, шу́ринъ, хозя́инъ и господи́нъ, грузи́нъ, мѣщани́нъ, павли́нъ, славяни́нъ и проч.

онъ: во́ронъ, діа́конъ, ло́конъ, ла́донъ, ти́монъ, Ни́конъ, Ба́йронъ и балахо́нъ, кико́нъ, купидо́нъ, угомо́нъ, рожо́нъ, вѣтрого́нъ, лимо́нъ, Висаріо́нъ, Бюффо́нъ и проч.

енъ, ынъ: на эти окончанія едва можно отыскать нѣсколько именъ, какъ-то: экза́менъ, бу́бенъ, Цари́цынъ, Кори́цынъ и безме́нъ, алты́нъ.

овъ, евъ: бо́ровъ, ку́зовъ, о́стровъ и болголо́въ, засо́въ, покро́въ, уло́въ, богосло́въ, рыболо́въ и многія собственныя имена, какъ напр. Азо́въ, Грубешо́въ, Орло́въ, Воробье́въ, Муравье́въ и проч.

одъ, едъ: го́лодъ, го́родъ, хо́лодъ, ю́родъ, ве́редъ, дро́мгедъ, ска́редъ и пчелово́дъ, развóдъ, расхо́дъ, ухо́дъ, бересклѐдъ, велосипе́дъ, пустобре́дъ.

езъ, эзъ: діэ́зъ, дорме́зъ, полоне́зъ и ре́мезъ, ту́езъ v. ту́есъ.

епъ, упъ: че́репъ, о́чепъ, при́ступъ, до́ступъ, за́ступъ и разске́пъ, расще́пъ, верте́пъ, сале́пъ, усту́пъ, шуру́пъ.

аръ: база́ръ, зага́ръ, скипида́ръ, самова́ръ и ва́рваръ, по́варъ, са́харъ.

еръ: актёръ, акушёръ, бобёръ, ковёръ, полотёръ, режисёръ и би́серъ, ве́черъ, вѣтеръ, ну́меръ.

оръ: аудито́ръ, бего́ръ, задо́ръ, кругозо́ръ, маióръ, кредито́ръ, метео́ръ, ревизо́ръ и асе́ссоръ, профе́ссоръ, му́соръ, та́боръ, ху́торъ.

§ 68. *Рѣдкія и малочисленныя имена на согласныя же и съ непостоянным ударѣніемъ.*

Существительныхъ, оканчивающихся на согласныя **б, х, ц, щ** и еще нами вовсе не разсмотрѣнныхъ, (за исключеніемъ окончанія **ецъ**), сравнительно очень мало.

а) Съ окончаніемъ **бъ** съ предшествующими гласными наберется около полсотни:

абъ: машта́бъ, полушта́бъ, уха́бъ;

ебъ: отре́бъ и вы́гребъ, по́гребъ, я́стребъ;

ибъ: изги́бъ, перегиб, ши́бъ и вы́гибъ, о́шибъ;

объ: гардеро́бъ, озно́бъ, сугро́бъ и же́лобъ, ко́лобъ, ко́робъ, спо́собъ;

убъ (юбъ): зару́бъ, обру́бъ, расту́бъ, трезу́бъ, нелю́бъ, зноелю́бъ и вы́рубъ, па́дубъ.

б) Съ окончаніемъ **хъ** найдется нѣсколько болѣе предыдущихъ:

ахъ: вертопра́хъ, зама́хъ, разма́хъ, шарла́хъ и за́пахъ, о́тмахъ, про́махъ, непро́махъ;

ехъ, ѣхъ: доспѣхъ, успѣхъ, орѣхъ и же́рехъ, ле́мехъ, о́грѣхъ;

охъ: всполо́хъ, горо́хъ, оплóхъ, подво́хъ, скомаро́хъ, чертополо́хъ и во́рохъ, по́сохъ, по́рохъ, шо́рохъ;

ихъ, ыхъ: вы́вихъ, о́тдыхъ, ро́здыхъ и жени́хъ, левенди́хъ, полуштри́хъ, попы́хъ;

ухъ (юхъ): камерту́хъ, кожу́хъ, лоцу́хъ, пасту́хъ, пѣту́хъ, полю́хъ, желтобрю́хъ, евну́хъ и во́здухъ, о́лухъ, о́слухъ, па́мятухъ, ко́нюхъ, пе́нтюхъ, ко́люхъ (коло́ха).

в) Именъ съ окончаніемъ **цъ, щъ**, за исключеніемъ односложныхъ и оканчивающихся на **ецъ**, насчитывается только десятокъ, другой:

ацъ, яцъ, ѣцъ: матра́цъ, пая́цъ и за́яцъ, ме́сяцъ;

ищъ, ощъ, ущъ: голуби́чищъ, за́свищъ, льви́чищъ, не́солощъ, това́рищъ, сотова́рищъ и водохру́щъ.

§ 69. *Имена съ окончаніемъ на* **ь**.

До сихъ поръ мы все разсматривали имена, оканчивающіяся или на гласныя или на твердый знакъ (ъ), обходя формы съ мягкимъ окончаніемъ (ь). Теперь обратимъ вниманіе на эти послѣднія. Самыя выдающіяся изъ этой категоріи это — имена на **есть, ость**, которыя, какъ отличающіяся постоянствомъ ударенія, уже разсмотрѣны выше (§ 66). Затѣмъ,

другія изъ сказанныхъ именъ, за исключеніемъ особенно замѣчательнаго разряда на *тель*, занимаютъ въ нашей лексикографіи сравнительно незначительное мѣсто. Въ этихъ именахъ непосредственно передъ ь встрѣчаются только слѣдующія согласныя: б, в, д, ж, з, л, м, н, р, с, т, ч, ш, щ. При этомъ надо замѣтить, что какъ вездѣ, такъ и здѣсь не берутся въ расчетъ односложныя формы, какъ напр. верфь.

Вообще, разсматриваемыя здѣсь имена можно раздѣлить на шесть нижеслѣдующихъ разрядовъ, съ окончаніями на:

1. **бь, вь, дь, жь, зь, мь, ть, чь, шь, щь.**

Этотъ разрядъ именъ весьма немногочисленъ. Примѣры: о́особь, по́гибь; любо́вь, морко́вь, свекро́вь и я́тровь, це́рковь, до́роговь; ло́шадь, пло́щадь, ле́бедь, мо́кредь, мо́лодь, на́леть, пе́стредь, о́повѣдь, про́повѣдь, сте́рлядь, че́лядь, че́рнядь и медвѣдь, тетра́дь; бе́режь, о́тлежь, у́пряжь, при́пряжь, при́стяжь, про́тяжь; коло́дезь, ви́тязь, про́низь, при́вязь, усе́рязь и коновя́зь; о́зимь; де́готь, ло́коть, при́хоть, ко́готь, ла́поть, мя́коть, сля́коть, па́мять и ломо́ть, печа́ть, благода́ть; водоте́чь, карте́чь и ме́лочь; о́тмашь, пу́стошь; о́вощь, по́мощь, не́мощь.

2. Нѣсколько больше именъ съ окончаніями **нь, сь**, преимущественно, съ непосредственно предшествующими гласными **е** (ѣ) **и**:

будень, гавань, голень, камень, осень, шершень, студень, увалень, уровень, — ересь, прикось, запись, роспись, переписъ, лѣтопись, скоропись, окунь, помѣсь — съ удареніемъ на первомъ слогѣ — и ладонь, олень, ревень, огонь, вигонь, ступень, кистень, латунь, латынь — съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

3. Еще больше именъ съ окончаніемъ **рь**, всегда въ сочетаніи только съ тремя гласными: **а, и, ы**:

зна́харь, лѣкарь, пе́карь, па́харь, апте́карь и звона́рь, фона́рь, пушка́рь, тока́рь; бля́гирь (и бля́гиль), бала́кирь, ко́зырь, пла́стырь и визи́рь, мизги́рь, снеги́рь, богаты́рь, волды́рь, косы́рь, нашаты́рь, псалты́рь, пусты́рь и проч.

4. Гораздо многочисленнѣе предыдущихъ тѣ имена, въ коихъ мягкому знаку предшествуютъ сочетанія **ел, и(ы)л, ол**, и иногда **ѣл, ул**:

артель, віолончель, качель, каломель, карусель, кисель,

кобель, кошель, мокрель, бетель, мятель, канитель, мушкатель, портфель, постель, форель, цитадель; кизиль, фитиль; бандероль, бемоль, король, мозоль, юдоль; апрѣль, свирѣль; патруль — съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ; и кервель, картофель, прибыль, профиль, табель, пріятель, ревнитель, писатель, чинитель, дѣлопроизводитель; куколь, уголь, Паткуль и проч. — съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ.

Во всѣхъ вышеисчисленныхъ именахъ, какъ это видно изъ приведенныхъ примѣровъ, вообще удареніе непостоянно. Только въ составныхъ словахъ, какъ напр., водопись, лѣтопись, пропись, заповѣдь и проч. оно дов. устойчиво держится перваго слога; но и тутъ, какъ показываетъ вышеприведенное имя — водотéчь, встрѣчаются уклоненія, о чемъ, впрочемъ, мы уже говорили выше (§ 38 п. 4).

5. Что же касается, наконецъ, именъ на

тель,

то, какъ намъ уже извѣстно (§ 38 п. 5), въ составныхъ и, вообще, въ трехчленныхъ и болѣе сложныхъ словахъ, за исключеніемъ двухъ формъ — свиристель, коростель, а равно вышепомянутыхъ иностранныхъ съ французскимъ акцентомъ — канитель, мушкатель — сказанныя имена рѣшительно отвергаютъ удареніе на конечномъ слогѣ.

6. Имена на **ь съ двумя предшествующими согласными**, за исключеніемъ оканчивающихся на *есть*, *ость*, довольно рѣдки и удареніе ихъ тоже неустойчиво. Одни изъ нихъ предпочитаютъ конечный слогъ, какъ напр. болѣзнь, боязнь, журавль, корабль, напасть, корысть, хоругвь, коловерть, (но и ко́ловерть), водоросль (но и во́доросль), другія же (по преимуществу предложныя) держатся перваго слога, какъ напр. зависть, паперть, прожелть, поросль, отрасль, четверть, суверть, область, пропасть, участь. Акцентація этихъ послѣднихъ (т. е. предложныхъ) именъ обусловливается семазіологическими требованіями. Здѣсь удареніе, падая на приставку, измѣняетъ ихъ коренное значеніе: такъ, напр. подъемъ голоса на наставкѣ *су* въ словѣ су́верть привноситъ представленіе о снѣжномъ сугробѣ; представленіе же о значеніи основной части слова (вертѣть), вслѣдствіе этой причины, отодвигается на второй планъ.

§ 70. *Имена вообще на* **во** *и преимущественно на* **ство.** Окончаніе **во** съ предшествующими гласными (чаще всего: **е, и,** рѣже: **а, о**) принадлежитъ немногимъ и несложнымъ именамъ большею частью съ постояннымъ удареніемъ на первомъ слогѣ: варево, зарево, дерево, кружево, плетево, жниво, диво, пиво, курево, крошево, меливо, мѣсиво, олово, право, слово, логово, точиво, а также съ удареніемъ на срединномъ слогѣ: огни́во, моло́зиво, топли́во (но и то́пливо).

Гораздо многочисленнѣе имена, усложнившіяся предъ окончаніемъ **во** вставками **ст**, иногда **ест** и образующія наставку **ство** или **ество.** Акцентація этихъ именъ можетъ быть подведена подъ слѣдующія обобщенія:

1. Въ именахъ составныхъ, на общемъ основаніи (§ 39 п. 4), удареніе съ неизмѣннымъ постоянствомъ падаетъ на тотъ слогъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть въ коренномъ словѣ, составляющемъ вторую часть сказанныхъ именъ; и въ этомъ случаѣ оно всегда попадаетъ или на предпослѣдній слогъ (чаще), или на третій съ конца (рѣже), смотря по составу формы: безсты́дство (безъ и сты́дъ), гостепріи́мство (гость и прія́ть, прі́и́мъ), многолю́дство (много и лю́ди), устро́йство (устро́ить), изли́шество (из и ли́шній), замужество (за и мужъ), супру́жество (су, вмѣсто со, и древнее пря, сопрягъ), произво́дство (про и изво́дъ, заво́дъ), луговодство, мореходство, пчеловодство, скотоводство и проч.

2. Въ многосложныхъ (но не составныхъ) именахъ удареніе тоже падаетъ на тотъ слогъ, гдѣ ему надлежитъ быть въ первообразномъ словѣ: вели́чество (отъ вели́кій), и́ночество (отъ и́ноческій), коли́чество (отъ коли́кій), мона́шество (отъ мона́шескій) могу́щество (отъ могу́щій), му́ченичество (отъ му́ченическій), превосхо́дство (отъ превосхо́дный), оте́чество (отъ оте́ческій), ю́ношество (отъ ю́ношескій), купе́чество (отъ купе́ческій), худо́жество (отъ древн. худо́гъ, худо́гій), попечи́тельство (отъ попечи́тель), правительство (отъ прави́тель), влады́чество (отъ влады́ка), ходатайство (отъ ходата́й) и т. д. Здѣсь удареніе держится кореннаго слога съ замѣчательною послѣдовательностью, такъ-что нельзя отыскать ни одного слова, которое бы представляло уклоненіе.

3. Что касается двусложныхъ и трехсложныхъ именъ, то въ нихъ удареніе не представляетъ вышесказаннаго постоянства. Впрочемъ, и здѣсь можно найти извѣстную послѣдовательность. Во-первыхъ, въ тѣхъ именахъ, кои произошли отъ первообразовъ въ одночленной формѣ, какъ-то: отъ Богъ — божество, отъ вещь — вещество, отъ есть — естество, отъ кумъ, кума́ — кумовство, отъ родъ — родство, отъ скотъ — скотство, отъ свой — свойство́ и (сво́йство) и проч., удареніе, по большей части, падаетъ на послѣдній слогъ; но оно можетъ падать и на первый: отъ братъ — братство, отъ другъ — дружество, отъ царь — царство. И, во-вторыхъ, въ тѣхъ именахъ, кои произошли отъ двусложныхъ или трехсложныхъ первообразовъ, удареніе можетъ находиться на разныхъ слогахъ, согласно занимаемому имъ мѣсту въ первообразѣ: отъ бога́тый — бога́тство, отъ еди́ный — еди́нство, отъ зе́мскій — зе́мство, отъ сви́нскій — сви́нство, отъ крестья́нскій — крестья́нство, отъ щегольско́й — щегольство́; отъ бѣ́гать — бѣ́гство, отъ чуть — чу́вство, отъ враче́вать — врачевство́, отъ колдова́ть — колдовство́, отъ воро́вать — воровство́; отъ старшина́ — старшинство́, отъ вдова́ — вдовство́, отъ сирота́ — сиротство́, или отъ сиро́тка — сиро́тство, отъ Госпо́дь — госпо́дство, отъ то́жде (то́же) — то́ждество (то́жество), отъ пра́здность — пра́зднество (и празднество́). При этомъ надо замѣтить, что если при производствѣ имени съ окончаніемъ *ство* появляется предъ этимъ окончаніемъ вставка **ов**: то удареніе въ сказанномъ имени падаетъ на послѣдній слогъ безразлично, минуя этой вставки и то сходясь, то расходясь съ генетикою своего непосредственнаго производителя: отъ мота́ть — мотовство́, отъ шути́ть — шутовство́, отъ воровáть — воровство́, отъ сва́тать — сватовство́, отъ хва́стать — хвастовство́ и проч.

Вышеприведенныя слова съ двоякимъ удареніемъ — свойство, сиротство, празднество — показываютъ, что нѣкоторыя имена съ окончаніемъ *ство* подчиняются частью аналогіи, частью же болѣе общему началу, по которому въ производныхъ и усложнившихся формахъ удареніе обыкновенно держится мѣста, занимаемаго имъ въ первообразныхъ словахъ, т. е., вообще, удареніе въ сказанныхъ именахъ или падаетъ на послѣдній слогъ, независимо отъ мѣста, занимаемаго имъ въ первообразѣ, или же, напротивъ, держится устойчиво этого мѣста.

§ 71. *Имена на* **ко**. Эти имена отличаются прихотливостью ударенія. Впрочемъ, несмотря на частыя уклоненія этого послѣдняго отъ общихъ началъ, оно всетаки подчиняется извѣстнымъ правиламъ, и именно:

1. Краткія двучленныя формы почти постоянно держатъ удареніе на конечномъ слогѣ: гнѣдко, сивко, чавко, сѣрко, древко, очко, брюшко, ушко, трико. Уклоненія: вóйско, лы́ко, óко, чéлко, а также сúтко, по аналогіи съ трехчленными на *ытко*, *ятко*: корытко, копытко, дúтятко.

Примѣчаніе. Къ разряду перечисленныхъ формъ большею частью относятся имена, означающія кличку лошадей по масти — все съ удареніемъ на конечномъ слогѣ. Но эти же имена употребляются и съ окончаніемъ **ка**: въ такомъ случаѣ ударе-ніе падаетъ, по общему правилу, на предпослѣдній слогъ: бу́рка, сúвка, ка́урка.

2. Трехчленныя же и болѣе сложныя формы большею частью носятъ удареніе на одномъ изъ срединныхъ слоговъ: савраско, соловейко, бревешко, лукошко, окошко, судёнко. Сюда относятся нѣкоторыя уменьшительныя и ласкательныя на **чко**: колечко, крылечко, мѣстечко, сердечко, боло́течко, яичко, ведёрко и ведёрочко. Здѣсь удареніе держится генетическаго начала. Этому же началу слѣдуетъ и акцентація другихъ подобныхъ именъ; и, поэтому, въ двухъ случаяхъ, и именно: 1) когда двучленное первообразное слово носитъ удареніе на первомъ слогѣ и 2) когда то же слово, состоя изъ трехъ слоговъ, носитъ удареніе на конечномъ слогѣ, — въ производной формѣ на *чко* удареніе не можетъ падать на срединный слогъ. Примѣры: отъ блю́до — блю́дечко, отъ вре́мя — вре́мячко, отъ се́мя — се́мячко, отъ те́мя — те́мячко, отъ я́блоко — я́блочко, отъ воропо́й — воронко́, отъ молоко́ — молочко́, отъ о́блако — о́блачко (и облачко́). Встрѣчаются, хотя рѣдко, еще и другія трехчленныя формы съ удареніемъ или на первомъ слогѣ: личико, плечико, сиверко, или же на послѣднемъ: озерко.

3. Напротивъ, трехчленныя уменьшительныя же и ласкательныя со вставкою предъ окончаніемъ прибавочнаго слога **ыш** и (рѣже) **юш**, въ отличіе отъ предыдущихъ, съ неизмѣннымъ постоянствомъ держатъ удареніе на первомъ слогѣ, почти вовсе не согласуясь съ своимъ непосредственнымъ производителемъ и подчиняясь лишь требованіямъ благозвучія, такъ-

какъ слоги *ыш*, *юш* слишкомъ протяжны: вёдрышко, го́рлышко, до́нышко, зёрнышко, кры́лышко, пёрышко, рёбрышко, пя́тнышко, со́лнышко, стёклышко, чёлышко, я́дрышко; го́рюшко, мо́рюшко.

4. Трехчленныя и отчасти четырехчленныя имена на **ишко** большею частью держатъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: голосишко, городишко, домишко, дѣлишко, мѣстишко, топоришко, табачишко. Здѣсь удареніе не сохраняетъ генетическаго начала: такъ, отъ дѣ́ло — дѣли́шко, отъ го́лосъ — голоси́шко и проч. Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ, наоборотъ, удареніе падаетъ на слогъ не второй, а на третій отъ конца и въ то же время согласуется съ акцентомъ первообраза: отъ дива́нъ — дива́нишко, отъ огоро́дъ — огоро́дишко, отъ забо́ръ — забо́ришко, отъ хала́тъ — хала́тишко, отъ хлѣ́бъ — хлѣ́бишко. Вообще, и здѣсь акцентація совершенно аналогична съ вышеразсмотрѣнными именами на *ка*, *ще*, т. е., *удареніе постоянно падаетъ или на предпослѣдній слогъ или и на другой, предыдущій, и именно тотъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть въ первообразѣ.*

Примѣчаніе. Съ именами на *ишко* весьма сходны имена на *ишка*, тоже выражающія или уничиженіе или лишь пренебреженіе, но не ко всякимъ предметамъ, а только къ лицамъ: вори́шка, плути́шка, сыни́шка, старика́шка, хвастуни́шка, Пара́шка, дурны́шка и проч. — все съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ.

§ **72.** *Имена на* **ецъ.** Это окончаніе принадлежитъ многочисленному классу мужскихъ именъ. Удареніе большей части этихъ именъ сохраняетъ генетическое начало. При всемъ томъ, однако, вообще акцентація ихъ весьма своенравна, такъ-какъ и сама генетика здѣсь не всегда обнаруживается явственно. Такъ, если мы возьмемъ двѣ очень близкихъ по фонетикѣ формы, напр. са́лецъ и само́ецъ, то вторая изъ нихъ на первый взглядъ не подчиняется сказанному началу, такъ какъ ея удареніе не сходится съ удареніемъ первообраза (самъ, са́мый). Если въ словѣ *салецъ* ничто не мѣшаетъ ударенію держаться перваго слога, то можетъ показаться непонятнымъ, почему это же удареніе неумѣстно въ словѣ *самецъ*? Такъ-какъ, по почти совершенной тождественности обѣихъ этихъ формъ, тутъ законы благозвучія остаются ни при чемъ, то разбираемое явленіе очевидно находится въ зависимости отъ особой, пока намъ еще не объясненной при-

чины. Разсматривая слова *самъ* и *самый* съ семазіологической стороны, мы замѣчаемъ большую разницу въ ихъ значеніи: *самый* есть имя прилагательное, усиливающее качество, а самъ, сама́ — личный и родовой предметъ. Принявъ это во вниманіе, мы найдемъ ключъ къ разъясненію нашего вопроса. Имя *са́лецъ* происходитъ отъ такого производителя, всѣ отрасли котораго неизмѣнно держатъ удареніе на первомъ слогѣ: сало, сальный, сальность, сальникъ, салить и проч.; и поэтому не предстоитъ никакой надобности, вопреки общему генетическому началу, сдвинуться ударенію съ перваго слога на второй и въ вышесказанномъ имени — салецъ; между-тѣмъ какъ при образованіи имени *саме́цъ* (будемъ-ли мы его производить отъ слово самъ помощью наставки *ецъ*, или же отъ слова самый посредствомъ перемѣны окончанія — повидимому, все равно), встрѣтились такія особыя условія, какихъ вовсе не случилось при образованіи слова салецъ. Одинаковость ударенія въ начальной формѣ того и другого слова, т. е. самъ и са́мый и разность ихъ ударенія со словомъ саме́цъ заставляютъ предполагать, что тутъ нѣтъ никакой генетической связи между словами самъ и самый съ одной стороны и самецъ — съ другой. Но на самомъ дѣлѣ выходитъ иначе: только слово са́мый устойчиво сохраняетъ свое удареніе на первомъ слогѣ во всѣхъ грамматическихъ формахъ; тогда-какъ слово самъ держитъ удареніе на первомъ слогѣ лишь въ формѣ именительнаго падежа мужескаго рода единственнаго числа (по необходимости) и въ именительномъ же падежѣ множественнаго числа (по аналогіи съ единственнымъ числомъ); въ остальныхъ же, затѣмъ, формахъ удареніе переходитъ на окончательный слогъ: сама́, само́, самого́, сами́хъ и проч. А такъ-какъ этимологическая фонетика того и другого слова очень схожа (въ дательномъ и предложномъ падежахъ единств. числа даже совершенно тожественна), а между-тѣмъ значеніе этихъ словъ въ настоящее время совершенно различно: то очевидно, что удареніе, (подобно тому, какъ и во многихъ другихъ, отчасти уже намъ извѣстныхъ случаяхъ), служа для отличія двухъ разныхъ представленій, выражающихся помощью одной и той же формы, и здѣсь не могло остаться неподвижнымъ. И такъ-какъ слово самецъ, по своему логическому смыслу, имѣетъ нѣчто общее, какъ само собою

разумѣется, не со словомъ самый, а со словомъ самъ; то оно и удержало удареніе этого послѣдняго: сама́, самого́, самому́ и проч. Итакъ, выходитъ, что между словами самъ и само́цъ существуетъ генетическая преемственность не только по этимологіи, но и по просодіи. При этомъ замѣтимъ, что, независимо отъ этой связи, удареніе имени самецъ на послѣднемъ слогѣ приходится совершенно кстати еще и по другой причинѣ, и именно по аналогіи этого слова со многими другими родовыми именами на *ецъ*, выражающими предметы мужескаго-рода и большею частью личные. Но и эта аналогія основывается все-таки не на чемъ иномъ, какъ только на этимологическомъ началѣ, такъ-какъ бо́льшая часть сказанныхъ именъ происходитъ непосредственно отъ *двусложныхъ* глаголовъ, а также и прилагательныхъ, носящихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ: такъ,

отъ твори́ть образовалось имя твре́цъ,
» писа́ть » » писе́цъ,
» лови́ть » » лове́цъ,
» ходи́ть » » ходе́цъ,
» бить » » бое́цъ,
» скупо́й » » скупе́цъ,
» слѣпо́й » » слѣпе́цъ,
» сыро́й » » сыре́цъ,
» хромо́й » » хроме́цъ.

Если, затѣмъ, возьмемъ не двусложныя, а *трехсложныя* и *четырехсложныя* прилагательныя, съ удареніемъ на предпосл. слогѣ, напр. знако́мый, лѣни́вый, упря́мый, проходи́мый, то удареніе въ происшедшихъ отъ нихъ именахъ будетъ падать также на предпослѣдній слогъ: знако́мецъ, лѣни́вѣцъ, упря́мецъ, проходи́мецъ, совершенно согласно съ ихъ непосредственнымъ производителемъ. Подобнымъ образомъ если первообразная форма держитъ удареніе на конечномъ слогѣ, то и въ происшедшемъ отъ ней имени на *ецъ* удерживается то же удареніе: отъ молодо́й — молоде́цъ, отъ удало́й — удале́цъ, отъ ледяно́й — ледяне́цъ. Генетическое же удареніе сохраняется и на другихъ слогахъ: взы́сканецъ, ба́рхатецъ, до́сканецъ, пе́рвенецъ, приве́рженецъ и проч.

Но, несмотря на всю показанную послѣдовательность, отъ этой послѣдней встрѣчаются уклоненія, именно въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ:

а) Когда *двусложное* имя прилагательное оканчивается на *ый* и, слѣдовательно, безусловно не допускаетъ ударенія на своемъ окончаніи (§ 58), то происшедшее отъ него имя, напр., мудре́цъ (отъ му́дрый), горде́цъ (отъ го́рдый), бѣгле́цъ (отъ бѣ́глый), пришле́цъ (отъ при́шлый) и проч. не удерживаютъ генетическаго начала, подчиняясь аналогіи съ вышеизложенными же именами.

б) Въ трехчленныхъ формахъ тоже встрѣчаются (хотя очень рѣдко) уклоненія отъ генетики: погребе́цъ (отъ по́гребъ), образе́цъ (отъ о́бразъ), городе́цъ (отъ го́родъ), холоде́цъ (отъ хо́лодъ).

в) Хотя многія имена, происшедшія отъ названія земель, городовъ, напр., Испа́нецъ, Кита́ецъ, помо́рецъ, Петербу́ржецъ носятъ удареніе первообраза; но, съ другой стороны, нерѣдко встрѣчаются и такія, какъ напр. Азія́тецъ, Европе́ецъ, Грузи́нецъ, Индѣецъ, Новгоро́децъ, которыя требуютъ ударенія на предпослѣднемъ слогѣ, вопреки генетики (А́зія, Евро́па, Гру́зія и проч.), по аналогіи съ вышепоказанными и имъ подобными трехсложными и четырехсложными словами, напр. постоя́лецъ, журна́лецъ, узо́рецъ, дохо́децъ, коп носятъ генетическое удареніе.

г) Есть еще и другія, двусложныя, имена на *ецъ*, не сохраняющія генетическаго ударенія, какъ-то: дворе́цъ (отъ дворъ), зубе́цъ (отъ зубъ), коне́цъ (отъ конъ), вѣне́цъ (отъ вѣ́но), столбе́цъ (отъ столбъ) и проч. Здѣсь этимологическое начало уступаетъ свои права другому, болѣе сильному, началу — благозвучію. Но отчего бы ни зависѣло уклоненіе — отъ генетики или благозвучія, почти всѣ двучленныя имена на *ецъ* держатъ удареніе на окончаніи. Уклоненій отъ этого правила немного, а именно: бра́тецъ, да́рецъ, ду́мецъ, па́лецъ, ста́рецъ, шка́фецъ, хлѣбецъ.

Вообще, удареніе именъ на *ецъ* очень сбивчиво главнымъ образомъ потому, что и сама генетика ихъ чрезвычайно разнообразна и, поэтому, тоже сбивчива. Такъ, напр., производя имя *дѣле́цъ* отъ *дѣ́лать*, мы здѣсь не доищемся генетическаго начала. Но, если обратимъ вниманіе, что дѣльцомъ собственно называютъ не такого человѣка, который способенъ на какое-нибудь дѣло, или умѣетъ что-нибудь дѣлать, а такого, который изловчился обдѣлывать разныя дѣла: то, по смыслу словъ *дѣла́* и *дѣле́цъ*, генетическая связь ихъ ударенія несомнѣнна. Такихъ

случаевъ, гдѣ генетическое начало скрывается въ звеньяхъ, посредствующихъ между первоначальнымъ корнемъ и его отдаленными отраслями, встрѣчается въ русскомъ языкѣ не мало. Возьмемъ еще одинъ примѣръ: *волчéцъ*. Это имя образовалось изъ прилагательнаго *вóлчій*, не сохранивъ ударенія этого послѣдняго. Причиною отступленія отъ генетики здѣсь надо признать слѣдующія обстоятельства. Форма *волчій* должна была сохранить удареніе своего первообраза *волкъ* уже по тому, что имена на *ій* не терпятъ ударенія на этомъ окончаніи (§ 58). Формѣ же волчéцъ не предстоитъ такого стѣсненія въ выборѣ мѣста для ударенія, которое и предпочло слогъ послѣдній по тому, что иначе пришлось бы сказанное слово произносить съ такою слоговою разстановкою: вóл-чецъ. И такъ-какъ звукъ *к* или замѣнившій его звукъ *ч* принадлежитъ къ корню, точно такъ же, какъ и смежный съ нимъ *л* и, слѣдовательно, съ этимъ послѣднимъ долженъ сплачиваться органически: то происходящій между ними разрывъ вслѣдствіе передышки на первомъ слогѣ противорѣчитъ законамъ этимологіи, не вызываясь въ тоже время никакими требованіями благозвучія. Напротивъ, въ *вóл-чецъ* какъ-то не гармонируютъ между собою двѣ его составныя части уже и по тому, что первый слогъ при подъемѣ на немъ голоса напоминаетъ представленіе скорѣе о *волѝ*, чѣмъ о волкѣ. Еще болѣе невозможна такая разстановка, какъ *волч-ецъ* (§ 33). И вотъ почему только двѣ формы *волкъ* (по физической необходимости), какъ одночленная форма и *волчій* (по извѣстному намъ общему основанію) носятъ удареніе на слогѣ *вол*, во всѣхъ остальныхъ, затѣмъ, словахъ, происшедшихъ отъ того же первообраза волкъ, оно непзмѣнно падаетъ на слогъ послѣдующій (т. е. второй): волчá, волчéцъ, волчúца, волчúна, волчáнъ, волчúнякъ. Хотя здѣсь удареніе сдвигается съ основной на пришлую гласную, но зато обѣ согласныя, примыкавшія къ ударяемому слогу въ первообразѣ *волкъ*, и теперь въ перечисленныхъ формахъ тоже не разъединяются, произносясь безъ перерыва, хотя и съ другою гласною, но все-таки въ одномъ и томъ же слогѣ.

Отсюда видно, что и въ акцентаціи поименованныхъ формъ несовсѣмъ разрывается генетическая связь съ ихъ непосредственнымъ производителемъ и что эта связь поддерживается

если не при посредствѣ гласныхъ, то по крайней-мѣрѣ при посредствѣ согласныхъ звуковъ.

§ 73. *Имена на* **ца** *съ предшествующими согласными.* Имена на **ца** съ предшествующими согласными немногочисленны. Удареніе ихъ очень своенравно, такъ-что нетолько краткія формы (восца, грудца, дрянца, кровца, овца, рысца, трусца, трясца, спесца, лѣнца и (во множ. числѣ), квасцы, уздцы, щипцы), но и болѣе или менѣе сложныя (вѣдомосца, крѣпостца, памятца, впрочемъ, и па́мятца) носятъ удареніе на конечномъ слогѣ вопреки своей генетикѣ. Между-тѣмъ нѣкоторыя изъ этихъ же именъ и въ краткой формѣ носятъ удареніе на первомъ слогѣ: дверца, кадца, крадца, мышца, ядца; сюда надо причислить трехчленное имя съ удареніемъ на срединномъ слогѣ — прохла́дца, а также имена во множ. числѣ: дверцы, святцы, шканцы, кранцы и собственныя: Ки́верцы, Скерневи́цы и проч. Въ тѣхъ же формахъ, конхъ одинъ изъ срединныхъ слоговъ оканчивается на *й*, удареніе съ неизмѣннымъ постоянствомъ держится этого слога: убійца, опійца, кровопійца, водопійца, братоубійца, шуйца и проч.

§ 74. *Имена на* **ица**. Гораздо многочисленнѣе предыдущихъ тѣ имена, въ конхъ предъ оканчаніемъ *ца* стоитъ гласная *и*, т. е., имена на **ица**. Имена на *ца* весьма замѣчательны тѣмъ, что передъ этимъ слогомъ вовсе не встрѣчается какихъ бы то ни было другихъ гласныхъ, кромѣ *и*. Имена на *ица* все производныя и нерѣдко составныя формы. Одни изъ этихъ именъ образуются непосредственно изъ первообразныхъ именъ существительныхъ же чрезъ прибавленіе къ ихъ окончанію нарощенія *ица*, какъ напр. грань и грани́ца, станъ и стани́ца, го́лубь и голуби́ца, или же чрезъ замѣну окончанія и прибавку нарощенія *ца*, какъ напр. пшено́ и пшени́ца, пе́тля и петли́ца, у́тка и у́тица, дво́е и дво́ица, тро́е и тро́ица, пя́теро и пятери́ца, земля́ и земли́ца, ку́ща и ку́щица, распу́тье и распу́тица и проч. Другія же изъ разсматриваемыхъ формъ произошли подобнымъ образомъ, но отъ именъ уже усложнившихся, какъ напр. бездѣлица отъ бездѣлье, распу́тица отъ распу́тіе, па́вечерница отъ па́вечерній. Наконецъ, третьи образовались прямо отъ коренныхъ словъ черезъ нарощенія какъ префиксами, такъ и суфиксами, напримѣръ: без-

хлѣбица, сумя́тица, су́кровица. Но этихъ послѣднихъ весьма немного. Сравнительно немного также и такихъ именъ на *ица*, кои *непосредственно* образовались изъ простѣйшихъ формъ существительныхъ женск. рода. Нѣкоторыя изъ нихъ выражаютъ уменьшительные и ласкательные предметы: вода́ и води́ца, вещь и вещи́ца, дѣ́ва и дѣ́вица, семери́къ и семери́ца, крупа́ и крупи́ца, часть и части́ца. Впрочемъ, и эти немногія нерѣдко замѣняются именами на *ка*: такъ, вмѣсто семерица, говорится семерічка, вмѣсто водица — водичка, вмѣсто крупица — крупинка и т. п. Окончаніе *ица* преимущественно употребляется для выраженія женскихъ именъ, происшедшихъ отъ мужескихъ съ однимъ значеніемъ: такъ, отъ проро́къ — проро́чица, отъ ма́стеръ — мастери́ца, отъ левъ — льви́ца, отъ оре́лъ — орли́ца, отъ дья́конъ — дья́конница, отъ медвѣ́дь — медвѣ́дица. Приведенные здѣсь примѣры принадлежатъ къ такимъ породамъ именъ, кои встрѣчаются лишь спорадически. Но есть длинные ряды подобныхъ формъ на *ица*, происшедшихъ отъ существительныхъ на *ецъ*, *икъ* и *тель*, а равно отъ разныхъ прилагательныхъ.

Формы, происшедшія отъ именъ на ецъ: корми́лецъ и корми́лица, волче́цъ и волчи́ца, жиле́цъ и жили́ца, жеребе́цъ и жереби́ца, голубе́цъ и голуби́ца, счастли́вецъ и счастли́вица, упря́мецъ и упря́мица, владѣ́лецъ и владѣ́лица и проч.

Формы отъ именъ на икъ: ка́рликъ и ка́рлица, клю́чникъ и клю́чница, семи́къ и седми́ца, арте́льщикъ и арте́льщица, заво́дчикъ и заво́дчица, наста́вникъ и наста́вница, цвѣто́чникъ и цвѣто́чница, грѣхово́дникъ и грѣхово́дница и проч.

Формы отъ именъ на тель: писа́тель и писа́тельница, учи́тель и учи́тельница, чита́тель и чита́тельница, прія́тель и прія́тельница, смотри́тель и смотри́тельница, путеводи́тель и путеводи́тельница и проч.

Формы отъ именъ прилагательныхъ: го́рный и го́рница, испо́дній и испо́дница, мо́крый и мокри́ца, пу́таный и пу́таница, те́мный, а́, и темни́ца, свѣ́тлый, а́ и свѣ́тлица, те́плый, а́ и тепли́ца, си́ній и сини́ца, еди́ный и едини́ца, песо́чный и песо́чница, во́льный и во́льница, больно́й и больни́ца и проч.

Обращая вниманіе на акцентацію всѣхъ перечисленныхъ здѣсь именъ на *ица*, мы замѣчаемъ, что она совершенно ана-

логична съ вышеразсмотрѣнными именами на *ка*, *есть*, *ость* и *ще*, т. е. *удареніе этихъ именъ вовсе не терпитъ конечнаго слога, чаще всего падая на второй или третій и лишь изрѣдка на предыдущіе слоги; причемъ, въ двухъ послѣднихъ случаяхъ оно постоянно согласуется съ своимъ непосредственнымъ производителемъ.* Уклоненіе же отъ генетическаго начала встрѣчаются очень рѣдко, и именно въ нижеслѣдующихъ формахъ.

1. Нѣкоторыя, сравнительно немногія имена, ради благозвучія, уклоняясь отъ генетики своего непосредственнаго производителя, всетаки держатъ удареніе не на какомъ иномъ слогѣ, какъ только на предпослѣднемъ по аналогіи съ большинствомъ другихъ подобныхъ же именъ, согласующихся съ этимологическимъ началомъ: такъ, отъ кобы́ла не кобы́лица, а кобыли́ца, отъ бо́жій не бо́жница, а божни́ца, отъ пе́тля не пе́тлица, а петли́ца, отъ го́лубь не го́лубица, а голуби́ца.

2. Нѣкоторыя, впрочемъ, весьма рѣдкія, предложныя имена, ради семазіологическихъ требованій, держатъ удареніе на приставкѣ, какъ-то: су́кровица, па́дчерица, у́лица (т. е. лицевая сторона домовъ, отъ лицо́).

3. Слово *ку́зница* носитъ удареніе не отъ слова кузне́цъ, а отъ неупотребительнаго въ чисто русскомъ языкѣ — ку́зня (по польски и не говорится иначе, какъ kuźnia).

4. Отъ по́мощь произошли *помо́щникъ* и *помо́щница* съ удареніемъ несогласнымъ съ своимъ непосредственнымъ производителемъ. Но зато удареніе этихъ словъ сходится съ своимъ начальнымъ первообразомъ — *мощь*, который, соединясь съ предлогомъ *по* и такимъ образомъ производя новое слово — по́мощь уже съ новымъ значеніемъ, ради этого послѣдняго, передвинулъ удареніе на приставку.

5. Между многочисленными именами на *ица* нашлось одно имя — *окóлица*, удареніе котораго уклоняется какъ отъ общей аналогіи, т. е. предпослѣдняго слога, такъ и отъ генетики, т. е. перваго слога своего непосредственнаго производителя *о́коло*.

6. Замѣчательно еще слово *и́стица*, тоже разнствующее по ударенію съ своимъ непосредственнымъ производителемъ *исте́цъ* и сходящееся съ кореннымъ первообразомъ *и́стый*. Впрочемъ, слово истица болѣе употребительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе

благозвучно съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, согласно общему основанію акцентаціи здѣсь разсмотрѣнныхъ именъ.

§ 75. *Имена съ окончаніемъ* на. Эти имена, хотя по акцентаціи и представляютъ нѣкоторое сходство съ разсмотрѣнными въ предыдущемъ параграфѣ, но различаются отъ нихъ тѣмъ, во-первыхъ, что и тѣ изъ нихъ, кои оканчиваются на *ина*, допускаютъ удареніе и на конечный слогъ и, во-вторыхъ, еще тѣмъ, что предъ сказаннымъ слогомъ могутъ быть и другія гласныя, кромѣ *и*.

1. Разсмотримъ сначала формы, въ коихъ конечный слогъ на усложненъ предшествующими согласными. Самый значительный контигентъ этого рода формъ доставляютъ имена дочерей по отчеству: Ива́новна, Петро́вна, Ники́тична, Ильи́нична, Кузьми́нична, Луки́нична или болѣе употребительныя въ кратчайшей формѣ: Луки́чна, Ѳоми́чна. Удареніе этихъ именъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, сходится съ удареніемъ мужескихъ именъ, отъ которыхъ они непосредственно произошли: Ива́новъ, Петро́въ, Луки́чъ, Ѳоми́чъ и проч. Къ этому разряду относятся нарицательныя имена: княжна́ (съ удареніемъ не сходнымъ ни съ князь, ни съ кня́жичъ) и царе́вна (съ удареніемъ сходнымъ съ царе́вичъ и не сходнымъ съ царь).

2. Обращаясь, затѣмъ, къ другимъ именамъ съ окончаніемъ *на* съ предшествующими согласными, мы находимъ, что только тѣ изъ нихъ, кои отличены примѣтою *зна*, повторяются довольно часто: бѣ́лизна, глубизна, голизна, голубизна, желтизна, казна, кривизна, крутизна, молодизна, новизна, синизна, тонизна, цѣлизна — съ удареніемъ на конечномъ слогѣ вопреки своимъ первообразамъ — бѣ́лый, глубо́кій, го́лый, голубо́й и проч. и главизна, головизна, дешевизна, дороговизна, отчизна, тризна, укоризна — съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, отчасти сходнымъ съ непосредственными производителями: глава́ и главизна, укоря́ть и укори́зна и отчасти несходными: дешевый и дешевизна, о́тчій и отчизна.

3. Такою же прихотливостью отличаются и другія, впрочемъ, малочисленныя имена съ разными согласными передъ *на*: блесна, близна, весна, волна, желна, мошна, копна, слюна, сосна (и со́сна), тресна — съ удареніемъ на конечномъ слогѣ —

и бездна, гривна, ехидна, серна, скверна, — съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ.

4. Формы, въ коихъ послѣднему слогу предшествуютъ гласныя, отличаются нѣкоторою устойчивостью ударенія, и именно оканчивающіеся на:
ана, яна, ена, ѣна, она, уна: охрана, сметана, рана, Свѣтлана; обезьяна, поляна, Татьяна; скорпена, цирена, сцена, Аграфена; измѣна, замѣна, перемѣна, цѣна; ворона, корона, икона; коммуна, лагуна, шкуна — все съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ и лишь нѣкоторыя съ удареніемъ на конечномъ слогѣ: сатана, страна, болона, борона, сторона, белена, стѣна, цѣна, куна.

§ 76. *Имена съ окончаніемъ* **ина**. Этихъ именъ гораздо больше перечисленныхъ въ предыдущемъ параграфѣ. Удареніе ихъ большею частью удерживаетъ генетическое начало и подчиняется слѣдующимъ правиламъ, сообразно способу ихъ производства отъ простѣйшихъ формъ.

1. Разсматриваемыя имена чаще всего происходятъ отъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ помощью замѣны послѣдняго ихъ слога на наставку **ина** (иногда — съ смягченіемъ согл. **к** на **ч**, **ск** — на **щ**), такъ-что здѣсь нарощеніе состоитъ собственно изъ одного слога (на): теля́, теля́ти — теля́тина, гуся́, гуся́ти — гуся́тина, соло́ма — соло́мина, говя́до — говя́дина, роса́ — роси́на, па́даль, па́дали — па́далина, блево́та — блево́тина, харко́та — харко́тина, скла́дка — скла́дчина (и складчи́на), пробо́й — пробо́ина, посу́да — посу́дина, судьба́ — судьби́на, песо́къ — песчи́на, крупа́ — крупи́на, купе́цъ — купчи́на, и проч.; медвѣ́жій — медвѣ́жина, бара́ній — бара́нина, горо́ховой — горо́ховина, сердцево́й — сердцеви́на, свино́й — свини́на, за́лчій — за́йчина, равна́ — равни́на, солона́ — солони́на, же́нскій — же́нщина, и́стый — и́стина, деревѣ́нскій — деревѣ́нщина, ба́рскій — ба́рщина, бѣсо́вскій — бѣсо́вщина (и бѣсовщи́на) и проч. По аналогіи, образуются подобнымъ же образомъ и другія немногія имена, не имѣющія соотвѣтственныхъ имъ прилагательныхъ на *скій, ской*: годовщи́на (отъ годово́й, вмѣсто годовско́й), подѣ́нщина (отъ подѣ́нный, вмѣсто подѣ́нскій), быва́льщина (отъ быва́лый, вмѣсто быва́льскій; по-польски употребительно bywalski). Такимъ же образомъ

произошло и слово безладо́вщина (безла́дица) съ удареніемъ родит. пад. множ. ч. (лады́ — ладо́въ). Вядчина́, по Гроту, отъ польскаго wędzić — коптить (отсюда wędlina — конченое мясо) по своему образованію принадлежитъ къ исключительнымъ словамъ.

2. Въ исчисленныхъ именахъ, за исключеніемъ *вядчина*, вездѣ сохраняется генетическое ударе́ніе. Но нѣкоторыя изъ нихъ происходятъ отъ прилагательныхъ женскаго рода съ удареніемъ на окончательной гласной и, принимая вставку *ин* между этою послѣднею и основою первообраза, повидимому, не удерживаютъ генетическаго ударенія, которое, однако, все-таки, падаетъ на ту же гласную (а), хотя и передвинувшуюся со второго слога на третій: свѣжа́ — свѣжина́, нова́ — новина́, цѣла́ — цѣлина́, коса́ — косина́, стара́ — старина́, пряма́ — прямина́. По аналогіи съ этими именами, образовались и другія подобныя имена, неимѣющія соотвѣтственныхъ вышепоказаннымъ первообразовъ и въ этомъ случаѣ неудерживающія генетическаго ударенія: глубина́ (глубь), ширина́ (ширь), низина́ (низъ), вышина́ (высь). Подобнымъ же образомъ и нѣкоторыя прилагательныя, напр., дешёвый, большо́й, старшо́й, передвигаютъ свое ударе́ніе на послѣдующій слогъ въ существительныхъ: дешеви́зна, большина́, старшина́.

3. Другой способъ образованія именъ на **ина** состоитъ въ томъ, что эта наставка прибавляется къ окончанію первообраза, который въ этомъ случаѣ остается безъ перемѣны, такъ-что производственное слово усложняется двумя слогами, невходящими въ составъ его непосредственнаго производителя. Здѣсь представляются два просодическія случая:

а) ударе́ніе можетъ остаться на своемъ коренномъ мѣстѣ и тогда оно будетъ генетическимъ:

жемчу́гъ — жемчу́жина, изю́мъ — изю́мина, градъ — гра́дина, храмъ — хра́мина, гадъ — га́дина, минда́ль — минда́лина, оско́мъ — оско́мина, уро́дъ — уро́дина, горо́хъ — горо́шина, солда́тъ — солда́тчина;

и б) ударе́ніе передвигается съ предыдущаго на послѣдующіе слоги и въ этомъ случаѣ оно разрываетъ генетическую связь ради благозвучія:

дубъ — дуби́на, долъ — доли́на, ликъ — личи́на, дробь — дроби́на, конь — кони́на, лучъ — лучи́на, холстъ — холсти́на, дура́къ — дурачи́на, мертве́цъ — мертвечи́на, па́русъ — парусина, ло́сось — лососи́на, солда́тъ — солдати́на.

§ 77. *Имена съ окончаніемъ* **ня**, **иня**, **ыня**; **и(ы)ня**.

Гораздо малочисленнѣе предыдущихъ имена на **иня**, **ыня**; но удареніе тѣхъ и другихъ совершенно аналогично: какъ тамъ, такъ и здѣсь удареніе или держится кореннаго слога: госуда́рь — госуда́рыня, ба́ринъ — ба́риня, и́нокъ — и́нокиня, гусь — гу́сыня, просто́й — просты́ня, свято́й — святы́ня, мона́хъ — мона́хиня,

или переносится на послѣдующіе слоги (на **и**, **ы** или на **ня**): гусь — гусыня́, бо́гъ — боги́ня, князь — княги́ня, го́рдый — гордыня́, твёрдый — твердыня́, простой — простыня́, гуся́ — гусыня́.

Ня съ другими гласными, кромѣ вышепоказанныхъ, а равно съ полугласной й встрѣчается рѣдко и здѣсь тоже нѣтъ особеннаго постоянства въ удареніи, которое, впрочемъ, большею частью держится предпослѣдняго слога: ба́ня, Ва́ня, ня́ня, у́треня, бо́йня, дво́йня, Се́ня, Ду́ня, дѣво́ня, перво́ня, бро́ня (и броня́), щеня́.

Ня съ предшествующею безгласною **ь** встрѣчается тоже лишь въ немногихъ именахъ съ удареніемъ большею частью также на предпослѣднемъ слогѣ: богодѣ́льня, бѣли́льня, краси́льня, колоко́льня, купа́льня, спа́льня, шва́льня, карау́льня, на́ковальня.

Окончанію **ня** могутъ предшествовать только нѣкоторыя согласныя — чаще всего **в**, **д**, **з**, **р**, **т**, **ш**: вечерня, деревня, вишня, винокурня, кожевня, поварня, соловарня, башня, пашня, черешня, ровня, дворня, бредня, сходня — съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ и брехня, болтовня, возня, западня, рѣзня, размазня, родня, квашня, клешня, четверня, стряпня, воркотня, трескотня, хлопотня и проч. — съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Слово барышня — съ удареніемъ на третьемъ слогѣ. Нѣкоторое постоянство удренія здѣсь можно примѣтить развѣ въ окончаніяхъ *зня*, *тня*; но и тутъ встрѣчаются уклоненія въ словахъ: куря́тня, голуба́тня, подворо́тня.

§ 78. *Имена на двугласную* **я** *съ другими предшествующими согласными, кромѣ* **л, м, н.**

Именъ съ этимъ окончаніемъ немного. Изъ нихъ на **ря** встрѣчаются хотя рѣдко, но чаще другихъ: бу́ря, Ва́ря, ве́черя и вечеря́, поте́ря, тетеря́, тю́ря, ха́ря, ра́спря и возгря́, ноздря́, куря́.

Еще рѣже встрѣчается окончательная **я** съ другими, кромѣ плавныхъ, согласными: Надя, Ѳедя, дядя, (д), зюзя (з), Вася, бабуся, Маруся (с), батя, тетя, Петя, Митя, тятя (т) — все съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, кромѣ: дитя́, стезя́, котя́, утя́, гуся́ (гусыня́), порося́. При этомъ надо замѣтить, что четыре послѣднихъ имени на *я*, а иногда и на а, напр. собача́, т. е. имена, означающія дѣтскія названія животныхъ, всегда держатъ ударе́ніе на конечномъ слогѣ даже и въ томъ случаѣ, когда эти формы состоятъ изъ трехъ слоговъ, что́, впрочемъ, встрѣчается рѣдко.

§ 79. *Имена на гласную* **а.**

Кромѣ выше перечисленныхъ (§§ 61, 64, 65, 73—76), есть еще имена на гласную **а**, встрѣчающіяся довольно значительными группами съ весьма непостояннымъ удареніемъ, а именно:

1. На **ла.**

Эти немногочисленныя, частью первообразныя, частью производныя, краткія, формы почти всѣ состоятъ только изъ двухъ-трехъ слоговъ. Примѣры съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ: а) съ предшествующими гласными: зала, мѣняла, обирала, опивала, объѣдала, шагала, Гаврила, верзила, лемзила, кобыла, кутила, перила (множеств. ч.), гондола, крамола, назола, школа; — и б) съ предшествующими согласными: кукла, свекла, Ѳекла. Формы съ удареніемъ на третьемъ слогѣ отъ конца: каракула, кувыркала, лупала, мензула, нѣкала, нюхала, тайбола. Формы съ удареніемъ на конечномъ слогѣ: а) съ предшествующими гласными: зола, постила, пчела, смола, стрѣла, хвала, хула, юла; и б) съ предшествующими согласными: ветла, игла, метла, тесла.

2. На **ма.**

Это — большею частью первообразныя и весьма малочисленныя формы съ удареніемъ на разныхъ слогахъ. Впрочемъ, тутъ есть нѣкоторая послѣдовательность. Окончаніе *ма*

обыкновенно принимаетъ удареніе въ двусложныхъ именахъ при томъ условіи, когда передъ гласною **а** нѣтъ двухъ согласныхъ, непосредственно слѣдующихъ одна за другою, напр.: дрема, зима, Ѳома, кума, сума, Кузьма, сурьма, тесьма. — Въ двусложныхъ же именахъ, оканчивающихся на **ма** съ предшествующими двумя согласными, а равно въ трехсложныхъ и, вообще, многосложныхъ удареніе падаетъ на предпослѣдній слогъ: астма, драхма, система, теорема, Зосима, аксіома, солома. Но и здѣсь не можетъ быть рѣчи о неизмѣнномъ постоянствѣ ударенія, такъ-какъ есть и такія слова, какъ: корчма́, кортома́, покрома́, кутерма́, тюрьма́, Кострома́ и ана́ѳема, кунстка́мера, которыя уклоняются отъ сказанной аналогіи.

3. На **ха**.

Выше (§ 61 п. 3) мы разсмотрѣли имена на **ха** съ предшествующими гласными *а*, *я*, *ё*, *ъ*, какъ относящіяся къ категоріи формъ съ постояннымъ удареніемъ. Какъ мы видѣли, эти формы носятъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ. Формы же съ окончаніемъ **иха**, **оха**, **уха**, **юха**, хотя тоже большею частью держатъ сказанное удареніе, но не постоянно. Такъ, между ними, кромѣ напр. бобри́ха, заживи́ха, купчи́ха, мясничи́ха, — запивóха, пройдóха, разсóха, суматóха, — большу́ха, волну́ха, молоду́ха, сиву́ха, стару́ха, стряпу́ха, — колю́ха, краю́ха, спю́ха, соплю́ха, шлю́ха, довольно часто встрѣчаются и слѣдующія: корюха, ря́пуха, черёму́ха, а также: блоха́, кроха́, соха́, сноха́, уха́, чуха́, чепуха́, шелеха́, шелуха́, труха́, требуха́, серпуха́ (впрочемъ, и серпу́ха). Вообще, объ акцентаціи именъ на **ха** надо замѣтить:

а) удареніе падаетъ на конечный слогъ исключительно только въ краткихъ (двучленныхъ и трехчленныхъ) первообразныхъ формахъ;

и б) въ этихъ же формахъ удареніе можетъ падать и на предпослѣдній слогъ. Въ болѣе же сложныхъ, т. е. въ формахъ по меньшей мѣрѣ трехчленныхъ, удареніе предпочтительно держится предпослѣдняго слога, но можетъ находиться и дальше отъ конца, однако неиначе, какъ согласуясь съ генетическимъ началомъ. Эта послѣдовательность особенно замѣтна въ формахъ на **иха**: такъ, напр. отъ портно́й — портни́ха, отъ дво́рникъ — дво́рничиха, отъ ме́льникъ — ме́льничиха, отъ мѣ́дникъ —

мѣ́дничиха, отъ сапо́жникъ — сапо́жничиха, отъ ста́роста — ста́ростиха и проч.

4. На **та** и **ша**.

Имена на *ата*, *ита*, *пта*, а равно значительное большинство на **ша**, какъ отличающіяся постоянствомъ ударенія, отнесены къ 61 § (п.п. 2 и 3). Намъ остается разсмотрѣть еще другія, и именно на **ета**, **ота**, **ута**, **юта**, **ыта**, а равно на **та** съ предшествующими согласными. Эти послѣднія довольно рѣдки: берёста, пи́хта, капу́ста, коро́ста, невѣ́ста и верста́, черта́. Подобнымъ образомъ и именъ на **ша** съ предшествующими согласными также немного: лапша́, лѣвша́, шапша́ и вѣ́кша. Немного также и именъ на *ута*, *юта*, *ыта*: мину́та, могута́ (вм. могота́), сыта́, малю́та, Васю́та, Гришу́та, Мишу́та (четыре этихъ послѣднихъ, впрочемъ, предпочтительно употребляются съ окончаніемъ *ка* — малю́тка, Васю́тка, Гришу́тка, Мишу́тка). Еще меньше именъ на **ета**, какъ-то: суета́, мае(я)та́, клевета́ и нищета́. Но зато довольно многочисленны имена на **ота**. Такъ-какъ эти послѣднія отличаются особенною прихотливостью ударенія, неподдающеюся непосредственному обобщенію, то въ концѣ настоящей книги, въ особомъ приложеніи, помѣщается списокъ этихъ словъ.

5. Имена на **га** тоже большею частью разсмотрѣны (§ 61 п. 3). Здѣсь нашъ обзоръ дополняется тѣми, кои не отличаются постоянствомъ ударенія и именно оканчивающіяся:

а) на **ега**, **ога**, **уга**: слега́ (и сле́га), нога́, дрога́, дуга́, слуга́, кабарга́, острога́, пустельга́ и берло́га, су́дорога, ра́дуга;

и б) на **га** съ предшествующими согласными: де́ньга (но и деньга́), се́мга, мя́зга, и́волга, та́волга (но и таволга́); лузга́, дрязга́, цынга́, мелюзга́, серьга́, сайга́ (и са́йга), тайга́ (и та́йга).

6. На **ба**.

Имена съ этимъ окончаніемъ бываютъ:

а) съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: алчба, бороньба, ворожба, изба, журба, клятба (кля́тва) молотьба, стрѣльба, скоба, худоба;

и б) рѣже съ удареніемъ на второмъ, а иногда и на третьемъ слогѣ отъ конца: глы́ба, дру́жба, слу́жба, зазно́ба, утро́ба, жени́тьба, сели́тьба, сва́дьба; жа́лоба, па́луба.

7) На **ва**:

а) съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: булава, глава, мурава, вдова, сова, ендова, бичева, плева, синева, тетива, трава, халва, Нева;

и б) съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ: буква, брюква, лава, застава, шнява, корова, подошва, крапива, олива, разжива. Къ этому надо добавить, что разсматриваемыя имена чаще всего оканчиваются на ства. Здѣсь удареніе тоже непостоянно: жатва, клятва, жертва, молитва, битва, бритва, ловитва — съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ и ботва, листва, плотва, Литва — съ удареніемъ на конечномъ слогѣ.

8. На **да**:

а) съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: борода, череда, чехарда, бурда, лебеда, середа, бѣда, ѣда, гряда, борозда, коляда (колéда), сковорода, узда, ѣзда;

б) чаще съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ: засада, помада, монада; пирамида, хламида; ода, порода, свобода; простуда, груда, слюда (и слюдá); бесѣда, побѣда, костоѣда; легéнда, жажда, одежда, надежда, команда, скирда (и скирдá);

и в) иногда съ удареніемъ на третьемъ слогѣ отъ конца: белиберда, ябеда.

9. На **за**, **па**, **ра**, **са**, **ча**:

а) съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ (рѣже): бирюза, егоза, слеза, коза, стрекоза; ропа, скопа, стопа, ступа, скорлупа; гора, кора, пора; коса, оса, роса, лиса; бакча, епанча, каланча, саранча, свѣча;

и б) съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ (гораздо чаще): антитеза, грёза, берёза, роза, заноза, обуза, муза, огрыза, пролаза; лапа, лупа, растрёпа, скрёпа, лампа; астра, отара, гитара, химера, Церера, карьера, филоксера, вѣра, эра, умора, Ѳедора, конура; кулиса, буса, завѣса, повѣса, пьеса, варакса, плакса; задача, придача, кляча, колча, куча, онуча, туча, встрѣча, предтеча, сѣча. Сюда надо отнести и весьма рѣдкую форму — метафора.

*Имена на гласную **о** съ непостояннымъ удареніемъ.*

§ 80. Кромѣ вышеперечисленныхъ (§§ 59, п. 1, 70, 71), есть еще немногочисленныя имена на гласную **о** уже съ непостояннымъ удареніемъ, и именно:

1. На **ло**.

Эти имена составляютъ не совсѣмъ незначительную группу и удареніе ихъ можно подвести подъ слѣдующія обобщенія:

а) Когда окончанію **ло** предшествуютъ гласныя **а, я, и, ы, ѣ**, то удареніе, большею частью, падаетъ на эти гласныя: бряцало, зерцало, одѣяло, пяло, кадило, мочило, сушило, точило, мотовило, свѣтило, шило, копыло, мыло, рыло, дѣло. Но здѣсь встрѣчаются формы и съ удареніемъ на третьемъ слогѣ отъ конца: зеркало, пугало, буркало, вѣяло, удило, грузило, хрюкало, мѣрило, правило (впрочемъ, и мѣри́ло, прави́ло); крыло — съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

и б) Когда же окончанію **ло** предшествуетъ гласныя **е, о**, а равно согласныя, то имена съ этимъ окончаніемъ носятъ удареніе или на послѣднемъ, или на второмъ, или же (рѣдко) на третьемъ слогѣ отъ конца: русло́ или ру́сло, село́, чело́, помело́, жерло́, сверло́, трепло́, тепло́; кре́сло, су́сло, ма́сло, сви́сло, пря́сло, дышло, чу́чело.

2. На **до, но, ро, то.**

Эти окончанія относятся къ немногимъ краткимъ формамъ и могутъ быть съ удареніемъ: гнѣздо, рондо; бревно, веретено, зерно, вино, стегно, пшено, окно, порохно, садно, руно, пятно; бедро, ведро, добро, нутро, перо, серебро, ядро; долото, решето, тенето, пальто, — и безъ ударенія: блюдо, бердо, ладо, стадо, чадо; брашно, судно, вѣно, колѣно, полѣно; вёдро, нёдро, утро; золото, корыто, копыто, сито, жито, лѣто, мѣсто, тѣсто.

3. На **бо, го, по, со.**

Эти имена встрѣчаются очень рѣдко и преимущественно въ иностран. словахъ: не́бо и нёбо, и́ндиго, амба́рго, бла́го, са́го, и́го, те́мпо, ми́со, про́со, пле́со и жабо́, тибо́, депо́, колесо́, серсо́.

§ 81. *Имена на* **къ** *съ предшествующими гласными* **и, е, о.**

Выше (§ 59 п. 6) мы разсмотрѣли довольно многочисленный разрядъ именъ на *акъ, якъ, укъ, юкъ, ыкъ, ъкъ* съ постояннымъ удареніемъ. Еще гораздо болѣе многочисленны имена на **икъ, екъ, окъ**, формація конхъ весьма разнообразна, вслѣдствіе чего и акцентація ихъ вообще отличается

сложностью. А поэтому они заслуживаютъ подробнаго разбора. Разсматривая морѳологію этихъ именъ, мы видимъ, что все это производныя слова, въ коихъ сказанныя окончанія составляютъ или нарощеніе или (рѣже) замѣну окончанія простѣйшей формы, отъ коей они произошли. Впрочемъ, есть десятка съ два словъ, въ коихъ означенныя окончанія не составляютъ наставки и кои, поэтому, можно считать за первообразныя: во́локъ (воло́чь), ку́бокъ (польское kubek), о́трокъ (польское rok = годъ, лѣто), уро́къ (рокъ, срокъ), рису́нокъ (польское rysunek), ры́нокъ (польск. rynek), во́йлокъ (польск. wojłok), клино́къ (нѣмецкое Klinge), ту́рокъ, кули́къ, суро́къ, я́щикъ, ще́локъ (ще́лочь), и́нокъ (вѣроятно отъ и́нный, ина́кій, ино́й), за́мокъ и замо́къ, о́боморокъ и обморо́къ (о́мракъ), потоло́къ (потоло́чь), о́корокъ (по Далю, въ связи съ польск. krok = шагъ и болгарск. крока = нога), у́локъ (отъ ули́къ, лицо, — улица).

§ 82. *Удареніе именъ на* **екъ**. Изъ разбираемыхъ именъ трехъ окончаній, имена на **екъ** отличаются замѣчательною послѣдовательностью ударенія, которое можетъ быть подведено подъ слѣдующихъ два правила:

1. Всѣ тѣ изъ нихъ, въ коихъ послѣдняя или предпослѣдняя гласная **е** получаетъ звукъ **іо**, какъ само собою разумѣется, удареніе непремѣнно держатъ на этой гласной: денёкъ — денёчекъ, огонёкъ — огонёчекъ, стебелёкъ — стебелёчекъ, кулёкъ — кулёчекъ; кошелёкъ, облучёкъ, василёкъ, щенёкъ, куманёкъ, муженёкъ и проч.;

и 2. Затѣмъ, всѣ остальныя такія же уменьшительныя или и не уменьшительныя — все равно — постоянно сохраняютъ удареніе своего первообраза безъ всякихъ исключеній: горо́шекъ (горо́хъ), оре́шекъ (оре́хъ), ка́мушекъ (ка́мень), пони́точекъ (пони́токъ), голубо́чекъ (голубо́къ), цвѣто́чекъ (цвѣто́къ), деся́точекъ (деся́токъ), оста́точекъ (оста́токъ), во́йлочекъ (во́йлокъ), ча́йничекъ (ча́йникъ), но́жичекъ (ножъ, но́жикъ), гри́венничекъ (гри́венникъ); оше́екъ, переше́екъ (ше́я), лу́чекъ (лукъ), отро́екъ (ро́й), ли́шекъ (лишъ мужескаго рода, лишь женскаго рода) и проч.

§ 83. *Удареніе именъ на* **икъ**. По своей формаціи, имена на **икъ** представляютъ болѣе многочисленныя и болѣе

разнообразныя формы, чѣмъ эти послѣднія на *екъ*. Впрочемъ, и здѣсь красною нитью проходитъ по всему длинному ряду этихъ именъ извѣстная послѣдовательность и именно:

1. Всѣ уменьшительныя почти неизмѣнно держатъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; причемъ, оно постоянно согласуется съ своимъ первообразомъ: во́зикъ (возъ), за́йчикъ (за́яцъ), гво́здикъ (гвоздь), но́сикъ (носъ), пру́дикъ (прудъ), у́сикъ (усъ), до́микъ (домъ), сто́ликъ (столъ), кузне́чикъ (кузне́цъ), топо́рикъ (топо́ръ), солда́тикъ (солда́тъ), каранда́шикъ (каранда́шъ), пы́жикъ (пыжъ), ру́бчикъ (ру́бка), голу́бчикъ (голу́бка), кро́ликъ (краль: польскіе крестьяне, вмѣсто *królik*, говорятъ król = король).

2. Имена, неозначающія ласкательности или уменьшенія, могутъ носить удареніе какъ на окончаніи, такъ равно и на предшествующихъ ему слогахъ, смотря по первообразу, отъ коего они происходятъ:

а) Образовавшіяся изъ прилагательныхъ на **ой** неизмѣнно удерживаютъ удареніе этихъ именъ, т. е. на послѣднемъ слогѣ: годовикъ (годовой), молодикъ (молодой), семикъ (седьмой), прямикъ (прямой), тупикъ (тупой), босикъ (босой), материкъ (матерой), крутикъ (крутой), лицевикъ (лицевой), половикъ (половой), двойникъ (двойной), рудникъ (рудяной, вмѣсто рудной), ямщикъ (ямской), погребщикъ (погребской), гребенщикъ (гребенской) *), зеленщикъ (зеленской), денщикъ (денской), шутникъ (шутной), прихотникъ (прихотной), должникъ (должной), мѣдяникъ (мѣдяной), родникъ (родной), боровикъ (боровой), пуховикъ (пуховой), четвертникъ (четвертной), шестерникъ (шестерной), девятерникъ, раст., (девятерной).

б) Тоже и имена, происшедшія отъ глаголовъ въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія, постоянно удерживаютъ удареніе первообраза; но здѣсь оно невсегда падаетъ на послѣдній слогъ: бечевщи́къ (бечева́ть), бунтовщи́къ (бунтова́ть), бѣловщикъ (бѣлова́ть), межевщи́къ (межева́ть), покупщи́къ (покупа́ть), лѣпщи́къ (лѣпи́ть), рѣзчи́къ (рѣза́ть, срѣза́ть, а не рѣзать),

*) Хотя прилагательнаго гребенской въ словаряхъ нѣтъ, но оно употребляется въ народѣ.

неводчи́къ (неводи́ть), вто́рщикъ (вто́рить), спо́рщикъ (спо́рить) и проч.

в) Въ именахъ, образовавшихся непосредственно изъ старинныхъ причастій, или современнаго прошедш. времени изъявительнаго наклоненія, неизмѣнно сохраняется фонетика этихъ послѣднихъ и, поэтому, такъ-какъ здѣсь окончаніе ихъ *щикъ* есть нарощеніе, удареніе никогда не падаетъ на послѣдній слогъ: бри́льщикъ (брилъ), бѣли́льщикъ (бѣли́лъ), гада́льщикъ (гада́лъ), корми́льщикъ (корми́лъ), ма́зальщикъ (ма́залъ), молоти́льщикъ, носи́льщикъ, плате́льщикъ и проч.

г) Подобнымъ образомъ, и въ тѣхъ малочисленныхъ именахъ, кои произошли отъ прилагательныхъ на *ій*, никогда не допускающихъ, какъ извѣстно, на окончаніи ударенія, это послѣднее, удерживаясь на своемъ коренномъ мѣстѣ, никогда не падаетъ на окончаніе: вече́рникъ (вече́рній), заво́дчикъ (заво́дскій), конто́рщикъ (конто́рскій), пере́дникъ (пере́дній), ры́жикъ (ры́жій), у́тренникъ (у́тренній).

д) Тоже слѣдуетъ сказать и объ именахъ, образовавшихся изъ прилагательныхъ на *ый:* чино́вникъ (отъ чино́вный), садо́вникъ (отъ неупотребительнаго прилагательнаго садо́вный), ело́викъ (отъ ело́вый), бѣли́льникъ (отъ бѣли́льный), бу́лочникъ (отъ бу́лочный), ка́торжникъ (отъ ка́торжный), кни́жникъ (отъ кни́жный), кожевникъ (отъ кожевный), ножевщикъ (отъ ножевный), ма́терникъ (отъ ма́терный), умыва́льникъ (отъ умыва́льный), бере́зовикъ (отъ бере́зовый), гри́венникъ (отъ гри́венный — гри́вна), деся́тникъ (отъ деся́тный), десяти́нникъ (отъ десяти́нный), со́тникъ (отъ со́тный, со́тня), со́тенникъ (отъ со́тенный), ме́дникъ (отъ ме́дный), ме́дя́никъ (отъ ме́дя́ный), уго́льникъ, нау́гольникъ (отъ уго́льный, у́голъ, угла́), у́гольникъ и у́гольщикъ у́гольный (отъ у́голь, у́гля) и проч. Но тутъ встрѣчаются уклоненія, хотя сравнительно и рѣдкія, и преимущественно въ двусложныхъ именахъ, въ коихъ удареніе падаетъ на послѣдній слогъ несогласно съ своимъ первообразомъ: бѣли́къ (бѣлый), тайни́къ (та́йный), ученики́ (учёный), стари́къ (ста́рый), нови́къ (но́вый), голи́къ (го́лый), цѣли́къ (цѣлый), цѣльни́къ (цѣльный), холодни́къ (холо́дный), кормни́къ (ко́рмный), духовни́къ (духо́вный).

е) Подобно именамъ, образовавшимся изъ глаголовъ и прилагательныхъ на *ой*, *ій*, и имена, образовавшіяся непосред-

ственно изъ существительныхъ помощью нарощеній *никъ*, *чикъ*, *щикъ*, нарощеній аналогичныхъ съ тѣми, какія мы уже видѣли въ именахъ, происшедшихъ непосредственно отъ причастій (п. в.), — постоянно держатъ удареніе на томъ же слогѣ, что́ и въ первообразѣ: е́ль — е́ль-никъ, отво́дъ — отво́д-никъ, горсть — го́рст-никъ (и горстни́къ), бараба́нъ — бараба́н-щикъ, ка́мень — ка́мен-щикъ, оцѣ́нъ — оцѣ́н-щикъ, сби́тень — сби́тен-щикъ, набо́ръ — набо́р-щикъ, кро́вля — кро́вель-щикъ, возъ — во́з-чикъ, извозъ — извоз-чикъ, доносъ — доно́с-чикъ, перево́дъ — перево́д-чикъ, перево́зъ — перево́з-чикъ, сыскъ — сы́с-чикъ. Иногда встрѣчаются и такіе случаи, что сказанныя наставки *никъ*, *чикъ*, *щикъ* составляютъ собственно не нарощеніе къ корню, а замѣну окончанія: бѣлье́ — бѣль-ни́къ (т. е. мѣсто, гдѣ бѣлятъ холстъ), бе́лка, бе́лочка — бе́лоч-никъ, бахро́мка — бахро́м-щикъ, о́трубки — о́труб-щикъ, сна́доба — сна́доб-никъ, ко́рмчій — ко́рм-щикъ.

3. Но несмотря на устойчивость ударенія въ значительно большей части именъ, подобныхъ перечисленнымъ, нѣкоторыя изъ нихъ не удерживаютъ генетическаго начала. Это встрѣчается въ трехъ случаяхъ:

Во-первыхъ, когда между корнемъ первообраза и нарощеніемъ *щикъ* появляется особая, впрочемъ, весьма обыкновенная, вставка *ов*, то удареніе съ своего кореннаго мѣста сдвигается на окончаніе: вѣсъ — вѣс-ов-щи́къ, часъ — час-ов-щи́къ, гробъ — гроб-ов-щи́къ, медъ — мед-ов-щи́къ, мѣна — мѣн-ов-щи́къ, бюстъ — бюст-ов-щи́къ и проч.

Во-вторыхъ, имена, происшедшія отъ числительныхъ на *рикъ*: четверикъ, пятерикъ, восьмерикъ и проч. носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, слѣдовательно несогласное съ первообразами: четы́ре, че́тверо, четы́рникъ, — пять, пяте́рка, пя́тый и проч.

И, въ-третьихъ, иногда удареніе служитъ для приданія извѣстнаго оттѣнка значенію имени на *икъ*: такъ, напр., *мужи́къ* произносится съ удареніемъ на окончаніи по тому, что́ при другой фонетикѣ — *му́жикъ* это слово намекало бы на уменьшительность или ласкательность, выражающуюся въ особомъ словѣ — *муженёкъ*. При этомъ замѣтимъ, что имена на *икъ* и, преимущественно, на *щикъ* очень часто допускаютъ

двоякое удареніе, или по тому, что и непосредственный ихъ производитель носитъ тоже двоякое удареніе (на́до́ба — сна́до́бщикъ, корма́, ко́рмчій — ко́рмщи́къ), или по тому, что эти имена разъ держатъ генетическое удареніе (го́рстникъ, сби́тенщикъ, ходе́бщикъ — отъ горсть, сби́тень, ходьба́), а другой разъ — аналогическое (горстни́къ, сбитенщи́къ, ходебщи́къ).

4. Изъ всего здѣсь изложеннаго выходитъ, что имена на **икъ** представляютъ весьма замѣчательную просодическую послѣдовательность, и именно: *не менѣе двухъ третей всей ихъ наличности постоянно сохраняютъ генетическое удареніе; затѣмъ, почти во всей остальной ихъ части, уклоняющейся отъ генетики, оно не можетъ падать на какой-либо иной слогъ, кромѣ какъ на послѣдній.* Конечно, и здѣсь неизбѣжны исключенія; но они такъ же рѣдки, какъ и въ другихъ, вышепомянутыхъ именахъ. Они встрѣчаются въ тѣхъ именахъ на *щикъ*, кои образуются изъ глаголовъ (преимущественно иностраннаго происхожденія) на *овать*: адресо́вщикъ, копиро́вщикъ, лакиро́вщикъ, полиро́вщикъ, рисо́вщикъ, танцо́вщикъ. Но и здѣсь нѣкоторыя изъ упомянутыхъ именъ могутъ носить удареніе какъ на вставкѣ, такъ равно и, по генетикѣ, на окончаніи: брако́вщикъ и браковщи́къ, вербо́вщикъ и вербовщи́къ, лицо́вщикъ и лицовщи́къ, подобно большинству другихъ, такихъ же отглагольныхъ, именъ. При этомъ надо еще замѣтить, что большинство разсматриваемыхъ именъ по ударенію сходствуютъ съ другими существительными одного съ ними происхожденія: копиро́вка, полиро́вка, лицо́вка и проч.

§ 84. *Удареніе именъ на* **окъ**. Акцентація этихъ именъ болѣе сложна и менѣе послѣдовательна, чѣмъ именъ на *икъ* и *екъ*. Тѣмъ не менѣе ее можно подвести подъ нижеслѣдующія обобщенія.

1. Удареніе именъ на **окъ** довольно часто подчиняется логическому началу, хотя въ сущности этимологическое начало всетаки беретъ верхъ здѣсь такъ же, какъ вообще и во всѣхъ производныхъ словахъ. Вотъ случаи, когда оно не бываетъ генетическимъ, постоянно падая на послѣдній слогъ:

а) въ именахъ нетолько двусложныхъ, но и трехсложныхъ уменьшительныхъ: узело́къ, поплавко́къ, поводко́къ, островко́къ, бугорко́къ, амбарко́къ, образко́къ, пирожко́къ, иванко́къ (птица),

волочекъ (отъ во́локъ), лѣсокъ, ростокъ, домокъ, рожокъ, пастушокъ, четвертокъ (отъ четве́ртый), кувыркъ (отъ кувыркъ), передокъ (отъ перёдъ) и проч.;

и б) вообще, въ двусложныхъ, напоминающихъ уменьшительныя: свистокъ, умокъ, сурокъ, вершокъ, курокъ, горшокъ, пинокъ, зѣвокъ, хлопокъ, швырокъ, совокъ, пятокъ, сморчокъ, лотокъ, шестокъ, сверчокъ, смычокъ, бѣлокъ, жидокъ, ходокъ, ѣздокъ.

2. Затѣмъ, остальныя имена на **окъ** почти постоянно держатъ удареніе генетическое:

а) преимущественно формы, сохраняющія удареніе глаголовъ: толчо́къ (толка́ть), кипято́къ (кипяти́ть), колото́къ (колоти́ть), сви́токъ (свить), сли́токъ (слить), доста́токъ, оста́токъ (стать), убы́токъ (убы́ть);

б) предложныя и преимущественно трехсложныя и четырехсложныя формы, образовавшіяся изъ существительныхъ и, хотя невсегда непосредственно, тѣмъ не менѣе имѣющія одинъ общій съ ними корень: оса́докъ (оса́дъ, оса́дка), напе́рстокъ (перстъ), недоно́сокъ (доно́съ), прила́вокъ (ла́вка), полушу́бокъ (шу́ба), отпеча́токъ (печа́ть, печа́тка), поря́докъ (рядъ, подря́дъ), посту́покъ (ступь, посту́пка), просе́локъ (просе́лье), загри́вокъ (гри́ва), сни́мокъ (снимъ), спи́сокъ (спи́ска), восто́къ (старинное встокъ), взло́бокъ (лобъ), изни́зокъ (ни́зка), пони́токъ (нить, ни́тка), ога́рокъ (ога́ръ), наше́стокъ (шестъ) и проч. Здѣсь удареніе съ замѣчательнымъ постоянствомъ падаетъ не на какой-либо иной слогъ, какъ только на предпослѣдній. Согласно съ этимъ правиломъ и нѣкоторыя составныя, сравнительно немногія, подобныя же имена тоже держатъ удареніе на сказанномъ слогѣ, хотя не согласно съ просодическою фонетикою первообраза: простѣнокъ (отъ стѣна́), отголо́сокъ (отъ го́лосъ), недоу́здокъ (отъ узда́), межу́мокъ, междоу́мокъ, межеу́мокъ (отъ между и умо́къ), тоже: полуу́мокъ, недоу́мокъ и проч.

в) Подобно вышеизложеннымъ, и имена, означающія маленькихъ животныхъ, напр. гусёнокъ, котёнокъ, ослёнокъ, поросёнокъ, телёнокъ, утёнокъ и образовавшіяся изъ старинныхъ ласкательно-дѣтскихъ существительныхъ: гуся́, котя́, осля́, порося́, теля́, утя́ и проч. носятъ удареніе этихъ послѣднихъ. И многія другія существительныя, хотя и не имѣютъ подоб-

ныхъ первообразовъ, какъ предыдущія, и хотя невсегда означаютъ животныхъ, держатъ однако удареніе на предпослѣднемъ слогѣ по тому, что они совершенно аналогичны по своей фонетикѣ съ вышеперечисленными: жидёнокъ, чертёнокъ, поварёнокъ, бочёнокъ. Удареніе остается на той же гласной *ё* и тогда, когда сказанныя имена переходятъ въ уменьшительныя третьей степени помощью вставки *че*: гусёночекъ, телёночекъ, бочёночекъ и проч.

3. Надо еще отмѣтить одно рѣдкое просодическое явленіе, встрѣчающееся лишь въ именахъ на **икъ**, **окъ** и (оч. рѣдко) на **екъ**: это — рядъ почти совершенно однозвучныхъ именъ, такъ-какъ различающихся между собою только одною окончательною гласною. Происходя отъ одного корня, одни изъ нихъ, и именно оканчивающіяся на *икъ*, неизмѣнно носятъ удареніе генетическое, другіе же — на *окъ* — аналогическое съ уменьшительными:

глазикъ и глазокъ,	ротикъ и ротокъ,
годикъ и годокъ,	усикъ и усокъ,
домикъ и домокъ,	цвѣтикъ и цвѣтокъ,
листикъ и листокъ,	часикъ и часокъ,
лишекъ и лишокъ,	шестикъ и шестокъ,
разикъ и разокъ,	шипикъ и шипокъ.

Имена перваго ряда имѣютъ значеніе ласкательныхъ, второго же ряда — уменьшительныхъ. Но эта аналогія не выдерживается во всѣхъ именахъ безъ исключенія, такъ-какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ перемѣною гласной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ударенія, измѣняется нетолько оттѣнокъ ихъ значенія, но и основной смыслъ: такъ, ли́тикъ — поддѣльный дорогой камень, а литóкъ — битка́, бабка, но́сикъ — ласкательное отъ носъ, а носóкъ — карпетка*), вóзикъ — уменьшительное отъ возъ, а возóкъ — извѣстная повозка, часóкъ — время, а ча́сики (во множеств. ч.) — орудіе (уменьшительное отъ часы́).

*) Слово *носóкъ* употребляется и въ другихъ различныхъ значеніяхъ по уподобленію. Въ баснѣ Крылова «Ворона и Лисица» слово носóкъ замѣняетъ слово нóсикъ. Есть еще и другія имена, употребляющіяся съ тѣмъ и другимъ окончаніемъ безразлично: ра́зикъ и разóкъ, ро́тикъ и ротóкъ, ремёшекъ и ремешóкъ.

Подобнымъ образомъ употребляются въ разныхъ значеніяхъ слова ва́ликъ и вало́къ (валёкъ). Иногда лишь удареніе различаетъ два разныхъ значенія одного и того же слова: 1) хло́покъ, охло́покъ — пакля, очески, хлопчатникъ, и 2) хлопо́къ v. хлопе́нь (одного происхожденія съ хло́покъ — хлопъ, хло́пья) — клокъ льну, пеньки и т. п. И, наоборотъ, въ именахъ: цѣли́къ [1) камень, монолитъ, 2) матерая, нетронутая земля] и цѣло́къ (яйцо), бѣли́къ (трава) и бѣло́къ (составная часть яйца), холоди́къ (сѣверный, холодный вѣтеръ) и холодо́къ (уменьшительное отъ холодъ) значеніе различается не просодическою, а этимологическою фонетикою.

и 4. Вообще, удареніе именъ на **окъ** постоянно падаетъ или на послѣдній или же на предпослѣдній слоги. При чемъ: 1) въ большей части этихъ именъ акцентація сохраняетъ генетическое начало; и 2) удареніе, не согласуясь съ этимъ началомъ, падаетъ неизмѣнно на послѣдній слогъ и преимущественно въ уменьшительныхъ, а равно и въ такихъ двусложныхъ именахъ, которыхъ, хотя по ихъ происхожденію и нельзя отнести къ уменьшительнымъ, но которыя однако напоминаютъ таковыя отчасти по своему логическому смыслу, отчасти по фонетикѣ. Отступленія отъ этого общаго правила встрѣчаются рѣдко и именно:

а) исключительно только въ именахъ на *ёночекъ* удареніе неизмѣнно падаетъ на третій слогъ отъ конца, согласно, однако, съ своимъ непосредственнымъ производителемъ на *ёнокъ*, напр. ребёнокъ и ребёночекъ. При этомъ кстати надо замѣтить, что имена на *ёнокъ* во множеств. числѣ перемѣняютъ свое окончаніе на *ата*, *ята*, удерживая удареніе на предпослѣднемъ слогѣ съ неизмѣннымъ постоянствомъ: ребёнокъ — ребя́та, жеребёнокъ — жеребя́та, медвѣжёнокъ — медвѣжа́та, цыплёнокъ — цыпля́та и прочія, означающія названія молодыхъ животныхъ.

и б) Есть два десятка съ небольшимъ изъ разсматриваемыхъ нами именъ такія, которыя образовались изъ существительныхъ помощью приставокъ **па, су**: пасынокъ, паерокъ, паколокъ, паробокъ, пагленокъ и паголенокъ (отъ го́лень), пагорокъ (польское pagórek), падворокъ, пакленокъ, павозокъ, паволокъ, паорокъ (подо́рокъ), паозерокъ, паузокъ, пащелокъ, пащенокъ, — суболотокъ, сугорокъ, супесокъ, сумѣсокъ (по-

мѣсь), сувертокъ (су́верть, свертокъ), суводокъ (су́водь). Всѣ эти имена держатъ удареніе на первомъ слогѣ, подобно тому, какъ и вообще многія другія слова, въ составъ конхъ вошли сказанныя приставки. Впрочемъ, и тутъ попадаются исключенія въ пользу генетическаго ударенія: сугли́нокъ, сузёмокъ (сузёмъ), сути́нокъ v. суту́нокъ (обрубокъ; польское sciпać, sciąć = срубить). Су́дво́рокъ, сузокъ и прито́рокъ носятъ двоякое удареніе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Удареніе глаголовъ.

Послѣ имени существительнаго, изъ другихъ частей рѣчи по ударенію болѣе важное значеніе представляетъ глаголъ. Выше мы показали, что, по словарю Макарова, существительныя составляютъ приблизительно половину всего числа словъ, вошедшихъ въ составъ этого словаря. Здѣсь добавимъ, что всѣхъ глаголовъ у Макарова насчитывается до 13,474, слѣдовательно они составляютъ слишкомъ четвертую часть помянутаго числа (52,277).

Всѣ глаголы, какъ извѣстно, въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія подводятся подъ три типичныхъ окончанія: **ти**, **чь**, **ть**.

§ 85. *Глаголы на* **ти** (**зть**, **сть**). Окончаніе **ти** есть древняя форма церковнославянскаго языка. Особенность этого окончанія заключается, во-первыхъ, въ томъ, что предъ нимъ встрѣчаются только двѣ согласныя — **с** и (рѣже) **з**, и, во-вторыхъ, что оно можетъ сокращаться по образцу новѣйшей формы, т. е. вмѣсто **сти**, **зти**, употребляется **сть**, **зть**, напр., вмѣсто грести, везти говорится также — греcть, везть. Но эта двойственность допускается не для всѣхъ глаголовъ: блюсти, итти, трясти употребляются только въ одной древней формѣ, а грызть, лѣзть, сѣсть, ѣсть, честь — только въ новѣйшей. Коренныхъ глаголовъ съ этими окончаніями насчитывается немного болѣе двухъ десятковъ; кромѣ вышепоименованныхъ 10-ти, сюда относятся еще слѣдующіе: вести, вязти,

брести, мести, нести, пасти, плести, ползти, расти, скрести, цвѣсти, и (употребляемый лишь въ возвратной формѣ) пещись. Замѣчательно, что всѣ эти глаголы, безъ всякаго исключенія, неизмѣнно требуютъ ударенія на послѣдней гласной даже въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда они становятся многосложными чрезъ нарощеніе приставками и 2) когда въ сочетаніе одного изъ слоговъ вошла полугласная, напр. превознести, обзавестись, приподнести, воспроизвести, перелѣзть, перейти, уйти, снизойти и проч. Только при одномъ условіи, и именно, когда въ составъ ихъ входитъ приставка **вы**, удареніе переносится на эту послѣднюю: вы́йти, вы́брести, вы́нести и проч.

§ 86. *Глаголы на* **чь, ыть, оть, еть, асть, ясть.** Есть еще нѣсколько десятковъ коренныхъ глаголовъ, которые, подобно выше помянутымъ, удареніе постоянно держатъ на окончаніи:

1. На **чь** съ предшествующими гласными:
на **ечь**: беречь, влечь, жечь, лечь, печь, (на)речь, течь, стеречь.
» **очь**: волочь, мочь, толочь.
» **ичь**: стричь, (на)стичь, (по)стичь.
» **ячь**: (за)прячь.
» **ѣчь**: сѣчь.

2. Глаголы на **ыть**: быть, выть, крыть, мыть, ныть, плыть, рыть, слыть, стыть.

3. На **оть**: бороть, колоть, молоть, полоть, пороть.

4. На **еть**: мереть, переть, тереть.

5. На **асть, ясть**: класть, красть, пасть, клясть, прясть.

При этомъ надо замѣтить, что перечисленные глаголы и усложнившись приставками (за исключеніемъ *вы*) тоже держатъ удареніе на конечномъ слогѣ: поберечь, завлечь, добыть, перерыть, запереть, накласть и проч.

§ 87. *Глаголы на* **ять.** Послѣ вышеисчисленныхъ, первое мѣсто по устойчивости ударенія на окончаніи занимаютъ глаголы на **ять**. По словарю Макарова, ихъ насчитывается до 600; изъ нихъ только 45 требуютъ ударенія на предпослѣднемъ слогѣ; такимъ образомъ глаголы съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ составляютъ $92\frac{1}{2}\%$. Причемъ, надо замѣтить, что изъ числа 45-ти помянутыхъ глаголовъ двѣ трети предложные, коренныхъ же всего 15: вѣять, дѣять, за-

тѣять, кашлять, лаять, маять, лелѣять, мѣрять, каять(ся), рѣять, сѣять, таять, хаять, чаять, чуять. Да и съ удареніемъ на окончаніи тоже очень мало коренныхъ глаголовъ; причемъ, они нами считаются коренными только относительно, такъ-какъ они происходятъ отъ древняго глагола **яти**, нынѣче ни въ этомъ, ни въ сокращенномъ видѣ (**ять**) неупотребительнаго безъ предлога: изъять, обнять, объять, отнять, понять, пронять, предвзять, пріять, воспріять и проч. Но бо́льшая часть глаголовъ на **ять** — формы производныя: они происходятъ или отъ другихъ коренныхъ глаголовъ (отъ лить — изліять, отъ явить — являть, отъ скупать — скупля́ть и проч.), или же отъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ (отъ корень — искоренять, отъ вода (водный) — наводнять, отъ паръ — испарять, отъ кривой — искривлять, отъ второй — повторять, отъ ясный — объяснять, уяснять и проч.). Здѣсь удареніе можетъ совпадать и не совпадать съ удареніемъ кореннаго слова; но во всякомъ случаѣ оно постоянно держится окончанія.

§ 88. *Глаголы на* **ѣть** *съ постояннымъ удареніемъ.*

Четвертое мѣсто по устойчивости ударенія на окончаніи занимаетъ тоже не очень многочисленный, какъ и предыдущій, разрядъ глаголовъ на **ѣть**. Изъ этихъ глаголовъ почти неизмѣнною устойчивостью ударенія отличаются только двусложные — будутъ-ли они коренные или производные — все равно: (бѣлѣть, краснѣть, велѣть, летѣть, терпѣть) и тѣ изъ трехсложныхъ и четырехсложныхъ, которые образовались изъ односложныхъ коренныхъ (бдѣть, грѣть, дѣть, зрѣть, млѣть, пѣть, прѣть, рдѣть, смѣть, тлѣть) съ присоединеніемъ приставокъ (заподозрѣть, перепрѣть, перетлѣть, разогрѣть). Но и здѣсь, хотя очень рѣдко, встрѣчаются уклоненія: ви́дѣть, вши́вѣть, льго́тѣть, плѣ́снѣть (или плѣ́снѣвѣть), ржа́вѣть, са́днѣть, ча́врѣть, вѣ́трѣть (и вѣтре́ть). Глаголы же трехсложные и четырехсложные производственные далеко не представляютъ такой устойчивости ударенія. Тѣмъ не менѣе и здѣсь замѣтна нѣкоторая послѣдовательность, которая и выяснится сейчасъ ниже.

§ 89. *Глаголы на* **ѣть** *съ непостояннымъ удареніемъ.*

Въ грамматикѣ Востокова (стр. 83—100) помѣщенъ списокъ глаголовъ на **ѣть** (числомъ 187). Сдѣлавъ къ этому списку дополненіе,

мы разобрали до 200 глаголовъ съ сказаннымъ окончаніемъ; изъ нихъ 121 двучленные и 79 трехчленные и болѣе сложные. Изъ этого разбора оказалось:

1) изъ 121 двучленныхъ глаголовъ только 8 перечисленныхъ въ предыдущемъ параграфѣ носятъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, остальные же 113 держатся окончанія; значитъ, на долю этого послѣдняго приходится 93% слишкомъ. 2) Удареніе же болѣе сложныхъ формъ идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: на слогѣ конечномъ 33 глагола,

» 2-мъ отъ конца 40 »

» 3-мъ » » 6 (коро́стовѣть, бере́менѣть, и́ндивѣть v. и́невѣть, пле́сневѣть, пры́щевѣть и я́ловѣть).

Вообще эти глаголы по преимуществу (нѣсколько больше одной половины всего ихъ числа) держатъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, такъ-что на долю конечнаго слога приходится лишь около 38%.

и 3) Сказанные 40 глаголовъ, точно такъ же, какъ и помянутые въ предыдущемъ параграфѣ 8 глаголовъ, носятъ удареніе генетическое: такъ, отъ борода́тый — борода́тѣть, отъ косма́тый — косма́тѣть, отъ мохна́тый — мохна́тѣть, отъ кудря́вый — кудря́вѣть, отъ черви́вый — черви́вѣть и проч. Подобнымъ образомъ и помянутыхъ 6 глаголовъ тоже удерживаютъ генетическое начало: такъ, отъ коро́ста — коро́стовѣть, отъ и́ней — и́невѣть, отъ я́ловый — я́ловѣть и проч.

§ 90. *Причины колебанія акцента въ трехчленныхъ глаголахъ на* ѣть.

Въ предыдущемъ параграфѣ мы упомянули 33 трехчленныхъ глагола съ удареніемъ на конечномъ слогѣ. Бо́льшая часть этихъ глаголовъ по ударенію держится генетическаго начала: такъ, отъ ледяно́й — леденѣ́ть, отъ молодо́й — молодѣ́ть, отъ соловы́й — соловѣ́ть, отъ матеро́й — матерѣ́ть. Но есть немало подобныхъ же глаголовъ на *ѣть*, которые уклоняются отъ этого начала иногда безъ всякой видимой причины, т. е. такой причины, которая, ради благозвучія, могла бы заставить удареніе сдвигаться съ мѣста, принадлежавшаго ему въ первообразной формѣ. При этомъ надо обратить вниманіе, что это передвиженіе ударенія съ замѣчательною послѣдовательностью всегда идетъ въ одномъ

направленіи, т. е. *ударе́ніе непосредственнаго производителя сдвига́ется съ своего́ мѣста не на како́й-либо и́ной слогъ, какъ то́лько на послѣдній*: такъ, отъ зелёный — зелене́ть, отъ бога́тый — богате́ть, отъ ка́менный — каменѣть, отъ хоро́шій — хорошѣть и проч. Это явленіе доказываетъ, что здѣсь удареніе, сдвигаясь съ основы на окончаніе, имѣетъ своимъ прямымъ назначеніемъ придавать сказаннымъ глаголамъ извѣстный семазіологическій оттѣнокъ, который выше (§ 55) мы назвали *глагольнымъ*. Если мы сравнимъ, напр., глаголъ каменѣть съ глаголомъ, напр., *и́неѣть*, гдѣ удареніе не было бы неблагозвучнымъ и на конечномъ слогѣ: то легко поймемъ, что здѣсь подъемъ голоса на томъ или другомъ слогѣ придаетъ больше силы каждому изъ двухъ представленій, т. е. 1) представленію о предметѣ (представленію, выражающемуся въ темѣ слова *и́неѣть*), и 2) представленію о дѣйствіи (представленію, выражающемуся въ окончаніи слова *каменѣть*). И въ самомъ дѣлѣ: слово *каменѣть* выражаетъ понятіе о такомъ состояніи предмета, которое мыслимо неиначе, какъ при *продолжающемся* дѣйствіи на этотъ предметъ, дѣйствіи, произведшемъ сказанное состояніе. Въ глаголѣ же *и́неѣть* мы не представляемъ никакого дѣйствія, а представляемъ лишь извѣстное состояніе предмета (или, чаще, предметовъ, напр. деревъ), состояніе, происшедшее послѣ оконченнаго уже извѣстнаго дѣйствія, т. е. образованія морозомъ и́нея. Впрочемъ, о глагольномъ оттѣнкѣ будетъ и еще разъясненіе ниже (§ 94).

§ 91. *О глаголахъ* **на ить** *вообще.* Гораздо многочисленнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прихотливѣе по удареніе глаголы на **ить**, въ коихъ передъ этимъ окончаніемъ встрѣчаются почти всѣ согласныя — чаще всего: *т*, *р*, *л*, *н*, и рѣже: *б*, *м*, *п*, *ш*; совсѣмъ же не встрѣчаются только *г*, *к*, *х*, *ц*.

Судя по столь близкому родству гласной **и** съ гласною **ѣ**, надо предположить, что глаголы одного происхожденія на **ить** и **ѣть** по своему внутреннему содержанію должны разниться какимъ-нибудь особеннымъ отличительнымъ признакомъ: иначе два почти однозвучныя окончанія для одного и того же глагола, напр., бѣлѣть и бѣли́ть, представляли бы излишнюю и ничѣмъ неоправдываемую роскошь. И, дѣйствительно, вникая въ общее значеніе глаголовъ съ тѣмъ и другимъ окончаніемъ, мы по-

стоянно замѣчаемъ одну характеристическую черту, состоящую въ слѣдующемъ:

Глаголы на **ить** выражаютъ представленіе о дѣйствующемъ лицѣ, которое такъ или иначе прямо оказываетъ свое вліяніе на объектъ (бѣли́ть, безу́мить, жили́ть, криви́ть, обезси́лить, обезлю́дить, пестри́ть, торопи́ть); глаголы же на **ѣть** сосредоточиваютъ въ нашемъ сознаніи представленіе о способности предмета обнаруживать извѣстныя качества, кроющіяся въ самой его природѣ и зависящія отъ естественныхъ или и другихъ отдаленныхъ причинъ, но *небезусловно* отъ непосредственнаго дѣйствія человѣка (бѣле́ть, безу́мѣть, жиде́ть, криве́ть, обезси́ле́ть, обезлю́де́ть, пестре́ть, торопе́ть).

Несмотря на столь близкое фонетическое сходство перечисленныхъ глаголовъ той и другой категоріи, въ своемъ строеніи отличающихся лишь одною гласною, ударе́ніе въ нихъ остается на одномъ и томъ же слогѣ. Вообще, въ ударе́ніи глаголовъ на **ить** можно найти нѣкоторую аналогію съ ударе́ніемъ глаголовъ на **ѣть**. Такъ, изъ 502 разсмотрѣнныхъ въ «Русскомъ Слогоударе́ніи» глаголовъ ударе́ніе на послѣднемъ слогѣ принимаютъ 314 (61%), слѣдовательно нѣсколько меньше, чѣмъ въ глаголахъ на **ѣть** (73%). Но въ глаголахъ на **ить** даже и въ томъ случаѣ, когда они состоятъ только изъ двухъ слоговъ, ударе́ніе падаетъ на послѣдній слогъ не такъ часто, какъ въ глаголахъ на **ѣть**: изъ 280 такихъ глаголовъ только въ 209 ударе́ніе падаетъ на окончаніе (ить); слѣдовательно около одной трети этихъ глаголовъ (71) носитъ ударе́ніе на первомъ слогѣ. Чтобы удобнѣе было разсмотрѣть колебаніе ударе́нія въ глаголахъ на *ить*, раздѣлимъ ихъ на двѣ группы: 1) двусложныя и 2) многосложныя формы.

§ **92.** *Ударе́ніе двусложныхъ глаголовъ на* **ить**. Въ числѣ двусложныхъ глаголовъ находятся нетолько первообразные (давить, губить, дѣлить, ловить, ходить и проч.), но и составные, т. е. образовавшіеся помощью приставокъ изъ односложныхъ, коихъ насчитывается до 14: бить, брить, вить, гнить, длить, дмить, жить, злить, лить, мнить, пить, тмить, чтить и шить. Во всѣхъ этихъ глаголахъ ударе́ніе постоянно держится послѣдняго слога даже и тогда, когда отъ приставки они до того усложняются, что становятся трехъ- и четырех-

членными: вскочить, входить, уходить, переловить, перелить, зажить, почтить, дошить, нашить и проч. Исключенія въ числѣ поименованныхъ глаголовъ рѣдки: жму́рить, до́зрить, по́ртить.

Между двусложными встрѣчаются и производные глаголы, т. е. такіе, кои произошли отъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Здѣсь удареніе непостоянно: оно или держится своего мѣста въ первообразномъ словѣ, (отъ вьюкъ — вью́чить, отъ ба́ня — ба́нить, отъ бредъ — бре́дить, отъ крюкъ — крю́чить, отъ и́рха — и́ршить, отъ ня́ня — ня́ньчить; отъ дуда́ — дуди́ть, отъ дупло́ — дупли́ть, отъ зола́ — золи́ть, отъ клеймо́ — клейми́ть), падая то на первый, то на второй слогъ, или же, не согласуясь съ генетикою, падаетъ безразлично на окончаніе, напр., дуби́ть (отъ дубъ), дроби́ть (отъ дробь), кругли́ть (отъ кру́глый), крѣпи́ть (отъ крѣпкій), рѣди́ть (отъ рѣдкій).

§ 93. *Удареніе трехъ- и -многосложныхъ глаголовъ на* **ить**. Изъ 222 трехъ- и -многосложныхъ, разсмотрѣнныхъ въ «Русск. Слогоуд.», глаголовъ, удареніе падаетъ на окончаніе (ить) только въ 105, слѣдовательно гораздо рѣже, чѣмъ въ двусложныхъ. Удареніе въ сказанныхъ глаголахъ большею частью держится предпослѣдняго слога: бурлачить, безобразить, бусурманить, обнадежить (и обезнаде́жить), безпокоить, вертопрашить, прекословить (и безпрекосло́вить); лишь изрѣдка оно падаетъ на третій слогъ отъ конца: ка́верзить, уку́порить, кле́йстерить; съ удареніемъ же на четвертомъ слогѣ мы знаемъ только одинъ (составной) глаголъ — бла́говѣстить. Во всѣхъ этихъ глаголахъ, какъ показываютъ приведенные примѣры, удареніе держится генетики: такъ, бурлачить отъ бурлакъ, каверзить отъ каверза, клейстерить отъ клейстеръ и проч. Но попадаются, хотя изрѣдка, и такіе изъ разсматриваемыхъ здѣсь глаголовъ, въ которыхъ удареніе съ основы переходитъ на окончаніе, точно такъ же, какъ и въ двусложныхъ: отъ же́лобъ — желоби́ть, отъ кость — костени́ть, отъ жесто́кій — жесточи́ть, ожесточи́ть, отъ (воз)ста́ть — возстанови́ть и проч. Здѣсь останавливаетъ наше вниманіе вопросъ: почему, какъ въ этихъ, такъ и въ нѣкоторыхъ двусложныхъ глаголахъ удареніе разъ держится срединнаго слога, а другой — окончанія? Почему, напр. отъ квасъ — ква́сить, отъ

ки́слый — ки́слить, а отъ ма́стеръ — мастери́ть, отъ еди́ный — едини́ть?

Причины непостоянства ударенія въ глаголахъ на ИТЬ.

§ 94. Поставленный нами въ предыдущемъ §-фѣ вопросъ, почему одни глаголы держатъ, а другіе не держатъ генетическаго ударенія, объясняется не одними лишь фонетическими законами, но и логическими требованіями. Каждое изъ этихъ двухъ началъ можетъ оказывать свое дѣйствіе на акцентацію или порознь или же совокупно, не мѣшая нисколько одно другому. Такъ, если возьмемъ напр. форму *звони́ть*, то здѣсь ударе́ніе, падая на конечный слогъ, согласуется съ обоими изъ упомянутыхъ началъ: ибо 1) при произношеніи, согласно генетикѣ (звонъ), *звóн-ить*, фонетика этого слова выходила бы весьма неблагозвучною вслѣдствіе чрезмѣрной протяжности слогового комплекса звон; и 2) въ то же время, по причинѣ подъема голоса на темѣ слова, сказанная фонетика привзносила бы въ значеніе разбираемаго слова такой оттѣнокъ, по коему на первый планъ выступило бы представленіе о предметѣ (звонѣ), а не о дѣйствіи, тогда какъ въ настоящемъ случаѣ этотъ предметъ самъ по себѣ даже не мыслимъ при отсутствіи дѣйствія. Такъ, произнося глаголы напр. *ка́верзить*, *обнадёжить*, *крахма́лить*, мы ясно себѣ представляемъ о каверзѣ, о надеждѣ, о крахмалѣ; между-тѣмъ когда мы говоримъ: *едини́ть*, *велича́ть*, *мастери́ть*, то мы вовсе не думаемъ ни о чемъ-то единомъ, ни о великости, ни о мастерствѣ. Въ имени, напр., «единый», когда оно обратилось въ глаголъ чрезъ замѣну окончанія *ый* на *ить*, совсѣмъ затерялось представленіе о чемъ-то *одномъ*: ибо этотъ глаголъ выражаетъ лишь способность или возможность — совокуплять, связывать взаимнымъ согласіемъ нѣсколько или многіе предметы. Точно такъ же мастерить — не значитъ еще быть мастеромъ, а скорѣе значитъ противное (по Далю): «ладить что, какъ умѣешь, *не бывъ мастеромъ*». Итакъ, мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ глаголахъ, какъ напр. *мастери́ть*, ударе́ніе исключительно только ради логическихъ требованій отступаетъ отъ генетики (ма́стеръ), такъ-какъ *мастери́ть* нисколько неблагозвучнѣе *ма́стерить*. Напротивъ, глаголы *ква́сить*, *ки́слить* удерживаютъ генетическое начало, такъ-какъ здѣсь на первомъ планѣ стоитъ содержаніе

ихъ темы, а не глагольный оттѣнокъ ихъ окончанія: ибо въ этихъ глаголахъ напоминается нестолько *дѣйствіе* квашенія, кисленія, сколько *предметъ* — квасъ, кислота. Точно такъ же и въ глаголѣ, напр. *плѣснѣть*, если мы не учились химіи, ничего не зная о процессѣ этого явленія, мы и физически не въ состояніи представлять его себѣ, а представляемъ извѣстный намъ предметъ — плѣсень. И, наоборотъ, въ *квасни́ть*, *кисли́ть* мы представляемъ не сказанные *предметы*, а ихъ состояніе — процесъ *кисленія*. Вообще, въ разбираемыхъ глаголахъ на *ѣть* удареніе зависитъ отъ того, какое изъ двухъ представленій, входящихъ въ составъ понятія, выражаемаго глаголомъ, играетъ болѣе важную роль. Но можетъ случиться, что, по смыслу глагола, ни то, ни другое представленіе, т. е. какъ представленіе о самомъ предметѣ, такъ и представленіе о его состояніи — не заключаютъ въ себѣ преобладающаго значенія; тогда глаголъ можетъ принимать двоякое удареніе: такъ, говорится дю́жѣть (по Далю) и дюжѣ́ть (по словарямъ Макарова и академическому), типу́нѣть (по Макарову) и типунѣ́ть (по словарю академическому, — у Даля же вовсе не обозначено удареніе). Впрочемъ, въ большинствѣ подобныхъ глаголовъ различіе ихъ значенія, какъ это мы объяснили въ § 91, выражается не помощью ударенія, которое обыкновенно остается генетическимъ, а помощью двухъ особыхъ окончаній: бѣли́ть и бѣлѣ́ть, крив и́ть и кривѣ́ть, жид и́ть и жидѣ́ть, пестри́ть и пестрѣ́ть, обезу́мить и обезу́мѣть, обезси́лить и обезси́лѣть, обезлю́дить и обезлю́дѣть и проч. При этомъ надо замѣтить, что первые изъ этихъ глаголовъ выражаютъ менѣе длительное дѣйствіе, чѣмъ вторые. Подобнымъ образомъ формы *жѐлкнуть*, *дря́хнуть* ближе подходятъ къ однократному виду, чѣмъ формы *желтѣ́ть*, *дряхлѣ́ть*.

О глаголахъ на **нуть** *вообще.*

§ 95. Почти во всѣхъ глаголахъ на *уть* конечной гласной (у) постоянно предшествуетъ согласная **н**: мы нашли только три простыхъ глагола, которые уклоняются отъ этого правила, и именно: дуть, обу́ть, чуть (нечу́ть) и нѣсколько, отъ нихъ же происшедшихъ, составныхъ: выдуть, задуть, обдуть, надуть, продуть, переобуть, пообуть, почуть — все съ удареніемъ на окончаніи. Постоянное присутствіе согл. **н** въ окончаніи **уть** мы объясняемъ тѣмъ, что въ старину глаголы съ

этою примѣтою оканчивались на *юсы*: такъ-какъ изъ всѣхъ согласныхъ н чаще всего присоединялась къ носовому звуку, то, за потерею этого послѣдняго въ сказанныхъ глаголахъ, эта буква всетаки осталась при гласной, замѣнившей юсы. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ польскій языкъ, гдѣ во многихъ глаголахъ, принявшихъ въ русскомъ языкѣ окончаніе *нуть*, и до нынѣ сохранился носовой звукъ, какъ напр.: плюнуть — plunąć, тиснуть — ciśnąć, мокнуть — moknąć, грузнуть — grzęznąć, тянуть — ciągnąć, высохнуть — wyschnąć и проч. Въ грамматикѣ Востокова помѣщено 227 простыхъ глаголовъ на *нуть*, которые имъ причислены къ однократному виду. Но по словарю Макарова этихъ глаголовъ насчитывается до 311 и, кромѣ того, предложныхъ до 595, а всего 906. Бо́льшая часть изъ этихъ глаголовъ, по своему значенію, явственно выражаютъ однократное (мгновенное) дѣйствіе, какъ напр. мигну́ть, скрипну́ть, шевырну́ть, черкну́ть и проч.; нѣкоторые же изъ нихъ означаютъ болѣе или менѣе длительное дѣйствіе или состояніе предмета, напр. вя́нуть, дря́бнуть, бле́кнуть, па́хнуть, же́лкнуть и проч. (При этомъ надо замѣти́ть, что терминалогія глагольныхъ видовъ здѣсь принята по грамм. Востокова). Всѣ предложные глаголы на *нуть* удерживаютъ удареніе тѣхъ простыхъ глаголовъ, отъ которыхъ они произошли, за исключеніемъ сложенныхъ съ приставкою *вы*: махну́ть и отмахну́ть, стегну́ть и подстегну́ть, верну́ть и повернуть; дви́нуть и подви́нуть, хло́пнуть и захло́пнуть, кувы́ркнуть и перекувы́ркнуть и проч. Приставка же *вы* здѣсь точно такъ же, какъ и въ глаголахъ на *ти*, *зть*, *чь*, *ыть*, *оть* (§ 86) и въ противоположность другимъ глаголамъ (§ 46 п. 1), *всегда* съ удареніемъ: вы́гнуть, вы́двинуть, вы́мерзнуть, вы́сохнуть и проч. А это доказываетъ, что эти глаголы постоянно выражаютъ дѣйствіе или состояніе въ видѣ *совершенномъ* и, при томъ, преимущественно *однократномъ*; глаголы же, означающіе видъ совершенный длительный, какъ напр. вя́нуть, вя́знуть, го́рькнуть, кре́пнуть, ки́снуть, сле́пнуть, ся́кнуть и проч. съ сказаннымъ предлогомъ не употребляются. Отсюда слѣдуетъ, что при изученіи акцентаціи глаголовъ на *нуть* рѣчь можетъ быть только о простыхъ, т. е. о тѣхъ изъ нихъ, кои не сложены съ предлогами.

§ 96. *Удареніе простыхъ глаголовъ на* **нуть**.

Бо́льшая часть глаголовъ на **нуть** *требуетъ ударенія на предпослѣднемъ слогѣ; въ остальныхъ же, затѣмъ, удареніе неизмѣнно падаетъ на окончаніе.* При этомъ надо замѣтить: 1) что, за исключеніемъ предложныхъ, простые глаголы на *нуть* — все это краткія, преимущественно двучленныя и (рѣже) трехчленныя формы; и 2) что въ этихъ послѣднихъ (т. е. трехчленныхъ) удареніе, постоянно избѣгая перваго слога, падаетъ на слоги или предпослѣдній, согласно генетикѣ (какъ напр. сту́кнуть, булты́хнуть, громы́хнуть, кувы́ркнуть, курлы́кнуть, мяу́кнуть, пили́кнуть, цара́пнуть, хлобы́стнуть, шербо́хнуть, обы́кнуть), или же на конечный, вопреки генетикѣ (какъ напр. ковырнуть, козырнуть, колупну́ть, колыхнуть, полоснуть, шевельнуть, щелкануть). А такъ-какъ въ двучленныхъ формахъ удареніе физически невозможно другое, какъ только или на первомъ или же конечномъ слогѣ, то изъ всего здѣсь сказаннаго выходитъ, что вообще и въ глаголахъ на *нуть* повторяется то же явленіе, какое мы выше замѣтили по отношенію къ глаголамъ на *ть* (§ 90), а именно: *удареніе можетъ сдвинуться съ своего коренного мѣста лишь на окончаніе* (какъ напр. въ формѣ козырну́ть — отъ ко́зырь); *на предыдущіе же слоги оно переносится въ томъ только единственномъ случаѣ, когда къ глаголу приставленъ предлогъ* **вы**. Мы нашли только одинъ глаголъ — ка́шлянуть, который уклоняется отъ этого правила, подчиняясь, впрочемъ, двумъ первенствующимъ началамъ — генетикѣ и благозвучію.

§ 97. *Причины колебанія удареніе въ глаголахъ на* **нуть**.

Намъ остается еще объяснить, почему какъ двучленные, такъ и трехчленные глаголы на *нуть* удареніе разъ держутъ на предпослѣднемъ, а другой — на конечномъ слогѣ. Разсматривая формацію тѣхъ и другихъ глаголовъ на *нуть* и вникая въ ихъ смыслъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что сказанное явленіе находится въ зависимости отъ слѣдующихъ причинъ.

1. По-крайней-мѣрѣ, половина глаголовъ на *нуть* выражаетъ звукоподражаніе; причемъ, одни изъ нихъ это качество обнаруживаютъ совершенно явственно (а́хнуть, бря́кнуть, бу́хнуть, ква́кнуть, ка́ркнуть, кря́кнуть, ну́кнуть, сви́снуть, скри́пнуть, фы́ркнуть, хрю́кнуть, ау́кнуть, булты́хнуть, мяу́кнуть,

чили́кнуть, шело́хнуть и проч.), другіе же — не совсѣмъ явственно (ве́ргнуть, зи́нуть, плю́нуть, клю́нуть, су́нуть и проч.). Если мы обратимъ вниманіе на первообразы этихъ глаголовъ, т. е. на тѣ междометія, отъ коихъ они ведутъ свое начало; то станетъ совершенно яснымъ, что удареніе, *постоянно* падая здѣсь на предпослѣдній слогъ, держится своего кореннаго мѣста: такъ,

глаголъ ау́кнуть удерживаетъ удареніе междометія ау́,
» бря́кнуть » » » брякъ,
» кря́кнуть » » » крякъ,
» хрю́кнуть » » » хрю,
» бултыхнуть » » » бултыхъ,
» мяу́кнуть » » » мяу́,
» чили́кнуть » » » чили́ и проч.

Такимъ образомъ, на сохраненіе здѣсь примитивнаго ударенія дѣйствуетъ логическая причина: удареніе здѣсь имѣетъ назначеніемъ — передать возможно выразительнѣе то именно представленіе, которое занимаетъ главное мѣсто въ понятіи, напр. ау́кнуть, бря́кнуть, чили́кнуть; иначе, передвигаясь на окончаніе, удареніе заслоняло бы собою сказанную выразительность и намекало бы нестолько на звукоподражаніе, сколько на самое дѣйствіе, которое въ настоящемъ случаѣ выдвигать на первый планъ нѣтъ никакого основанія.

Примѣчаніе: Глаголъ чихну́ть (чиха́ть), повидимому, составляетъ уклоненіе отъ вышепоказаннаго закона. Но, во-первыхъ, здѣсь гласная **и** не есть коренная (говорится также чхать, чхнуть; по польски czchnąć, czchać), а во-вторыхъ, здѣсь звукоподражаніе вовсе не имѣетъ того значенія, какое мы выше видили въ глаголахъ, напр., каркнуть, свиснуть, хрюкнуть, такъ-какъ въ понятіи чихнуть мы представляемъ лишь дѣйствіе (а не звукоподражаніе), при томъ, дѣйствіе оканчивающееся съ особенною быстротою; и, поэтому, удареніе въ чихну́ть падаетъ на окончаніе, хотя вовсе не было бы неблагозвучно и произношеніе: чи́хнуть.

2. Въ остальныхъ, затѣмъ, глаголахъ, или вовсе неимѣющихъ примѣты звукоподражанія или обнаруживающихъ ее неявственно, удареніе разъ падаетъ на предпослѣдній слогъ — другой на окончаніе. Это непостоянство объясняется тѣмъ, что одни изъ помянутыхъ глаголовъ выражаютъ дѣйствіе относи-

тельно болѣе продолженное (ги́бнуть, го́рькнуть, же́лкнуть, зя́бнуть, гря́знуть, дви́нуть, па́хнуть, ча́хнуть и проч.), другіе же — болѣе ускоренное и даже мгновенное (порхну́ть, вспорхну́ть, кольну́ть, лизну́ть, толкну́ть, хлёбну́ть, пихну́ть, швырну́ть, чихну́ть, щипну́ть и проч.) Въ первомъ случаѣ наше сознаніе сосредоточивается болѣе на представленіи продолжающагося состоянія предмета, чѣмъ на представленіи его движенія впередъ, во второмъ же, наоборотъ, мы не представляемъ себѣ извѣстнаго состоянія, а представляемъ дѣйствіе, быстро стремящееся къ своему завершенію. Что ударе́ніе придаетъ глаголу извѣстный видовой оттѣнокъ, это наглядно подтверждаетъ, между прочимъ, слѣдующій примѣръ: *скли́знуть* значитъ скользить, а *склизну́ть* — скользнуть. При чемъ иногда различаютъ и два разныхъ значенія помощью ударенія: такъ, щёлкнуть значитъ издать извѣстный звукъ, напр. пружина щёлкнула, а щелкну́ть значитъ ударить щелчкомъ; такъ, *сли́знуть* значитъ скользить, а *слизну́ть* (отъ слиза́ть) — очищать языкомъ, а также — взять тайкомъ, тоже какъ улизну́ть значитъ уйти скрытно, воровски — ускользну́ть. Итакъ, здѣсь мы встрѣчаемъ повтореніе того же логическаго закона, о которомъ мы подробно говорили, разсматривая глаголы на *нть, ить*.

3. Изъ фактовъ изложенныхъ въ двухъ предыдущихъ пунктахъ, видно, что, независимо отъ генетическаго начала, акцентація глаголовъ на *нуть* подчиняется также логическому началу. Но и здѣсь, точно такъ же, какъ и въ формахъ другихъ категорій встрѣчаются уклоненія отъ этихъ началъ въ угоду болѣе общимъ законамъ, т. е. законамъ благозвучія. Такъ, глаголы мину́ть, обману́ть, помяну́ть, дрягну́ть, сосну́ть, тону́ть, тяну́ть, по своему смыслу, относятся собственно къ длительному виду, однако по ударе́нію они аналогичны съ глаголами однократными. И, наоборотъ, изъ этихъ послѣднихъ слѣдующіе: (в)вергнуть, вспыхнуть, двинуть, дергнуть, дрогнуть, дунуть, кануть, кинуть, капнуть, крапнуть, крикнуть, лопнуть, ляпнуть, плюснуть, прыснуть, прянуть, ринуть, скрипнуть, (до)стигнуть, сунуть, слѣпнуть, топнуть, тронуть, хапнуть, хлопнуть, хлынуть, цапнуть, юркнуть — держатъ удареніе на первомъ слогѣ, тогда-какъ по ихъ значенію имъ бы слѣдовало держать удареніе на конечномъ слогѣ. Надо еще замѣтить, что попадаются

изрѣдка и такія формы, въ коихъ встрѣчаются *два*, идущихъ въ разрѣзъ, начала: такъ, въ формахъ *ви́знуть* и *хи́жнуть* выражается 1) звукоподражаніе, требующее ударенія на первомъ слогѣ, и 2) однократное дѣйствіе, требующее ударенія на конечномъ слогѣ. Въ этомъ случаѣ акцентація физически не можетъ заразъ удовлетворить тому и другому требованію и подчиняется первому изъ нихъ, придавая особенную выразительность основѣ, а не окончанію глагола, такъ-какъ здѣсь звукоподражаніе имѣетъ большее значеніе, чѣмъ мгновенность дѣйствія.

§ 98. *Ударе́ніе глаголовъ на* **ать.** Это окончаніе принадлежитъ самому многочисленному классу глаголовъ, относящихся ко всѣмъ видамъ и залогамъ. А по этому и акцентація ихъ довольно сложна. Впрочемъ, она можетъ быть подведена подъ нижеслѣдующія правила.

1. *Коренныхъ односложныхъ* глаголовъ на *ать* насчитывается всего до 26: брать, встать, вщать, гнать, дать, драть, жать — жму, жать — жну, ждать, жрать, звать, знать, лгать, мчать, пхать, рвать, ржать, скать, слать, спать, ссать (ссáти), стать стлать, сцать, ткать, чхать. Всѣ эти глаголы, какія бы ни принимали приставки (кромѣ, разумѣется, *вы*), постоянно и неизмѣнно удерживаютъ ударе́ніе на конечномъ слогѣ: забрать, подать, позабрать, позабирать, подомчать, перегнать, возсылать, устлать, доткать, зачхать и проч.

2. Глаголы, образовавшіеся изъ звукоподражательныхъ междометій, подобно формамъ на *нуть*, ударе́ніе держатъ на коренномъ слогѣ, который въ этомъ случаѣ всегда приходится предпослѣднимъ: вовакать, вякать, гавкать, гамкать, гаркать, гугукать, гулюкать, звякать, калякать, квакать, каркать, кликать, кокать, крякать, кукать, кукурекать, тикать, хрюкать и проч. Но тутъ, ради благозвучія, встрѣчаются довольно частыя уклоненія, и именно, въ слѣдующихъ глаголахъ, въ коихъ ударе́ніе падаетъ на окончаніе: визжать, дрожать, жукать, зыбать, клевать, кричать, плевать, порскать, раззѣвать, совать, стучать, хлыстать, хлобыстать (впрочемъ, и хлобы́стать), хапать (и ха́пать), квохтать (или: квоктать, клоктать, клохтать), клокотать, хохотать.

3. Глаголы же не звукоподражательные на *ать* и происшедшіе отъ русскихъ же первообразныхъ глаголовъ съ дру-

гими окончаніями (напр. отъ грѣть — согрѣва́ть), а равно отъ церковно-славянскихъ (напр. отъ имати — взима́ть), вовсе не отличаются постоянствомъ ударенія, которое падаетъ или на окончаніе (вникать, внимать, искать, кивать, таскать, вчинать, врѣзать, возсѣдать, воспѣвать, дозрѣвать, засѣвать), или же на предпослѣдній слогъ (брезгать, бѣгать, ворочать, двигать, дёргать, мазать, рѣзать, мыкать). Несмотря на это непостоянство ударенія, надо однако замѣтить, что и здѣсь, какъ и въ другихъ, вышеразсмотрѣнныхъ, формахъ обнаруживается извѣстная логическая послѣдовательность, состоящая въ томъ, что, ударяя, на окончаніе, мы придаемъ извѣстный оттѣнокъ нестолько внутренному значенію глагола, сколько относительной продолжительности выражаемаго имъ дѣйствія, подобно тому, какъ ударяя на первый или второй слогъ въ звукоподражательныхъ глаголахъ, мы сосредоточиваемъ наше вниманіе нестолько на совершающееся дѣйствіе, сколько на тѣ звуки, какіе происходятъ при этомъ дѣйствіе. Что то или другое удареніе придаетъ глаголу извѣстный видовой оттѣнокъ, здѣсь тоже подтверждается еще глаголами съ двоякимъ удареніемъ: ты́кать и тыка́ть, па́дать и запада́ть, сбѣга́ть и сбѣга́ть, срѣза́ть и срѣза́ть и проч.

4. *Производныя, усложнившіяся* формы въ своей акцентаціи слѣдуютъ генетическому началу. Между ними прежде всего обращаютъ на себя вниманіе тѣ, кои оканчиваются на **вать** съ предшествующими гласными *а, о, е*: давать (отъ дать), возставать (отъ стать), дознавать (отъ знать), арендовать (отъ аренда), акредитовать (отъ кредитъ), бинтовать (отъ бинтъ), браковать (отъ бракъ), горевать (отъ горе), линевать (отъ линія), ночевать (отъ ночь) и проч. — большею частью все съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Но встрѣчаются и такіе глаголы, которые носятъ удареніе на третьемъ слогѣ отъ конца: вѣровать, миловать, властвовать, востребовать. Удареніе держится того же, т. е. третьяго слога, и тогда, когда глаголъ предъ оканчаніемъ *вать* усложняется наставкою *ство*, образуясь изъ именъ существительныхъ и другихъ частей рѣчи: арлекинствовать, благоденствовать, долгоденствовать, вольнодумствовать, дѣйствовать, доброхотствовать, дѣвствовать, ехидствовать и проч. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ, сравнительно не-

многихъ, такихъ глаголахъ удареніе встрѣчается и на четвертомъ и даже на пятомъ слогѣ отъ конца: а́торствовать, доста́чествовать, ина́чествовать, и́ночествовать. Вообще, какъ въ этихъ, такъ и другихъ глаголахъ, въ коихъ удареніе не падаетъ на окончаніе, оно держится неизмѣнно кореннаго мѣста въ первообразѣ: вѣ́ровати, ми́ловати, власть, тре́ба — тре́бовать; арлеки́нъ, день, ду́мать, доброхо́тъ, дѣ́ти, дѣ́ва, ехи́дна — ехи́дство; а́торъ — а́торство, доста́токъ — доста́точный, ина́че, и́нокъ.

5. То же слѣдуетъ сказать и о глаголахъ, перешедшихъ къ намъ изъ французскаго или нѣмецкаго языковъ и оканчивающихся въ русскомъ на **ировать**: абонирова́ть (по Далю) и абони́ровать (по Макарову), баллотирова́ть, квартирова́ть, лавирова́ть, лакирова́ть; акомпани́ровать, аплоди́ровать, ботанизи́ровать, брави́ровать, конвои́ровать, контроли́ровать, нейтрализи́ровать (или нейтрализирова́ть) и проч. Здѣсь удареніе съ замѣчательною послѣдовательностью держится или окончанія по аналогіи съ глаголами чисто русскими, или — третьяго слога отъ конца по аналогіи съ нѣмецкимъ окончаніемъ *iren*. Оттого эти глаголы часто можно слышать съ двоякимъ произношеніемъ, хотя въ словаряхъ они отмѣчены лишь изрѣдка тѣмъ и другимъ удареніемъ.

6. Окончанія **ивать**, **ывать** преимущественно знаменуютъ глаголы многократнаго вида, состоящіе не менѣе чѣмъ изъ трехъ слоговъ: брасывать, кидывать, вязывать, видывать, посматривать, перечитывать, высовывать, взволновывать, заба́ллотировывать и проч. Удареніе въ этихъ глаголахъ съ замѣчательною устойчивостью постоянно держится третьяго слога отъ конца и тогда, когда они не выражаютъ многократнаго вида, напр., взыскивать, вдавливать, завязывать. Впрочемъ, и здѣсь встрѣчается исключеніе, но только въ такихъ глаголахъ, кои безъ приставки составляютъ всего два слога и въ коихъ удареніе можетъ падать только на окончаніе: вылива́ть, называ́ть, созыва́ть, вышива́ть, дошива́ть и проч.

7. Особенною характерностью отличается также окончаніе **ничать**, принадлежащее къ довольно многочисленному разряду глаголовъ, произведенныхъ отъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ: а́лчничать, безначальничать, безпутничать,

блинничать, бражничать, бродяжничать, важничать, грѣховодничать, ехидничать, домосѣдничать, малодушничать, насильничать, нѣжничать, хищничать и проч. Во всѣхъ этихъ глаголахъ удареніе постоянно держится третьяго слога отъ конца, согласуясь въ то же время съ удареніемъ первообразнаго слова. Въ нѣкоторыхъ (въ немногихъ) однако, удареніе можетъ падать и на второй, а равно и на четвертый слогъ, но во всякомъ случаѣ удерживаясь мѣста, принадлежащаго ему въ коренномъ словѣ: кля́узничать (отъ кля́уза), озорни́чать (отъ озорни́къ), тайни́чать (отъ тайни́къ), впрочемъ, и та́йничать (отъ та́йна).

§ 99. *Удареніе глаголовъ на* **ся.** Въ заключеніе настоящей главы обратимъ вниманіе и на акцентацію глаголовъ съ **наставкою ся.** Эта наставка безусловно и никогда не беретъ на себя ударенія въ формахъ неопредѣленнаго наклоненія. Удареніе здѣсь подчиняется нижеслѣдующимъ правиламъ.

1. Глаголы производные большею частью держатъ удареніе на коренномъ слогѣ, напр. отъ боя́ринъ — боя́риться, отъ намѣ́реніе — вознамѣ́риться или вознамѣ́риваться, отъ жема́нный — жема́ниться, отъ здоро́вый — здоро́ваться, отъ кры́са — кры́ситься, отъ бѣснова́тый — бѣснова́ться. Но встрѣчаются и такіе глаголы, кои безусловно требуютъ ударенія на окончаніи: отъ го́рдый — горди́ться, отъ кумъ — куми́ться, отъ кустъ — кусти́ться, отъ братъ — брата́ться. Здѣсь удареніе, очевидно, подчиняется частью тѣмъ логическимъ требованіямъ, которыя мы выяснили выше, частью же — законамъ благозвучія.

2. Коре́нные же глаголы почти постоянно требуютъ ударенія на окончаніи, напр., боя́ться, смущáться, смѣя́ться, ухмыля́ться, — но наде́яться составляетъ исключеніе. Удареніе этого слова невозможно на гласной я, такъ-какъ при артикуляціи заразъ двухъ столь длительныхъ гласныхъ какъ ѣ, я, неминуемо должно послѣдовать переутомленіе органовъ: и, поэтому, во избѣжаніе сказаннаго неудобства, передышка дѣлается раньше произнесенія второго изъ двухъ помянутыхъ звуковъ.

Что касается же изъявительнаго наклоненія, то на акцентацію нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ глаголовъ въ формѣ прошедшаго времени этого наклоненія оказываетъ свое вліяніе

и наставка **ся**; причемъ, по причинѣ ея, удареніе сдвигается съ основы или на эту же наставку или же на глагольное окончаніе: такъ, говорится завéлъ и завелся́, на́чалъ и начался́, на́звалъ и назвался́, ло́жишь и ложи́шься, са́дишь и сади́шься, разлу́чишь и разлучи́шься. Акцентація здѣсь зависитъ частью отъ логическихъ требованій: напр. удареніе въ формѣ назвался́ придаетъ особенную силу конечному слогу по тому, что здѣсь дѣло идетъ не о названіи чего или кого бы то ни было другого, а самого *себя*. Но въ формахъ ложи́шься, сади́шься и проч. удареніе подчиняется требованіямъ благозвучія.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Удареніе именъ прилагательныхъ.

§ 100. *Общее обозрѣніе.* По словарю Макарова, всѣхъ прилагательныхъ именъ насчитывается 10,441: слѣдовательно, они составляютъ нѣсколько болѣе одной пятой всего числа словъ, вошедшихъ въ составъ сказаннаго словаря (§ 57).

Прилагательныя значительно отличаются отъ существительныхъ и глаголовъ своими характерными окончаніями, число которыхъ весьма ограниченное. Согласно этому, и удареніе прилагательныхъ, вообще, отличается особенною простотою, далеко несвойственною въ такой степени ни существительнымъ, ни глаголамъ, и въ большей части случаевъ опредѣляется окончаніемъ. Какъ извѣстно, имена прилагательныя по окончанію раздѣляются на три разряда: 1) одни изъ нихъ (такъ называемыя качественныя, а равно отглагольныя) имѣютъ два окончанія: одно полное (позднѣйшаго образованія): добрый, ая, ое, — прямой, ая, ое, — синій, яя, ее, а другое — краткое (первообразное): добръ, а, о, — прямъ, а, о, — синь, я, е; 2) другія (притяжательныя и обстоятельственныя) употребляются въ одной только полной формѣ: деревянный, ая, ое, золотой, ая, ое, вчерашній, яя, ее; и 3) третьи (относительныя) только въ формѣ краткой: петровъ, царевъ, лисицынъ, а, о. Каждый изъ

этихъ разрядовъ по отношенію къ ударенію представляетъ свои особенности, которыя мы и разсмотримъ порознь.

§ 101. *Объ удареніи именъ прилагательныхъ вообще.* Въ главѣ о существительныхъ именахъ (§ 58) мы уже замѣтили, что окончанія **ый**, **ій** никогда не принимаютъ на себя ударенія. Только одно слово *благій* и (составленныя изъ него) всеблагій, преблагій, употребляемыя лишь въ смыслѣ качества, относящагося къ Богу (вмѣсто благой), представляютъ уклоненіе. Подобнымъ образомъ, въ молитвахъ говорится: святы́й, вмѣсто свято́й. Но эти слова относятся собственно къ церковно-славянскому языку и, поэтому, ихъ нельзя считать за исключеніе изъ общаго правила. И, наоборотъ, всѣ прилагательныя, которыя въ послѣднее время принято оканчивать на **ой**, съ неизмѣннымъ постоянствомъ требуютъ ударенія на окончаніи: водяно́й, пожило́й, кривой, тупой и проч. Удареніе прилагательныхъ на *ой* до того постоянно, что оно удерживается на послѣднемъ слогѣ даже въ многосложныхъ составныхъ словахъ и даже въ такихъ, кои начинаются съ приставки **вы**, напр., темногнѣдой, свѣтлоголубой, выкидной, выкупной, выписной, выпускной и проч.

Сказанныя прилагательныя съ полнымъ окончаніемъ держатъ одно и то же удареніе и въ женскомъ и среднемъ родахъ: до́брый — до́брая, до́брое, водяно́й — водяна́я, водяно́е, си́ній — си́няя, си́нее и проч.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что во всѣхъ прилагательныхъ на *ой* и въ двусложныхъ на *ый*, *ій* въ полной формѣ удареніе опредѣляется окончаніемъ: и, поэтому, объ немъ дальше не можетъ быть и рѣчи въ такихъ именахъ. Затѣмъ, намъ остается заняться удареніемъ въ слѣдующихъ именахъ:

1) относительныхъ (употребляющихся только въ краткой формѣ);

2) всѣхъ прилагательныхъ трехсложныхъ и, вообще, многосложныхъ на *ый*, *ій* въ полной формѣ;

и 3) въ краткой формѣ прилагательныхъ качественныхъ.

§ 102. *Удареніе прилагательныхъ относительныхъ.* Въ прилагательныхъ относительныхъ надо различать два окончанія: а) на **овъ**, **евъ** и б) на **инъ** (ынъ) и, какъ надо полагать, един-

ственное слово на **ень** — Госпо́день. Удареніе этихъ именъ подчиняется слѣдующимъ правиламъ.

1. Имена на **овъ, евъ**, напр., отцовъ, кузнецовъ, козловъ, успеньевъ, учителевъ, царевъ, въ настоящее время почти совсѣмъ вышли изъ употребленія въ значеніи прилагательныхъ, замѣнившись въ соотвѣтственныя имъ прилагательныя съ окончаніемъ на **ій** и иногда на **ый**: отцовскій, кузнецкій, козловый, успенскій, учительскій, царскій; зато они весьма распространены въ значеніи существительныхъ именъ, напр. Ивановъ, Дмитріевъ, Козловъ, Кашкаровъ и проч. Удареніе въ нихъ держится слѣдующей аналогіи:

а) двусложныя, большею частью, не согласуются съ своимъ первообразомъ, нося удареніе то на окончаніи: Бобровъ, Лавровъ, Мошковъ, Поповъ, Петровъ, то на первомъ слогѣ: Волковъ, Звѣревъ, Тютчевъ; и

б) трехсложныя же и четырехсложныя, наоборотъ, большею частью удерживаютъ удареніе кореннаго слова: Ба́тюшковъ (отъ ба́тюшка), Влади́міровъ (отъ Влади́міръ), Игна́тьевъ (отъ Игна́тій), Я́ковлевъ (отъ Я́ковъ), Ко́лосовъ (отъ ко́лосъ), Кудря́вцевъ (отъ кудря́вый), Жемчу́жниковъ (отъ жемчу́жный), Ка́менцовъ (отъ ка́мень), Кирпи́чниковъ (отъ кирпи́чъ), Росто́вцевъ (отъ Росто́въ); но въ нѣкоторыхъ удареніе падаетъ на окончаніе: Ермако́въ, Комаро́въ, Пастухо́въ, не согласуясь съ первообразомъ: Ермакъ, комаръ, пастухъ.

2. Имена на **инъ** (ынъ) болѣе употребительны, чѣмъ предыдущія, въ значеніи прилагательныхъ: лисицинъ, птицинъ, совинъ; но и эти предпочтительнѣе всетаки замѣняются соотвѣтственными имъ: лисій, птичій, совій. Однако нѣкоторыя созсѣмъ не имѣютъ соотвѣтственной имъ полной формы (на й) и, поэтому, окрѣпли въ краткой формѣ и окончательно укоренились: ба́тюшкинъ, дя́динъ, корми́лицынъ, ма́менькинъ, невѣ́сткинъ, царе́цынъ и (отъ крестныхъ именъ): Ма́шинъ, Ѳе́динъ, Ѳоми́нъ и проч. Всѣ эти имена, какъ вышеисчисленныя, такъ равно и другія, употребляемыя въ значеніи существительныхъ, напр., Кузьми́нъ, Луки́нъ, Ники́тинъ, Нево́линъ, Ша́пкинъ, Ши́шкинъ, Ку́рочкинъ, Сини́цынъ, Фа́мицынъ удерживаютъ удареніе своихъ первообразовъ: Кузьма́, Лука́, Ники́та, нево́ля, ша́пка, ши́шка, ку́рочка, сини́ца, лат. fáma (слава).

3. Во всѣхъ вообще прилагательныхъ относительныхъ удареніе мужескаго рода передается и женскому и среднему родамъ: Ива́новъ, Ива́нова, Ива́ново, — Ники́тинъ, Ники́тина, Ники́тино. Впрочемъ, въ женскомъ и среднемъ родѣ удареніе передвигается на пришлый (конечный) слогъ, но только въ тѣхъ именахъ на *инъ*, кои носятъ его на конечномъ слогѣ и въ мужескомъ родѣ: Ѳоми́нъ — Ѳомина́, Ѳомино́, Луки́нъ — Лукина́, Лукино́.

§ 103. *Удареніе прилагательныхъ на* ый, ій, *вообще.* Всѣ *вообще прилагательныя* на ый, ій *почти постоянно держатъ удареніе или на второмъ или третьемъ слогѣ отъ конца*, при томъ, большею частью, сохраняя генетическое начало. Ради этого начала нѣкоторыя формы уклоняются отъ сказаннаго общаго правила, т. е. носятъ удареніе и на четвертомъ и даже иногда на пятомъ слогѣ. Это случается преимущественно съ тѣми прилагательными, кои происходятъ отъ глаголовъ на *ничать* или существительныхъ, хотя и необразующихъ сказанныхъ глаголовъ, но выражающихъ личные и, слѣдовательно, способные къ дѣйствію предметы и кои оканчиваются на *ническій*, какъ напр. отъ бродя́жничать — бродя́жнический, отъ худо́жничать — худо́жнический, отъ хи́щничать — хи́щнический, отъ по́данный — по́данническій, отъ му́ченикъ — му́ченическій и проч. Спорадически встрѣчаются и другія подобныя формы, въ коихъ между окончаніемъ прилагательнаго и темою его первообраза вошла слоговая вставка, недопускающая акцента подобно тому, какъ и вставка **нич**: такъ отъ А́вгустъ — а́вгустовый, отъ това́рищъ — това́рищескій, отъ фи́никъ — фи́никовый, отъ лу́ковица — лу́ковичный, отъ до́блестный — до́блестнѣйшій. Но и въ показанныхъ случаяхъ, если первообразъ съ акцентомъ на конечномъ слогѣ, то удареніе въ происшедшемъ отъ него прилагательномъ падаетъ на слогъ не четвертый, а третій: такъ, отъ учени́къ — учени́ческій, отъ мона́хъ — мона́шескій и проч. Впрочемъ, эту акцентацію мы еще обстоятельнѣе увидимъ изъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія прилагательныхъ.

§ 104. *Прилагательныя съ постояннымъ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ.* Къ этому разряду относятся нижеслѣдующія разныхъ формацій имена:

1. Немногочисленныя притяжательныя съ окончаніями, заимствованными изъ лат. и франц. языковъ, съ акцентомъ этого послѣдняго, и именно на:

онный: аукціонный, дивизіонный, порціонный, операціонный, миліонный и проч.; и

озный: грандіозный, религіозный, куріозный, серіозный и проч.

2. Притяжательныя прилагательныя, большею частью съ генетическимъ удареніемъ, на:

иный: воробьиный, лошадиный, муравьиный, пчелиный и проч.

жій, шій, бѣлужій, верблюжій, медвѣжій, севрюжій; мерлушій, пѣтушій, пастушій и проч. Сюда надо причислить и отглагольныя: прохóжій, бродя́чій, ходя́чій, сидя́чій, пахýчій и проч.

3. Производныя, преимущественно качественныя и отглагольныя, прилагательныя, оканчивающіяся на:

алый, ѣлый: бывалый, возмужалый, одичалый, закоренѣлый, задеревенѣлый и проч.;

атый, итый: волосатый, крылатый, досчатый, простоватый; даровитый, маститый, домовитый и проч.

Всѣ эти имена держатъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ почти съ неизмѣннымъ постоянствомъ даже и тогда, когда этотъ акцентъ не сходится съ акцентомъ первообраза, какъ напр. имени́тый — отъ и́мя, простова́тый — отъ просто́й, блѣднова́тый — отъ блѣ́дный и проч. Впрочемъ, и здѣсь встрѣчаются уклоненія отъ аналогіи ради требованій благозвучія: такъ, не аляпова́тый, а аля́поватый, не маслова́тый, а ма́словатый, впрочемъ, это слово употребляется и съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ. Сюда надо причислить и тѣ немногія имена на *атый*, *ивый*, кои можно считать первообразными, такъ-какъ ихъ корень не обнаруживается непосредственно: богатый, тароватый, ретивый.

4. Къ этому же разряду относится и малочисленный классъ трехсложныхъ *качественныхъ* прилагательныхъ на:

ій: великій, высокій, глубокій, далекій, жестокій, короткій, убогій, хорошій, широкій, большущій — тоже съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ. Но искренній и выспренній носятъ удареніе на третьемъ слогѣ согласно съ своими первообразами — искрь и выспрь.

5. Сюда же надо отнести и притяжательныя съ окончаніемъ на **ній**: вечерній, весенній, домашній, дочерній, исподній, осенній, передній, сторонній, прошлогодній, сосѣдній, сыновній, воловій, бараній, коровій, многолѣтній, двулѣтній, трехлѣтній и проч. Но слѣдующія держатъ удареніе на третьемъ слогѣ согласно съ акцентомъ своего непосредственнаго производителя: вечёрошній (отъ вечо́ръ, вечо́рній), вну́тренній (отъ внутрь), ма́терній (отъ ма́терь), у́тренній (отъ у́тро).

6. Всѣ прилагательныя, въ коихъ предпослѣдній слогъ оканчивается на полугласную **й**, почти постоянно держатъ удареніе на этомъ слогѣ, не всегда согласуясь съ генетикою: архирейскій, библейный, еврейскій, Каспійскій и проч. Исключенія представляютъ лишь нѣкоторые качественныя прилагательныя въ сравнительной степени, какъ напр. благоро́днѣйшій, игри́вѣйшій, — о чемъ скажемъ ниже.

§ 105. *Прилагательныя съ постояннымъ удареніемъ на третьемъ слогѣ.*

Сказанную акцентацію съ замѣчательнымъ постоянствомъ удерживаютъ слѣдующія прилагательныя:

1. Довольно многочисленныя, перешедшія къ намъ изъ французскаго языка на *ique* и оканчивающіяся въ русскомъ на **ический**: аллегорическій, ботаническій, классическій, статистическій, практическій и проч. Сюда надо причислить и имена славянскаго происхожденія съ подобнымъ же окончаніемъ и тоже съ генетическимъ удареніемъ, и именно: отъ человѣ́къ — человѣ́ческій, отъ язы́къ — язы́ческій, отъ влад**ѣ́**лецъ — влад**ѣ́**льческій и проч.

2. Образовавшіяся изъ существительныхъ на **тель** постоянно требуютъ удареніе на третьемъ слогѣ, согласуясь съ акцентомъ своего непосредственнаго производителя: такъ, отъ мучи́тель — мучи́тельный, отъ спаси́тель — спаси́тельный, отъ упои́тель — упои́тельный, отъ учи́тель — учи́тельскій, отъ смотри́тель — смотри́тельскій и проч. Но форма *смерте́льный* (отъ смерть) составляетъ единственное исключеніе.

3. Имена съ окончаніемъ на **енькій** и (рѣже) **онькій**, служащія для выраженія ласки и нѣжности, почти постоянно держатъ удареніе на третьемъ слогѣ, согласно съ своимъ перво-

образомъ: отъ бѣлый — бѣленькій, отъ добрый — добренькій, отъ синій — синенькій, отъ дорогóй — дорогóнькій. Но нѣкоторыя формы уклоняются отъ общаго правила: отъ высóкій — высокóнькій, отъ далéкій — далекóнькій, отъ стрóгій — строгóнькій, отъ молодóй — молóденькій и проч.

Подобнымъ образомъ формы на

енекъ, онекъ

съ неизмѣннымъ постоянствомъ держатъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: близенекъ, низенекъ, высоконекъ, узенекъ, сухонекъ. Съ неизмѣннымъ же постоянствомъ носятъ удареніе на третьемъ слогѣ формы, образовавшіяся изъ вышесказанныхъ ласкательныхъ на *енькій* чрезъ нарощеніе слога *хо* или *ше*, и именно формы, оканчивающіяся на

ехонькій и (иногда) **охонькій** или **ешенькій**: бѣлёхонькій или бѣлёшенькій, чистёхонькій, чернёхонькій, сухóхонькій и проч. То же удареніе удерживается и въ краткой формѣ: бѣлёхонекъ, или бѣлёшенекъ, радёхонекъ, или радёшенекъ, чернёхонекъ, чистёхонекъ и проч.

§ 106. *Прилагательныя съ непостояннымъ удареніемъ.* Кромѣ перечисленныхъ прилагательныхъ есть болѣе или менѣе многочисленные ряды этихъ именъ, кои не отличаются вышепоказанною послѣдовательностью въ акцентаціи. Вотъ эти имена:

1. Въ сравнительной степени качественныхъ прилагательныхъ удареніе разъ падаетъ на предпослѣдній, а другой — на предыдущіе слоги и преимущественно третій отъ конца. Это колебаніе акцента зависитъ отъ различія формаціи сказанныхъ именъ. Тѣ формы, кои образовались изъ простѣйшихъ (первообразныхъ) именъ *прилагательныхъ*, какъ напр. отъ блúзкій — ближáйшій, отъ дорогóй — дражáйшій, отъ велúкій — величáйшій, отъ стрóгій — строжáйшій, отъ дрéвній — древнéйшій, отъ рéзвый — рѣзвéйшій, отъ пéрвый — первéйшій, неизмѣнно держатъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, вовсе не согласуясь съ генетическимъ началомъ. И наоборотъ — тѣ формы, кои образовались изъ именъ производныхъ, т. е. изъ именъ, уже усложнившихся въ положительной степени, какъ напр. отъ игрá, игрúвый — игрúвѣйшій, отъ красá, красúвый — красúвѣйшій, отъ

даръ, даровитый — даровитѣйшій, отъ доблесть, доблестный — доблестнѣйшій, отъ Августъ, августовскій — агвустѣйшій (лат. augustissimus) съ неизмѣннымъ постоянствомъ сохраняютъ акцентъ своихъ непосредственныхъ пропзводителей на разныхъ слогахъ, за исключеніемъ, какъ само собою разумѣется, конечнаго. — Къ числу прилагат. въ сравнит. степени надо отнести одну своеобразную форму — *набольшій* (вм. наибольшій), удареніе которой падаетъ на приставку по логическимъ требованіямъ.

2. Подобнымъ образомъ и многочисленный рядъ притяжательныхъ именъ на:

ачный, ечный, ичный, очный и (иногда) **ячный**:

бурачный, кулачный, табачный, кишечный, горшечный, земляничный, шелковичный, яичный, цвѣточный, заочный, водосточный, — и мѣсячный, копеечный, сказочный, веревочный, яблочный, солнечный, праздничный, луковичный, луночный (отъ лунка, а отъ луна — лунный) и проч. постоянно держатъ генетическое удареніе на разныхъ слогахъ и преимущественно на предпослѣднемъ.

3. Той же акцентаціи слѣдуютъ и другія подобныя притяжательныя на

ачій, ячій, ечій, ичій:

рыбачій, куропачій, собачій, кукушечій, лягушечій, гусячій (отъ гуся), кошачій (отъ кошка) v. кошачій (отъ кошка), дѣвичій (отъ дѣвица) v. дѣвичій (отъ дѣвица), курячій (отъ кура) v. курячій (отъ куря).

4. Съ перечисленными въ 2-мъ и 3-мъ пунктѣ именами совершенно аналогичны по акцентаціи и притяжательныя иностраннаго происхожденія съ окончаніями на

гскій, льскій, рскій, тскій, а такъ же на **льный**:

Петербургскій, Выборгскій, Ямбургскій, Архангельскій, апостольскій, Уральскій, аптекарскій, январскій, пасажирскій, авторскій, варварскій, императорскій, комендантскій, дивидентскій, президентскій, магистральный, патріархальный, церемоніальный и проч. Подобныя же, довольно многочисленныя, притяжательныя славянскаго происхожденія на **кій** съ другими предшествующими согласными, кромѣ вышепоказанныхъ, тоже устойчиво сохра-

няютъ генетическое удареніе на разныхъ слогахъ: отъ мужи́къ — мужи́цкій, отъ дура́къ — дура́цкій, отъ оте́цъ — отцо́вскій, отъ стариннаго госпо́дь (въ значеніи господинъ) — госпо́дскій (отъ Госпо́дь въ значеніи Богъ — Госпо́дній), отъ дворя́не — дворя́нскій, отъ крестья́не — крестья́нскій, отъ успе́ніе — успе́нскій, отъ чухна́ — чухо́нскій, отъ Мари́я — мари́инскій, отъ Екатери́на — екатери́нинскій, отъ мать — ма́теринскій. Но отъ дере́вня, ради благозвучія, не дере́венька, а дереве́нька и дереве́нскій. Сюда надо причислить еще и другія немногія русскія отглагольныя имена: погреба́льный, похва́льный, умыва́льный.

5. Генетическаго же ударенія держатся и нижеслѣдующія мало́численныя прилагательныя:

а) **обстоятельственныя**, т. е. образовавшіяся изъ нарѣчій: всегда́шній, вчера́шній, сего́дняшній, ны́нѣшній, тепе́решній, послѣ́дній, за́втрашній, та́мошній. Но отъ да́веча (церк.-слав. да́вѣ), да́вешній (да́вній) — давни́шній;

б) прилагательныя, происшедшія отъ **числительныхъ**: двоя́кій, троя́кій, одино́кій, едини́чный, втори́чный и проч. дво́йственный, тро́йственный, со́тенный, двусо́тенный и проч.

6. Къ формамъ съ генетическимъ же удареніемъ на разныхъ слогахъ надо отнести и прилагательныя, усложнившіяся вставкою **ство**

и образовавшіяся или непосредственно изъ существительныхъ съ этимъ же окончаніемъ или же изъ глаголовъ: благода́рственный, дру́жественный, госуда́рственый, прави́тельственный и проч. Но, если существительное, отъ котораго образуется прилагательное, носитъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, то, какъ само собою разумѣется, здѣсь уже генетическая связь въ акцентаціи разрывается: такъ, отъ божество́ — боже́ственный, отъ вещество́ — веще́ственный, отъ естество́ — есте́ственный и проч.

7. Слѣдующія многочисленныя *притяжательныя* на **овый** и (рѣже) **евый**,

а также на **яный** v. **янный** и **аный** v. **анный**

разъ носятъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, почти вовсе не согласуясь съ генетикою, какъ напр. балыковый, дюймовый, тайговый, домовый, дубовый, еловый, ольховый, слоновый,

козловый, грошёвый, вишнёвый (но и ви́шневый), — деревянный, оловянный, стекляный, конопляный, барабанный, балаганный, — а другой — на разныхъ слогахъ, но всегда согласно генетикѣ: горноста́евый, ага́товый, берёзовый, ли́повый, мали́новый, кауча́ковый, ро́зовый, фіоле́товый, фи́никовый, — ко́жаный, гли́няный, нача́янный, ни́тяный, ма́сляный (впрочемъ, и масля́ный), бере́стяный v. бере́стовый (отъ берёста), а отъ бе́рестъ — бе́рестовый. Но форма *серебряный*, какъ и всѣ вообще прилагательныя на *ый*, образовавшіяся изъ словъ съ удареніемъ на конечномъ слогѣ, составляетъ исключеніе, уклоняясь какъ отъ генетики (серебро́), такъ и аналогіи (предпослѣдняго слога). Есть еще подобныя по окончанію, но *качественныя* по значенію прилагательныя, и именно на

ивый, авый, явый:

тоже съ удареніемъ то на предпослѣднемъ, то на другихъ слогахъ: игри́вый, краси́вый, черви́вый, благочести́вый, лука́вый, коря́вый, кудря́вый, дирявый, шерша́вый и забо́тливый, ми́лостивый, сча́стливый (но и счастли́вый).

8. Къ этому же разряду относятся подобныя же и еще неперечисленныя нами, самыя многочисленныя, разныхъ категорій прилагательныя на

ный съ предшествующими согласными,

а также и на **енный** и (рѣже) **онный**: абрикосный (v. абрико́совый), голодный, заглавный, масивный, желѣзный, полезный, извѣстный, указный, неугомонный, драгоцѣнный и проч. — все съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, невсегда согласно генетикѣ. И, наоборотъ, въ слѣдующихъ формахъ удареніе всегда согласно съ генетикою и на разныхъ слогахъ (впрочемъ, чаще всего на третьемъ): ба́рхатный, вѣтренный, жи́зненный, ка́менный, клю́квенный, соло́менный, доста́точный, су́точный, пове́рхностный; за́городный, за́болонный, за́навѣсочный, за́болотный (отъ за́болоть) и заболо́тный (отъ боло́тный). Между этими именами встрѣчаются и составленныя съ предлогомъ **вы**: въ этомъ случаѣ удареніе уклоняется отъ всякихъ аналогій, падая на сказанную приставку, какъ напр. вывозный, выволочный, выгодный.

9. Есть еще рядъ притяжательныхъ прилагательныхъ съ такимъ же непостояннымъ удареніемъ, какъ и перечисленныя

въ предыдущемъ пунктѣ, родственныя съ качественными на *атый*, *итый*, и именно на

астый, **истый**: голена́стый, борода́стый, корена́стый, дупля́стый v. дупли́стый, волни́стый, мяси́стый, тѣни́стый, вѣтви́стый и боло́тистый, са́харистый, ти́нистый, ба́рхатистый, впа́дистый, забо́лонистый, желѣ́зистый (отъ желѣ́зо) и желези́стый (отъ железа́). Сюда же надо прибавить еще немногочисленныя отглагольныя прилагательныя на

емый, **омый**, **имый**: неузнава́емый, изслѣ́дуемый, знако́мый, иско́мый, съѣдо́мый, ла́комый, необходи́мый, неутоми́мый, необозри́мый.

10. Что касается, наконецъ, составныхъ формъ, то акцентація этихъ послѣднихъ аналогична съ акцентаціею подобныхъ именъ существительныхъ, т. е. удареніе здѣсь постоянно падаетъ на вторую составную часть и оно приходится обыкновенно на предпослѣдній слогъ: велемудрый, вертопрашный, ветхозавѣтный, самолюбивый, всемогущій, параходный, вѣроломный двуногій и проч. Но форма вѣчнопа́мятный держитъ удареніе на третьемъ слогѣ согласно генетикѣ — па́мять.

§ **107**. *Удареніе качественныхъ прилагательныхъ въ первообразной (краткой) формѣ.*

Удареніе этихъ прилагательныхъ отличается особенною прихотливостью. Впрочемъ, и здѣсь его можно подвести подъ извѣстныя обобщенія. Вотъ эти послѣднія:

1. Двучленныя качественныя прилагательныя на **ый**, **ій** въ женскомъ родѣ краткой формы удареніе переносятъ съ перваго слога мужескаго рода на второй: добръ, до́брый — добра́, ви́денъ, ви́дный — видна́, го́рекъ, го́рькій — горька́, строгъ, стро́гій — строга́. И, наоборотъ, прилагательныя съ окончаніемъ на **ой** въ обѣихъ формахъ женскаго рода удареніе сохраняютъ на одной и той же гласной, между-тѣмъ-какъ въ мужескомъ и среднемъ родахъ оно передвигается съ перваго слога краткой формы на второй слогъ полной формы: глухъ — глухо́й, глуха́ — глуха́я, глу́хо — глухо́е; простъ — просто́й, проста́ — проста́я, про́сто — просто́е.

Уклоняются отъ изложеннаго правила имена: умный, острый, хитрый, сильный, которыя, имѣя въ краткой формѣ бѣглую гласную (е), требуютъ ударенія на послѣднемъ слогѣ нетолько въ женскомъ, но и въ мужескомъ и среднемъ родахъ: уме́нъ,

умна́, умно́; осте́ръ, остра́, остро́; хите́ръ, хитра́, хитро́; силе́нъ (впрочемъ, говорится, и си́ленъ) сильна́, сильно́.

2. При переходѣ одной формы въ другую гораздо больше устойчивости въ ударе́ніи представляютъ прилагательныя трехъ-и-многосложныя: велича́вый, краси́вый, бога́тый, простова́тый, даровѝтый, спаси́тельный, превосхо́дный и проч. Здѣсь ударе́ніе остается одно и то же въ обѣихъ формахъ и во всѣхъ родахъ: велича́въ, величава, велича́во и проч. Ударе́ніе остаётся неподвижнымъ даже и тогда, когда многосложное прилагательное произошло отъ одного корня съ прилагательнымъ двусложнымъ, въ коемъ оно непостоянно, напр. отъ у́мный, уме́нъ, умна́ — разу́мный, разу́менъ, разу́мна, разу́мно; отъ сла́дкій, сладка́ — сладкова́тый, сладкова́та, сладкова́то; отъ плохъ, плоха́ — плоховатый, плоховата и проч. Подобнымъ образомъ, какъ мы выше уже видѣли (§ 105 п. 3.) ударе́ніе не измѣняется въ той и другой формѣ прилагательныхъ ласкательныхъ или увеличительныхъ (бѣлёшенькій и бѣлёшенекъ). Къ прилагательнымъ съ неподвижнымъ ударе́ніемъ надо отнести и слѣдующія, кажется единственныя въ своёмъ родѣ, имена съ мягкимъ окончаніемъ: вы́спренній, и́скренній (и́скренъ), одино́кій (одино́къ) одина́кій или одина́ковый (одина́ковъ).

3. Однако и нѣкоторыя трехсложныя прилагательныя не сохраняютъ сказанной неподвижности ударе́нія, а именно:

а) прилагательныя весе́лый, дешёвый, зеле́ный, голо́дный, холо́дный и соло́ный (впрочемъ, больше говорится со́лоный) носятъ ударе́ніе несогласное съ ударе́ніемъ краткой формы: ве́селъ, де́шевъ, зе́ленъ, го́лоденъ, хо́лоденъ, со́лонъ; при чемъ ударе́ніе, какъ и въ двусложныхъ именахъ, въ женскомъ родѣ переходитъ на послѣдній слогъ: весела́, холодна́ и проч.

б) Прилагательныя на **ный**, въ коихъ срединная гласная *е* произносится за *іо*, въ женскомъ и среднемъ родахъ краткой формы требуютъ ударе́нія на послѣднемъ слогѣ, несогласно съ полною формою: мудрёный, мудрёная, мудрёное — мудренъ, мудрена́, мудрено́; смышлёная, ое — смышлена́, о́; студёная, ое — студена́, о́; ядрёная, ое — ядрена́, о́.

в) Въ немногихъ трехсложныхъ прилагательныхъ на **ой**, въ коихъ, подобно двусложнымъ, производная форма мужескаго

рода имѣетъ одинъ слогъ лишній противу первообразной, ударе́ніе какъ въ этомъ, такъ и въ среднемъ родѣ той и другой формы бываетъ различно: дорого́й, дорого́е и до́рогъ, до́рого, — молодо́й, молодо́е и мо́лодъ, мо́лодо, — удало́й, удало́е и уда́лъ, уда́ло, — холосто́й, холосто́е и хо́лостъ, хо́лосто, — тогда-какъ въ женскомъ родѣ оно неподвижно: молода́я — молода́, дорога́я — дорога́ и проч.

г) Кромѣ вышесчисленныхъ трехсложныхъ прилагательныхъ, еще слѣдующія такія же, немногочисленныя, имена на **кій** и (рѣдко) **шій**: высо́кій, вели́кій, глубо́кій, далёкій, жесто́кій, коро́ткій, широ́кій, хоро́шій, при переходѣ въ женскій и средній роды, мягкое окончаніе замѣняютъ твердымъ и женскій родъ краткой формы, такъ же, какъ и въ двусложныхъ такихъ же именахъ, требуетъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, несогласно съ ударе́ніемъ другихъ формъ: высо́кая — высока́, широ́кая — широка́, коро́ткая — коротка́. Въ среднемъ же родѣ эти имена, за исключеніемъ одного изъ нихъ — хорошо́, употребляются съ двоякимъ ударе́ніемъ: высо́ко и высоко́, глубо́ко и глубоко́ и проч. Но отъ этихъ именъ надо отличать прилагательныя, оканчивающіяся на **ій** съ предшествующими шипящими **ж, ч, щ**, къ коимъ, преимущественно, относятся отглагольныя и кои ударе́ніе сохраняютъ на одномъ и томъ же слогѣ въ обѣихъ формахъ: похо́жій, похо́жая, похо́жее — похо́жъ, похо́жа, похо́же, — приго́жій, неуклю́жій, могу́щій, свѣ́дущій, паху́чій, линю́чій, горю́чій и проч. Сколько намъ извѣстно, только одно слово уклоняется отъ этой послѣдовательности — горя́чій, отъ котораго женскій и средній роды въ краткой формѣ: горяча́, горячо́, — что́, очевидно, требуется законами благозвучія.

4. Что касается же сравнительной степени, то здѣсь объ ударе́ніи краткой формы надо замѣтить: 1) въ прилагательныхъ производныхъ оно согласуется съ ударе́ніемъ полной формы: до́блестнѣйшій — до́блестнѣе, даровитѣ́йшій — даровитѣ́е, знаменитѣ́йшій — знаменитѣ́е, краси́вѣйшій — краси́вѣе; и 2) въ прилагательныхъ же первообразныхъ оно постоянно держится предпослѣдняго слога, рѣдко согласуясь съ ударе́ніемъ полной формы: дешевѣ́йшій, — дешёвле, мла́дшій — моло́же, глубоча́йшій — глу́бже, жесточа́йшій — жесто́че, кратча́йшій — коро́че, скорѣ́йшій — скорѣ́е. Но если прилагательное, вмѣсто **ѣе**, окан-

чивается на ѣй и, такимъ образомъ, на одинъ слогъ сокращается; то, разумѣется, удареніе, держась одной и той же гласной, падаетъ уже на послѣдній слогъ: скорѣе и скорѣй, щедрѣе и щедрѣй, позднѣе и позднѣй. Прилагательныя: да́лѣе v. да́льше, бо́лѣе v. бо́льше, ме́нѣе v. ме́ньше, употребляющіяся въ видѣ нарѣчій, согласуются съ удареніемъ полной формы: да́льній, бо́льшій, ме́ньшій.

Примѣчаніе. Въ современномъ нашемъ языкѣ замѣтно стремленіе предпочитать производныя формы — первообразнымъ. Это доказывается, съ одной стороны, тѣмъ, что мы едва находимъ всего два качественныхъ прилагательныхъ, кои употребляются лишь въ одной краткой фо́рмѣ — гора́здъ и радъ, а съ другой — тѣмъ, что бо́льшая часть всего числа прилагательныхъ употребляется въ одной полной формѣ. Если въ народномъ языкѣ и говорится, напр., си́не море (вмѣсто си́нее море), или сыръ боръ (вмѣсто сыро́й боръ); то въ литературномъ языкѣ, наоборотъ, прилагательное въ полной формѣ часто употребляется и въ значеніи сказуемаго. Нынче, напр., никто не скажетъ: у нея кофта синя (вмѣсто синяя), да еще съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, какъ это слѣдовало бы по грамматикѣ Востокова, предлагавшаго произноси́ть: синя́, сине́ (стр. 208). Едва-ли также кто, неучившійся грамматикѣ Востокова, скажетъ: во́ронъ, ворона́ (вмѣсто ворона́й, а́я) го́лубъ, голуба́ (вмѣсто голуба́й, а́я).

При этомъ, кстати, замѣтить, что удареніе въ краткой формѣ, въ особенности, въ среднемъ родѣ, не установилось прочно на какихъ-либо точныхъ филологическихъ данныхъ и во многихъ случаяхъ представляетъ путаницу, недопускающую положительныхъ обобщеній. Съ одной стороны, практика стремясь къ ясности и точности выраженія, избѣгаетъ употребленія краткой формы, а съ другой — школьная рутина хочетъ различать одну часть предложенія (опредѣленіе) отъ другой (сказуемое) помощью той и другой формы, между-тѣмъ-какъ это невозможно уже потому, что и нарѣчія, тоже оканчиваясь на **е**, **о**, какъ и прилагательныя средняго ро́да краткой формы, ничѣмъ не разнствуютъ отъ этой послѣдней. И, поэтому, въ обыденной свободной рѣчи мы постоянно, напр., слышимъ: у него дѣло хорошее, (а не хорошо), или: у него лицо выразительное (а не выразительно).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ударение нарѣчій и остальныхъ частей рѣчи.

§ 108. *Ударение нарѣчій.* Нарѣчія составляютъ довольно многочисленную часть рѣчи и отличаются особенною своеобразностью ударенія, впрочемъ, подчиняющеюся слѣдующимъ правиламъ:

1. Почти всѣ нарѣчія, кои произошли непосредственно отъ прилагательныхъ качественныхъ, съ окончаніями **о**, **е**: высо́кій — высо́ко, бли́зкій — бли́же, и́скренній — и́скренне, прилѐжный — прилѐжно, а равно отъ притяжательныхъ, съ окончаніями **ски**, **цки**, **чьи**: дру́жескій — дру́жески, оте́ческій — поотѐчески, мастерско́й — мастерски́, нѣмѐцкій — понѣмѐцки, соба́чій — пособа́чьи, — носятъ генетическое ударение. Къ этой группѣ примыкаютъ немногія, подобныя же по своей формѣ, мѣстоименныя нарѣчія: вси́чески, посво́йски, потако́вски, пова́шински.

2. Всѣ безъ исключенія нарѣчія ласкательныя второй степени, т. е. оканчивающіяся на **охонько**, **ешенько**, требуютъ ударенія своего непосредственнаго производителя: тихо́нько — тихо́хонько, ране́нько — ране́хонько v. ране́шенько. Ударение остается генетическимъ же и въ томъ случаѣ, когда эти нарѣчія съ предлогомъ **по** облекаются въ форму дательнаго падежа имени прилагательнаго (потихо́нечку, неподале́ку), а равно когда они облекаются въ особую форму на **ечко** (у), **ичко**: высоко́нько — высоко́нечко, тихо́нько — тихо́нечко, да́веча — да́вичка, неподале́чку. Здѣсь кстати замѣтить, что нарѣчія ласкательныя первой степени, т. е. оканчивающіяся на **енько**, **онько**, нося лишь изрѣдка генетическое ударение, всегда держатъ его на предпослѣднемъ слогѣ: хоро́шенькій — хорошѐнько, ра́ненькій — ране́нько, те́пленькій — тепле́нько, высоко́нькій — высоко́нько. Ударение въ этихъ формахъ до того непзмѣнно держится все предпослѣдняго слога, что нельзя найти ни одного слова, которое бы составляло исключеніе изъ общаго правила. Впрочемъ, по Макарову, *гла́денько*, согласно генетикѣ — гла́дкій, гла́день-

кій. Но по словарямъ Даля и Академіи — всетаки *гладе́нько*. «Моя роде́нька обувается гладе́нько». (Даль.)

3. Совершенно сходно съ этими формами удареніе немногочисленныхъ нарѣчій на **ую**: вкруту́ю, всплошну́ю, зачасту́ю, напропалу́ю и проч.; здѣсь удареніе рѣдко сходится съ удареніемъ первообраза (напр. круто́й — вкруту́ю), но оно всегда падаетъ на предпослѣдній слогъ.

4. Постоянствомъ генетическаго ударенія отличаются нарѣчія, образовавшіяся изъ притяжательныхъ и обстоятельственныхъ прилагательныхъ, а равно изъ мѣстоимѣній съ предлогомъ **по** и облекающіяся или въ форму именительнаго падежа въ среднемъ родѣ, т. е. на **о**, или же въ форму дательнаго падежа именъ прилагательныхъ же на **ему**: помѣ́сячно, по-фу́нтно, полѣ́тнему, повсегда́шнему, пойхнему (отъ и́хній), пона́шему, нова́шему и проч. Исключенія составляютъ лишь слѣдующія: помо́ему, потво́ему, посво́ему (вмѣсто: по моему́, по твоему́, по своему́). Это уклоненіе отъ генетики вызывается семазіологич. требованіями.

5. Бо́льшая часть нарѣчій, образовавшихся изъ существительныхъ и облекающихся въ разныя формы, носятъ генетическое же удареніе: босико́мъ, поря́дкомъ, у́тречкомъ, о́прометью, издѣ́тства, пои́стинѣ, внедога́дъ, внемо́чь, отча́сти, наси́лу, вро́вень, наудачу, накану́нѣ, наконе́цъ, сли́шкомъ, взапра́ву, всмя́тку и проч. Уклоняются отъ общаго правила только тѣ, кои передаютъ удареніе приставкѣ-предлогу: на́взничь, на́крестъ, на́руку, на́горсти, и́скони; съ удареніемъ же на окончаніи изъ такихъ нарѣчій мы нашли только два: ввечеру́, поутру́.

6. Подобнымъ образомъ носятъ генетическое же удареніе и бо́льшая часть нарѣчій, образовавшихся изъ числительныхъ (одна́жды, заодно́, вдво́е), а равно и изъ глаголовъ или въ видѣ дѣепричастій (ѣ́ду — ѣ́дучи, чита́ю — чита́я, пишу́ — пиша́), или въ особой формѣ на **мя** или **ма** (ле́жа — ле́жмя, киша́ — кишмя́ у. кишма́).

7. Въ противоположность вышеисчисленнымъ, нарѣчія, образовавшіяся изъ прилагательныхъ качественныхъ при помощи предлоговъ, не подчиняются какому-либо точно опредѣ-

ленному просодическому правилу, нося удареніе разъ на приставкѣ (на́черно, на́веселѣ, за́живо, на́ново, по́просту), другой — на окончаніи (вполнѣ́, вдалекѣ́, наравнѣ́, сгоряча́, сполна́, издалека́, заживо́е). Впрочемъ, всетаки больше есть такихъ, кои держатъ генетическое удареніе: вскорѣ, впу́стѣ, нагото́вѣ, смо́лоду, повѝдимому, навѣ́рно и проч., хотя, съ другой стороны, встрѣчается цѣлая группа и такихъ нарѣчій, кои постоянно требуютъ ударенія на предлогъ **из** (ис), **съиз**: изрѣдка, изстари, изжелта, изсѣра, издавна, измала, сызмала, сызнова и проч.

8. Генетическое же удареніе, по большей части, носятъ и тѣ сравнительно немногія нарѣчія, кои образовались изъ коренныхъ нарѣчій-же и предлоговъ, а равно и тѣ предлоги, кои употребляются въ видѣ нарѣчій: извнѣ́, напро́тивъ (и напро́тивъ), поны́нѣ, повсю́ду, вездѣ́, нигдѣ́ и проч.

§ **109**. *Замѣчаніе о мѣстоименіи* **ея**.

Мы еще не разсмотрѣли мѣстоименія, имена числительныя, предлоги, союзы и междометія. Удареніе этихъ частей рѣчи, какъ по ихъ малочисленности, такъ и по составу, не представляетъ для насъ особеннаго интереса. И, поэтому, объ нихъ мы сдѣлаемъ лишь краткія замѣчанія, входя, впрочемъ, въ нѣкоторыя подробности относительно числительныхъ.

Удареніе мѣстоименій, которыхъ всего насчитывается лишь нѣсколько десятковъ, всѣмъ извѣстно изъ грамматики. Но тутъ встрѣчается одно исключительное въ области фонетики явленіе, которое тѣмъ болѣе заслуживаетъ особеннаго вниманія, что оно часто игнорируется даже спеціалистами преподавателями русскаго языка. Это — единственный въ своемъ родѣ случай произношенія гласной **я** за **ё** въ мѣстоименіи родительнаго падежа **ея**. Намъ нерѣдко случалось слышать въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, какъ учитель (даже русскій по происхожденію) самъ читалъ и, разумѣется, требовалъ, чтобы и ученики читали сказанное слово: еjа́, вмѣсто её (ejó). На какомъ же это основаніи вводится въ учебную практику подобное, непріятно-поражающее слухъ и чисто книжное произношеніе, тогда какъ оно вовсе несогласно ни съ народною фонетикою, ни съ указаніями филологіи? (См., напр., «Филологич. Раз.» Грота.)

§ 110. *Ударение именъ числительныхъ.* Имена числительныя представляютъ двѣ, совершенно особыя, категоріи словъ: одни изъ нихъ, количественныя, по своимъ окончаніямъ, напоминаютъ имена существительныя, другія же, порядковыя, кромѣ своего происхожденія отъ вышесказанныхъ, ничѣмъ не отличаются отъ именъ прилагательныхъ. Ударение тѣхъ и другихъ слѣдуетъ особой аналогіи.

А. **Количественныя** представляютъ слѣдующія особенности въ удареніи:

1. Въ удареніи числительныхъ: одúнъ, четы́ре, восéмь, дéвять, дéсять, за исключеніемъ перваго изъ нихъ, замѣтна послѣдовательность по занимаемому имъ мѣсту все на предпослѣднемъ слогѣ.

2. Затѣмъ, въ именахъ начиная съ 11 до 40 обнаруживается слѣдующая аналогія:

одúннадцать и *четы́рнадцать* удерживаютъ ударение первообраза (одúнъ, четы́ре);

всѣ остальныя постоянно требуютъ ударенія на предпослѣднемъ слогѣ: *двѣнáдцать, тринáдцать, пятнáдцать... двáдцать, трúдцать.*

3. *Двѣсти, трúста, четы́реста* держатъ ударение первой составной части, а *пятьсóтъ, шестьсóтъ, семьсóтъ, восемьсóтъ, девятьсóтъ* — второй составной части.

4. Интересно ударение слѣдующихъ числительныхъ: сóрокъ — съ греческаго σαράχοντα, по случайному созвучію съ существительнымъ *сорóкъ* (птицъ), для отличія отъ этого послѣдняго, приняло ударение несогласное съ своимъ первообразомъ; *девянóсто* (дéвятьдесять) приняло ударение на вставочную **о**; *ты́сяча* (съ нѣмецкаго tausend), подобно многимъ другимъ словамъ, въ составъ конхъ вошла **ы**, держитъ ударение на этой же гласной; *милліóнъ, биллióнъ, милліáрдъ, бильóнъ* и проч. удерживаютъ французскій акцентъ.

5. Замѣчательны по ударенію четыре числительныя: *пятьдеся́тъ, шестьдеся́тъ, се́мьдесятъ, вóсемьдесятъ,* изъ конхъ два первыя носятъ ударение на послѣднемъ слогѣ, а остальныя два — на первомъ, хотя по своему происхожденію и образованію

всѣ они между собою аналогичны. Очевидно, что здѣсь аналогія должна уступить предъ требованіемъ благозвучія: въ первыхъ двухъ числительныхъ дважды повторяется согласная **т** и при томъ оба раза послѣ мягкихъ гласныхъ, въ двухъ же остальныхъ этого не встрѣчается.

Б. Удареніе числительныхъ **порядковыхъ** совершенно аналогично съ именами прилагательными, и именно:

а) *двусложныя*, оканчиваясь на **ый, ій**, требуютъ ударенія на первомъ слогѣ: первый, третій, пятый, оканчиваясь же на **ой** — на послѣднемъ слогѣ: второй, шестой, седьмой, восьмой;

и б) *трехсложныя* же и *четырехсложныя* подчиняются слѣдующей аналогіи:

сороковой держитъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, какъ и всѣ числительныя на **ой**; *четвертый*, *девятый*, *десятый*, *двадцатый*, *тридцатый*, *пятидесятый*, *шестидесятый*, *семидесятый*, *восьмидесятый*, *девяностый*, *сотый*, *двухсотый*, *трехсотый*, *четырехсотый*, не всегда согласуясь съ своимъ первообразомъ, носятъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, подобно большинству именъ прилагательныхъ;

одиннадцатый, *двѣнадцатый* и т. д. до 20, а равно *тысячный*, *милліонный*, *мильярдный* v. *биліонный* и проч. удерживаютъ удареніе своего первообраза.

§ 111. *Удареніе союзовъ и междометій.* Объ удареніи предлоговъ, какъ приставокъ и какъ отдѣльныхъ словъ, мы уже говорили въ предыдущихъ главахъ. Объ удареніи же **союзовъ**, какъ коренныхъ словъ, состоящихъ изъ одного слога, не можетъ быть рѣчи. Что же касается производныхъ союзовъ, то надо замѣтить слѣдующее:

1) *двусложные* и *трехсложные*, образовавшіеся изъ односложныхъ союзовъ же: али, вм. или, ибо, либо, ежели, нежели, если, дабы, чтобы требуютъ ударенія на первомъ слогѣ;

и 2) *составленные* же изъ другихъ частей рѣчи (преимущественно изъ мѣстоименій и предлоговъ) удерживаютъ удареніе первообраза: впро́чемъ (про́чій), между-тѣмъ, посему, поэтому, одна́ко (одино́къ), также (въ значеніи союза **и**), хотя бы, будто-бы, потому-что, для того, оттого, тоже, когда бы, коль-скоро и проч.

Междометія большею частью состоятъ изъ односложныхъ словъ. О тѣхъ же междометіяхъ, кои состоятъ изъ двухъ и болѣе слоговъ, можно замѣтить, что они удареніе носятъ почти всегда на концѣ: ахти, ага, ого, эге, увы, ура, ау, ату, гу-гу, бульбуль, бултыхъ, мяу. Но нѣкоторыя междометія, составленныя изъ односложныхъ, удерживаютъ удареніе на первомъ слогѣ: эва, нуже, нуте, тега, тига.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Удареніе при склоненіи и спряженіи.

§ 112. *Удареніе при склоненіи именъ прилагательныхъ и мѣстоименій.*

Между всѣми частями рѣчи имя прилагательное представляетъ исключительное явленіе въ своемъ склоненіи, отличаясь неизмѣнною устойчивостью ударенія во всѣхъ формахъ: начиная съ именительнаго падежа и оканчивая предложнымъ, оно постоянно держится одного и того же слога. Такъ, напр., отъ до́брый, вели́кій, просто́й всѣ падежи — несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ происходитъ и замѣна ударяемой гласной и усложненіе однимъ (лишнимъ противу именительнаго) слогомъ, — сохраняютъ удареніе основной формы: до́браго, до́брому... до́брые, до́брыя...; вели́каго, вели́кому... вели́кіе, вели́кія...; просто́го, просто́му... просты́е, просты́я, ы́хъ, ы́мъ, ы́ми, о простых. Подобнымъ образомъ не бываетъ никакой перестановки ударенія и въ склоненіи причастій, напр., читающій, любящій; читавшій, любившій; — читаемый, любимый; читанный, любленный. Но изъ тѣхъ мѣстоименій, склоненіе коихъ аналогично съ прилагательными, одни сохраняютъ неподвижность ударенія во всѣхъ падежахъ (этотъ, который, нашъ, вашъ и проч.), другія же не сохраняютъ (тотъ — того́, мой — моего́ и про́ч.). Впрочемъ, разборомъ ударенія мѣстоименій излишне было бы распространяться, такъ-какъ эта часть рѣчи во всей своей наличности, во-первыхъ, перечисляется въ грамматикахъ и, во-вторыхъ, по своей малочисленности, стоящей особнякомъ, не представляетъ

для насъ никакой важности при общихъ выводахъ. И поэтому мы переходимъ къ именамъ существительнымъ, въ склоненіи которыхъ ударе́ніе отличается особеннымъ непостоянствомъ и представляетъ весьма богатый и разнообразный матеріалъ, матеріалъ, который дополнитъ и освѣтитъ новыми данными наши основныя положенія и котораго мы пока не имѣли въ виду, ограничиваясь преимущественно этимологическими формами.

§ 113. *Общія замѣчанія объ ударе́ніи именъ существительныхъ.* Прихотливая подвижность ударе́нія при склоненіи именъ существительныхъ главнымъ образомъ зависитъ отъ особеннаго богатства и разнообразія ихъ формъ. Однако, несмотря на всю сложность, изученіе акцентаціи этихъ именъ значительно упростится, если мы ее изложимъ въ надлежащей системѣ при строгомъ разборѣ всей совокупности фактовъ, собранныхъ нами въ тринадцатой главѣ. При этомъ, прежде всего надо замѣтить нижеслѣдующее.

1. Перестановка ударе́нія при склоненіи именъ существительныхъ обыкновенно происходитъ въ извѣстномъ, строго опредѣленномъ порядкѣ, и именно: оно во все продолженіе склоненія можетъ мѣнять свое мѣсто всего только одинъ разъ, начиная или съ род. пад. ед. ч. и затѣмъ во всѣхъ остальныхъ оставаясь неподвижнымъ, или же съ именит. пад. множ. ч. Другія же перестановки и именно въ предложн. пад. ед. ч., въ винительномъ падежѣ того же числа (только для именъ на *а* съ ударен.) и въ родит. пад. множ. ч. случаются только спорадически.

и 2. Значительное большинство именъ существ., точно такъ же, какъ и всѣ прилагат., не допускаютъ никакихъ перестановокъ ударе́нія во флексіяхъ. Изъ подробнаго разсмотрѣнія фактовъ, изложенныхъ въ тринадцатой главѣ, мы приходимъ къ тѣмъ же выводамъ, какія мы вывели выше (§ 39) и именно: *чѣмъ менѣе сложна (короче) извѣстная категорія формъ, тѣмъ большимъ непостоянствомъ отличается ихъ ударе́ніе и, наоборотъ, самыя сложныя формы отличаются и самою большею послѣдовательностью въ своей акцентаціи.* Основываясь на этомъ законѣ, мы распредѣляемъ имена существительныя по ихъ акцентаціи на слѣдующіе разряды.

§ 114. *Имена, вовсе недопускающія никакихъ перестановокъ ударенія.*

Къ этому разряду принадлежатъ слѣдующія имена:

1. Тѣ производныя и болѣе или менѣе усложнившіяся формы, которыя отличаются особеннымъ постоянствомъ ударенія въ именительномъ падежѣ и которыя мы перечислили въ первой половинѣ тринадцатой главы, сохраняютъ это постоянство и при ихъ склоненіи. Въ числѣ этихъ именъ стоятъ самые многочисленные ряды на **й, це, іе, ія, ка, ще**. До какой степени *составъ* формы (т. е. какъ ея морфологическое строеніе, такъ равно и фонетическая протяжность) оказываетъ вліяніе на нашу русскую акцентацію, объ этомъ между многими, отчасти намъ уже извѣстными, фактами свидѣтельствуютъ и существительныя на **ка**: изъ нѣсколькихъ тысячъ этихъ именъ всего только семь самыхъ краткихъ и коренныхъ словъ и именно: доска, кирка, рука, рѣка, строка, чека, щека допускаютъ перестановку ударенія какъ въ именит. над. множ. ч., такъ и въ винит. над. ед. ч. Между вышепоказанными именами есть и еще формы, уклоняющіяся отъ общаго правила. Но здѣсь было бы неудобно разсматривать ихъ отдѣльно, и поэтому мы ихъ отнесемъ въ слѣдующіе параграфы, гдѣ будутъ сгруппированы всѣ ихъ аналоги.

2. Затѣмъ, и изъ именъ перечисленныхъ во второй половинѣ тринадцатой главы и отнесенныхъ къ числу формъ съ непостояннымъ удареніемъ, бо́льшая часть тоже сохраняетъ генетическое начало. Сюда относятся самыя многочисленныя ряды производныхъ и болѣе или менѣе сложныхъ именъ на **и(ы)шка, ство, тель, ица, еса, аша, еша, иша, уша, ига, уга, юга, ура, ана, яна, е(ѣ)на, уна, ата, ета, ута, аха, яха, е(ѣ)ха, иха**, и, кромѣ **ія**, еще почти всѣ другія женскія имена на **я**, даже краткія первообразныя, какъ напр. доля, буря, Петя и проч. При всемъ томъ, здѣсь чаще встрѣчаются или спорадически или даже цѣлыми группами и такія формы, въ склоненіи коихъ происходитъ перестановка ударенія. Переходимъ къ разсмотрѣнію этихъ формъ.

§ 115. *Перестановка ударенія въ склоненіи именъ на* **ъ**.

Изъ всѣхъ существительныхъ имена на **ъ**, принадлежа къ самому многочисленному классу, въ то же время представляютъ формы самыя прихотливыя по акцентаціи. Въ осо-

бенности отличаются подвижностью ударенія одночленныя формы. Но и здѣсь дѣло въ значительной степени упрощается тѣмъ, что изъ всего числа этихъ именъ (немного больше восьмисотъ) только одна сотня приблизительно — съ подвижнымъ ударе-ніемъ. Списокъ этихъ послѣднихъ будетъ помѣщенъ въ концѣ книги. Что касается, затѣмъ, двучленныхъ и болѣе сложныхъ формъ, то ударе-ніе въ ихъ склоненіи подчиняется нижеслѣдую-щимъ правиламъ.

1. Всѣ формы съ бѣглыми гласными, нося на конечномъ слогѣ ударе-ніе, переставляютъ это послѣднее съ изчезнувшей въ косвенныхъ падежахъ бѣглой на пришлую гласную, такъ-что оно остается на одномъ и томъ же мѣстѣ: такъ, отъ замо́къ — замка́, у́..., и́, о́въ..., отъ дворе́цъ — дворца́, у́..., ы́, о́въ..., отъ бобёръ — бобра́, у́..., ы́, о́въ..., отъ оре́лъ — орла́, у́..., ы́, о́въ... и проч. Подобныя же формы съ ударе-ніемъ не на конечномъ, а на какомъ бы то ни было другомъ слогѣ, сохра-няютъ ударе-ніе нетолько на одномъ и томъ же мѣстѣ, но и на одной и той же гласной во все склоне-ніе: такъ, отъ за́мокъ — за́мка, у..., и, овъ..., отъ замо́чекъ, замо́чка — а, у..., и, овъ..., отъ вѣ́теръ — а, у..., ы, овъ..., отъ дя́тель — а, у..., ы, овъ... и проч. Но у́голъ — а́, у́..., ы́, о́въ... составляетъ исключе-ніе изъ общаго правила ради благозвучія: ибо переходъ артикуляціи отъ звука *уг* къ звуку *л* очень затруднителенъ и, поэтому, звукъ *уг*, при подъемѣ на немъ голоса издаетъ силь-ный отзвукъ.

2. Затѣмъ, формы, неимѣющія бѣглыхъ гласныхъ, не пред-ставляютъ уже той неизмѣнной устойчивости акцента, какую мы видѣли въ предыдущемъ пунктѣ. Хотя, вообще, всѣ эти формы съ ударе-ніемъ не на конечномъ слогѣ не измѣняютъ своего акцента во всемъ склоне-ніи, какъ напр. слѣдующія: спо́собъ, по́зывъ, и́звергъ, бубе́нчикъ, лоба́зникъ, свѣ́точъ, ле́петъ, о́бручъ, крестья́нинъ, Влади́міръ и проч., однако нѣ-которыя изъ нихъ и, преимущественно одночленныя, двучленныя и отчасти лишь трехчленныя, переставляютъ ударе-ніе съ основы на флективные слоги во множ. ч., начиная съ именит. падежа. Но и это практикуется лишь тогда, когда этотъ послѣдній ни чѣмъ не отличается отъ родит. пад. един. числа: такъ, отъ бе́регъ, бе́рега... берега́, о́въ..., отъ ко́лобъ, ко́лоба...

колоба́, о́въ..., отъ ко́локолъ, ко́локола... а́, о́въ..., отъ го́родъ, го́рода... а́, о́въ..., отъ го́лосъ, го́лоса... а́, о́въ..., отъ хо́лодъ, хо́лода... а́, о́въ..., отъ о́корокъ, о́корока... а́, о́въ..., отъ пе́репелъ, пе́репела... а́, о́въ... и проч. Нѣкоторыя изъ подобныхъ же именъ на *орз* въ именит. пад. множ. числа употребляются съ двоякимъ окончаніемъ — на ы и а: такъ, отъ асе́ссоръ — асе́ссоры и асессора́, отъ профе́ссоръ — профе́ссоры и профессора́, отъ ху́торъ — ху́торы и хутора́. Отъ ле́мешъ — мн. ч. лемеши́, отъ ко́лосъ — коло́сья, отъ ло́скутъ (ло́ску́тье) — лоску́тья, отъ шу́ринъ — шурья́ (и шу́рья), отъ о́бразъ — образа́ (въ значеніи иконы) и о́бразы (въ смыслѣ картинъ природы и фантазіи).

3. Наконецъ и тѣ имена, кои, не содержа въ себѣ бѣглыхъ, носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, тоже невсегда сохраняютъ неподвижность ударенія: напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ это послѣднее переходитъ съ конечной гласной именительнаго падежа на пришлые слоги въ косвенныхъ падежахъ. Здѣсь, слѣдовательно, удареніе остается на послѣднемъ же слогѣ, но на другихъ, т. е. пришлыхъ (флективныхъ) гласныхъ, затѣмъ удерживаясь на нихъ уже съ неизмѣнною устойчивостью во все склоненіе. Къ такимъ именамъ относятся всѣ формы съ окончаніемъ на:

акъ, якъ, икъ, ыкъ, укъ, юкъ: рыса́къ, а́... и́, о́въ, берестня́къ, а́... и́, о́въ, воловы́къ, а́... и́, о́въ, пау́къ, а́... и́, о́въ, бито́къ, а́... и́, о́въ и проч.

угъ, югъ: бе́льчу́гъ, а́... и́, о́въ, вертло́гъ, а́... и́, о́въ... и проч.

унъ, юнъ: брезгу́нъ, а́... ы́, о́въ, горю́нъ, а́, ы́, о́въ... и проч.

ежъ: дѣле́жъ, паде́жъ, плате́жъ, а́... и́, е́й... и проч.

ашъ, яшъ: каранда́шъ, племя́шъ, а́... и́, е́й... и проч.

ишъ, ышъ: наги́шъ, бары́шъ, а́... и́, е́й... и проч.

ачъ, ичъ, ычъ, учъ: кала́чъ, борода́чъ, кирпи́чъ, могары́чъ, сургу́чъ, а́... и́, е́й... и проч.

ихъ, ыхъ: всего три слова: женихъ, попыхъ и левенди́хъ (но вѣрнѣе, по Далю, ле́вендихъ, слѣдовательно, съ неподвижнымъ удареніемъ).

ухъ: кожу́хъ, лопу́хъ, а́... пѣту́хъ, а́... и́, о́въ...

ущъ: мы едва отыскали одно слово — водохру́щъ, а́... и́, е́й...

аръ, оръ: изъ довольно многочисленнаго класса этихъ именъ мы нашли только два съ подвижнымъ удареніемъ — комáръ и топóръ, á... ы, óвъ...

Кромѣ перечисленныхъ, есть еще формы, акцентъ коихъ колеблется, такъ-что одна ихъ часть относится къ этой категоріи, а другая — къ категоріи именъ съ неподвижнымъ удареніемъ. Это — формы на **агъ, огъ**. Изъ многихъ примѣровъ на эту примѣту (Астіагъ, оврагъ, чертогъ, порогъ и проч.) съ неподвижнымъ удареніемъ формы — рычáгъ, á... и́... батóгъ, á... и́... творóгъ, á..., пирóгъ, á... и́... переставляютъ ударéніе на флексіи во всѣхъ падежахъ. Къ этой же категоріи относится слово особнякъ — *четвéргъ*, á... и́, óвъ... Сюда же надо причислить тоже единственныя въ своемъ родѣ слова, и именно имена на **ни́нъ**, которыя, по аналогіи съ таковыми же на *нинъ* безъ ударенія, оставляя это послѣднее неподвижнымъ въ единств. числѣ, во множественномъ же числѣ переносятъ его на слоги не послѣдующій, а предыдущій и, которыя, такимъ образомъ, представляютъ исключительное явленіе въ склоненіи именъ существительныхъ мужескаго рода: дворяни́нъ — дворя́не, мѣщани́нъ — мѣща́не, Славяни́нъ — Славя́не, семьяни́нъ — семья́не и проч. Изъ другихъ подобныхъ же формъ безъ примѣты **н** передъ *инъ*, какъ напр., господи́нъ, павли́нъ, простолюди́нъ, Грузи́нъ и во множественномъ числѣ ударéніе оставляютъ ненарушимымъ: господа́, павли́ны, простолюди́ны, Грузи́ны. Хотя, какъ мы выше видѣли, всѣ имена на **къ** — съ подвижнымъ удареніемъ, но если передъ **къ** стоитъ **ѣ**, то такія имена (весьма малочисленныя) не допускаютъ перестановки ударенія: извѣ́къ, засѣ́къ, дровосѣ́къ и, исключительное въ своемъ родѣ имя, человѣ́къ, а, у..., во множественномъ числѣ замѣняемое формами: лю́ди, людéй, лю́дямъ, людьми́, о лю́дяхъ (и на людя́хъ).

§ 116. *Перестановка ударенія въ склоненіи именъ на* **ъ**. Въ склоненіи именъ на **ь** система акцентаціи гораздо проще, чѣмъ въ склоненіи именъ на **ъ**. Впрочемъ, и здѣсь, несмотря на замѣчательную вообще послѣдовательность акцентаціи, встрѣчаются нѣкоторыя уклоненія, зависящія отъ довольно значительнаго разнообразія формъ ска-

занныхъ именъ. Поэтому при своемъ разборѣ мы раздѣляемъ эти имена на слѣдующія группы.

1. За исключеніемъ формъ на *есть, ость*, о которыхъ скажемъ ниже, а также односложнаго имени *глушь*, и́ (тв. п. глу́шью), почти всѣ остальныя женскія имена на **ь** вовсе не допускаютъ перестановки ударенія, гдѣ бы оно ни падало — на начальный, срединный или конечный слогъ: любо́вь, любви́, любо́вью, о любви́; морко́вь, морко́ви...; сте́рлядь, сте́рляди...; карте́чь, карте́чи...; про́повѣдь, про́повѣди... и проч. Только нѣкоторыя изъ двусложныхъ такихъ именъ ударе́ніе (если оно стои́тъ въ имен. пад. ед. ч. на первомъ слогѣ) переносятъ во множ. числѣ на послѣдующіе слоги, начиная съ родительнаго падежа:

це́рковь, и... множ. число: це́ркви, церкве́й, я́мъ...
пло́щадь, и... » » пло́щади, площаде́й, я́мъ...
ле́бедь, и (я)... » » ле́беди, лебеде́й, я́мъ...

2. То же явленіе повторяется и съ именами мужескаго рода:

о́кунь, о́куня... множ. число: о́куни, окуне́й, я́мъ...
пе́карь, пе́каря... » » пе́кари, пекаре́й, я́мъ...
ло́коть, ло́ктя... » » ло́кти, локте́й, я́мъ...

Но въ мужескомъ родѣ еще бываетъ перестановка ударенія и въ ед. числѣ и именно въ томъ случаѣ, когда разсматриваемое имя, будучи лишь двучленнымъ, оканчивается на **ль, рь**. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

кошёль, я́, ю́... кошели́, ёй, я́мъ...
кизи́ль, я́, ю́... кизили́, ёй, я́мъ...
коро́ль, я́, ю́... короли́, ёй, я́мъ...
журавль, я́, ю́... журавли́, ёй, я́мъ...
звонарь, я́, ю́... звонари́, ёй, я́мъ...
снигирь, я́, ю́... снигири́, ёй, я́мъ...
пустырь, я́, ю́... пустыри́, ёй, я́мъ...

3. Подобно именамъ на **ъ** (§ 115 п. 2), и нѣкоторыя имена на **ь**, и именно на **тель**, въ имен. пад. мн. числа принимаютъ окончаніе тождественное съ окончаніемъ род. пад. ед. числа, т. е. **я**, вмѣсто **и**; въ такомъ случаѣ, для различія этихъ падежей, происходитъ перестановка ударенія: учи́тель, я... учи́тели и учителя́, ёй...; пе́дель, я... пе́дели и педеля́, ёй...; пу́дель, я... пу́дели и пуделя́, ёй... Но это допускается лишь

изрѣдка въ двучленныхъ и отчасти трехчленныхъ формахъ, въ болѣе же сложныхъ — никогда.

Примѣчаніе 1-ое. Довольно многочисленный рядъ именъ на *тель*, преимущественно производныхъ формѣ: мушкате́ль, посте́ль, чита́тель, писа́тель и проч. во все склоненіе остается съ неподвижнымъ удареніемъ, уже потому, что это послѣднее въ нихъ постоянно падаетъ на слоги предшествующіе окончанію. Но и свиристе́ль, коросте́ль въ своемъ склоненіе не допускаютъ никакой перестановки ударенія.

Примѣчаніе 2-ое. Слово *псалты́рь* принимается и въ мужескомъ и въ женскомъ родѣ и, поэтому, въ косвенныхъ падежахъ единственнаго числа употребляется двояко: псалтыря́ и псалты́ри, псалтырю́, и псалты́ри, псалтыре́мъ и псалты́рью, о псалтыре́ и о псалты́ри.

Примѣчаніе 3-ье. Форма *путь*, которая въ род., дат. и предложн. над. принимаетъ примѣту женск. рода, удареніе во всѣхъ своихъ флексіяхъ переноситъ на пришлый, конечный слогъ: пути́, и́, е́мъ, и́, — и́, е́й, я́мъ, я́ми, я́хъ. Подобнымъ же образомъ склоняется еще одно, единственное въ своемъ родѣ, имя муж. рода — *пла́мень*, однако съ тою разницею, что въ этомъ послѣднемъ имени удареніе остается неподвижнымъ во всѣхъ употребительныхъ формахъ: род., дат. и предл. — пла́мени, твор. пла́менемъ (множ. ч. нѣтъ).

4. Заслуживаетъ особеннаго вниманія многочисленный рядъ именъ на **есть, ость** и (рѣдко) **асть**. Эти имена, неизмѣнно сохраняя неподвижность акцента въ единственномъ числѣ, во множественномъ же числѣ представляютъ ту особенность, что, несмотря ни на какой ихъ составъ — будутъ-ли они одночленны или многочленны — ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ акцента на предпослѣдній слогъ въ косвенныхъ падежахъ, за исключеніемъ одного лишь творит. множ. ч., какъ формы усложняющейся однимъ лишнимъ слогомъ противу всѣхъ остальныхъ падежей. Такимъ образомъ, удареніе здѣсь, начиная съ родит. падежа (въ именительномъ оно всегда согласно съ основною формою), постоянно падаетъ или на послѣдній или третій отъ конца или же и на другіе предыдущіе слоги, смотря по составу слова. И, поэтому, всѣ безъ исключенія односложныя формы (числомъ всего около двухъ десятковъ) не могутъ склоняться иначе, какъ по слѣдующему образцу:

отъ гость — го́сти, е́й, я́мъ, я́ми, я́хъ;
» страсть — стра́сти, е́й...

Что касается, затѣмъ, двучленныхъ и болѣе сложныхъ формъ, то однѣ изъ нихъ не допускаютъ никакой перестановки ударенія въ всемъ своемъ склоненіи. Къ таковымъ, напр., относятся: прелесть, горесть, нѣжность, гадость, глупость, окрестность, вѣжливость и проч. Другія же изъ подобныхъ этимъ формъ во множ. числѣ склоняются по образцу одночленныхъ: такъ, напр.:

отъ вѣ́домость — вѣ́домости, е́й, я́мъ, я́ми, я́хъ;
» кре́пость — кре́пости, е́й... По этому образцу склоняются и нѣкоторыя другія имена ж. р. на ь: такъ,
отъ про́повѣдь мн. ч. и, е́й, я́мъ...
» ска́терть » » и, е́й, я́мъ...
» ло́шадь » » и, е́й, я́мъ и проч.

§ 117. *Акцентація именъ на* **й**. Особенною простотой акцентаціи отличаются имена на й, такъ-какъ почти всѣ они вовсе не допускаютъ перестановки ударенія, постоянно удерживая его на одной и той же гласной во всемъ своемъ склоненіи: поко́й, я... поко́и, евъ...; водопо́й, я... водопо́и, евъ...; волокю́й, я... волокю́и, евъ... и проч. Только въ одночленныхъ именахъ (числомъ всего около четырехъ десятковъ) акцентація въ формѣ множ. числа представляетъ нѣкоторое колебаніе:

отъ край — кра́и, но и края́, кра́евъ, края́мъ, края́ми, о края́хъ.
» сло́й — слои́, сло́евъ, слоя́мъ, слоя́ми, о слоя́хъ. (Говорятъ также и сло́ямъ, сло́ями, о сло́ях).

Но эти формы весьма рѣдки, такъ-какъ нѣкоторыя изъ нихъ или совсѣмъ не употребляются во множественномъ числѣ (вой, лой, май), или же сохраняютъ неподвижность ударенія и въ сказанномъ числѣ:

отъ сдой — сдои, евъ, ямъ, ями, яхъ;
» змѣй — змѣи, » » » »

§ 118. *Перестановка ударенія въ склоненіи именъ на* **а**. Какъ это мы замѣтили еще въ 114 §, значительное большинство именъ на **а** сохраняетъ неподвижность акцента во всемъ склоненіи. Перестановка же ударенія практикуется лишь въ тѣхъ, кои носятъ его на конечномъ слогѣ. Къ такимъ относятся все двучленныя и (рѣдко) трех-

членныя первообразныя формы, какъ-то: изба́, ы́ и во множ. числѣ и́збы; вода́, ы́ — во́ды, дуга́, ги́ — ду́ги, рука́, и́ — ру́ки, зима́, ы́ — зи́мы, слуга́, и́ — слу́ги, пчела́, ы́ — пчёлы, сестра́, ы́ — сёстры, серьга́, и́ — се́рьги, душа́, и́ — ду́ши, борода́, ы́ — бо́роды, сторона́, ы́ — сто́роны, голова́, ы́ — го́ловы. Изъ четырехчленныхъ формъ извѣстна только одна — сковорода́, допускающая передвиженіе ударенія во множ. числѣ — ско́вороды. Но и изъ числа краткихъ формъ во многихъ это явленіе невозможно ради благозвучія: такъ, напр. всякій и съ малоразвитымъ слухомъ можетъ чувствовать, что если поставить удареніе на первые слоги въ словахъ, напр. стрѣльба́, корчма́, судьба́, т. е., если сказать стрѣ́льбы, ко́рчмы, су́дьбы, то эти слоги выйдутъ черезчуръ протяжными.

При этомъ необходимо замѣтить, что передвиженіе ударенія именъ на а во множ. числѣ ограничивается лишь падежомъ именительнымъ; въ косвенныхъ же удареніе опять возвращается на мѣсто, занимаемое имъ въ основной формѣ: отъ рука́, и́ — ру́ки, рукъ, рука́мъ, рука́ми, о рука́хъ; отъ сторона́, ы́ — сто́роны, сторо́нъ, сторона́мъ, сторона́ми, о сторона́хъ. Причемъ, какъ показываютъ эти примѣры, помянутыя имена въ родит. падежѣ множ. числа сокращаются на одинъ слогъ противу всѣхъ другихъ флексій, оканчиваясь постоянно на ъ вмѣсто гласной: поэтому, какъ само собою разумѣется, въ двучленныхъ формахъ ударенію физически невозможно падать на иной слогъ, какъ лишь на тотъ единственный, какой существуетъ; въ трехчленныхъ же оно переносится на второй слогъ, не согласуясь съ другими падежами (сторона́, сто́роны — сторо́нъ, борода́, бо́роды — боро́дъ). Но въ тѣхъ случаяхъ, когда удареніе трехчленнаго имени въ именит. пад. множ. числа стоитъ не на первомъ, а на срединномъ слогѣ, оно согласуется и въ родит. падежѣ: скорлупа́, ы́ — скорлу́пы, скорлу́пъ; худоба́, ы́ — худо́бы, худо́бъ.

Нѣкоторыя изъ разбираемыхъ здѣсь именъ переносятъ удареніе съ конечнаго слога именит. пад. на первый слогъ винит. падежа: такъ, отъ вода́ — во́ду, отъ рука́ — ру́ку, отъ сторона́ — сто́рону и проч. Списокъ этихъ именъ прилагается къ концу книги.

§ 119. *Перестановка ударенія въ склоненіи именъ на* **о**. Склоненіе именъ на **о** аналогично съ склоненіемъ именъ на *а* въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ косвенныхъ падежахъ число слоговъ ни увеличивается, ни уменьшается, за исключеніемъ родительнаго множественнаго числа и, во-вторыхъ, этотъ послѣдній, оканчиваясь на *з*, сокращается на одинъ слогъ противу остальныхъ флексій. Такъ, напр.,

отъ ста́до, а... стада́, стадъ, а́мъ...
» блю́до, а... блю́да, блю́дъ, амъ...
» село́, а... се́ла, селъ, амъ...
» колесо́, а... коле́са, коле́съ, амъ...

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ: 1) что и здѣсь перестановка ударенія во множ. числѣ происходитъ по той же системѣ, какъ и въ именахъ на *а*; и 2) что и здѣсь, подобно этимъ послѣднимъ, не всѣ формы, схожія между собою по строенію (ста́до и блю́до), допускаютъ передвиженіе ударенія для отличія родит. пад. ед. числа отъ именит. пад. множ. числа. Но имена на **о** представляютъ то существенное отличіе отъ именъ на **а**, что въ этихъ послѣднихъ удареніе переставляется лишь со слога послѣдующаго на предыдущій (вода́ — во́ды), въ первыхъ же происходитъ какъ это явленіе (село́ — се́ла), такъ и обратное, т. е. и перестановка ударенія со слога предыдущаго на послѣдующій (ста́до — стада́). Между именами на **о** сравнительно мало такихъ, кои переставляютъ удареніе въ своемъ склоненіи. Къ таковымъ относятся съ окончаніями на:

во (но не *ство*) — пра́во и права́, кру́жево и кружева́, де́рево и дерева́ (и дере́вья);

до — гнѣзда́ и гнѣзда, ста́до и стада́;

ко — о́блако и облака́, озерко́ и озе́рка (но отъ ли́чико, веде́рко: ли́чики, веде́рки);

ло — зе́ркало и зеркала́, крыло́ и кры́лья, уди́ло и удила́, ремесло́ и ремёсла, стекло́ и стёкла, весло́ и вёсла, жерло́ и жёрла, число́ и чи́сла;

мо — письмо́ и пи́сьма, бѣльмо́ и бѣльма;

но — бре́вно́ и бре́вна, зерно́ и зе́рна, вино́ и ви́на, окно́ и о́кна, волокно́ и воло́кна, полотно́ и поло́тна, пятно́ и пя́тна;

ро — ведро́ и вёдра, перо́ и пе́рья, ядро́ и я́дра, ребро́ и рёбра;
со — колесо́ и колёса;
то — ле́то и лѣта́ (но и ле́та), ме́сто и мѣста́;
цо — яйцо́ и я́йца, кольцо́ и ко́льца, лицо́ и ли́ца, колесцо́ и колёсца (и колёсцы).

Всѣ перечисленныя имена, за исключеніемъ развѣ кончащихся на *во*, *ло*, *ро* и, въ особенности, *но*, встрѣчаются лишь или особняками или спорадически, не составляя, по выраженію Павскаго, особыхъ породъ. Другихъ именъ, т. е. именъ съ неперечисленными примѣтами, какъ-то: на *бо*, *го*, *жо*, *зо*, *по*, *фо*, *хо*, *чо*, *шо*, *що* еще меньше и между ними (за исключеніемъ — плечо́ — пле́чи) мы не могли доискаться ни одного такого, которое бы допускало перестановку ударенія въ склоненіи. Притомъ, надо замѣтить, что и изъ вышеперечисленныхъ именъ одни или вовсе не употребительны во множ. ч. (напр. золото, серебро, мясо), или употребляются и въ этомъ числѣ, но безъ всякой перемѣны противу основной формы (напр., тѣсто и тѣста, жи́то и жи́та, блю́до и блю́да, письмецо́ и письмеца́), или же именит. пад. множ. ч. замѣняютъ на особые звуки, отличные отъ родит. пад. ед. ч. (напр. я́блоко, я́блока — я́блоки, ли́чико, ли́чика — ли́чики, молоко́, молока́, — моло́ки (у рыбы), у́хо, у́ха — у́ши, колѣно, колѣна — колѣнья (но и колѣни, а также колѣна), ши́ло — ши́лья).

§ **120.** *Перестановка ударенія въ склоненіи именъ на* **е**. Послѣ именъ на ъ по своей многочисленности первое мѣсто занимаютъ имена на **е**. Бо́льшая часть этихъ именъ — все формы производныя и болѣе или менѣе усложнившіяся разными нарощеніями. Удареніе ихъ, подобно именамъ на *й*, *ка* и проч., отличается особенною неподвижностью во всѣхъ падежахъ: одѣяніе, веденіе, свѣдѣніе, мгновеніе, здоровье, безсмертіе, худосочіе, гульбище, домище, оконце, веретенце и проч. За исключеніемъ довольно многочисленнаго класса съ примѣтою *це*, *ище*, трудно отыскать такія формы, въ коихъ передъ **е** непосредственно стояли бы согласныя; вотъ нѣсколько такихъ формъ: море, поле, горе, ложе и иностранныя слова: ко́фе, каре́, тире́, шоссе́ и проч. Изъ этихъ формъ только двѣ первыя допускаютъ перестановку ударенія: мо́ре, я и моря́, е́й...; по́ле, я и поля́, е́й... Изъ

всѣхъ именъ на *це* мы нашли лишь одно съ подвижнымъ удареніемъ во множ. числѣ — сéрдце — сердца, éцъ, áмъ, áми, áхъ. Затѣмъ, изъ формъ съ примѣтами іе и ье, которыми именно и изобилуютъ разсматриваемыя имена, первыя (точно такъ же, какъ и формы на *ище*, *це*) неизмѣнно сохраняютъ неподвижность ударенія, вторыя же лишь изрѣдка переносятъ это послѣднее, подобно именамъ на *о*, со слога второго ед. числа на первый множ. числа. Но и это случается лишь въ двучленныхъ формахъ и, притомъ, въ такомъ лишь случаѣ, когда е произносится за іо: ружьё, я — рýжья, копьё, я — кóпья, питьё, я — питья.

§ 121. *Перестановка ударенія при склоненіи именъ на* я. Съ чуть разсмотрѣнными именами аналогичны по акцентаціи имена на я, гдѣ формы съ примѣтою на *ія* точно такъ же, какъ и формы на *іе* — вовсе не допускаютъ перестановки ударенія. Но здѣсь главный контигентъ составляютъ не формы на *ія*, а формы: на я, преимущественно съ предшествующими согласными, на ья и, наконецъ, на ая, оя, уя и, преимущественно, ея.

Самый обширный классъ изъ этихъ именъ оканчивается на ня и, преимущественно, на иня, ыня: богиня, княгиня, разиня, святыня, твердыня, благостыня, простыня и простынѝ, милостыня и проч. Ни одна какъ изъ приведенныхъ здѣсь въ примѣръ, такъ всѣхъ имъ подобныхъ формъ не терпитъ передвиженія ударенія. Формы на ня съ предшествующими согласными, какъ напр., трескотня, возня, воркотня, подворотня, поварня, вишня, черешня, башня и проч. тоже съ неподвижнымъ удареніемъ. И вообще изъ всѣхъ именъ на я, съ какимъ бы они не были примѣтами, лишь очень немногія попадаются такія, кои (для отличія родит. падежа единств. числа отъ именит. пад. множ. числа) переставляютъ ударéніе въ этомъ послѣднемъ съ конечнаго слога на предыдущій. Таковы на ея, ля, ня, ря и, преимущественно, на ья:

отъ швея́, и́... швéи, éй, я́мъ, я́ми, я́хъ;
» ворожея́, и́... ворожéи, éй, я́мъ, я́ми, я́хъ;
» земля́, и́... зéмли, земéль, я́мъ, я́ми, я́хъ;
» сопля́, и́... сóпли, éй, я́мъ, я́ми, я́хъ;

отъ коно́пля́, и (и́)... коно́пли, ей, ямъ, ями, яхъ;
» ноздря́, и́... но́здри, ей, ямъ, ями, яхъ;
» судья́, и́... су́дьи, суде́й, судья́мъ, ьями, ьяхъ;
» скамья́, и́... ска́мьи, е́й...
» свинья́, и́... сви́ньи, е́й...
» полынья́, и́... поль́ньи, полыне́й, ня́мъ я́ми, я́хъ;
» дере́вня, и... дере́вни, деревне́нь, я́мъ, я́ми, я́хъ.

Между именами на тя есть одно замѣчательное и именно *дитя́* (общ. р.), склоненіе котораго отличается своеобразнымъ колебаніемъ ударенія въ формахъ множ. числа: дѣти, дѣте́й, дѣтямъ, дѣтьми́, о дѣтяхъ. Ко всему этому надо еще прибавить формы на мя (§ 61 п. 4, в). Эти имена переставляютъ удареніе во множ. числѣ, напр.: вре́мя, вре́мени и времена́, времёнъ, временамъ...

§ 122. *Общее замѣчаніе объ удареніи при спряженіи глаголовъ.* Разсматривая грамматическія формы глаголовъ, мы находимъ, что и здѣсь, при ихъ спряженіи, точно такъ же, какъ и при склоненіи именъ, удареніе представляетъ извѣстную послѣдовательность, тоже допускающую однако болѣе или менѣе частыя уклоненія отъ общаго правила. Общее же правило состоитъ въ томъ, что тѣ формы, кои въ своихъ основныхъ звукахъ менѣе подвергаются измѣненіямъ противу своихъ непосредственныхъ производителей, и по акценту болѣе устойчивы и, наоборотъ — при существенномъ измѣненіи звуковъ въ первообразѣ, перемѣняется и мѣсто ударенія въ производной формѣ. А такъ-какъ многосложныя формы, формы облекшіяся, такъ сказать, въ пластическую, выразительную оболочку, при переходѣ одной въ другую не подвергаются почти никакимъ преобразованіямъ въ своей основной части: то и удареніе ихъ отличается неподвижностью во всѣхъ флексіяхъ. Слѣдовательно, вся трудность акцентаціи заключается лишь при спряженіи одно-и-двучленныхъ и (иногда) трехчленныхъ формъ. И поэтому мы займемся разсмотрѣніемъ этихъ послѣднихъ. Прежде всего надо замѣтить, что эти глаголы бываютъ четырехъ порядковъ: 1) формы, удареніе коихъ въ настоящемъ (а равно и будущ.) времени изъявит. накл. не сходится съ таковымъ неопред. накл.; 2) формы, коихъ удареніе 1-го лица сказаннаго времени разнствуетъ отъ осталь-

ныхъ лицъ; 3) и 4) формы, коихъ ударение въ повелит. накл., а также въ причастіи не согласуется съ своимъ непосредственнымъ производителемъ.

§ 123. *Глаголы, коихъ ударение въ настоящемъ вр. изъяв. накл. не сходится съ неопред. накл.*

Къ разряду этихъ глаголовъ относятся:

1. Глаголы на **овать, евать**: арестовáть, браковáть, квартировáть, ликовáть, торжествовáть; воевáть, горевáть, кочевáть, линевáть, ночевáть и проч. Всѣ сложные глаголы, какъ мы уже замѣтили въ предыдущемъ параграфѣ, вовсе не измѣняютъ своего акцента во все продолженіе спряженія. Ибо въ такихъ напр. формахъ, какъ бóдрствовать, воздѣлывать, хозя́йничать нѣтъ никакихъ причинъ, по коимъ ударенію слѣдовало бы перемѣнить свое мѣсто при спряженіи. Подобнымъ образомъ и другіе глаголы, хотя бы и съ удареніемъ на конечномъ слогѣ, какъ напр. воодушевлять, украшать, устращать, здоровѣть и проч., тоже неизмѣнно сохраняютъ ударение неопред. накл. во всѣхъ грамматическихъ формахъ. Но если возьмемъ формы на *овать*, *евать* съ удареніемъ на конечномъ слогѣ, то здѣсь ударение въ наст. времени изъявит. накл. не сходится съ неопредѣл. наклоненіемъ: такъ, напр., отъ торжествовáть и горевáть — не торжествýю и горюю́, а торжествýю, горюю́. Перестановка здѣсь ударенія происходитъ по той причинѣ, что настоящее время въ этихъ формахъ образуется иначе, чѣмъ въ вышесказанныхъ глаголахъ, напр. здоровѣть. Форма здоровлю́ образовалась чрезъ замѣну окончательной согл. *ть* на гласн. *ю*; ударяемая же гласная (ѣ) осталась ненарушимою. Въ формахъ же торжествýю, горюю́, напротивъ, послѣ замѣны окончательной *ть* на *ю*, а равно замѣны вставокъ *ов*, *ев* на *у* или *ю* ударяемая въ формѣ неопредѣл. накл. гласная (а) изчезаетъ и, слѣдовательно, здѣсь удареню физически невозможно удержаться на прежнемъ мѣстѣ и оно падаетъ предпочтительно на второй слогъ отъ конца; ибо здѣсь, по причинѣ довольно растянутой формы (или морфологически въ формѣ торжествую или же фонетически въ формѣ горюю) длительный звукъ *ю* въ конечномъ слогѣ, при подъемѣ на немъ голоса, вышелъ бы черезчуръ протяжнымъ. Тѣ же глаголы въ болѣе краткой формѣ носятъ ударение на конечной гласной (ю): блевáть — блюю́, жевáть — жую́, клевáть —

клюю́, плева́ть — плюю́, кова́ть — кую́, снова́ть — сную́, сова́ть — сую́ и проч. Но отъ дneва́ть — дню́ю. Сказанное уда-реніе на предпослѣднихъ гласныхъ (или на у, или на ю) удер-живается во всѣхъ лицахъ настоящ. и будущ. вр. изъявит. накл., а равно въ повелит. накл. и причастіяхъ настоящ. вре-мени. Въ прошедшихъ же временахъ какъ изъявит. накл., такъ и дѣйств. причастія удареніе остается совсѣмъ неподвижнымъ, т. е. сохраняетъ то же мѣсто, что́ и въ неопред. накл., напр. торжествовалъ — вшій. Но прошедшее время страдат. при-частія въ тѣхъ глаголахъ, кои имѣютъ эту форму, удареніе, ради благозвучія, совсѣмъ уклоняется отъ генетики: такъ, отъ арестова́ть — аресто́ванный, отъ бракова́ть — брако́ванный, отъ дneва́ть — днёванный и проч.

2. Съ глаголами на *евать*, *овать* и по морѳологіи и по просодіи представляютъ нѣкоторую аналогію немногочисленные предложные глаголы на **авать**. Такъ, отъ дава́ть, передава́ть — даю́, передаю́, е́шь... передава́й... передава́лъ...; отъ встава́ть встаю́, е́шь... встава́й... встава́лъ...; отъ создава́ть — создаю́, е́шь... создава́й... создава́лъ... Но будущее время отъ этихъ глаголовъ или принимаетъ особую форму, аналогичную съ фор-мою въ ихъ простѣйшемъ видѣ, или, оставаясь въ томъ же видѣ, однако отличаетъ себя отъ настоящаго времени помощью перестановки ударенія: отъ встать — вста́ну, отъ создать — созда́мъ, отъ сознава́ть — созна́ю (наст. же время сознаю́). Этотъ послѣдній глаголъ держитъ то же удареніе и съ другими предлогами: *до*, *за*, *по*, *при*, *у*: узнаю́ и узна́ю, признаю́ и призна́ю и проч. Отъ передава́ть, создава́ть и проч. удареніе въ прошедшемъ времени, какъ мы видѣли, согласуется съ та-ковымъ основной формы: передава́лъ, создава́лъ и проч. Но эти же глаголы въ простѣйшемъ видѣ — переда́ть, созда́ть — въ сказанномъ времени удареніе переносятъ съ конечнаго слога на приставку: пе́редалъ, со́здалъ; а отсюда причастіе страда-тельное: пере́данный, со́зданный.

3. Къ первому разряду относятся также всѣ одночленные въ неопред. накл. глаголы, которые въ изъявит. накл. полу-чаютъ двучленную форму на **у** съ предшествующею согласною: жить — живу́, е́шь..., плыть — плыву́, е́шь..., слыть — слыву́, е́шь..., брать — беру́, е́шь..., драть — деру́, е́шь..., звать —

зову́, е́шь..., взять — возьму́, е́шь..., печь — пеку́, е́шь..., влечь — влеку́, че́шь..., класть — кладу́, е́шь..., грызть — грызу́, е́шь... Къ этой категоріи надо причислить и глаголы: гнить — гнію, гние́шь... пѣть — пою, поешь... Но тѣ глаголы, кои, оканчиваясь (подобно плыть) на **ыть**, въ настоящемъ времени изъявит. накл. принимаютъ форму на **ою**, оставляютъ въ этой формѣ удареніе основной формы: крыть — кро́ю, ешь, мыть — мо́ю, ешь, ныть — но́ю, ешь, рыть — ро́ю, ешь... и проч. Кромѣ всѣхъ здѣсь поименованныхъ сюда относятся и еще многіе другіе и именно тѣ глаголы, ф. коихъ неопред. накл. не сходится съ ф. изъявит. накл. по *числу слоговъ*: такъ, отъ бере́чь — берегу́, отъ стере́чь — стерегу́, отъ запря́чь (запре́чь) запрягу́, отъ постри́чь — постригу́, отъ упасть — упаду́, отъ умере́ть — умру́, отъ запере́ть — запру́ и проч.

4. Къ разряду же глаголовъ, разногласящихъ въ удареніи неопред. накл. съ изъявительнымъ надо отнести и слѣдующіе, стоящіе особняками и отмѣченные въ «Филол. Раз.» Я. К. Грота (I, 375): зоба́ть — зо́блю, зыба́ть — зы́блю, страда́ть — стра́жду, бреха́ть — бре́шу, колеба́ть — коле́блю, алка́ть — а́лчу, хрома́ть — хра́млю (и храма́ю), здать — зи́жду.

Примѣч. Глаголъ *колыха́ть* въ настоящ. вр. изъяв. накл. отмѣченъ двоякимъ удареніемъ: у Даля — колышу́, у Академіи — колы́шу.

§ 124. *Глаголы, въ коихъ удареніе 1-го лица наст. времени разнствуетъ отъ остальныхъ лицъ.*

Къ разряду этихъ глаголовъ относятся:

1. Шесть глаголовъ на **нуть**: гляну́ть (впрочемъ, и гля́нуть), мину́ть, тону́ть, тяну́ть, обману́ть, помяну́ть, которые перемѣняютъ удареніе во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ настоящаго или будущаго времени: тяну́ — тя́нешь..., обману́, обма́нешь... и проч. Всѣ остальные, затѣмъ, глаголы на *нуть* (числомъ около тысячи) сохраняютъ одно и то же удареніе во всемъ спряженіи. Такъ, отъ вя́знуть — вя́зну, вя́знешь... (за)вя́зъ, вя́зни...; отъ ду́нуть — ду́ну, ду́нешь... ду́нулъ, дунь...; отъ блесну́ть — блесну́, блесне́шь... блесну́лъ, блесни́ и проч.

2. Всѣ пять глаголовъ на **оть**: бороть, колоть, молоть, полоть, пороть и одинъ на **очь** — волочь аналогичны съ вышеисчисленными шестью глаголами на нуть: такъ, отъ волочь —

волочу́, воло́чешь..., отъ моло́ть — мелю́, ме́лешь..., отъ коло́ть — колю́, ко́лешь... и проч.

3. Изъ глаголовъ же съ другими, кромѣ вышеперечисленныхъ, примѣтами наберется до полтораста такихъ, кои тоже въ наст. вр. изъяв. накл., начиная со 2 лица, переносятъ удареніе съ конечнаго слога на предыдущій. Эти глаголы по большей части — двучленныя формы, преимущественно, оканчивающіяся на **ить**. Между одночленными мы могли отыскать едва нѣсколько изъ помянутыхъ глаголовъ. Вотъ они:

отъ гнать — гоню́, го́нишь..., гони́... гналъ;
» стлать — стелю́, сте́лешь..., стели́..., стлалъ;
» здать — зи́жду, зи́ждешь..., зи́ждя..., (со)зда́лъ;
» мочь — могу́, мо́жешь..., (по)моги́..., могъ;

Изъ числа одночленныхъ глаголовъ представляетъ замѣчательное и исключительное явленіе форма **ѣмъ** (ѣсть), форма, въ которой множественное число отличается отъ единственнаго нетолько удареніемъ и флексіями, но и основными звуками: ѣмъ, ѣшь, ѣстъ — ѣди́мъ, ѣди́те, ѣдя́тъ. Нѣчто подобное представляетъ и глаголъ **хотѣть**: хочу́, хо́чешь, хо́четъ — хоти́мъ, хоти́те, хотя́тъ. Своеобразно спряженіе и глагола **есмь**, еси́, есть — есмы́, есте́, суть. Къ исключительнымъ же явленіямъ принадлежатъ и еще два глагола: **сто́ить** и **стоя́ть**, въ спряженіи которыхъ настоящее время различается лишь удареніемъ, за исключеніемъ, впрочемъ, 3 лица множ. ч., гдѣ есть еще различіе и въ одной гласной (**ю**, **я**): сто́ю, сто́ишь..., сто́ютъ; стою́, стои́шь..., стоятъ.

4. Нетолько многочленные, но и двучленные, а равно одночленные глаголы, оканчивающіеся на **ю** съ предшествующею гласною, вообще, не терпятъ никакой перестановки удареніе въ наст. вр. изъявит. накл.: отъ чита́ть — чита́ю, чита́ешь... отъ броса́ть — броса́ю, броса́ешь... отъ ла́ять — ла́ю, ла́ешь... отъ явля́ть — явля́ю, явля́ешь... отъ владѣ́ть — владѣ́ю, владѣ́ешь... отъ хирѣ́ть — хирѣ́ю, хирѣ́ешь... отъ пѣть — пою́, пое́шь... отъ брить — бре́ю, бре́ешь... отъ выть — во́ю, во́ешь... отъ стоя́ть, — стою́, стои́шь... отъ дуть — ду́ю, ду́ешь... отъ обу́ть — обу́ю, обу́ешь... отъ чу́ять — чу́ю, чу́ешь... Въ противоположность чуть исчисленнымъ, къ сравнительно немногимъ

глаголамъ на **ать**, **ѣть**, **ить**, дозволяющимъ перестановку ударенія со слога конечнаго на предыдущій, относятся лишь тѣ, кои оканчиваются на **у** и (рѣже) на **ю** съ предшествующими *не гласными*, а *согласными*. Какъ само собою разумѣется, такими глаголами, притомъ, могутъ быть только тѣ, кои носятъ удареніе на слогѣ конечномъ. Таковы напримѣръ: бормочу́ — бормо́чешь, клевещу́ — клеве́щешь, обниму́ — обни́мешь, смотрю́ — смо́тришь, терплю́ — те́рпишь, верчу́ — ве́ртишь, прошу́ — про́сишь, ищу́ — и́щешь, вяжу́ — вя́жешь, вожу́ — во́дишь, брожу́ — бро́дишь, волочу́ — воло́чишь, колю́ — ко́лешь, ловлю́ — ло́вишь, могу́ — мо́жешь, хочу́ — хо́чешь, полощу́ — полоще́шь, клевещу́ — клеве́щешь, хлопочу́ — хлопо́чешь, стону́ — сто́нешь (а отъ малоупотребительнаго стона́ю — стона́ешь), орю́ — о́решь (а отъ ору́ — оре́шь) и проч. Списокъ этихъ глаголовъ прилагается въ концѣ книги. (См. «Филолог. Розыск.» I, 372—381.)

§ 125. *Удареніе глаголовъ въ повелительномъ наклоненіи.* Какъ само собою разумѣется, всѣ сложные глаголы въ повелит. накл., точно такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ грамматическихъ формахъ, непзмѣнно сохраняютъ удареніе неподвижнымъ: такъ, отъ благоде́нствовать — благоде́нствуй, отъ ва́жничать — ва́жничай, отъ торжествова́ть — торжеству́й, отъ бра́сывать — бра́сывай, отъ вскли́кнуть — вскли́кни, отъ заверну́ть — заверни́. Что касается, затѣмъ, краткихъ формъ, то удареніе ихъ въ повелит. накл. почти постоянно падаетъ на слогъ послѣдній; причемъ оно согласуется большею частью какъ съ неопредѣленнымъ накл., такъ и съ изъявительнымъ (наст. и буд. вр.). Примѣры: броса́ть, а́ю — броса́й, броса́йте, бро́сить, шу — брось, бро́сьте, ре́зать, жу — ре́жь, ре́жьте, ки́нуть, ну — кинь, те, воло́чь, чу́ — волочи́, волочи́те, коло́ть, лю́ — коли́, и́те, страда́ть, а́ю — страда́й, те, смотре́ть, ю́ — смотри́, и́те, крыть, бю́ — кро́й, те, ныть, бю́ — ной, те. Но встрѣчаются изрѣдка и такіе глаголы, въ коихъ удареніе повелительнаго накл., падая тоже на послѣдній слогъ, однако не сходится съ неопредѣл. накл., согласуясь лишь съ наст. или буд. временемъ изъявит. накл., какъ напр.: плыть, плыву́ — плыви́, жить, живу́ — живи́, слыть, слыву́ — слыви́, брать, беру́ — бери́, драть, деру́ — дери́, звать, зову́ — зови́, взять, возьму́ —

возьми́, класть, кладу́ — клади́, грызть, грызу́ — грызи́. На примѣрахъ: *бро́сить*, *ки́нуть*, *рѣзать* мы показали, что въ повелительномъ накл. удареніе падаетъ на *послѣдній* слогъ и въ то время, когда оно здѣсь удерживается на одной и той же такой гласной, которая какъ въ неопр., такъ и изъявит. накл. занимаетъ *второй* слогъ отъ конца. Это можетъ происходить по тому, что *двучленная* форма какъ въ неопр., такъ и изъявит. накл. напр. *бро́сить*, *бро́шу*, переходя въ ф. повелит. накл. *брось*, *сокращается въ одночленную*. Но попадаются, хотя изрѣдка, и такія двучленныя формы, коп, нося ударе́ніе какъ въ неопред., такъ и изъяв. накл. на первомъ слогѣ, *не сакращаются* при переходѣ въ повелит. наклоненіе: въ такомъ случаѣ удареніе этого послѣдняго не можетъ падать на *конечный слогъ*. Такъ, отъ вя́знуть — вя́зни, отъ ня́нчить — ня́нчи, отъ вши́вѣть — вши́вѣй, отъ бре́дить — бре́ди (отъ бресть, бреду́ — бреди́). Вообще, удареніе повелит. накл. во всякомъ случаѣ сходится съ таковымъ или неопредѣл. накл. или же изъявит. накл. (наст. вр.) Уклоненія встрѣчаются лишь тамъ, гдѣ ему физически невозможно сохранить генетическое начало и именно въ томъ только случаѣ, когда ударяемая гласная, входившая въ составъ формы настоящаго времени, изчезаетъ въ формѣ повелит. накл., замѣнялся на полугласную й: такъ, отъ клюю́ — клю́й, отъ плюю́ — плю́й, отъ сую́ — су́й(ся), отъ кую́ — ку́й, отъ боюсь — бо́йся, отъ смѣюсь — смѣ́йся, отъ стою́ — сто́й, отъ пою́ — пой.

§ 126 *Удареніе причастій и дѣепричастій.* Удареніе всѣхъ четырехъ причастій, а равно дѣепричастій можно подвести подъ слѣдующія правила.

1. Дѣйствительное причастіе наст. времени, образуясь изъ формъ 3 лица множ. ч. настоящаго же времени изъявит. накл., т. е. изъ формъ на **утъ**, **ютъ** (1-го спряж.) и **атъ**, **ятъ** (2-го спряж.), удерживаетъ какъ фонетику (или **у**, **ю**, или **а**, **я**), такъ равно и удареніе этихъ своихъ непосредственныхъ производителей, независимо отъ того, сохраняетъ ли глаголъ свое удареніе во всѣхъ лицахъ или же переставляетъ его, начиная со 2 лица на слогъ предыдущій (§ 124). Примѣры на первый случай: рѣ́жу, ешь... рѣ́жутъ — рѣ́жущій, чита́ю, ешь... чита́ютъ — чита́ющій; дрожу́, и́шь... дрожа́тъ — дро-

жа́щій; говорю́, и́шь.... говоря́тъ — говоря́щій. Примѣры на второй случай: гложу́, гло́жешь... гло́жутъ — гло́жущій, дремлю́, дре́млешь... дре́млютъ — дре́млющій; дышу́, ды́шишь... ды́шатъ — ды́шащій; люблю́, лю́бишь... лю́бятъ — лю́бящій. Но изъ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія далеко не всѣ слѣдуютъ сказанному правилу: такъ, отъ у́чатъ — уча́щій, отъ де́ржать — держа́щій, отъ мо́лять — моля́щій, отъ про́сять — проси́щій, отъ во́зять — вози́щій, отъ но́сять — носи́щій, отъ хо́дять, ходя́щій и проч. Ударе́ніе дѣепричастія сохраняется то же, что́ и въ причастіи: чита́ющій и чита́я, говоря́щій и говоря́, водя́щій и водя́, проси́вшій и проси́.

2. Съ чуть разсмотрѣннымъ причастіемъ совершенно аналогично причастіе страдательное на **мый**, образующееся изъ 1-го л. множ. числа изъявительнаго наклоненія: чита́емъ — чита́емый, пита́емъ — пита́емый, броса́емъ — броса́емый, постига́емъ — постига́емый и (не)постижи́мый, сохраня́емъ — сохраня́емый, величаемъ — величаемый, потво́рствуемъ — потво́рствуемый, ви́димъ — ви́димый, сократи́мъ — сократи́мый и проч. Какъ показываютъ примѣры здѣсь ударе́ніе съ замѣчательною послѣдовательностью постоянно удерживаетъ мѣсто своего непосредственнаго производителя. Но это заключеніе во всемъ своемъ объемѣ собственно относится лишь къ тѣмъ глаголамъ, кои оканчиваются на **емъ**, **имъ** съ предшествующею гласною; въ остальныхъ же случаяхъ ударе́ніе можетъ или согласоваться: ви́димъ — ви́димый, утоли́мъ — утоли́мый, утоми́мъ — (не)утоми́мый, укроти́мъ, — (не)укроти́мый, обозри́мъ — (не)обозри́мый и проч., или же и не согласоваться съ своимъ непосредственнымъ производителемъ — что бываетъ гораздо чаще, напр. во́димъ — води́мый, но́симъ — носи́мый, те́рпимъ — терпи́мый, де́лимъ — дели́мый, лю́бимъ — люби́мый, оде́ржимъ — одержи́мый, (не)удержи́мый и проч. Причина этой кажущейся непослѣдовательности объясняется общими, уже намъ извѣстными, законами ударе́нія: оно или

а) подчиняется генетическому началу (ви́дѣть, ви́жу, ви́дѣлъ, слѣдовательно и ви́димый, ви́дя); или

б) то же прикрѣпляется, хотя и не къ коренному, но къ одному и тому же мѣсту, такъ сказать, излюбленному мѣсту —

что обыкновенно встрѣчается, какъ это мы уже неоднократно видѣли, въ такихъ формахъ, кои усложнились особыми наростами, какъ напр., въ прилагат. на *атый*, положимъ, глупъ — глупова́тый, мужи́къ — мужикова́тый. Если мы сравнимъ вышесказанное о причастіи съ тѣмъ, что мы изложили въ XII главѣ о прилагательныхъ, то надо не смущаться непостоянствомъ, а скорѣе удивляться замѣчательной послѣдовательности ударенія: какъ въ тѣхъ, такъ и другихъ именахъ оно или держится коренного мѣста, или же, если отступаетъ отъ генетики, то неизмѣнно слѣдуетъ аналогіи, падая не на какой-нибудь слогъ, а непремѣнно на предпослѣдній.

3. Неменьшею послѣдовательностью отличается какъ причастіе, такъ и дѣепричастіе прошед. врем. дѣйств. залога, постоянно сохраняя ударе́ніе своего непосредственнаго производителя — прошедш. же время изъявит. накл.: такъ, отъ чита́лъ — чита́вшій, ши, въ; отъ проси́лъ — проси́вшій, ши, въ, отъ смотрѣ́лъ — смотрѣ́вшій, ши, въ, отъ утону́лъ — утону́вшій, ши, въ и проч. Ударе́ніе этого причастія не сходится съ ударе́ніемъ изъявит. накл. только въ томъ случаѣ, когда оно въ прошедш. времени сказаннаго накл. переходитъ на приставку: такъ, отъ созда́ть, со́здалъ — созда́вшій, ши, созда́въ; отъ заня́ть, за́нялъ — заня́вшій, ши, заня́въ; отъ переда́ть, пе́редалъ — переда́вшій, ши, переда́въ. Но здѣсь акцентація согласуется съ основною формою, которая, какъ извѣстно, почти никогда не допускаетъ ударе́нія на приставку: оно падаетъ на эту послѣднюю въ прошедш. вр. изъявит. накл. какъ въ формѣ болѣе краткой, но не можетъ падать въ причастіи того же времени, какъ въ формѣ, усложнившейся, кромѣ предлога, еще особымъ нарощеніемъ.

4. Между всѣми причастными формами форма страдательнаго причастія въ прошед. времени самая краткая и, поэтому отличается особенною прихотливостью ударе́нія, которое однако, подобно именамъ прилагательнымъ, падаетъ чаще всего на слоги предпослѣдній и на третій отъ конца: отъ бѣли́ть — бѣлёный, отъ вари́ть — варёный, отъ дѣли́ть — дѣлённый, отъ дари́ть — даре́нный, отъ гаси́ть — гашёный, отъ лѣчи́ть лѣчёный, отъ лома́ть — ло́манный, отъ ви́дѣть — ви́дѣнный, отъ бро́сить — бро́шенный, отъ увели́чить — увели́ченный, отъ за-

ду́мать — заду́мчивый. Впрочемъ, такъ-какъ большинство этихъ формъ удерживаетъ генетическое удареніе, то въ тѣхъ сложныхъ глаголахъ, кои носятъ удареніе на начальныхъ слогахъ, удареніе причастія можетъ прійтись на четвертый и даже на пятый слогъ, согласно своему производителю: такъ, отъ ми́ловать — ми́луемый, отъ жа́ловать — жа́луемый, отъ дѣ́вствовать — дѣ́вствуемый, отъ передѣ́лывать — передѣ́лываемый и проч. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда глаголъ носитъ удареніе на конечномъ слогѣ, разбираемое причастіе, ради благозвучія, довольно часто отступаетъ отъ генетики, перенося удареніе на предыдущіе слоги и въ формахъ краткихъ: такъ, отъ чита́ть — чи́танный, отъ пи́сать — пи́санный, отъ жева́ть — жёванный, отъ смотрѣ́ть — смо́трѣнный, отъ держа́ть — де́ржанный, отъ ввернуть — ввёрнутый. При этомъ кстати вспомнить, что это причастіе чаще всѣхъ другихъ отглагольныхъ формъ принимаетъ удареніе на свои приставки: такъ, отъ забра́ть — за́бранный, отъ перебра́ть — пере́бранный, отъ созва́ть — со́званный и проч. (§ 49).

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Удареніе какъ явленіе весьма сложное.

§ 127. *Генетическое удареніе.* Въ послѣднихъ десяти главахъ мы разсмотрѣли все разнообразіе и богатство какъ этимологич., такъ и грамматич. формъ нашего языка. Обозрѣвая все это, мы встрѣчались со многими, болѣе или менѣе любопытными, просодическими явленіями, частью вполнѣ для насъ понятными, частью же ожидающими разъясненій. Изъ этихъ послѣднихъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то явленіе, которое постоянно повторяется въ языкѣ и на которое мы не разъ указывали, давая ему названіе *генетическаго* ударенія (какъ напр. въ слѣдующихъ параграфахъ: 38, 60, 70, 74, 90, 104, 108 и проч.). Генетическому началу подчиняется значительное большинство словъ, составляющихъ нашу рѣчь. Итакъ, мы видимъ, что, несмотря на всю

подвижность нашего ударенія, оно однако на самомъ дѣлѣ болѣе устойчиво, чѣмъ это кажется при поверхностномъ знакомствѣ съ просодіею. Принявъ во вниманіе, что коренныхъ словъ (которыми преимущественно бываютъ односложныя) насчитывается въ языкѣ сравнительно самое ничтожное количество и имѣя въ виду вышеупомянутые факты, можно навѣрно сказать, что никакъ небольше одной трети всѣхъ, какъ этимологич., такъ и грамматич. формъ переставляютъ свое ударенiе съ основы на слоги пришлые (обыкновенно конечные). И эта перестановка встрѣчается преимущественно лишь въ краткихъ, съ сжатою темою, формахъ, претерпѣвающихъ при своемъ преобразованiи болѣе или менѣе значительныя звуковыя измѣненiя. Иначе и быть не можетъ: не просодическiе законы подчиняютъ своей власти морѳологiю, а на оборотъ — ударенiе согласуется съ этою послѣднею. Явленiя всякаго языка не могутъ происходить въ иномъ порядкѣ, какъ только въ слѣдующемъ: прежде всего создается внѣшняя оболочка, форма, выражающаяся въ извѣстныхъ звукахъ, затѣмъ, слѣдуютъ различные переходы и колебанiя въ этихъ послѣднихъ и, наконецъ, извѣстная ихъ сила и интонацiя, или то, что́ мы называемъ акцентомъ; вообще, прежде долженъ быть какой бы то ни было звукъ, а затѣмъ, сообразно его тону и амплитудѣ, можетъ происходить и извѣстное его повышенiе или протяженiе (ударенiе). Но такъ-какъ преобразованiя краткихъ формъ въ болѣе растянутыя бываютъ весьма различны, вслѣдствiе чего какъ фонетическая, такъ и семазiологическая сторона производнаго слова болѣе или менѣе измѣняется противу оригинала, то и ударенiе не можетъ всегда и безусловно слѣдовать одному и тому же началу. Такъ, отъ самой простой формы *рода* образовался довольно длинный рядъ болѣе или менѣе усложнившихся словъ все съ однимъ и тѣмъ же генетическимъ ударенiемъ: сро́дный, сро́дность, сро́дственный, сро́дникъ, сро́дница, сро́дичъ, сро́ду, поро́дистый, благоро́дный и проч. Но рядомъ съ этими являются другiя формы, хотя и тожественныя по происхожденiю, тѣмъ неменѣе однако несохранившiя генетическаго ударенiя: родно́й, роди́мый, роди́ть, сроднíть, породнíть, сроди́сь, сродни́. Есть и еще одна, все того же происхожденiя, форма, носящая два ударенiя — сродство. Ударенiе здѣсь на первомъ слогѣ подчиняется гене-

тическому началу, а на второмъ — аналогіи съ другими подобными же формами, напр. вещество́, божество́, естество́, рождество́ и проч. Отсюда видно, что подвижность ударенія въ одномъ направленіи (т. е. вопреки генетикѣ) есть вмѣстѣ съ тѣмъ устойчивость въ другомъ направленіи (т. е. согласно аналогіи). Притомъ, и формы съ тѣмъ и другимъ ударе́ніемъ, разнствуя лишь въ своихъ наставкахъ и, преимущественно, въ окончаніяхъ (а не въ основѣ), несовсѣмъ расходятся и въ фонетикѣ просодической, такъ-какъ ударе́ніе, напр. въ словѣ ро-дно́й переходитъ съ коренной гласной на пришлую неиначе какъ вмѣстѣ съ тою коренною же согласною д, которая примыкаетъ также къ ударяемой гласной и въ формахъ, сохраняющихъ генетическое начало. Тѣмъ не менѣе въ перечисленныхъ здѣсь двухъ категорій формахъ ударе́ніе небезпричинно держится разъ коренной, а другой — пришлыхъ гласныхъ: передвигаясь со слога на слогъ, оно въ этомъ случаѣ оказываетъ службу логической сторонѣ языка; ибо при подъемѣ голоса на конечномъ слогѣ привзносится въ слово извѣстный семазіологическій оттѣнокъ. Но встрѣчаются спорадически и такія производныя формы, въ коихъ нетолько окончаніе но и основа подверглись измѣненіямъ противу своего первообраза: такъ, произошли отъ у́тро — за́втракъ, отъ серебро́ — серебряный, отъ де́рево — древе́сный, отъ роди́ть, рожде́нный — рождество́. Въ этомъ случаѣ между первообразною формою, напр. *рода* и производными *рожденный* и *рождество* разрывается всякая генетическая связь, такъ-какъ здѣсь ударе́ніе, по причинѣ требованій благозвучія, на основной гласной въ производной формѣ невозможно и въ то же время къ ударяемымъ гласнымъ обѣихъ формъ (т. е. первообразной и производной) примыкаютъ не однѣ и тѣ же согласныя. Эти отступленія встрѣчаются не только спорадически, но иногда и въ цѣлыхъ рядахъ извѣстныхъ формъ, какъ это мы видѣли при разсмотрѣніи напр. именъ на *ышко*, *юшко* (§ 71 п. 3). Итакъ, изъ всего изложеннаго въ настоящемъ параграфѣ, мы видимъ, что, несмотря на выдающуюся роль генетическаго начала, это послѣднее однако уступаетъ свои права другимъ, болѣе сильнымъ, началамъ. Разбору этихъ началъ посвящаются дальнѣйшія страницы настоящей книги; здѣсь же разсмотримъ значеніе аналогіи въ слогоударе́ніи.

§ 128. *Аналогическое удареніе.* Какъ извѣстно, вообще, въ природѣ одинаковыя причины производятъ обыкновенно тождественныя явленія. То же самое происходитъ и въ области лингвистики. Чтобы уяснить себѣ наглядно просодическое значеніе повторяющихся явленій (аналогій), возьмемъ напр. слово *часть* и станемъ отъ него производить другія различныя слова посредствомъ извѣстныхъ усложненій; такимъ образомъ мы получимъ формы, относящіяся къ тремъ категоріямъ:

1) уча́сть;

2) уча́стье, уча́стный, уча́стникъ, — ница, уча́стливый, уча́стокъ, уча́сто́вый (2 уд.), уча́ствовать, уча́ствованіе, уча́ствователь, — ница; и

3) сча́стье, (не)сча́стный, сча́стли́вый (2 уд.), счастли́вецъ — вица, (о)счастли́вить.

Отсюда мы видимъ, что слово *участь* по акценту остается особнякомъ; причемъ, передвиженіе въ немъ ударенія съ коренной гласной на пришлую значительно измѣнила фонетику первообраза (*часть*); а это могло случиться лишь по той причинѣ, что и въ значеніи этого послѣдняго должно было произойти коренное измѣненіе посредствомъ подъема голоса на приставку, которая поэтому и играетъ здѣсь роль особенно выдающуюся. Затѣмъ, почти во всѣхъ остальныхъ перечисленныхъ формахъ сохранилось генетическое удареніе: ибо здѣсь всѣ логическіе оттѣнки въ значеніи этихъ словъ ясно выражаются въ ихъ основѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ вставкахъ и наставкахъ; а поэтому приставка здѣсь не играетъ такой роли, какъ въ словѣ участь. Далѣе, и съ точки зрѣнія законовъ благозвучія здѣсь не представляется никакихъ причинъ, по коимъ удареніе слѣдовало бы сдвинуться съ своего исконнаго мѣста или на вставку, или на окончаніе, или же на нарощеніе предъ этимъ послѣднимъ: ибо, съ одной стороны, слогъ *час* весьма подходящъ для подъема на немъ голоса, такъ какъ согл. *с*, служащая связующимъ звеномъ между ударяемымъ и послѣдующимъ слогами, весьма свободно вяжется съ смежною съ нею *т* (§ 34), а съ другой — какъ намъ уже извѣстно, 1) удареніе безусловно не падаетъ какъ на вставку *ство* (§ 31), такъ и на окончанія *ый*,

ій, *е* (§§ 62 и 101) и 2) оно избѣгаетъ и другихъ конечныхъ слоговъ въ такихъ растянутыхъ формахъ, какъ участвовать, участникъ, счастливецъ и пров. Но при всемъ томъ, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что кромѣ перечисленныхъ слоговъ, не могутъ найтись еще и другіе, уже совершенно подходящіе для передышки помимо коренного слога. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ изъ числа вышеприведенныхъ словахъ оказываются на лицо именно такіе слоги: 1) слогъ **ив** въ формахъ счастливый, счастливецъ и (о)счастливить и 2) слогъ **ов** въ формѣ участковый. Выше (§§ 55 и 70 п. 3) мы видѣли, что слогъ **ов** передъ гласною **о** нетерпимъ удареніемъ. Напротивъ, тотъ же слогъ **ов** и, въ особенности, **ив** передъ гласными **и**, **ы**, **е** нетолько терпимъ, но, можно сказать, излюбленъ удареніемъ: ибо звукъ **в** чрезвычайно свободно вяжется съ звуками **и**, **ы**, **е**; поэтому такой слогъ, который оканчивается на **в** и за которымъ слѣдуютъ звуки **и**, **ы**, **е**, весьма удобенъ для передышки безъ излишне протяжнаго перерыва. И вотъ почему слова счастли́вый, счастли́вецъ, (о)счастли́вить и участко́вый отступаютъ отъ генетики, перенося свое ударе́ніе съ коренной гласной (а) на пришлыя (и, о); причемъ, въ первомъ и послѣднемъ изъ нихъ ударе́ніе можетъ оставаться и на прежнемъ мѣстѣ безразлично. Другія же два слова, т. е. счастливецъ и (о)счастливить не терпятъ ударе́нія на коренномъ слогѣ по тому, что въ этихъ формахъ усложненія нѣсколько бо́льшія, чѣмъ въ двухъ другихъ: вслѣдствіе того, при подъемѣ голоса на первой гласной (а), и артикуляція ихъ понапрасну потребовала бы бо́льшей энергіи, а слѣдовательно и очень протяжнаго перерыва послѣ ударяемаго слога, между-тѣмъ-какъ этого избѣгнуть представляется легкая возможность посредствомъ перестановки ударе́нія на слогъ болѣе удобный и болѣе подходящій подъ требованія благозвучія. Не даромъ съ такою замѣчательною послѣдовательностью длинные ряды именъ на *ивый* и *овый* очень часто держатъ ударе́ніе на слогахъ *ив* и *ов* (§ 106 п. 7). При этомъ надо имѣть въ виду, что есть и другія звуковыя сочетанія, которыя, подобно *ивый* и *овый*, тоже заключаютъ въ себѣ условія, весьма подходящія для передышки безъ нарушенія гармоніи въ плавномъ произношеніи. Въ особенности часто встрѣчаются эти сочетанія въ именахъ прилагательныхъ,

что́ мы уже и видѣли въ параграфахъ 104—107. Такъ, если взять напр. первообразное слово *краса́* и отъ него произвести прилагательныя *краси́вый* и *краси́вѣйшій*: то здѣсь удареніе останется на одной и той же гласной въ обѣихъ формахъ, согласно генетикѣ, но въ одной изъ нихъ (краси́вѣйшій) оно не согласно аналогіи со многими другими подобными именами, кои постоянно держатъ акцентъ на предпослѣднемъ слогѣ. А это происходитъ отъ того, что и въ формѣ краси́вѣйшій, точно такъ же, какъ въ формѣ краси́вый, одинъ и тотъ же ударяемый слогъ (*сив*) находится передъ гласн. ы, ѣ, что́, какъ мы чуть только объяснили, весьма благопріятствуетъ для сдѣланія на немъ передышки. Но если мы возьмемъ формы напр. *бли́зкій* и *ближа́йшій*, то здѣсь представляется обратное явленіе, т. е. здѣсь удареніе несогласно съ генетикою, но согласно съ аналогіею. Здѣсь на перестановку ударенія дѣйствуютъ тѣ же причины, по которымъ оно сохраняется генетическимъ въ формахъ красивый и красивѣйшій и т. п.: ибо, съ одной стороны, слогъ *ближ*, при подъемѣ на немъ голоса, вышелъ бы черезчуръ протяжнымъ, а съ другой — слогъ *жай* и съ удареніемъ сохраняетъ умѣренную долготу. Здѣсь нелишне замѣтить, что, хотя звукъ *й*, какъ это сказано въ §§ 4 и 58, не соединяется *органически* ни съ одною согласною, тѣмъ не менѣе онъ служитъ весьма удобнымъ связующимъ звеномъ при передышкѣ на предшествующей ему гласной, въ особенности въ томъ случаѣ, когда послѣ него слѣдуетъ такая мягкая (приближающаяся къ звуку і) согласная, какъ ш. И вотъ почему многія прилагательныя на *айшій*, *ѣйшій* носятъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ вопреки требованію генетики: велича́йшій, строжа́йшій, первѣ́йшій и проч. Такими и многими другими, тому подобными, фактами объясняется законность въ языкѣ просодической аналогіи.

§ 129. *Главнѣйшее, господствующее начало въ просодіи.* Въ началѣ книги (глава пятая) мы объяснили, что удареніе, имѣя своимъ главнымъ назначеніемъ служить естественнымъ посредникомъ между двумя функціями — физіологическою и психическою — въ то же время оказываетъ свое воздѣйствіе и на фонетическую сторону словеснаго выраженія. Затѣмъ, изъ дальнѣйшаго изложенія и, преимущественно, изъ двухъ предыдущихъ параграфовъ видно,

что это воздѣйствіе выражается въ четырехъ началахъ: 1) генетическомъ (этимологич.), 2) семазіологическомъ (логическомъ), 3) въ аналогіи и 4) въ благозвучіи. Какъ надо смотрѣть вообще на это послѣднее, мы объяснили въ § 6 Читателю, невполнѣ помнящему все то, что̀ изложено въ настоящей книгѣ, можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ столь различныя начала, какъ напр. *благозвучіе* даннаго слова и его *значеніе* могутъ мириться въ одномъ и томъ же звуковомъ явленіи, называемомъ нами общимъ именемъ *удареніе?* Чтобы вполнѣ уяснить себѣ этотъ вопросъ, прежде всего необходимо помнить, что какъ и всѣ другія какія бы то ни было явленія и вещественной и духовной природы, такъ точно и просодическія явленія подчиняются общимъ законамъ дифференціаціи и интеграціи, по коимъ нѣтъ ничего въ мірѣ ни абсолютно различнаго, ни абсолютно тождественнаго — все зависитъ отъ изученія, пониманія и взгляда нашего на вещи. Всѣ явленія, какъ физическія и химическія, такъ равно и біологическія иначе и нельзя объяснить, какъ помощью чередующихся общихъ пріемовъ изслѣдованія — анализа и синтеза, т. е. дробленій, разчлененій и соединеній, обобщеній. Такимъ же точно образомъ объясняются и лингвистическія явленія; и то, что̀ мы называемъ просодіею есть вмѣстѣ съ тѣмъ — и этимологія и еще нѣчто отдѣльное, то тѣсно связанное съ этою послѣднею, то идущее врозь своимъ путемъ, — что̀ мы уже и подтвердили фактически выше, преимущественно въ 10-й гл. и § 54. Здѣсь мы видѣли, что морѳологія и фонетика то сходятся во взаимномъ согласіи, нетолько не мѣшая, но и благопріятствуя благозвучію рѣчи, то, наоборотъ, расходятся именно ради этого благозвучія. Какъ вездѣ и всюду во всей вещественной и духовной природѣ, такъ и здѣсь во всемъ лексическомъ богатствѣ и во всемъ разнообразіи различныхъ формъ должны встрѣчаться то послѣдовательность явленій, то уклоненія отъ общихъ началъ, началъ тѣмъ неменѣе во всей своей совокупности обобщающихся извѣстнымъ единствомъ. И, дѣйствительно, все это подтверждается всею совокупностью подробно изложенныхъ въ настоящей книгѣ фактовъ, изъ коихъ видно, что какъ этимологія, такъ и просодія стремятся къ одной и той же цѣли — къ возможно бо́льшему благозвучію, главнымъ образомъ зависящему отъ легкости

и плавности въ произношеніи звуковъ. Все, что́ неудобно, трудно для произношенія, вмѣстѣ съ тѣмъ и неблагозвучно: и поэтому такой языкъ, коему суждено играть въ историческихъ судьбахъ человѣчества важную роль, долженъ избѣгать всякихъ звуковыхъ комплексовъ, въ родѣ напр. *ощъ*, *ущъ* — что́ и на самомъ дѣлѣ осуществляетъ русскій языкъ, такъ-какъ такіе комплексы въ немъ составляютъ рѣдкость. Есть немало въ нашемъ языкѣ и другихъ подобныхъ фактовъ. Такъ, напр. въ числѣ именъ существительныхъ мы вовсе не встрѣчали такихъ, кои оканчивались бы на *оцъ*, *уцъ*, между-тѣмъ-какъ именъ на *ецъ* есть очень много (и хоть нѣсколько на *ацъ*, *яцъ*). И эти явленія, какъ и многія другія подобныя, напр., съ одной стороны, почти полное отсутствіе именъ на *овъ*, а съ другой — обиліе на *овъ*, не есть слѣпая случайность, а есть весьма разумная и предусмотрительная послѣдовательность. Стóитъ только неторопливо и отчетливо проартикулировать напр. слово *морковь*, чтобы убѣдиться, что здѣсь произношеніе послѣдняго слога требуетъ особенно сильнаго напряженіе голоса, за которымъ, по закону инерціи, слѣдуетъ слишкомъ долгое протяженіе его. И поэтому-то, за исключеніемъ старинныхъ *дороговь* и *ятровь*, нынѣче вовсе неупотребительныхъ, это окончаніе практикуется только съ тремя словами, изъ коихъ одно (церковь) иностранное (§ 69 п. 1). И, наоборотъ, окончаніе *овъ* весьма употребительно какъ съ существит., такъ и прилагат. именами, по тому-что звукъ *овъ*, составляя *конечный* слогъ, *всегда* произносится свободно. Подобнымъ образомъ вовсе не употребляются и окончанія *оцъ*, *уцъ*, по тому-что звуки, съ одной стороны, **о**, **у**, а съ другой — **ц** плохо вяжутся между собою и, слѣдовательно, неблагозвучны. Напротивъ, тотъ же звукъ **ц** очень свободно вяжется съ гласными **е**, **и**. Если же не встрѣчается сочетанія **ц** съ **и** ни въ одномъ имени въ формѣ именительнаго падежа, то зато часто встрѣчается въ косвенныхъ падежахъ, напр.: жилицъ, кормилицъ, орлицъ и проч. Отсюда мы усматриваемъ замѣчательную цѣлесообразность въ устраненіи изъ языка звука **ицъ** въ основной формѣ: ибо при допущеніи такой формы, наша рѣчь много бы пострадала въ семазіологическомъ отношеніи и, кромѣ того, нетолько ничего бы не выиграла, но даже потеряла въ благозвучіи вслѣдствіе монотонности отъ

обилія звуковъ **ицъ**. Другимъ примѣромъ, могущимъ наглядно объяснить, какимъ образомъ этимологическіе законы сходятся съ логическими, а равно и съ просодическимъ (благозвучіемъ), могутъ служить, между прочимъ, имена на *ка*. Намъ уже извѣстно (§ 64), что это окончаніе почти вовсе не терпитъ на себѣ ударенія. Теперь сопоставимъ съ этими именами другія, тоже многочисленныя, имена на *акъ*, *якъ*, *икъ*, *екъ*, *окъ*, взявъ ихъ въ формѣ родит. падежа, напр. простака́, земляка́, земляника́, огонька́, городка́ и проч. Эти примѣры фактически доказываютъ, что въ именахъ женск. рода ударе́ніе не падаетъ на слогъ *ка* не по тому, что онъ *вообще* не подходящъ для передышки, а по другимъ причинамъ, которыя не трудно замѣтить. Одна изъ этихъ причинъ состоитъ въ томъ, что такъ-какъ эти имена — все формы сложныя, то здѣсь ударе́ніе на конечномъ слогѣ не согласовалось бы съ закономъ, изложеннымъ въ 41 §. Причемъ, не было бы и того разнообразія въ рѣчи, которое составляетъ важнѣйшее условіе всякаго благозвучія. Затѣмъ, въ сказанныхъ формахъ ударе́ніе играетъ еще и семазіологическую роль, такъ-какъ есть немало именъ муж. р., коихъ форма род. пад. ничѣмъ не отличается отъ именъ ж. рода въ именит. падежѣ: такъ, напр. земляни́ка и земляни́къ, а́; стрѣ́лка и стрѣло́къ, а́; пу́шка и пушо́къ, а́; кру́жка и кружо́къ, а́ и проч. Всѣ эти факты ясно показываютъ, какимъ образомъ ударе́ніе можетъ удовлетворять двумъ важнѣйшимъ сторонамъ словеснаго выраженія — изящности въ фонетическомъ и ясности въ логическомъ отношеніи. Причемъ, оно можетъ согласоваться и съ этимологіею: такъ, напр., ударе́ніе словъ земля́къ, земляни́къ и земляни́ка сходится съ ударе́ніемъ ихъ непосредственныхъ производителей — земля́ и земляно́й. Подобнымъ образомъ, если мы сопоставимъ формы, съ одной стороны, напр. кобыли́ца, а съ другой — напр. жи́тельница, то найдемъ ту же послѣдовательность въ акцентаціи: тамъ, гдѣ не мѣшаютъ ни законы благозвучія, ни логическія требованія, ударе́ніе сохраняетъ генетическое начало (въ ф. жительница) и, наоборотъ, оно переставляется на слогъ послѣдующій, согласно аналогіи, но не согласно съ этимологіею, въ ф. кобыли́ца по тому, что *кобы́л-ица* было бы неблагозвучно, по слѣдующимъ причинамъ. Въ ф. *кобы́л-а* ударе́ніе совершенно

умѣстно на второмъ слогѣ, ибо здѣсь согл. *л* находится между двумя твердыми гласными и, поэтому, переходъ артикуляціи отъ помянутаго слога къ конечному свободенъ. Въ формѣ же *кобылица* этотъ переходъ становится весьма затруднителенъ вслѣдствіе того, что здѣсь твердая гласн. *а* замѣнилась на мягкую *и* и въ то же время другая твердая гл. (ы) осталась безъ измѣненія твердою же, такъ-что согл. *л*, долженствующая служить связующимъ звеномъ между ударяемымъ и послѣдующими слогами, становится неспособною къ надлежащему исполненію этой службы: сочетавшись какъ органически цѣлое съ основною твердою *ы*, она не можетъ смягчиться и, слѣдовательно, ей нелегко приблизиться своимъ звукомъ къ послѣдующему, смежному съ нею, звуку *и* съ тѣмъ, чтобы немедленно (т. е. не дѣлая слишкомъ долгаго перерыва), съ нимъ слиться въ одно слоговое цѣлое. Если мы сдѣлаемъ опытъ попробовать звукъ *л* смягчить силою своей воли, то ясно убѣдимся, что это рѣшительно невозможно, не сдѣлавъ черезчуръ долгой остановки между ударяемымъ и послѣдующимъ слогами и не придавая, помимо желанія, первому изъ нихъ чрезмѣрнаго протяженія.

Изъ всего изложеннаго въ настоящей главѣ мы приходимъ къ заключенію, что генетическое и аналогическое удареніе, хотя постоянно повторяется то спорадически, то и въ цѣлыхъ многочисленныхъ рядахъ различныхъ формъ, не имѣетъ однако общаго самостоятельнаго значенія: ибо оно настолько лишь устойчиво, насколько не противорѣчитъ тому общему началу, которое проникаетъ всю нашу рѣчь во всемъ ея объемѣ и которое можно назвать *эстетическимъ*, такъ-какъ оно главнымъ образомъ имѣетъ своимъ назначеніемъ соблюдать въ языкѣ выразительность, плавность, гармоничность и, вообще, благозвучіе.

§ 130. *Двоякое удареніе.* Столь многочисленные ряды словъ съ двояким удареніемъ, словъ, относящихся къ разнымъ этимологическимъ и грамматическимъ категоріямъ, не могли не обратить вниманія филологовъ. Конечно, Даль могъ считаться въ свое время самымъ компетентнымъ судьею по этому предмету. Но онъ успѣлъ лишь прійти къ тому заключенію, что двоякое удареніе извѣстнаго слова зависитъ отъ различія произношенія его въ разныхъ мѣст-

ностяхъ нашей безпредѣльной имперіи. Въ «Напутномъ словѣ» къ своему словарю (стр. XVIII, изд. 2-ое) Даль говоритъ: «сѣверный и восточный великорусскіе говоры всегда почти держатся одного ударенія (на первые и срединные слоги), а южный и западный другого (на средніе и послѣдній); Москва болѣе держится второго, а Питеръ нерѣдко своего третьяго, нѣмецкаго.» Но уже Гротъ («Филолог. Раз.», I, 471) замѣтилъ, что это предположеніе ничего собственно не объясняетъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы наблюденіе Даля подтвердилось болѣе общими фактами. Между-тѣмъ, оно не подтверждается и нашими наблюденіями: такъ, хотя Даль увѣряетъ, что, напр., въ словахъ *далеко*, *высоко*, то или другое удареніе зависитъ отъ мѣстности, гдѣ произносятся эти слова (ibid); но, какъ мы это увидимъ въ слѣдующей главѣ, дѣло объясняется совсѣмъ иначе. Здѣсь же мы объяснимъ тѣ факты, которые были главными причинами появленія въ нашемъ языкѣ двоякаго ударенія.

1. Необыкновенное лексическое богатство и грамматическое разнообразіе формъ нашего языка, какъ само собою разумѣется, не могли не отразиться и на нашей акцентаціи, которая, согласно съ морфологіею, развилась въ весьма сложную систему и хотя представляетъ немалую аналогію съ другими языками, однако болѣе или менѣе отъ нихъ отличается своими идіомами. Къ этимъ послѣднимъ относится и одно весьма замѣчательное явленіе — и именно *двоякое удареніе*, помощью котораго мы ясно различаемъ два разныхъ понятія, выражающіяся въ одномъ и томъ же словѣ. Это явленіе можетъ дать поводъ подумать, что русскій народъ не обладаетъ высокою творческою способностью, которую слѣдуетъ предположить въ немъ, судя по необыкновенному лексическому богатству его языка. Но, во-первыхъ, нѣсколько сотенъ однозвучныхъ словъ, служащихъ для выраженія одного и того же понятія — число весьма незначительно въ сравненіи со всею наличностью словаря въ полторы сотни тысячъ слишкомъ. Во-вторыхъ, разсматриваемое явленіе болѣе или менѣе обще и другимъ языкамъ; исключительность нашего языка состоитъ собственно въ томъ, что при тожествѣ фонетики двухъ словъ во многихъ случаяхъ мы можемъ придать имъ различіе помощью подвижности нашего ударенія, чего не сумѣли или не могли сдѣлать другіе народы, кромѣ развѣ

Грековъ. Наши, напр. му́ка и мука́, пу́стыня и пусты́ня, сво́йство и свойство́ и т. п. вовсе еще не доказываютъ той какъ фонетической, такъ и лексической скудости языка, какую мы находимъ въ этихъ безчисленныхъ, напр., галстукахъ, фартукахъ, бутербродахъ, бутершнитахъ, бутерблюмахъ, бутерманахъ и проч.

2. Всѣ подобныя слова не сразу получили два значенія, точно такъ же, какъ и обратное явленіе — такъ называемые синонимы не сразу обогатили языкъ обиліемъ и разнообразіемъ слововыраженій для одного и того же представленія или понятія. Въ синонимахъ, напр., благоухающій, душистый, внѣшняя оболочка, повидимому, не соотвѣтствуетъ содержанію представленія о благовонности, пахучести. Однако, на самомъ дѣлѣ, между *ухать* и *нюхать* есть нѣчто общее: изъ педагогической психологіи извѣстно, что обоняніе у дѣтей развивается очень поздно, что они запахъ чувствуютъ или, вѣрнѣе, воображаютъ, что чувствуютъ при посредствѣ уха. Между представленіемъ *запахъ* и *духъ* есть тоже нѣкоторое подобіе въ томъ отношеніи, что запахъ, т. е. эфирныя, пахучія частицы, носящіяся въ воздухѣ и производящія впечатлѣніе на чувство обонянія, непостижимы ни для одного изъ другихъ внѣшнихъ чувствъ, болѣе совершенныхъ и способныхъ произвести въ нашемъ сознаніи представленіе о свойствахъ всевозможныхъ видимыхъ, слышимыхъ, осязаемыхъ и вкушаемыхъ вещественныхъ предметахъ. Представленіе о запахѣ у людей, незнающихъ физіологіи, во всю жизнь остается неопредѣленнымъ, темнымъ, точно такъ же, какъ и представленіе о невещественныхъ предметахъ — духѣ. Вотъ какія далекія соотношенія двухъ различныхъ предметовъ служатъ иногда достаточнымъ матеріаломъ для созданія синонимовъ. Подобнымъ образомъ и, наоборотъ, два различныхъ понятія, выражаемыя однимъ и тѣмъ же словомъ, появились неслучайно, а при извѣстной послѣдовательности въ сопоставленіи двухъ предметовъ, хотя въ настоящее время и совершенно различныхъ, но первоначально имѣвшихъ нѣчто общее или по ихъ внѣшнему виду, подобію, или по цѣли, употребленію и т. п. Такъ, *му́ка* и *мука́* (слав. мати, мѧка, польск. męka, mąka) когда-то въ старину, при отсутствіи механическихъ приспо-

собленій, представляли нѣчто общее, такъ-какъ добываніе мукú составляло мученіе (мýку).

3. Мы не разъ указывали, что вообще наше удареніе преимущественно держится или своего коренного мѣста, или же тѣхъ (намъ уже хорошо извѣстныхъ) характерныхъ слоговъ (наставокъ), кои постоянно требуютъ передышки въ томъ случаѣ, когда эта послѣдняя, по законамъ благозвучія, невозможна уже на прежнемъ мѣстѣ послѣ усложненія первообразной формы новыми слогами, какъ напр. въ формахъ: отъ лóскутъ — лоскутьё, отъ мáстеръ — мастерúца, отъ тернъ — терновый, терновникъ и проч. А такъ-какъ нерѣдко случается, что законы благозвучія не мѣшаютъ ударенію падать и на тотъ и на другой изъ сказанныхъ слоговъ, то естественно, что въ акцентаціи должно происходить и, какъ мы это сейчасъ увидимъ, дѣйствительно происходитъ колебаніе, преимущественно, въ формахъ производственныхъ и, въ особенности въ тѣхъ именахъ, кои по своей многочисленности составляютъ весьма выдающіяся этимологическія категоріи. Къ такимъ формамъ относятся преимущественно:

а) *Имена существительныя* на *іе*, *ье*, *ица*, *ина*, *ище*, *икъ*, напр. дѣ́яніе и дѣя́ніе, зимóвье и зимовьё, бóйница и бойни́ца, дéнщина и денщи́на, жúлище и жили́ще, огнéвикъ и огневúкъ и проч.

б) Имена прилагательныя на *ивый*, *овый*, *атый*, *истый*, напр. свáрливый и сварли́вый, бéрцовый и берцóвый, бáбоватый и бабовáтый, сáхаристый и сахари́стый. Часто также практикуется двоякое удареніе и въ тѣхъ прилагательныхъ, кои употребляются съ двоякимъ окончаніемъ, какъ напр. блáжный и блажнóй, днéвный и дневнóй, грáдскій и градскóй и проч.

в) Что касается глаголовъ, то двоякое удареніе чаще всего практикуется въ такихъ изъ нихъ, кои оканчиваются на *ировать* и въ коихъ оно держится разъ мѣста принадлежащаго первообразу (т. е. нѣмецкой формѣ на iren), а другой — окончанія по аналогіи вообще съ русскими глаголами на *овать*, напр. вальси́ровать и вальсировáть и проч. Хотя въ словаряхъ показано съ двоякимъ удареніемъ лишь *нѣсколько* изъ этихъ глаголовъ, но въ разговорной рѣчи можно слышать во многихъ изъ нихъ двоякій акцентъ. Поэтому въ списокъ словъ съ двоя-

кимъ удареніемъ глаголы на *ировать* мы пропускаемъ, дѣлая при этомъ слѣдующее замѣчаніе. Въ многосложныхъ формахъ, на основаніи закона, изложеннаго въ § 41, удареніе на конечномъ слогѣ противорѣчитъ требованіямъ благозвучія. И, поэтому, двоякое удареніе можетъ быть допускаемо только въ такихъ сравнительно не очень сложныхъ формахъ, какъ напр. группи́рова́ть, вальси́рова́ть, плани́рова́ть и проч.; но при усложненіи этихъ глаголовъ наставками, ударенію слѣдовало бы держаться только одного третьяго слога отъ конца: сгруппи́ровать повальси́ровать, опплани́ровать и проч.

4. Двоякое удареніе, кромѣ вышепоказанныхъ причинъ, можетъ еще зависѣть и отъ предлоговъ-приставокъ какъ при именахъ, такъ равно и при другихъ частяхъ рѣчи, какъ напр. зимо́вье и зимовьё, и́згнанникъ и изгна́нникъ, про́сѣка и просѣ́ка (§ 38), бѣ́гать и забѣга́ть, умѣ́ть и обезу́мѣть и проч. — о чемъ мы еще подробно будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

5. По аналогіи мы привыкаемъ дѣлать удареніе на извѣстномъ слогѣ иногда безъ всякихъ твердыхъ основаній такъ, напр. вм. больши́нствовать, пи́ршествовать, говорятъ большинствова́ть, пиршествова́ть, согласно съ другими подобными глаго́лами на *овать* въ менѣе сложной формѣ, между-тѣмъ-какъ здѣсь удареніе на конечномъ слогѣ несовсѣмъ согласуется съ требованіями благозвучія (§ 41).

6. Въ заключеніе разбираемыхъ нами вопросовъ о причинахъ двоякаго ударенія, нельзя не коснуться и тѣхъ формъ, кои носятъ троякое удареніе. Разсматривая эти формы, мы находимъ лишь подтвержденіе тому, что́ выше сказано о двоякомъ ударе́ніи. Такъ, напр., форма *ни́зо́вье́* носитъ удареніе: а) на первомъ слогѣ согласно съ генетикою (низъ); и б) на второмъ же, а равно и на третьемъ — по аналогіи со многими другими существительными на *ье*, какъ это мы уже видѣли выше (п. 3, а). Но между этими именами встрѣчаются и такія, въ коихъ троякое удареніе несовсѣмъ соотвѣтствуетъ извѣстнымъ требованіямъ благозвучія. Такъ, пе́ревертень несовсѣмъ благозвучно, хотя и оправдывается семазіологическими причинами; перевёртень же ничѣмъ не оправдывается, кромѣ аналогіи, по коей въ именахъ на *ь* удареніе обыкновенно падаетъ

или на слогъ первый (приставку) или же на конечный. Затѣмъ, если гу́сыня согласуется съ генетикою (гусь), а гусы́ня — съ аналогіею (какъ имя на и(ы)ня), то гусыня́ можетъ быть оправдано развѣ семазіологическимъ началомъ: придавая посредствомъ ударенія особенную выразительность конечному слогу, мы тѣмъ самымъ сосредоточиваемъ наше мышленіе на равнозначащемъ съ гусыня́ понятіи — гуся́ (а гуся́ не одно и то же, что́ гу́сыня или гусы́ня). Но гусыня́ — неблагозвучно. Вообще, въ нашемъ языкѣ, за исключеніемъ дѣтскихъ формъ порося́, курченя́, котя́, утя́ и проч., имена на я съ предш. согласными рѣдко носятъ удареніе на конечномъ слогѣ (§§ 77, 78). Да и сказанныя слова, обязанныя своимъ происхожденіемъ дѣтскому неразвитому лепету, мало употребительны и, притомъ — въ одной только формѣ именительнаго падежа.

Изъ всего изложеннаго въ настоящемъ параграфѣ мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ:

Двоякое удареніе обусловливается многими причинами, изъ коихъ однѣ — генетическое и аналогическое, а равно семазіологическое начала — повторяются въ болѣе или менѣе многочисленныхъ формахъ, подходящихъ подъ одну или этимологическую или грамматическую категорію, а другія встрѣчаются лишь въ формахъ, попадающихся изрѣдка, спорадически, особняками, какъ напр. пе́ка́рить, гу́то́рить и проч. Между прочимъ, нельзя отрицать безусловно и предположеніе Даля о зависимости нашей акцентаціи отъ мѣстныхъ говоровъ. Но эти послѣдніе сравнительно съ вышеизложенными фактами имѣютъ самое ничтожное значеніе. При томъ, надо замѣтить, что простонародные говоры нерѣдко представляютъ противу законовъ просодіи такія же грубыя искаженія, какія часто замѣчаются въ просторѣчіи и вообще противу этимологической фонетики. Но если, съ одной стороны, и въ словари могутъ попадать такія искаженія, какъ нюхнуть (вм. нюхну́ть), чего уже вовсе не слѣдовало бы допускать, то съ другой — вовсе не будетъ никакой бѣды, если со временемъ списокъ словъ съ двоякимъ удареніемъ увеличится: напротивъ, чѣмъ больше подвижности въ акцентѣ, чѣмъ богаче просодическая фонетика, тѣмъ больше выигрываетъ языкъ въ благозвучіи, музыкальности тоновъ. Вспомнимъ, что только необыкновенная гибкость нашего ак-

цента дала намъ возможность ввести столь прекрасный тонический способъ стихосложенія. Понятно, что слова съ двоякимъ удареніемъ и однимъ значеніемъ чрезвычайно облегчаютъ технику въ воспроизведеніи мѣрною рѣчью художественно поэтическихъ образовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что за надлежащею разработкою нашей просодіи и выясненіемъ ея основныхъ началъ, наши поэты чаще будутъ пользоваться сказаннымъ достоянiемъ языка, не опасаясь обвиненій въ уродованіи народной фонетики, на которую нашъ слухъ во всякомъ случаѣ не можетъ полагаться больше, чѣмъ на научныя указанія точно опредѣленныхъ просодическихъ законовъ. Зная причины, отъ коихъ зависитъ двоякое удареніе, мы не затруднимся во многихъ случаяхъ навѣрно опредѣлить, когда именно извѣстное слово можетъ носить сказанное удареніе, вовсе не противорѣча требованіямъ благозвучія. Такъ, напр., слово скирда, хотя оно въ словаряхъ обозначено лишь съ однимъ удареніемъ (на конечномъ слогѣ), но въ западныхъ губерніяхъ слышится какъ ски́рда вслѣдствіе вліянія сосѣдняго, т. е. польскаго языка, постоянно держащаго удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; и такое произношеніе вовсе нельзя назвать неправильнымъ уже по тому, что помянутое слово — все равно — носитъ это же удареніе въ другой формѣ, т. е. въ родит. над. отъ скирдъ, ски́рда.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Семазіологическое (логическое) удареніе.

Мы уже не разъ встрѣчались въ настоящей книгѣ съ такими фактами, кои показываютъ, что на подвижность ударенія, между прочимъ, оказываетъ свое воздѣйствіе и семазіологическая сторона языка. А такъ-какъ это воздѣйствіе встрѣчается весьма часто какъ въ этимологическихъ, такъ и грамматическихъ формахъ, то семазіологическое удареніе представляетъ очень важное значеніе въ нашей просодіи. Роль этого ударенія обнаруживается въ слѣдующихъ явленіяхъ: оно 1) придаетъ общему родовому значенію слова частный, видовой оттѣнокъ,

привзнося особенную выразительность въ ту или другую часть даннаго слова; 2) совершенно измѣняетъ значеніе этого послѣдняго и 3) служитъ средствомъ для различенія двухъ разныхъ грамматическихъ формъ, тождественныхъ нетолько по основѣ, но и по флексіямъ. Согласно этой широкой роли семазіологическаго ударенія, настоящую главу мы раздѣляемъ на четыре отдѣла.

§ 131. *О словахъ, въ коихъ различаются оттѣнки ихъ значенія помощью ударенія.*

1. Въ прилагаемомъ къ настоящей книгѣ спискѣ словъ съ двоякимъ удареніемъ, между прочимъ, есть глаголы, кои различаютъ свои виды помощью перестановки ударенія, напр. дви́гать и двига́ть, сы́пать и сыпа́ть, ты́кать и тыка́ть, скли́знуть и склизну́ть и проч. Бо́льшая часть такихъ глаголовъ, видъ коихъ опредѣляется помощью перестановки ударенія, употребляются неиначе, какъ съ приставками, напр. забѣ́гать и забѣга́ть, срѣ́зать и срѣза́ть, накли́кать и накликать, зачёрпать и зачерпа́ть, натыкать и натыка́ть. Причемъ, какъ мы уже знаемъ, ударяемая приставка *вы* всегда служитъ для выраженія совершеннаго вида, какъ напр. вы́дать, вы́ронить, вы́пустить, вы́рѣзать и проч. Впрочемъ, тѣ же глаголы могутъ выражать и длительный (несоверш.) видъ; но въ такомъ случаѣ удареніе падаетъ не на приставку, а на окончаніе точно такъ же, какъ и въ глаголахъ съ другими предлогами, напр. выдава́ть, выроня́ть, выпуска́ть, вырѣза́ть и проч. Подобно глаголамъ, и происшедшія отъ нихъ имена существительныя тоже допускаютъ двоякое удареніе, которое ихъ значенію придаетъ, хотя и нестоль явственный, но всетаки уловимый слухомъ извѣстный оттѣнокъ, какъ напр.: гото́вленье и готовле́нье, откли́канье и откликанье, срѣ́заніе и срѣза́ніе, зачёрпъ и зача́рпъ.

2. Акустическое чутье русскаго народа до того воспріимчиво, что, кромѣ вышепоказанныхъ видовыхъ, отличаетъ еще другіе семазіологическіе оттѣнки, оттѣнки весьма гибкіе и едва уловимые и которые мы назвали *глагольными* (§ 55). Въ §§ 90 и 94 мы уже обстоятельно объяснили, что, согласно логическимъ требованіямъ, удареніе разъ падая на основную часть глагола, а другой — на окончаніе, придаетъ больше выразительности въ первомъ случаѣ представленію о *предметѣ* (напр. въ ф. и́невѣть), а во второмъ — представленію о дѣйствіи

(напр. въ ф. каменѣть). И, въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ, напр. *деревья инѣютъ*, то тутъ мы не представляемъ себѣ никакого дѣйствія, а представляемъ предметы, покрытые инеемъ; и, напротивъ, когда мы говоримъ, напр. *дерево каменѣетъ*, то представляемъ именно дѣйствіе какой-то силы, могущей превратить дерево въ камень. Нетолько въ глаголахъ, но и въ другихъ частяхъ рѣчи удареніе придаетъ извѣстную выразительность той части слова, на которую оно падаетъ. Такъ, напр., говоря *и́зсиня*, *и́зжелта* и проч., мы ударяемъ на первый слогъ по тому, что здѣсь приставка получаетъ особое значеніе. Приставка съ удареніемъ показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ собственно не о синемъ или желтомъ цвѣтѣ, а объ особенномъ цвѣтѣ, т. е. о такомъ, въ составъ котораго синеватость или желтизна входятъ лишь какъ примѣсь, напр. въ выраженіи и́зсиня-зеленый. Точно такъ же, употребляя напр. нарѣчіе *и́зрѣдка*, мы собственно говоримъ не объ обыкновенномъ лишь, рѣдко встрѣчающемся явленіи, а о такомъ явленіи, которое повторяется *случайно* въ неопредѣленные сроки (и поэтому-то слово *изрѣдка* можетъ быть замѣнено словомъ *иногда*).

3. Подобно нарѣчіямъ, и имена существительныя, сложенныя съ предлогомъ, получаютъ особый логическій оттѣнокъ, передавая свое удареніе приставкамъ. Такъ, напр. въ формахъ доступъ, отступъ, подступъ, приступъ, поступь мы различаемъ ихъ смыслъ только помощью различенія тѣхъ представленій, какія привзносятъ съ собою предлоги. Такимъ образомъ эти послѣдніе пріобрѣтаютъ здѣсь особое спеціальное значеніе, такъ какъ основная, общая для всѣхъ этихъ словъ, часть (ступ) въ этомъ случаѣ какъ бы заслоняется приставками и выражаемое ею представленіе отодвигается на второй планъ: и поэтому держаться на ней ударенію нѣтъ логическаго основанія. И, наоборотъ, тамъ, гдѣ по общему смыслу слова, напр. въ формѣ усту́пъ, не требуется выше объясненнаго логическаго оттѣнка, тамъ удареніе не переходитъ на приставку, оставаясь неподвижнымъ, хотя благозвучіе скорѣе бы выиграло, чѣмъ потеряло отъ перестановки ударенія на слогъ у́с. Но если возможно по́дступъ, гдѣ и второй слогъ (ступъ), тоже, какъ и первый (под), издаетъ сильный отзвукъ, то уже рѣшительно отвергается требованіями благозвучія удареніе на приставкѣ

въ ф. по́б-ережье, вмѣсто побере́жье, хотя говорится за́бережье, у́бережье, на́бережная. Впрочемъ, удареніе на приставкахъ часто повторяется собственно только въ краткихъ по своей формѣ существительныхъ, какъ напр.: про́желть, о́кликъ, о́тзывъ, ро́спись, по́дпись, при́сказка, на́звукъ, о́тзвукъ, при́звукъ и проч.; въ болѣе же сложныхъ формахъ, какъ это мы увидимъ ниже, удерживается на основной части слова.

4. Нѣкоторыя имена и простыя (не предложныя) лишь помощью передвиженія ударенія съ одного слога на другой выражаютъ въ своемъ общемъ основномъ смыслѣ два особыхъ понятія съ извѣстными оттѣнками: или ласки и уменьшенія или же, наоборотъ, увеличенія и уничиженія, напр., рѣ́чушка и рѣчу́шка, жа́воронокъ и жаворо́нокъ, желу́докъ и желудо́къ, рѣ́чище и рѣчи́ще, зайчина (заячина) и зайчи́на (зайчи́ще). Сюда надо причислить и существительныя на енька и ёнка (онка), изъ коихъ одни означаютъ ласку, а другія — уничиженіе: рѣ́ченька и рѣчо́нка, ду́шенька и душо́нка (§ 64 п. 8).

5. Качественныя нарѣчія и, преимущественно, трехчленныя, и именно: высоко, глубоко, далеко, коротко, широко, темно, представляютъ колебаніе въ удареніи, которое разъ держится срединнаго, а другой — конечнаго слога. Здѣсь передвиженіе ударенія, хотя и не измѣняетъ коренного значенія слова, однако придаетъ ему извѣстный оттѣнокъ, и именно: съ удареніемъ на второмъ слогѣ эти нарѣчія употребляются въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ придать имъ особую силу и выразительность и когда обыкновенно они съ этою цѣлью повторяются два раза. Напр., мы ушли отъ своей усадьбы дале́ко, дале́ко! Вонъ тамъ птица летитъ высо́ко, высо́ко! И, напротивъ, въ рѣчи спокойной, объективной эти нарѣчія носятъ удареніе на конечномъ слогѣ. Такъ, напр., обыкновенно говорится: мы ушли далеко́ (а не дале́ко). Эта птица летаетъ высоко́ (а не высо́ко).

6. Удареніе придаетъ извѣстную выразительность нетолько той или другой части отдѣльно взятаго слова, но и той или другой части предложенія. Такъ, мы обыкновенно говоримъ: я не былъ, ты не была́, оно не бы́ло, мы не бы́ли и т. д. Но, иногда глаголъ, самъ лишаясь ударенія, передаетъ это послѣднее отрицательной частичкѣ *не*, какъ напр. въ слѣдующихъ

предложеніяхъ: я вовсе нé былъ занятъ; она нé была въ церкви; его вовсе нé было дома и т. д. Въ этомъ случаѣ удареніе придаетъ отрицанію больше силы и рѣшительности. Вотъ еще подобныя выраженія: я ничего нé взялъ; онъ ни кому ничего нé далъ и т. д.; я, ты, онъ нé жилъ въ этомъ домѣ; мы нé жили и т. д. Но такая акцентація возможна только при одночленныхъ или и двучленныхъ (въ формѣ женск. и средн. рода) глаголахъ въ одной лишь формѣ прошедш. времени какъ изъявит. накл., такъ иногда и страд. прич. (напр., нé взятъ, нé дано, нé брано). При этомъ надо еще замѣтить, что въ томъ случаѣ, когда отрицательная частичка *не* замѣняетъ собою глаголъ *нѣтъ* и, слѣдовательно, получаетъ особенную семазіологическую силу, то сказанная частичка всегда и безусловно держитъ на себѣ удареніе. Примѣры: нé предъ кѣмъ стѣсняться; нé о чемъ толковáть; нé за чѣмъ ходить....

§ 132. *Тождественныя этимологическія формы, различающія свои значенія помощью ударенія.* 1. Въ русскомъ языкѣ есть нѣсколько сотъ такихъ словъ, кои, облекаясь въ одну и ту же, совершенно тождественную, форму, лишь помощью двоякаго ударенія выражаютъ два совершенно различныхъ понятія. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ (сравнительно немногія), не имѣя между собою ничего общаго по своему происхожденію, представляютъ только случайное тождество по внѣшнему строенію, какъ напр. нáшивать (отъ носить) и нашивáть (отъ шить), отворóжить (отъ творогъ) и отворожúть (отъ ворожить), пáрникъ (отъ пáра, пáрный) и парникъ (отъ паръ, парнóй) и проч. Значительное же большинство подобныхъ словъ — какъ напр. гóрбить и горбúть, мúловать и миловáть, бéлье и бельé, мýка и мукá, зáмокъ и замóкъ, жáркое и жаркóе, безóбразный и безобрáзный, вéрхомъ и верхóмъ, пóлно и полнó и проч., приняли два, совершенно различныхъ, значенія, происходя отъ одного и того же корня и разнообразя свою фонетику лишь помощью ударенія. (Слова эти перечисляются въ систематическомъ порядкѣ въ особомъ спискѣ.)

2. Въ предыдущемъ параграфѣ (п. 1) мы привели нѣсколько глаголовъ, въ коихъ отъ прибавки къ нимъ предлога и отъ передвиженія ударенія измѣняются ихъ видовые оттѣнки. Но встрѣчаются, хотя спорадически, между подобными глаголами

и такіе, въ коихъ отъ сказанныхъ перемѣнъ они получаютъ два радикально различныхъ значенія. Такъ, образовались: отъ висѣ́ть — завися́ть, отъ умѣ́ть — обезу́мѣть, образу́мить, надоу́мить, отъ вто́рить — повтори́ть, отъ па́дать — попада́ть. Глаголы вы́водить и выводи́ть, вы́носить и выноси́ть различаютъ два разныхъ значенія, помимо наставки, посредствомъ одного лишь ударенія. Слѣдующіе глаголы, будучи сложены съ предлогами, въ наст. вр. изъявит. накл. измѣняютъ какъ мѣсто своего ударенія, такъ и свое значеніе: ложи́шь и поло́жишь, твори́шь и отво́ришь, раство́ришь. Нѣкоторые изъ разсматриваемыхъ глаголовъ, оставляя свое удареніе ненарушимымъ какъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, такъ и въ наст. вр. изъявит. накл., передвигаютъ его съ одного слога на другой въ прошедшихъ временахъ изъявит. накл. и страд. причастія и, такимъ образомъ, получаютъ особыя значенія, болѣе или менѣе отличныя отъ своего первоначальнаго, коренного смысла. Такъ, отъ дать, переда́ть произошли: пе́редалъ (т. е. лишнее далъ) и переда́лъ (т. е. перевелъ изъ рукъ въ руки); отъ брать — пере́бралъ (т. е. лишнее взялъ) и перебра́лъ (т. е. разобралъ что, напр. всѣ вещи свои). Такъ, говорятъ: «съ кѣмъ повелся́, отъ того и занялся́» и заня́лся, напр., дѣломъ. Такъ, оборвало́сь — значитъ не удало́сь, а оборва́лось — оторва́лось что, напр. отъ платья. Такъ, говорится: спа́ла (отъ пасть, спасть) и спала́ (отъ спать, почивать).

Нѣкоторые глаго́лы, отличая свои значенія въ начальной формѣ, т. е. въ неопредѣленномъ наклоненіи, посредствомъ различій или въ одномъ окончаніи или же вмѣстѣ съ тѣмъ и въ основѣ, въ настоящемъ же времени изъявительнаго наклоненія ничѣмъ не отличаются, кромѣ ударенія. Вотъ эти глаголы:

Накро́ю	— отъ накрыть,	роюсь	— ро́ться,
накро́ю	— » накро́ить,	Сто́ю	— сто́ить,
Пла́чу	— » плакать,	стою	— стоять,
плачу́	— » платить,	Та́ю	— таять,
Ро́юсь	— » рыться,	таю	— таить.

Слѣдующіе глаголы различаютъ два разныхъ значенія въ ф. наст. вр. изъявит. накл. посредствомъ ударенія и именно: 1) кре́стишь, кре́стишься говорится въ значеніи творить зна-

меніе креста и крести́шь, крести́шься — въ значеніи обряда крещенія; и 2) ко́сишь напр. траву и коси́шь глазами.

3. Выше (§§ 38 п. 2, 39 п. 3, 44, 69 п. 6, 74 п. 2, 97 п. 2 и 3) мы уже объяснили, какимъ образомъ именныя предложныя формы, принимая удареніе на приставку, измѣняютъ свое главное значеніе. Въ предыдущемъ же параграфѣ (п. 3) мы видѣли, что отъ одного и того же корня *ступ* чрезъ прибавку предлога образовались имена: до́ступъ, о́тступъ, по́дступъ, при́ступъ, по́ступь. Какъ ни различны выражаемыя этимъ корнемъ понятія, но все-таки въ нихъ безусловно заключается одно, общее имъ всѣмъ, представленіе о дѣйствіи *ступать*, — дѣйствіи, безъ котораго немыслимо и самое понятіе. Но если, затѣмъ, мы возьмемъ имена вы́ступъ, за́ступъ, то тутъ представленіе о сказанномъ дѣйствіи теряется и въ нашемъ мышленіи представляется лишь такой предметъ, который или совсѣмъ уже не можетъ дѣйствовать (выступъ) или, хотя и дѣйствуетъ по временамъ, но можетъ оставаться и безъ всякаго дѣйствія (за́ступъ). Подобныхъ словъ въ русскомъ языкѣ есть немало, какъ то: бе́здна, бе́зстолочь, у́часть, у́лица, про́волока, пе́рекрестъ, пе́ревертень, ро́звальни, у́валень. Въ выраженіи «безъ дна́» предлогъ не носитъ ударенія; чрезъ соединеніе же его съ существительнымъ въ одно слово (бездна) фонетика этого выраженія совсѣмъ измѣняется лишь вслѣдствіе передвиженія ударенія на приставку, которая поэтому и получаетъ первенствующее значеніе, такъ сказать, заслоняя собою основной смыслъ слова — *дно*, такъ-какъ въ этомъ случаѣ въ нашемъ мышленіи представляется не понятіе о *днѣ*, а понятіе о такой большой *глубинѣ*, которая какъ будто даже и дна не имѣетъ.

4. Изъ всего вышеизложеннаго какъ въ предыдущемъ, такъ и въ настоящемъ параграфѣ видно, что предлоги-приставки имѣютъ въ нашемъ языкѣ весьма важное семазіологическое значеніе, то придавая лишь извѣстную выразительность частному представленію, то радикально измѣняя смыслъ понятія во всемъ его объемѣ. Къ этому надо однако присовокупить, что сказанное значеніе предлоги получаютъ преимущественно въ формахъ краткихъ, обыкновенно въ двучленныхъ и рѣдко въ трехъ и четырехъ-членныхъ. Напротивъ, въ тѣхъ формахъ,

кои облеклись въ оболочку болѣе выразительную, болѣе объемистую, предлоги перестаютъ играть вышеобъясненную семазіологическую роль и, поэтому, не берутъ на себя ударенія. Такимъ образомъ произошли паралельно два ряда однокоренныхъ формъ съ разными удареніями, какъ напр. слѣдующія:

о́тступъ и отступа́ть, отступле́ніе и проч.;
по́двигъ и подвига́ть, подви́жность, подвижно́й и проч.;
при́хоть и прихотли́вость, прихо́тливый и проч.;
по́мощь и помога́ть, помо́щникъ и проч.;
про́пись и прописа́ть, проп и́сывать и проч.;
по́вѣсть и повѣ́стка, повѣтствова́ніе и проч.

5. Чтобы увидѣть съ полною наглядностью, какимъ образомъ предлоги-приставки въ сложныхъ формахъ не могутъ имѣть того значенія, какое они получаютъ въ краткихъ, возьмемъ еще одну, подобную вышеприведеннымъ, паралель, положимъ, имена *ступь* и *осина* съ ихъ производными, съ одной стороны, напр., при́ступъ и о́тступъ, а съ другой — подоси́нникъ. Первая изъ этихъ фо́рмъ, т. е. ступь, отличаясь неподвижностью своей основы, однако на извѣстной степени этимологическаго развитія языка, помощью разныхъ приставокъ, стала выражать различныя понятія. Вторая же форма, т. е. осина, наоборотъ, уже въ настоящемъ своемъ видѣ, сама по себѣ и безъ помощи предлога, стала выражать нѣсколько особыхъ понятій, какъ напр. осинникъ, осиновый, осинка и проч. именно потому, что ея основа растянулась въ ширь помощью наставокъ. Въ форму подосинникъ хотя и вошла приставка, но вошла не непосредственно черезъ прибавленіе къ основѣ, а уже послѣ дальнѣйшаго расширенія этой послѣдней черезъ наставку *ик*, т. е. чрезъ посредство формы оси́нникъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что форма подосинникъ произошла не раньше, какъ послѣ двукратнаго преобразованія ея первообраза и расширенія основы этого послѣдняго; тогда какъ въ формахъ приступъ и отступъ ничего этого нѣтъ и онѣ выражаютъ нетолько два различныхъ, но даже два діаметрально противоположныхъ понятія благодаря лишь тому значенію, какое заключаютъ въ себѣ каждая изъ двухъ приставокъ. Причемъ, надо замѣтить, что въ томъ случаѣ, когда слова приступъ и отступъ усложняются, подобно слову подосинникъ,

наставками, то и здѣсь приставки не могутъ брать на себя ударенія, такъ-какъ теперь коренной смыслъ сказанныхъ словъ измѣняется помощью расширенія ихъ основы, какъ напр. приступа́ть, присту́покъ, отступа́ть, отступно́й и проч. Что въ формѣ подосинникъ приставка не можетъ играть той семазіологической роли, какую она играетъ въ формахъ приступъ, отступъ и т. п. нагляднѣе всего можно видѣть изъ того, что имя подосинникъ не измѣнило-бы своего значенія и въ то время, когда бы въ составъ его вошли, вмѣсто **под**, другіе предлоги, напр. **при**, **у**, такъ-какъ и приосинникъ и уосинникъ не переставали-бы выражать одно и то же представленіе о грибѣ, растущемъ обыкновенно тамъ, гдѣ есть въ лѣсу осины: ибо этотъ грибъ (какъ подтверждаютъ это и наши личныя наблюденія) невсегда выростаетъ непременно лишь *подъ* осиною — его равно можно найти и гдѣ-нибудь въ сторонѣ, хотя обыкновенно неподалеку, *вблизи* осины.

6. До сихъ поръ мы разсмотрѣли формы, которыя составляютъ извѣстныя этимологическія и грамматическія категоріи, категоріи объемлющія цѣлые десятки и даже сотни словъ. Есть еще и другія подобныя формы, въ которыхъ хотя тоже, какъ и въ предыдущихъ, удареніе играетъ извѣстную роль въ логической сторонѣ языка, но которыя встрѣчаются лишь спорадически, особняками. Такъ, въ формѣ духовни́къ благозвучіе ничего бы не потеряло и въ томъ случаѣ, если бы въ ней удареніе непосредственнаго ея производителя (духо́вный) осталось ненарушимымъ, согласно аналогіи, по коей, какъ намъ извѣстно, трехчленныя формы очень часто держатъ удареніе на срединномъ слогѣ. Стало быть, тутъ есть особая причина перестановки ударенія. Вникая въ смыслъ слова «духовникъ», мы убѣждаемся, что здѣсь акцентъ на послѣднемъ слогѣ играетъ роль спеціально семазіологическую: здѣсь окончаніе *икъ* получаетъ особенно важное значеніе; ибо существенный смыслъ помянутаго слова заключается не въ общемъ признакѣ прилагательнаго духовный, а въ томъ частномъ признакѣ, какой привзносится въ существит. духовникъ посредствомъ окончанія *никъ*, обыкновенно обозначающемъ личныя имена. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь духовникомъ называютъ не всякое духовное лицо, а лишь исповѣдника. Подобнымъ образомъ въ словахъ тара-

барскій тара́барщина удареніе не сохранилось на томъ мѣстѣ, котораго оно держалось въ своемъ непосредственномъ производителѣ — тараба́ры — не по иной причинѣ, какъ только по семазіологическимъ требованіямъ: ибо такая фонетика, какъ тараба́рскій и тараба́рщина въ наше мышленіе вносило бы совсѣмъ не то представленіе, какое заключаютъ въ себѣ сказанныя слова, напоминая, по случайному созвучію, о такихъ понятіяхъ, какъ ба́рскій и ба́рщина, которыя ни въ какомъ случаѣ, по своему значенію, не могутъ имѣть ничего общаго съ тара́барскій и тара́барщина.

7. Подобно предлогамъ, и отрицательная частичка *не*, принимая на себя удареніе, измѣняетъ смыслъ основы, какъ напр.: нево́дъ и не́водъ, другъ и не́другъ, лисъ (лисица вообще) и не́долись (лисица *недошлая* по шерсти), поворо́тъ и не́повороть, синь (синій) и не́доспнь (блѣдносиній), немо́чь (гл. могти) и не́мочь (сущ. не́мощь), когда́ и не́когда и проч.

8. Встрѣчаются, впрочемъ, очень рѣдко, еще и такія формы, въ конхъ отрицательная частичка *не*, хотя сама не принимаетъ на себѣ ударенія, но оказываетъ дѣйствіе на его перестановку: такъ, отъ давно́ — неда́вно, отъ уже́ли — неу́жели, неужли́.

§ 133. *Тождественныя грамматическія формы, различающія свои значенія помощью ударенія.* Въ главѣ XVII мы уже перечислили тѣ формы, кои различаютъ два своихъ грамматическихъ значенія помощью ударенія. Но есть еще и другія подобныя явленія, которыхъ мы пока не разсмотрѣли и которыя заслуживаютъ въ просодіи особеннаго вниманія.

1. Во многихъ краткихъ, преимущественно одночленныхъ и (рѣже) двучленныхъ, именахъ существ. предложн. падежъ, кромѣ общеупотребительныхъ, имѣетъ еще особыя формы — на **у**, **и**, постоянно съ удареніемъ, напр. на дому́, на ходу́, въ низу́ и проч. Что касается же именъ женскаго рода, то форма на **и** съ удареніемъ употребляется гораздо рѣже, и именно лишь въ слѣдующихъ: въ кровй́, въ любви́, въ близи́, въ дали́, въ пыли́, въ степи́, на мели́, на двери́, на груди́, въ глуби́, въ печи́, въ грязи́, въ связи́, въ смѣси́, въ тиши́, въ тѣни́, въ Твери́, на Руси́. Хотя именъ существ. ж. р., состоящихъ въ основной формѣ изъ одного лишь слога и оканчивающихся на **ь**, на-

берется около двухъ съ половиною сотенъ; но всѣ они, кромѣ перечисленныхъ, въ своемъ склоненіи сохраняютъ удареніе неподвижнымъ, какъ напр. боль, вещь, дань, жизнь, мысль, тварь и проч. Что касается же трехчленныхъ именъ, то мы знаемъ лишь слѣдующія, сюда относящіяся формы муж. рода: на островý, на берегý, въ поводý. Въ болѣе же сложныхъ формахъ вовсе не встрѣчается этого явленія. Почему это такъ — не будетъ трудно понять, если мы вспомнимъ, что и вообще всѣ усложнившіяся формы избѣгаютъ ударенія на конечномъ слогѣ; кромѣ того, иногда и въ краткихъ формахъ, напр. въ Керчи́ (хотя и говорятъ такъ), удареніе на конечномъ слогѣ неблагозвучно, потому-что столь длительные звуки *ч*, *и*, при подъемѣ на нихъ голоса, слишкомъ протяжны. При этомъ надо еще замѣтить, что и получившая столь широкое распространеніе форма предл. падежа на ý практикуется лишь съ извѣстнымъ ограниченіемъ, подчиняясь тѣмъ логическимъ требованіямъ, по коимъ въ разныхъ оборотахъ нашей рѣчи тотъ или другой акцентъ придаетъ ей надлежащую ясность или выразительность. Прежде всего наше вниманіе останавливаетъ то обстоятельство, что сказанная форма употребляется не со всѣми пятью предлогами, а лишь съ двумя — **на** и **въ**. Такъ, напр., говорится на островý, на лугý, въ углý, въ долгý, какъ въ шелкý. Но нельзя сказать: ни при островý, ни объ островý, ни по островý; ни при углý, ни объ углý, ни по углý и т. д. (по углý — дат., а не предл. пад.). Затѣмъ, надо еще замѣтить, что и съ предлогами **на** и **въ** форма предложн. пад. въ одномъ и томъ же имени разъ употребляется съ окончаніемъ ý, а другой — съ окончаніемъ ѣ. Такъ, напр. говорится: 1) дѣло это въ ходý и 2) въ хóдѣ этого дѣла произошло то-то и то-то. Въ одномъ изъ разсказовъ нашего извѣстнаго писателя, Ѳ. М. Достоевскаго («Скверный анегдотъ», стр. 341) мы находимъ такое выраженіе: «Въ пыли́, въ табакѣ́ и въ чадý»... Повидимому, здѣсь форма «въ табакѣ́» не гармонируетъ съ другими аналогичными формами (въ пыли́ и въ чадý). Но тутъ дѣло въ томъ, что необыкновенная чуткость слуха русскаго народа привыкла отличать въ предложномъ падежѣ на ý представленіе о предметѣ, находящемся въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ такомъ мѣстѣ, которое занимаетъ извѣстное протяженіе или въ длину и ширину, или

въ высоту и глубину. И, поэтому, можно напр. сказать: человѣкъ находится въ пыли, въ чаду́, въ шелку́ и даже въ долгу́ (разумѣется, въ смыслѣ метафорическомъ); очутиться же кому бы то ни было въ табаку́ — явленіе довольно странное, хотя, пожалуй, и не невозможное физически; — но вѣдь такой картины Достоевскій вовсе не думалъ изображать. Вообще, та или другая форма употребляется не безразлично: одна изъ нихъ, и именно на у практикуется въ томъ случаѣ, когда предметъ рѣчи изображается въ болѣе конкретномъ видѣ, другая же, т. е. на ѣ — наоборотъ — въ томъ случаѣ, когда говорится о чемъ въ смыслѣ болѣе общемъ или отвлеченномъ, обыкновенно съ прибавкою къ существительному поясненія (опредѣленія), состоящаго изъ прилагат. Такъ, можно сказать, напримѣръ: «Оставить лошадь, какъ была, въ поводу́;» но нельзя сказать: ни въ поводу́, ни на поводу́, когда имя поводъ берется въ значеніи причины, побужденія, а говорится, напр.: «въ этомъ поводѣ, который ты приводишь какъ причину къ враждѣ, нѣтъ смысла.» Такъ, разъ говорится, напр.: «работать на дому́», а другой: «жить въ домѣ». Ясно, что понятіе работать болѣе конкретно, чѣмъ понятіе жить. При этомъ надо однако замѣтить, что невсегда въ такихъ и тому подобныхъ предложеніяхъ глаголъ служитъ показателемъ, въ которой именно изъ двухъ формъ долженъ быть употребленъ предложный падежъ. Вотъ два предложенія въ той и другой формѣ: 1) Въ виду́ такого положенія дѣла...; и 2) Въ такомъ-то ви́дѣ представляется дѣло... Какъ ни сходны между собою эти предложенія и по синтаксическому строенію и по внутреннему содержанію; однако никакъ нельзя переставить въ нихъ одну форму предлож. падежа на мѣсто другой, т. е. замѣнить слова «въ виду́» на слова «въ ви́дѣ» и обратно, не нарушая существенно того смысла, какой онѣ должны выражать. Отсюда мы замѣчаемъ, что одно и то же слово, напр. «видъ», можетъ получать два различныхъ смысла, смотря по той формѣ, какую оно принимаетъ въ предложномъ падежѣ. Когда, разсуждая о дѣлѣ, мы говоримъ «въ виду́ такого-то положенія дѣла», то въ этомъ случаѣ наша мысль главнымъ образомъ сосредоточивается не на самое дѣло, а на тѣ обстоятельства, какими обусловливается его ходъ въ извѣстномъ мѣстѣ. И, наоборотъ, когда мы выра-

жаемся: «дѣло намъ представляется въ такомъ-то ви́дѣ», то въ этомъ случаѣ мы вовсе не думаемъ о сказанныхъ обстоятельствахъ, а думаемъ лишь о самомъ дѣлѣ, которое уже приняло извѣстное направленіе. Оттого-то можно сказать: имѣя въ виду́.....; но нельзя сказать: «имѣя въ ви́дѣ». Есть еще и другія подобныя выраженія, отличающіяся замѣчательною гибкостью семазіологическихъ оттѣнковъ, которые, хотя и съ трудомъ поддаются анализу филолога, тѣмъ не менѣе легко различаются въ практическомъ ихъ употребленіи. Такъ, напр. въ предложеніяхъ: 1) Оставаться на своемъ посту́; и 2) Это было въ великомъ посту́ — въ противоположность чуть разобраннымъ («въ виду́» и «въ ви́дѣ»), двѣ формы предложнаго падежа различаются не разницею въ окончаніи предл. падежа, а разницею въ предлогѣ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ одинъ изъ предлоговъ — **на** по преимуществу служитъ для означенія мѣста, а другой — **въ** — для означенія времени, — что́ подтверждается и другими примѣрами: 1) Это случилось въ прошломъ году́; и 2) На прошломъ годѣ отразилось вліяніе... Еще нагляднѣе это видно изъ сопоставленія слѣдующихъ двухъ выраженій: можно сказать и «въ виду» и «на виду», но нельзя сказать «на видѣ», а всегда говорится только — «въ видѣ». Впрочемъ, эти примѣры составляютъ рѣдкую особенность: обыкновенно время въ русскомъ языкѣ выражается въ формѣ винительнаго, а мѣсто по преимуществу — въ формѣ предложн. падежа съ предлогами какъ **въ**, такъ равно и **на**, — что́ и видно ясно изъ примѣровъ, здѣсь же приведенныхъ раньше, какъ-то: на дому́, на берегу́, въ верху́, въ углу́ и проч.

2. Въ параграфѣ 123 (п. 2) мы видѣли одинъ замѣчательный глаголъ — *знать*, который, будучи сложенъ съ предлогами *до*, *за*, *по*, *при*, *со* и образуя для наст. и будущаго вр. одну тождественную форму, различаетъ два сказанныхъ времени помощью ударенія: познаю́ и позна́ю, узнаю́ и узна́ю, зазнаю́сь и зазна́юсь и проч. Кромѣ этихъ формъ, стоящихъ особнякомъ, есть еще цѣлый рядъ другихъ глаголовъ, въ одной тождественной формѣ различающихъ два разныхъ грамм. значенія помощью ударенія, и именно: съ одной стороны форма 2-го л. мн. ч. наст. (или будущ.) вр. изъяв. накл., а съ другой — форма повелит. накл. Это тождество встрѣчается довольно

часто, и именно въ томъ случаѣ, когда въ обѣихъ сказанныхъ формахъ предъ окончаніемъ *те* стоитъ не иной какой звукъ, какъ только **и**. Въ этомъ случаѣ удареніе беретъ на себя семазіологическую роль, переходя съ третьяго слога (считая отъ конца) формы изъявит. накл. на предпослѣдній слогъ формы повелит. накл., какъ, напримѣръ: во́дите и води́те, но́сите и носи́те, лю́бите и люби́те, смо́трите и смотри́те, хо́дите и ходи́те, се́рдитесь и серди́тесь, ска́жите и скажи́те и проч. Обратнаго же явленія, т. е. перехода ударенія со 2-го слога изъявит. накл. на 3-й слогъ повелит. накл., вовсе не встрѣчается: такъ, напр. отъ говори́мъ, говори́те — повел. накл. тоже говори́те, отъ грусти́мъ, грусти́те — тоже грусти́те, отъ лежи́мъ, лежи́те — тоже лежи́те, отъ молчи́мъ, молчи́те — тоже молчи́те, отъ стреми́мся, стреми́тесь — тоже стреми́тесь. Итакъ, въ томъ случаѣ, когда удареніе изъявит. наклоненія держится предпослѣдняго слога, то форма повелит. накл. уже ничѣмъ не различается отъ сказанной формы. Но это тожество не составляетъ особенно замѣтнаго просодическаго пробѣла, такъ-какъ оно встрѣчается сравнительно рѣдко. А это происходитъ отъ того, что во многихъ глаголахъ, оканчивающихся въ повелит. накл. на **и**, **ите**, форма изъявит. накл. оканчивается не на **имъ**, **ите**, а на **емъ**, **ете**: такъ, напр., веде́мъ, веде́те и веди́те, бере́мъ, бере́те и бери́те, несе́мъ, несе́те и неси́те, везе́мъ, везе́те и вези́те, дере́мъ, дере́те и дери́те, жмемъ, жме́те и жми́те, зове́мъ, зове́те и зови́те и проч. Стало быть, и помимо ударенія, во многихъ глаголахъ двѣ разсматриваемыхъ формы явственно различаются одна отъ другой помощью замѣны звука **е** на звукъ **и**. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, сравнительно немногихъ, глаголахъ гласная **и**, какъ примѣта повелит. накл., замѣняется, по общимъ морфологическимъ законамъ, или на безгласную **ь**, или на полугласную **й**: и такимъ способомъ опять таки устраняется вышесказанное тожество и помимо ударенія, какъ напр. ла́димъ, ла́дите и ла́дьте, ла́зите и ла́зьте, му́чите и му́чьте, мѣ́тите и мѣ́тьте, мѣ́рите и мѣ́рьте, ста́вите и ста́вьте, бо́йтесь и бо́йтесь, стро́итесь и стро́йтесь, стойте и сто́йте.

3. Помощью ударенія различаются и нѣкоторыя формы именъ существ. на **а** отъ формъ именъ прилаг. съ такимъ же окончаніемъ, какъ напр. до́лга (отъ долгъ) и долга́ (отъ долгій),

доро́га (сущ.) и дорога́ (прилаг.), ли́пка (ум. отъ липа) и липка́ (отъ липкій), тря́ска (сущ.) и тряска́ (прил.), рѣ́зка (сущ.) и рѣзка́ (прил.) и проч. (См. «Русск. Слогоуд.» в. III, стр. 217).

4. Вспомогательный глаголъ *быть* въ формѣ прошедшаго времени средняго рода имѣетъ два особыхъ значенія, отличающихся между собою посредствомъ перехода ударенія съ одной гласной на другую. Объяснимъ это на примѣрахъ, изъ которыхъ само собою будетъ очевидно то и другое значеніе:

1) Было время, когда никто ничего не дѣлалъ.

и 2) Я хотѣлъ было́ взяться за дѣло, но мнѣ помѣшали гости.

Равнымъ образомъ и безличный глаголъ *должно* (у Даля отмѣченный только однимъ ударе́ніемъ, на первомъ слогѣ) допускаетъ передвиженіе ударенія съ одного слога на другой; и этимъ различаются въ немъ два существенно отличныя значенія, какъ напримѣръ:

До́лжно жить какъ Богъ велитъ. (Примѣръ Даля).

Должно́ быть, вы правы.

5. Мѣстоименія притяжательныя *мой*, *твой*, *свой* въ дательномъ падежѣ съ предлогомъ *по* имѣютъ два значенія, зависящія отъ передвиженія ударенія, и именно: 1) когда, несмотря на предлогъ *по*, эти слова удерживаютъ свое коренное значеніе, т. е. остаются мѣстоименіями и служатъ опредѣленіемъ имени существ., то и ударе́ніе остается на своемъ мѣстѣ — на послѣднемъ слогѣ: и 2) когда они, съ прибавленіемъ предлога *по*, становятся нарѣчіями, то ударе́ніе передвигается на первый слогъ. Примѣры:

Вотъ и вышло по твоему́ предсказанію.

По-тво́ему, не надо ничего дѣлать.

6. Имена *часъ*, *разъ* въ родит. п. имѣютъ двоякое ударе́ніе, которое здѣсь различаетъ два ихъ значенія. Вотъ примѣры, объясняющіе эти послѣднія: 1) Онъ ждетъ отъ ча́са до ча́са; съ одного ра́за ничего не узнаешь путнаго и 2) Теперь два (а также: три, четыре, полъ, четверть и проч.) часа́; я былъ у него два (три, четыре) раза́. Эти примѣры показываютъ, что разсматриваемыя имена держатъ ударе́ніе на конечномъ слогѣ въ томъ случаѣ, когда они стоятъ при количеств. или

дробномъ числительномъ. Есть еще нѣсколько и другихъ односложныхъ именъ и именно означающихъ мѣру, вѣсъ, мѣсто, которыя, подобно предыдущимъ, произносятся съ двоякимъ удареніемъ, смотря по смыслу. Примѣры: 1) Взять съ вéрху (а) и сидѣть на верхý; и 2) Поставить въ два ряда́ и взять одного изъ перваго ря́да.

§ 134. *Тождественныя формы, относящіяся къ разнымъ грамматическимъ категоріямъ.* Въ русскомъ языкѣ есть немало такихъ словъ, кои какъ по своей внѣшней оболочкѣ, такъ и по фонетикѣ совершенно тождественны и въ то же время, какъ по своему значенію, такъ и по принадлежности къ грамматическимъ формамъ, совершенно различны. Въ этомъ случаѣ удареніе оказываетъ весьма важную семазіологическую услугу. Изъ этой категоріи словъ заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія.

1. Довольно многочисленныя слова, принадлежащія, съ одной стороны, къ глагольнымъ, а съ другой — къ именнымъ формамъ, какъ напр.: блю́ду — отъ блю́до и блюду́ — отъ блюсти́, бе́регу — отъ бе́регъ и берегу́ — отъ бе́речь, ду́шу — отъ душа́ и душу́ — отъ души́ть, но́шу — отъ но́ша и ношу́ — отъ носи́ть, нача́ла — отъ нача́ло и начала́ — отъ нача́ть и проч. Есть еще и другія слова, совершенно тождественныя по строенію и фонетикѣ и въ то же время принадлежащія къ двумъ разнымъ грамматич. категоріямъ и также различающія свои значенія помощью ударенія, какъ напр.: зна́комъ — твор. п. отъ сущ. знакъ и знако́мъ — имя прилаг., поло́нъ — сущ. (пленъ) и по́лонъ прил., соро́ка — сущ. (птица) и сорока́ — род. п. отъ числ. со́рокъ, хо́ромъ — тв. п. отъ хоръ и хоро́мъ — род. п. мн. ч. отъ хоро́мы, у́же, сравнит. ст. отъ узкій и уже́ — нарѣчіе, по́томъ — тв. п. сущ. и потомъ — нарѣчіе, бѣ́локъ — род. п. мн. ч. отъ бѣ́лка и бѣло́къ — сущ. въ имен. п. и проч. (См. «Русское Слогоуд.» I в. стр. 32—36).

и 2. Есть и еще формы, которыя получаютъ опредѣленное значеніе лишь въ синтаксической связи (въ предложеніи) и которыхъ намъ пока не приходилось касаться въ настоящей книгѣ, хотя удареніе ихъ тоже играетъ немаловажную семазіологическую роль. Это — предлоги не какъ приставки, а

какъ отдѣльные члены предложенія, управляющіе падежами. Какъ въ роли приставки предлоги измѣняютъ значеніе отдѣльнаго слова, такъ точно въ роли показателя отношеній между собою предметовъ эти же предлоги, принявъ на себѣ ударе́ніе, нерѣдко измѣняютъ смыслъ цѣлаго предложенія. Примѣры: ждать погоды у́ моря и спросить у мо́ря...; стоять бокъ о́ бокъ и опираться о бо́къ...; ни за́ что, ни про́ что и всякъ про себя́, а Господь про всѣхъ; жить за́ городомъ и отстаивать го́родъ за го́родомъ и т. п. Изъ этихъ примѣровъ наглядно видно, что тутъ акцентація находится въ прямой зависимости отъ семазіологическихъ требованій. И, въ самомъ дѣлѣ, предложеніе, напр. «ждать погоды у́ моря» получаетъ совсѣмъ особое (переносное, метафорическое) значеніе благодаря лишь ударе́нію на предлогѣ, на которомъ главнымъ образомъ и сосредоточивается весь смыслъ этого предложенія, смыслъ, растолковывать который было бы излишне, такъ какъ всякому русскому человѣку онъ очень хорошо извѣстенъ; всякій знаетъ, что тутъ море собственно ни при чемъ. И, наоборотъ, въ предложеніи «спросить у мо́ря»... о чемъ бы то ни было — имя существительное море сохраняетъ свой настоящій смыслъ и предлогъ у здѣсь ничего не выражаетъ больше, какъ обыкновенное грамматическое отношеніе между двумя предметами. Точно такимъ же образомъ и въ предложеніи «жить за́ городомъ» предлогъ за получаетъ особое, весьма важное значеніе: ибо онъ, вмѣстѣ съ именемъ существительнымъ, выражаетъ вообще мѣсто, находящееся внѣ города; вмѣсто «жить за́ городомъ», мы могли бы сказать «жить въ деревнѣ, на дачѣ и т. п. Но въ предложеніи «отстаивать городъ за городомъ» мы рѣшительно не можемъ замѣнить имя городъ на какое-либо другое, не искажая смысла всего даннаго предложенія. Что ударе́ніе на предлогѣ въ такихъ и тому подобныхъ выраженіяхъ несомнѣнно играетъ семазіологическую роль, то это еще доказывается и слѣдующимъ соображеніемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ томъ или другомъ изъ сказанныхъ предложеній, напр. «ждать у́ моря погоды» между именемъ (море) и предлогомъ (у) вставляется слово, выражающее прямо относящійся къ имени признакъ, признакъ, который не дозволяетъ имени терять свое коренное значеніе и когда, слѣдовательно, предлогъ не

можетъ получить вышеобъясненнаго особаго значенія: то предлогъ уже рѣшительно отвергаетъ отъ себя удареніе, по праву предоставляя это послѣднее имени, какъ напр. сидѣть у Чернаго, Балтійскаго... мо́ря; ждать погоды у синяго мо́ря; жить за этимъ го́родомъ... и т. п.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Сравнительныя изслѣдованія.

§ 135. *Нѣкоторыя недоумѣнія на счетъ различія акцента въ разныхъ языкахъ.*

Хотя наша теорія акцентаціи построена на незыблемыхъ основаніяхъ общихъ естественныхъ законовъ, а равно и на такихъ лингвистическихъ фактахъ, кои нетолько не опровергаютъ ее, но и наглядно подтверждаютъ ея практическое значеніе, тѣмъ не менѣе, по новизнѣ предмета, въ умѣ любознательнаго читателя могутъ возникнуть нѣкоторыя недоумѣнія, требующія спеціальныхъ разъясненій. Такъ, если, съ одной стороны, процессъ дыханія, какъ само собою разумѣется, долженъ совершаться по однимъ и тѣмъ же естественнымъ законамъ у всѣхъ народовъ, а съ другой — акцентъ служитъ весьма важнымъ факторомъ въ этомъ процессѣ, факторомъ, непремѣнно долженствующимъ согласоваться съ сказанными законами, — то отсюда возникаютъ слѣдующіе вопросы:

1. Почему этотъ факторъ въ разныхъ языкахъ дѣйствуетъ различно, иногда даже въ двухъ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ, какъ напр., съ одной стороны, во французскомъ, а съ другой — въ чешскомъ языкѣ? и

2. Почему одно и то же явленіе — паденіе ударенія на послѣдній слогъ — получаетъ два разныхъ и отчасти даже противоположныхъ значенія: тогда-какъ въ нашемъ языкѣ оно нерѣдко производитъ дисгармонію (напр. въ словѣ стихотво́рецъ, вмѣсто стихотво́рецъ), во французскомъ, напротивъ — именно составляетъ необходимое условіе благозвучія?

Чтобы отвѣтить на эти и тому подобные вопросы, прежде всего необходимо замѣтить, что какъ подвижность, такъ равно и неподвижность удареніе — явленіе *условное*. Лучше всего мы это увидимъ на акцентаціи другихъ языковъ и, преимущественно, польскаго, чешскаго и французскаго.

§ 136. *Акценты у Поляковъ.* Польскій языкъ относится къ числу языковъ съ постояннымъ акцентомъ (на предпослѣднемъ слогѣ). Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что въ этомъ языкѣ удареніе держится неизмѣнно одной и той же гласной во всѣхъ формахъ, происшедшихъ отъ одного и того производителя. Напротивъ, здѣсь удареніе постоянно передвигается отъ одной къ другой гласной: такъ, напр. отъ ógrod — ogródnik, отъ obywátel — obywatéla, отъ dóbry — dobrégo и т. п. И, наоборотъ, въ русскомъ языкѣ, сравнительно съ другими языками по преимуществу отличающемся особенною подвижностью удареніе, въ приведенныхъ и имъ подобныхъ формахъ удареніе остается ненарушимымъ на одной и той же гласной: отъ огоро́дъ — огоро́дникъ, отъ обыва́тель — обыва́теля, отъ до́брый — до́браго и т. п. Отсюда мы видимъ, что какъ *постоянство*, такъ и *непостоянство* удареніе обусловливается тѣмъ представленіемъ, какое мы связываемъ съ этими словами, т. е. обусловливается тѣмъ, что́ именно мы беремъ въ основаніе своихъ сужденій — ударяемую-ли гласную, или же то мѣсто, которое занимаетъ ударяемый слогъ, считая слоги отъ конца слова. Въ первомъ случаѣ, конечно, русскій языкъ будетъ отличаться гораздо большимъ постоянствомъ, чѣмъ польскій, а во второмъ — наоборотъ. Такимъ образомъ и польскій акцентъ нельзя считать безусловно постояннымъ. Нѣкоторымъ постоянствомъ акцента отличаются и другіе языки, между прочими, латинскій, вліянію котораго поддался польскій. Нѣтъ сомнѣнія, что польскій языкъ, обильно позаимствовавшись лексическимъ достояніемъ латинскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, перенялъ и тотъ акцентъ этого послѣдняго, который въ значительномъ большинствѣ латинскихъ словъ падаетъ на предпослѣдній слогъ. Другой новѣйшій языкъ, гораздо болѣе близкій къ латинскому и такъ же очень богатый (по крайней мѣрѣ этимологическими формами) какъ и польскій — языкъ италіанскій въ развитіи своей просодіи ушелъ гораздо дальше,

чѣмъ польскій, ибо въ свою акцентацію ввелъ гораздо больше разнообразія, чѣмъ этотъ послѣдній.

§ 137. *Акцентъ у Чеховъ.* Есть языкъ, который, хотя и самый близкій по словарю и грамматикѣ, но по акценту считается менѣе сходнымъ съ русскимъ, чѣмъ другіе славянскіе языки. Это — чешскій языкъ, о которомъ установилось общее мнѣніе, будто его акцентъ отличается оригинальною неподвижностью, постоянно держась одного и того же перваго (начальнаго) слога. Это явленіе могло бы показаться довольно страннымъ, если бы оно дѣйствительно имѣло мѣсто. И въ самомъ дѣлѣ: если, какъ это мы объяснимъ ниже, неизмѣнно держащійся конечнаго слога французскій акцентъ оправдывается какъ физіологическими, такъ и лингвистическими данными, то обратное явленіе, т. е. паденіе ударенія все на одинъ и тотъ же первый слогъ, несмотря ни на какой составъ и строеніе слова, рѣшительно не представляетъ никакихъ основаній къ своему raison d'être. Сказанное мнѣніе могло появиться вслѣдствіе почти полнаго отсутствія какъ у насъ, такъ и у Чеховъ просодическихъ знаній. А что дѣйствительно Чехи ничего не сдѣлали по этой части грамматики, это наглядно доказывается слѣдующимъ фактомъ: они, независимо отъ ударенія, отличаютъ еще *долгія гласныя*, отмѣчая ихъ особымъ *значкомъ*. Но, какъ это мы уже достаточно разъяснили выше (преимущественно въ §§ 10, 12, 20), долгота или — что́ все равно — протяженіе звука есть въ сущности одно и то же, что́ мы называемъ удареніемъ. Мы русскіе тоже различаемъ долготу одной гласной отъ долготы другой, однако обходимся безъ всякихъ значковъ и обходимся именно по тому, что разницу въ долготѣ простѣйшихъ звуковъ мы чувствуемъ не по разницѣ гласныхъ *самихъ по себѣ*, а по разницѣ какъ *состава цѣлаго слова*, такъ и *его частей — членораздѣльныхъ звуковыхъ комплексовъ*. Чехи, видно, еще не дошли до этого пониманія, придерживаясь старинной классификаціи звуковъ по латинской грамматикѣ. И, поэтому, мы полагаемъ, что такія формы, какъ напр. dráha и drahá есть недоразумѣніе грамматиковъ: ибо если въ формѣ «drahá» допускать удареніе на первомъ слогѣ и въ то же время второе *a* произносить протяжно (т. е. въ родѣ двойного звука), то это будетъ равняться

тому, какъ будто мы въ сказанномъ словѣ дѣлаемъ два ударенія. Но два ударенія на одномъ столь краткомъ словѣ, какъ «draĥá» уродовали бы его фонетику, придавая ему чрезмѣрную растянутость, — чего, конечно, не можетъ терпѣть нетолько чешскій, но и другой, менѣе развитый, языкъ. Конечно, Чехи должно быть различаютъ долготу первой (ударяемой) *a* отъ долготы второй (отмѣченной значкомъ) *a*: иначе совмѣстное существованіе двухъ такихъ формъ, какъ dráĥa и dráĥá было бы нелѣпостью. Но дѣло въ томъ, что вѣдь для долготы всякаго, какъ простѣйшаго, такъ и слогового звука собственно *нѣтъ точно опредѣленной нормы и эта послѣдняя есть величина условная, относительная. Только перерывы, непосредственно сопровождающіеся съ ударяемымъ слогомъ, совершенно ясно выдѣляются своимъ бо́льшимъ протяженіемъ сравнительно съ другими перерывами, слѣдующими за произнесеніемъ каждаго другого, кромѣ ударяемаго, слога* (§ 17). А поэтому форма dráĥá мыслима лишь при допущеніи одного изъ двухъ условій, условій, хотя физически несовмѣстимыхъ одновременно, но возможныхъ въ отдѣльности, и именно: или первое *a* короче второго *a*, или, наоборотъ — это послѣднее короче перваго. При допущеніи перваго условія ударе́ніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть на первомъ слогѣ и, наоборотъ, при допущеніи второго условія оно должно падать именно на этотъ слогъ: а въ этомъ послѣднемъ случаѣ не́ зачѣмъ отмѣчать вторую гласную значкомъ, показывающимъ, будто она должна произноситься очень протяжно, тогда-какъ на самомъ дѣлѣ она должна бы быть гораздо короче первой, если только дѣйствительно именно на этой первой дѣлается ударе́ніе. Стало быть мнѣніе, будто въ чешскомъ языкѣ ударе́ніе постоянно держится начальнаго слога, установилось лишь вслѣдствіе недоразумѣнія грамматиковъ, начавшихъ, по совершенному непониманію значенія ударенія, отмѣчать особымъ значкомъ не ударяемые слоги, а долгія гласныя.

§ 138. *Акцентъ италіанскаго и литовскаго языковъ.*

По ударенію самыми близкими и почти тождественными съ русскимъ можно признать языки италіанскій и литовскій, такъ-какъ оба они допускаютъ акцентъ на разныхъ слогахъ, съ тою, впрочемъ, разницею, что въ

послѣднихъ акцентъ на конечномъ слогѣ встрѣчается рѣже, чѣмъ въ первомъ, подобно латинскому, чаще всего придерживаясь предпослѣдняго, а затѣмъ, третьяго слога отъ конца. Въ особенности, литовскій языкъ представляетъ много общаго съ русскимъ какъ по тожеству этимологич. и грамматич. формъ, такъ и по нѣкоторымъ идіомамъ, свойственнымъ лишь этимъ двумъ языкамъ. Болѣе всего замѣчательны предложныя формы литовскаго языка, формы, акцентъ конхъ представляетъ много аналогичнаго съ нашимъ, столь своеобразнымъ въ извѣстномъ смыслѣ, удареніемъ. Въ литовскомъ, точно такъ же, какъ и въ нашемъ языкѣ, приставки довольно часто принимаютъ на себя ударе́ніе въ именахъ и нарѣчіяхъ, напр.: úżgawienes за́говѣнье, páuiedelis понедѣльникъ, pásaka (отъ sakiti говорить) ска́зка, Wiészpatis Всемогу́щій (буквально: все Самъ), páprastu обыкновенно (по́просту, по привычкѣ). Весьма интересна литовская форма *púsritis* въ буквальномъ переводѣ = *полуутренникъ*: это выраженіе совершенно аналогично какъ по строенію, такъ и по ударенію съ нашимъ *по́лдникъ* (по́обѣдъ). Замѣчательно, что въ литовскомъ, точно такъ же, какъ и въ русскомъ, приставки, постоянно избѣгая ударенія въ формѣ неопредѣленнаго накл., часто носятъ его въ ф. ф. прошедш. вр. какъ изъявит. накл., такъ и страд. причастія, какъ напр.:

užmírszti забыть, úzmirszaũ я забылъ;

užpústi задуть, потушить (огонь), úžpute онъ потушилъ;

nukérsti отрубить, núkersta отрублена;

apwésti обвести, ápwesta обведена и проч.

Не менѣе аналогичны наши формы съ литовскимъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда ударе́ніе при усложненіи слова наставками передвигается съ кореннаго мѣста на окончательные слоги. Такъ, напр.:

wákaras, wakarélis = ве́черъ — вечеро́къ, вечеро́чекъ;

wajniks, wajnikélis = вѣ́но — вѣно́къ, вѣно́чекъ;

úgnis, ugnélis = ого́нь — огонёкъ, огонёчекъ;

dárżas, darżélis = садъ (са́дикъ) — садо́чекъ (ф. darżélis весьма близка какъ по фонетикѣ, такъ и по значенію съ франц. jardin).

§ 139. *Акцентъ греческаго языка.* Русскій языкъ по ударенію весьма близокъ также съ греческимъ. Сдѣланныя авторомъ по словарямъ этого послѣдняго изслѣдованія привели къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ:

1) Удареніе греческ. языка чаще всего падаетъ на предпослѣдній слогъ; и

2) На конечномъ и третьемъ слогѣ отъ конца число удареній почти одинаково: причемъ, общее число этихъ послѣднихъ, вмѣстѣ взятыхъ, почти равняется числу первыхъ, такъ что число удареній на предпослѣднемъ слогѣ почти вдвое больше числа удареній каждаго изъ остальныхъ двухъ слоговъ, взятыхъ порознь. Къ этимъ выводамъ автора привели нѣсколько разъ повторенные ряды исчисленій какъ по грамматикѣ М. Григорьевскаго, такъ и словарямъ А. Д. Вейсмана и E. Talbot'a. Для наглядности привожу одинъ рядъ этихъ исчисленій: на 2342 слова, взятыхъ сподрядъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ въ разсказахъ и басняхъ, помѣщенныхъ въ книгѣ Григоревскаго, пришлось:

съ удареніемъ на конечномъ слогѣ . . .	559	1138 словъ
» » третьемъ » отъ конца	579	
» » второмъ » » »	1204	

Изъ этого видно, что греческая акцентація, несмотря на близость съ русскою, однако существенно отличается отъ этой послѣдней, во-первыхъ, тѣмъ, что въ языкѣ Гомера удареніе не идетъ дальше третьяго слога отъ конца такъ же какъ и въ латинскомъ, и, во-вторыхъ, еще тѣмъ, что число удареній на второмъ слогѣ значительно превышаетъ число удареній на конечномъ, тогда-какъ въ нашей рѣчи удареніе почти одинаково часто падаетъ какъ на тотъ, такъ и на другой слогъ. Перевѣсъ же числа удареній на предпослѣднемъ слогѣ въ греческомъ языкѣ главнымъ образомъ зависитъ отъ двухъ причинъ: 1) удареніе въ этомъ послѣднемъ почти постоянно падаетъ на предпослѣдній слогъ въ глагольныхъ формахъ настоящ. вр. изъявит. накл., тогда-какъ въ нашемъ языкѣ въ тѣхъ же формахъ оно почти одинаково часто падаетъ какъ на предпослѣдній, такъ и на конечный слоги; и 2) Мы, Русскіе, хотя и позаимствовались многимъ у Грековъ, но не переняли у нихъ того акцента, который такъ часто повторяется въ существит. именахъ на *ία* и который

для нашего слуха оказывается весьма неблагозвучнымъ. И поэтому-то у насъ въ такихъ напр. словахъ, какъ Азія, Артемизія, Евгенія, антологія и проч. удареніе постоянно избѣгаетъ какъ конечнаго, такъ равно (вопреки уже греческому языку) и предпослѣдняго слога (§ 24).

§ 140. *Двоякое удареніе въ греческомъ языкѣ.* Въ «Филол. Наблюденіяхъ» Павскаго (II разсужд., стр. 222) приводятся, между прочими, слѣдующія, совершенно тождественныя формы, два разныхъ значенія коихъ отличаются не чѣмъ инымъ, какъ лишь удареніемъ: 1) πατρόκτονος убитый отцомъ и 2) πατροκτόνος отцеубійца. Будучи малосвѣдущъ въ греческомъ языкѣ, я обращался къ спеціалистамъ знатокамъ этого языка, прося наставить меня: есть-ли въ немъ еще и другія подобныя формы, или вышеприведенныя составляютъ исключительное явленіе? Оказалось, что изъ шести господъ «знатоковъ» (преимущественно преподавателей въ нашихъ гимназіяхъ) ни одинъ даже никакого понятія не имѣлъ о поднятомъ мною вопросѣ. Между тѣмъ, когда я въ послѣднее время сталъ внимательно просматривать словарь Вейсмана, то оказалось, что подобныхъ словъ есть немало такъ же въ греческомъ, какъ и въ русскомъ языкѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ на эти слова:

1. *Формы совсѣмъ тождественныя, кромѣ удренія.*

βασίλεια царица и βασιλεία царская власть;
κάλως веревка и καλῶς прекрасно;
πείθω убѣждаю и πειθώ убѣжденіе;
νόμος обычай, законъ и νομός пастбище;
πεῖρα проба и πειρά́ остріе;
πότε (вопросит.) когда и ποτέ когда-нибудь, нѣкогда.

2. *Формы съ удареніемъ на приставкахъ.*

χρηστός употребительный, годный и ἄχρηστος негодный;
πιστός вѣрный, надежный и ἄπιστος ненадежный, вѣроломный;
χάρις благосклонность и ἄχαρις непріятный;
βατός доступный и ἄβατος непроходимый;
νόμος законъ и ἄνομος беззаконный, παράνομος противузаконный.

Изъ разсмотрѣнія этихъ фактовъ мы приходимъ къ заключенію, что удареніе въ греческомъ языкѣ, точно такъ же какъ

и въ русскомъ, играетъ весьма важную роль въ семазіологическомъ отношеніи. Что касается затѣмъ вопроса о томъ, есть-ли также въ греческомъ и такія слова, кои носятъ двоякое удареніе и въ томъ случаѣ, когда отъ перестановки ударенія они вовсе не измѣняютъ своего значенія? то, насколько автору извѣстно, такихъ словъ нѣтъ въ сказанномъ языкѣ.

§ 141. *Акцентъ французск. языка.* Изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ языковъ французскій самый интересный по своеобразности своего акцента. Такое исключительное явленіе, какъ неизмѣнное постоянство ударенія на конечномъ слогѣ, должно находиться въ зависимости отъ такихъ причинъ, которыя такъ-же слѣдуетъ отнести къ исключительнымъ, т. е. немѣющимъ мѣста въ другихъ языкахъ. Тѣ или другіе идіомы всякаго языка, какъ извѣстно, зависятъ отъ разныхъ условій какъ физической, такъ и духовной жизни націи и, преимущественно, отъ географическаго положенія страны и народнаго характера, характера, который вѣрнѣе и полнѣе всего изображается въ языкѣ. А потому и акцентъ извѣстнаго языка находится въ прямой зависимости какъ отъ строенія этого послѣдняго, такъ и отъ характера народа, говорящаго на немъ. Теперь спрашивается: каковъ долженъ быть языкъ, а равно характеръ того народа, который въ своей рѣчи не допускаетъ другого ударенія, какъ лишь на конечный слогъ? Такая рѣчь можетъ быть лишь у народа, отличающагося особенною энергіею; такой акцентъ можетъ быть лишь въ языкѣ, дозволяющемъ артикулировать всякое слово съ особенною быстротою, не причиняя въ то же время стѣсненій для дыханія (§ 41). Всякъ, кому случалось слышать и обращать вниманіе на разговаривающихъ между собою Французовъ, легко могъ замѣтить, что у нихъ рѣчь всегда течетъ съ особенною быстротою и точно съ какимъ-то одушевленіемъ даже тогда, когда предметъ бесѣды не выходитъ дальше обыденнаго круга. Не особенно трудно замѣтить и даже при поверхностномъ изученіи сейчасъ видно, что французскій языкъ по своему строенію совершенно приспособленъ къ тому, чтобы удареніе могло свободно падать съ неизмѣннымъ постоянствомъ на конечный слогъ во всякомъ словѣ.

§ 142. *Замѣчательныя особенности французскаго языка.* Вотъ въ общихъ чертахъ эти особенности. 1. Особенно выдающуюся разницу между русскимъ и французскимъ языкомъ представляютъ тѣ многочисленныя формы, конхъ окончаніе составляетъ гл. **e** и въ конхъ эта послѣдняя принимаетъ различныя произношенія въ томъ и другомъ языкѣ. Если-бы эта гласная и во франц. языкѣ произносилась такимъ же образомъ, какъ въ русскомъ, то, при столь частомъ употребленія ея во франц. языкѣ, этотъ послѣдній вышелъ бы весьма неблагозвучнымъ. Но въ томъ-то и дѣло, что звукъ **e** во французскомъ языкѣ очень часто становится нѣмымъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда слышится явственно, такъ же какъ въ русскомъ, онъ произносится неначе, какъ согласно извѣстнымъ законамъ благозвучія. Законы же эти состоятъ въ слѣдующемъ: 1) на концѣ слова съ открытымъ отрывочнымъ прононсомъ онъ встрѣчается лишь въ малосложныхъ формахъ, какъ напр. grand'mère, bannière, caractère, tiède и проч. и 2) Въ болѣе же сложныхъ формахъ, т. е. въ такихъ формахъ, гдѣ отъ быстроты артикуляціи, сказанная гласная пздавала бы, по закону инерціи, сильный отзвукъ, она произносится съ сомкнутыми губами, т. е. съ медленнымъ теченіемъ звука, какъ напр. importunité, frivolité, admissibilité, appropriè и проч. И вотъ почему во французскомъ нетолько возможно, но очень часто повторяется удареніе на гл. *e* и, преимущественно, на слогахъ *té* и *ié*, тогда-какъ въ русскомъ, наоборотъ, несмотря на множество формъ, оканчивающихся тоже на эти два слога, удареніе на нихъ вовсе не встрѣчается.

2. Нетолько *e*, но и другіе, какъ гласные, такъ и согласные звуки во французскомъ языкѣ очень часто сокращаются. Возьмемъ напр. французское hôpital и наше госпиталь: въ первомъ изъ этихъ словъ только шесть произносимыхъ звуковъ, а во второмъ — восемь. Подобнымъ образомъ, если мы сравнимъ напр. франц. département съ русск. департáментъ, то, несмотря на почти совершенное тожество въ строеніи обѣихъ этихъ формъ, однако, по фонетикѣ той и другой, вторая выходитъ гораздо протяжнѣе первой и, поэтому, она у насъ не могла удержать французскаго акцента, хотя этотъ послѣдній во многихъ дру-

тихъ формахъ, вообще, очень часто перенимается русскимъ языкомъ.

3. Сравнивая, затѣмъ, русскія слова съ французскими по ихъ составу, т. е. по числу слоговъ, мы находимъ, что во французскомъ языкѣ, вообще, всѣ формы, какъ этимологическія, такъ и грамматич. гораздо короче (менѣе сложны), чѣмъ въ русскомъ: въ этомъ послѣднемъ встрѣчаются девятичленныя и даже одиннадцатичленныя формы, тогда-какъ въ первомъ очень рѣдки даже восьмичленныя (ихъ всего насчитывается нѣсколько десятковъ), болѣе же сложныхъ вовсе не встрѣчается. Причемъ, формы какъ семичленныя, такъ и, по преимуществу, восьмичленныя почти постоянно состоятъ изъ самыхъ краткихъ слоговъ, т. е. изъ слоговъ, имѣющихъ всего одну гласную и одну согласную, и оканчиваются обыкновенно на *ibilité* или (рѣже) *abilité*, т. е. на такіе звуки, кои чрезвычайно легко вяжутся между собою и, слѣдовательно, очень свободно артикулируются съ быстротою, какъ напр.: irrépréhensebilité, inaliénabilité, incommensurabilité, inintelligibilité. Кромѣ этихъ, есть еще и другія подобныя, многосложныя формы, кои оканчиваются на *ement* и фонетика коихъ значительно сокращается; ибо здѣсь пять буквенныхъ звуковъ сливаются въ одинъ слоговой съ носовымъ (слѣдовательно умѣренно протяжнымъ) отзвукомъ, какъ напр.: désavantageusement, impitoyablement, extraordinairement, irréconciliablement.

4. Существенное различіе между двумя сравниваемыми языками представляютъ еще и тѣ многія выраженія, которыя въ русскомъ облекаются въ болѣе или менѣе растянутыя формы, формы вовсе отсутствующія во французскомъ языкѣ и замѣняемыя въ этомъ послѣднемъ обыкновенно двумя или даже тремя словами, вмѣсто одного. Въ особенности, много такихъ формъ, кои въ русскомъ выражаютъ глагольные виды и коими недостачествуетъ французскій языкъ. Примѣры: вышвырнуть = jeter dehors, вытапливать = faire fondre, v. faire sortir en fondant, загрустить = commencer à s'affliger, загрозить = commencer à menacer, допить = boire la reste, дописывать = achever d'écrire и проч. Вообще, французскій языкъ, отличаясь сравнительно съ русскимъ бѣдностью нетолько граммат., но и этимолог. формъ, многія понятія, которыя въ русскомъ выра-

жаются однимъ словомъ, передаетъ неиначе, какъ помощью двухъ или даже нѣсколькихъ словъ. Примѣры: домище = une très grande maison, избушка = petite hutte, избёнка = une misérable chaumière, конёкъ = un petit cheval, домоводство = economie domestique, умѣніе = savoir-faire, забережье = la rive opposé, королевна = une fille du roi, іодистый = contenant l'iode v. rempli d'iode, заблаговременно = de bonne heure, не стóитъ = ne vaut pas la peine и проч. Независимо отъ этихъ и тому подобныхъ выраженій, постоянно повторяющихся въ словаряхъ цѣлыми рядами, встрѣчаются спорадически еще и такія представленія и понятія, которыя выражаются въ русскомъ помощью одного слова, а во французскомъ — помощью двухъ или нѣсколькихъ. Такъ, напр., нашихъ два мѣткихъ словечка «заварить кашу» въ словарѣ Макарова передаются помощью слѣдующей длинной фразы: «Commencer une affaire capable de donner beaucoup d'embarras et de soucis».

5. Правда, что встрѣчается и обратное явленіе, т. е. выраженіе во французскомъ языкѣ помощью одного слова такихъ понятій, которыя порусски передаются неиначе, какъ помощью двухъ или болѣе словъ, какъ напр. parier = держать пари, graisser des bottes = вымазать сапоги саломъ, solder le troupes = платить жалованье войскамъ, ébranchoir = ножъ для срѣзыванія вѣтвей, ce mur forjette = стѣна выступаетъ изъ линіи. Но эти формы, встрѣчаясь лишь изрѣдка, особняками, сравнительно съ вышеперечисленными ничтожны и вовсе не измѣняютъ сущности дѣла, состоящаго въ томъ, что, вообще французскій языкъ вовсе не любитъ такихъ длинныхъ формъ, какъ напр. наши многократнаго вида глаголы, а равно имена увеличительныя, уменьшительныя, слова составныя, предложныя и проч.

6. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ ясно видно, что франц. языкъ по своей конструкціи совершенно приспособленъ къ тому, чтобы въ немъ акцентъ могъ держаться съ неизмѣннымъ постоянствомъ конечнаго слога, нетолько не мѣшая, но и благопріятствуя благозвучію рѣчи. Мало того: во французскомъ языкѣ сравнительно такъ много формъ одночленныхъ, а равно и болѣе сложныхъ съ нѣмыми гласными, что по этой причинѣ слишкомъ часто повторялось бы удареніе или — что̀ все равно

— повторялись бы очень часто лишніе перерывы, а это въ свою очередь повело бы къ монотонной растянутости рѣчи, если бы предусмотрительность народнаго генія не устранила это зло помощью особаго, весьма остроумнаго, корректива. Этотъ послѣдній состоитъ въ томъ, что изъ двухъ краткихъ и смежныхъ между собою словъ только одно (второе) носитъ удареніе, первое же сливается съ нимъ въ одинъ слоговой звукъ. Это явленіе повторяется очень часто и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ слова, оканчивающагося согласною, слѣдуетъ слово, начинающееся съ гласной. Вотъ нѣсколько примѣровъ на эти случаи: bien aimé, mon ami, bon oncle, cet apport, petit aigle, les âmes, l'amour (вм. le amour) и проч. Эти выраженія соотвѣтствуютъ нашимъ въ такомъ напр. родѣ: о́ бокъ, на́ руку, у́ моря, по́ полю, за́ городомъ, до́сыта и проч., съ тою однако разницею, что у насъ не первое (предлогъ), а второе слово (имена) лишаются своего ударенія. Причемъ, изъ примѣра «petit aigle» мы видимъ, что хотя здѣсь по начертанію четыре гласныхъ звука, но въ произношеніи слышатся только два, — чего въ русскомъ никогда не бываетъ. Приведенные же здѣсь факты о слитномъ произношеніи двухъ словъ за одно показываютъ, что и въ французскомъ языкѣ, точно такъ же какъ въ русскомъ, повторяется тотъ общій законъ, по которому *какъ предыдущія, такъ и послѣдующія согласныя постоянно примыкаютъ къ ударяемому слогу* (§ 22). Такъ, въ выраженіи «bon ami» согл. *n*, хотя она органически связана съ словомъ bon, однако примыкаетъ не къ гласной *o*, а къ гласной *a* именно по тому, что эта послѣдняя носитъ удареніе, первая же лишается его въ этомъ случаѣ по извѣстнымъ намъ уже причинамъ. Отсюда мы видимъ, что и во французскомъ языкѣ, подобно русскому, удареніе часто нетолько переставляется съ одной гласной на другую (какъ напр. въ ф. ф. difficile и difficulté), но и переходитъ отъ одного слова на другое, какъ напр. со слова bon на слово ami.

§ 143. *Идеальное совершенство французской акцентаціи.*

Въ предыдущемъ параграфѣ мы видѣли, что акцентація французскаго языка совершенно соотвѣтствуетъ его конструкціи и что эта послѣдняя въ свою очередь согласуется съ характеромъ французовъ, отличающихся

энергіею и живостью движеній. Теперь посмотримъ, насколько французскій акцентъ согласуется съ общими физіологическими законами, коимъ должна подчиняться всякая человѣческая рѣчь. Въ чемъ же состоитъ сущность этихъ законовъ?

Мы уже знаемъ, что съ физіологической точки зрѣнія удареніе есть передышка или протяженіе звука съ тѣмъ, чтобы облегчить процессъ дыханія при безостановочной артикуляціи слова за словомъ. Здѣсь пояснимъ, что какъ относительная длительность каждой изъ такихъ передышекъ, отдѣльно взятыхъ, такъ и ихъ болѣе или менѣе частая повторяемость въ извѣстный промежутокъ времени могутъ обусловливаться не чѣмъ инымъ, какъ относительною быстротою артикуляціи: чѣмъ эта послѣдняя быстрѣе, тѣмъ большее число слоговъ или даже цѣлыхъ словъ можно проартикулировать, не дѣлая удареній и наоборотъ. Быстрота же артикуляціи можетъ зависѣть отъ разныхъ причинъ и главнымъ образомъ: 1) отъ здоровья и крѣпости легкихъ, 2) отъ большей или меньшей развитости голосовыхъ органовъ и 3) отъ конструкціи языка. Въ особенности, при тщательномъ упражненіи сказанныхъ органовъ можно достигнуть большихъ успѣховъ въ быстротѣ артикуляціи. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ газетахъ сообщалось, что двѣ Француженки могли читать съ такою быстротою, что одна изъ нихъ произнесла въ 1 минуту 1616 словъ (другая — немногимъ лишь меньше). Выходитъ, что въ 1 секунду было произнесено 27 словъ. Если это извѣстіе и не преувеличиваетъ сказанное число, то во всякомъ случаѣ такой фактъ, какъ произнесеніе 27 словъ въ 1 сек., надо считать феноменальнымъ и возможнымъ физически только впродолженіе одной минуты, не дѣлая болѣе длинныхъ передышекъ (перерывовъ) чѣмъ тѣ, какія всегда сопровождаются съ удареніемъ и какія уже безусловно необходимы для того, чтобы сознаніе слушающаго могло различать одно слово отъ другого: ибо при болѣе продолжительной артикуляціи безъ надлежащаго роздыха не хватитъ воздуха ни для дыханія, ни для созданія звуковъ. Съ другой стороны, въ книгѣ Глубоковскаго («Гигіена Голоса», стр. 45), между прочимъ, говорится, что хорошіе пѣвцы нетолько могутъ, но и должны не дѣлать вдыханія въ теченіе не менѣе *полминуты*, давая очень долгое протяженіе

одному и тому же звуку (нотѣ). Эти съ совершенно противоположнымъ значеніемъ два факта даютъ намъ ясное понятіе о томъ, какая огромная разница можетъ быть въ количествѣ звуковъ, кои возможно человѣку произнести въ извѣстный промежутокъ времени: одни могутъ такъ быстро артикулировать, что успѣваютъ въ полминуты произнести 808 словъ, а другіе, наоборотъ, могутъ такъ долго тянуть одинъ и тотъ же звукъ, что на эту работу проходитъ тоже полминуты. Конечно, это двѣ крайности, принадлежащія къ рѣдкимъ явленіямъ, вовсе не примѣнимы къ обыкновенному разговорному языку; тѣмъ не менѣе онѣ демонстрируютъ этотъ фактъ, что и для этого послѣдняго невозможна совершенно точно опредѣленная норма и что она должна вращаться между предѣлами двухъ сказанныхъ крайностей. Чтобы найти эту норму мы прежде всего должны взглянуть на дѣло съ физіологической точки зрѣнія. Какъ 808 словъ, такъ и одна нота впродолженіе полминуты составляетъ не нормальное явленіе, что́ и подтверждаетъ самъ Глубоковскій, говоря, что при пѣніи дыханіе «совершается далеко *не естественно*» и что возможность тянуть такъ долго ноту свидѣтельствуетъ лишь «объ искусствѣ пѣвца». Теперь мы возьмемъ обыкновенный, безыскусственный языкъ. Сдѣлавъ опыты, подобные тѣмъ, какіе изложены въ 37 §, мы прійдемъ къ заключенію, что вообще какъ въ нашемъ, такъ и во французскомъ языкѣ одно удареніе обыкновенно приходится на три—четыре слога. Но при этомъ надо помнить, что въ русскомъ языкѣ гораздо рѣже, чѣмъ во французскомъ, удареніе падаетъ на конечный слогъ. Если затѣмъ, проартикулировать съ одинаковою скоростью извѣстный рядъ, совершенно тождественныхъ, но съ двоякимъ удареніемъ, словъ, то тѣ изъ нихъ прочтутся скорѣе, которыя держатъ удареніе на конечномъ слогѣ. А это явленіе удостовѣряетъ, что, кромѣ извѣстной долготы даннаго слова, зависящей отъ его строенія, на сравнительно бо́льшую быстроту артикуляціи звуковъ оказываетъ свое дѣйствіе и система акцентаціи. Слѣдовательно, уже и по этой причинѣ во франц. яз. артикуляція можетъ итти быстрѣе, чѣмъ въ другихъ языкахъ. Быстрота же эта объясняется тѣмъ, что при удареніи на конечномъ слогѣ мы дѣлаемъ лишь одинъ перерывъ за каждымъ произнесеніемъ отдѣльнаго слова, тогда-какъ при удареніи

на другихъ слогахъ происходитъ еще особое протяженіе (отъ подъема голоса) на слогахъ, предшествующихъ конечному. Далѣе, станемъ съ обыкновенною скоростью артикулировать какое-нибудь четырехчленное слово съ удареніемъ на конечномъ слогѣ впродолженіе полминуты: оказывается, что въ этотъ промежутокъ времени можно произнести безостановочно отъ 30 до 35 словъ, или, что́ все равно — немного больше одного слова въ секунду. Обратимъ, затѣмъ, вниманіе: 1) что одинъ полный кругъ физіолог. процесса дыханія, т. е. вдыханія и выдыханія у нормальнаго человѣка обыкновенно совершается чрезъ каждыя три сек. приблизительно (а при работѣ голосов. органами чаще, смотря по степени напряженности артикуляціи) и что, какъ мы чуть только сказали, въ этотъ промежутокъ времени можно проартикулировать около 3 четырехчленныхъ словъ, или иначе говоря, до 12 членораздѣльныхъ звуковъ, и 2) что, какъ мы тоже недавно объяснили, одно удареніе обыкновенно приходится на каждые три—четыре слога. Стало-быть въ промежутокъ времени 3 сек., независимо отъ одной физіологической передышки, мы еще дѣлаемъ обыкновенно отъ 3 до 4 особыхъ, т. е. (звуковыхъ) передышекъ. Это число, т. е. на 3 сек. 12 членораздѣл. звуковъ съ 3—4 удареніями и можно принять за норму скорости обыкновенной артикуляціи. Такая скорость вовсе не можетъ утомить ни процесса дыханія, ни голосовыхъ органовъ даже при самыхъ рѣдкихъ полныхъ остановкахъ, слѣдующихъ за знаками препинанія, коль скоро дѣлаются столь частыя передышки, называемыя удареніемъ. А такъ-какъ во франц. языкѣ артикуляція идетъ быстрѣе, чѣмъ въ другихъ языкахъ, то и акцентъ французскій тѣмъ болѣе не можетъ быть стѣснителенъ для физіологич. процесса дыханія. Вообще, франц. языкъ отличается отъ другихъ языковъ большими преимуществами, такъ-какъ акцентація его до послѣдней возможности сокращаетъ работу голосовыхъ органовъ; причемъ, сберегается и время, и силы безъ ущерба для благозвучія рѣчи и безъ стѣсненія процесса дыханія.

Затѣмъ, на основаніи всего изложеннаго какъ въ этомъ, такъ и предыдущемъ параграфѣ, мы можемъ заключить, что *франц. языкъ съ просодической точки зрѣнія можетъ считаться за идеалъ совершенства:* ибо въ такомъ языкѣ, какъ французъ-

скій, выражается стремленіе народа къ возможно высшему преуспѣянію его соціальной жизни; ибо въ такомъ языкѣ выражается конечная цѣль всякаго прогресса — при возможно меньшей затратѣ какъ времени, такъ и труда достигать возможно лучшихъ результатовъ.

§ 144. *Причины различія акцента въ разныхъ языкахъ.* Въ § 141 мы уже вскользь коснулись этого вопроса. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности. Что постепенное развитіе духовныхъ способностей народа, а равно его отличительный характеръ находятся въ полнѣйшей зависимости какъ отъ природы и географич. положенія страны, ими обитаемой, такъ равно и отъ историческихъ условій его государственной жизни, въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается. Но нельзя въ то же время не согласиться, что и образованіе того или другого языка такъ же находится въ тѣсной зависимости отъ тѣхъ же причинъ. Отъ извѣстнаго же строенія языка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ характера народа, говорящаго на немъ, зависитъ и его акцентъ.

Занимая огромныя территоріи отъ холоднаго и суроваго океана до умѣренно-теплаго моря, совмѣщая на своей землѣ многоразличныя племена и своими безконечно долгими границами соприкасаясь со многими паціями, то коснѣющими въ восточномъ деспотизмѣ, то идущими прогрессивно впередъ въ матеріальномъ и умственномъ преуспѣяніи, — Россія впродолженіе своей слишкомъ тысячелѣтней жизни росла и теперь ростетъ подъ вліяніемъ какъ физич., такъ и духовныхъ дѣятелей *въ гораздо большей мѣрѣ разнообразныхъ*, чѣмъ какое бы то ни было другое современное государство. Ни территоріальныя границы, ни устои умственнаго прогресса Россіи все еще невполнѣ опредѣлены: все еще много въ ней хаотическаго, примитивнаго; много роскоши, перемѣшанной и перепутанной съ нищетою; но много такъ же, есть задатковъ къ упорядоченію и преуспѣянію въ недалекомъ будущемъ нашей соціальной жизни. Мы уже и теперь видимъ немалую мощь матеріальной и духовной силы Россіи, при дальнѣйшемъ правильномъ развитіи коей, она можетъ принять грандіозные размѣры. Таковъ и языкъ Россіи. Много въ немъ примѣси чужеземщины. Но тѣмъ не менѣе онъ выбился изъ-подъ вліянія чуждыхъ ему

элементовъ и развился самостоятельно сравнительно съ другими языками до грандіозныхъ размѣровъ какъ въ лексическомъ, такъ и грамматич. богатствѣ и разнообразіи формъ. Но много въ немъ еще анормальнаго, неопредѣленнаго и ожидающаго, съ одной стороны, филологич. разъясненій, а съ другой — дальнѣйшаго преуспѣянія въ его поступательномъ развитіи. Таковъ его и акцентъ, акцентъ чрезвычайно мѣткій, разнообразный и благозвучный, но въ то же время постоянно колеблющійся, ибо далеко еще неутвердившійся ни по употребленію, ни по наукѣ. Затѣмъ, при всей своей своеобразности, наше удареніе представляетъ много сходнаго съ другими языками. Такъ, почти одна третья часть формъ нашего языка носитъ удареніе, совершенно сходное съ франц. акцентомъ. Еще въ гораздо большей мѣрѣ наше удареніе сходно съ акцентомъ языковъ литовск., греч., италіанск. и отчасти польск. Далѣе, не менѣе двухъ третей словъ всего нашего словаря носитъ генетич. удареніе, подобно нѣмецкому языку. Затѣмъ, лишь незначительная часть словъ, удареніе коихъ держится четвертаго и другихъ предыдущихъ слоговъ, представляетъ идіомы, которые возникли по двумъ причинамъ: 1) отъ растянутости многочленныхъ формъ, и 2) отъ славянской вялости и медливости, впрочемъ, въ этомъ случаѣ оправдывающихся требованіями благозвучія (§ 41).

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на другіе языки. Выше мы сказали, что если, съ одной стороны, франц. языкъ не отличается богатствомъ этимолог. и грамматич. формъ, то зато, съ другой — онъ усвоилъ себѣ превосходную акцентацію, акцентацію, предвѣщающую ему широкое развитіе въ будущемъ. Читая современныхъ французск. писателей, мы постоянно встрѣчаемъ новыя этимологическія формы, подобныя русскимъ; это, въ особенности, замѣтно въ переводахъ съ русскаго. Мы русскіе тоже любимъ франц. акцентъ, акцентъ, который, безъ сомнѣнія, со временемъ войдетъ у насъ въ болѣе частое употребленіе, тѣмъ болѣе, что уже и раньше замѣчена въ нашемъ народѣ наклонность предпочитать удареніе на конечномъ слогѣ предъ другими слогами, по крайней-мѣрѣ, въ краткихъ формахъ. Наша дружба и сближеніе съ французами обѣщаетъ большія взаимныя выгоды нетолько въ политич., но и въ лингвистическомъ отношеніи. Обращаясь, затѣмъ, къ италіанскому языку,

мы видимъ, что этотъ языкъ, отличаясь особенною мягкостью и мелодичностью своихъ звуковъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ прекрасному климату и чудной природѣ страны, обитаемой Итальянцами, такъ и необыкновеннымъ способностямъ ихъ по части изящныхъ искусствъ. Далѣе, нѣмецкій языкъ, отличающійся необыкновенною систематичностью какъ этимолог., такъ и граммат. формъ, необыкновенно такъ же систематиченъ и по просодіи и вполнѣ характеризуетъ народъ, изъ среды котораго вышли Канты, Гегели, Шлегели и современные Гартманы, раздѣлившіе, точно ради системы, человѣческій родъ на два стана — «оптимистовъ» и «пессимистовъ». Но ярче и нагляднѣе всего подтверждаетъ наши мысли еврейскій языкъ, или, вѣрнѣе, *жаргонъ*. Кто знаетъ исторію Израиля вѣчно неповиновавшагося велѣніямъ Божіимъ и вѣчно за это наказываемаго и въ наше время уже совершенно безпечно предавшагося если не поклоненію золотому тельцу, то не менѣе жалкому обожанію «презрѣннаго металла», — кто знаетъ все прошлое и все современное житье-бытье этого племени, тому нетрудно догадаться, каковъ долженъ быть и каковъ есть на самомъ дѣлѣ его языкъ съ рѣзкимъ гортаннымъ акцентомъ. Было-бы излишне распространяться объ этомъ. Довольно сказать, что «по Ерёмѣ колпакъ». Есть еще историческій народъ, тоже стоящій на низкой степени моральнаго развитія и, хотя гораздо трудолюбивѣе еврейскаго, но коснѣющій цѣлыя тысячилѣтія въ рабствѣ восточнаго деспотизма и, поэтому, владѣющій языкомъ в. бѣднымъ и жалкимъ. Это — Китайцы. Вотъ что говоритъ Эрн. Ренанъ въ своей книгѣ «*О происхожденіи языка*» о Китайцахъ и ихъ языкѣ: «Китайскій языкъ, съ его неорганической и неполной структурой, не есть-ли отпечатокъ сухости ума и сердца, составляющей характеристическую черту Китайской расы? Достаточный для житейскихъ нуждъ, для техники ручныхъ ремеслъ, для лёгенькой, поверхностной литературы, для философіи, которая есть не что иное, какъ выраженіе практической опытности часто довольно тонкое, но никогда недоходящее до возвышенности, — Китайскій языкъ исключилъ всякую философію, всякую науку, всякую религію въ томъ значеніи, какое мы соединяемъ съ этими словами.» (Перев. А. Н. Чудинова. Воронежъ, 1866, стр. 100).

Заключеніе.

Въ настоящей книгѣ достаточно разъяснено, что́ такое акцентъ вообще и наше русское удареніе въ особенности. Мы видѣли, что, кромѣ общаго физіологич. и психич. значенія, въ нашей рѣчи удареніе играетъ еще особенную роль и именно семазіологическую. Затѣмъ, хотя и во всѣхъ языкахъ акцентъ придаетъ словеснымъ выраженіямъ извѣстную ясность, отчетливость и выразительность, но въ нашей рѣчи онъ по преимуществу служитъ регуляторомъ, поддерживающимъ равновѣсіе въ долготѣ члено-раздѣльныхъ звуковъ. Такая спеціальная услуга со стороны ударенія для насъ болѣе необходима, чѣмъ для другихъ націй и вызывается какъ вообще строеніемъ языка, такъ и несовершенствомъ алфавита, гдѣ одна и та же буква можетъ изображать разъ твердый, а другой — мягкій звукъ, произносясь, притомъ, то длительно, то мгновенно, и гдѣ нѣкоторыя гласныя, въ особенности **е**, **о**, выражаютъ различные звуки. Отсюда-то преимущественно и особенная подвижность нашего ударенія, подвижность, которая, впрочемъ, нетолько не вредитъ, но, напротивъ, в. много способствуетъ благозвучно нашей рѣчи, внося въ нее большое разнообразіе. Наше удареніе можетъ падать нетолько на три послѣднихъ слога, какъ въ другихъ языкахъ, но еще и на всѣ предыдущіе: это особенное разнообразіе вызывается и особенною конструкціею нашего языка, отличающагося необыкновеннымъ богатствомъ какъ этимологич., такъ и граммат. формъ. Сообразно съ этимъ богатствомъ и акустическое чутье русскаго народа развито болѣе сильно, чѣмъ у другихъ родственныхъ намъ народовъ. Это и фактически подтверждается многими явленіями изъ области просодіи, на которыя мы не разъ обращали вниманіе читателя: возьмемъ, напр., хоть формы именъ на **іе**, **ія**, въ которыхъ греч. языкъ допускаетъ удареніе на предпосл. слогъ (**і**) и въ которыхъ такой акцентъ для насъ оказался совершенно неподходящимъ не по какой иной причинѣ, какъ только по акустическому чутью (§§ 24 и 139). Слѣдовательно, акцентъ иногда идетъ своимъ путемъ, помимо морѳологіи, преемственно переходящей отъ одного языка къ другому, и руководствуется лишь слухомъ перенимателя: отсюда отступленія отъ генетики, отступленія, которыя у насъ практикуются въ большей мѣрѣ,

чѣмъ въ другихъ языкахъ, за исключеніемъ французскаго. Такъ-какъ первообразныхъ формъ сравнительно очень мало и онѣ очень кратки, составляя обыкновенно одинъ и много два слога и такъ-какъ при преобразованіяхъ этихъ формъ въ болѣе сложныя, эти послѣднія расширяются гораздо чаще съ лѣва на право (т. е. посредствомъ вставокъ и наставокъ), чѣмъ наоборотъ (т. е. посредствомъ приставокъ): то понятно, что удареніе въ этихъ формахъ, оставаясь на основной гласной, занимаетъ мѣсто уже не на первомъ слогѣ отъ конца, какъ въ односложной или и двусложной формѣ, а на второмъ (чаще) или же на третьемъ (рѣже), смотря по строенію слова. Слѣдовательно, чѣмъ устойчивѣе языкъ держится генетич. начала, тѣмъ чаще удареніе должно падать на сказанные слоги, — что́ и подтверждается фактически преимущественно нѣмецкимъ языкомъ. Но оч. частое и, въ особенности, постоянное (какъ въ Польск. яз.) паденіе ударенія на предпослѣдній слогъ обусловливается не одною генетикою, а также *привычкою*: подобно тому, какъ и во многихъ другихъ сферахъ нашей интеллектуальной дѣятельности, мы обыкновенно оч. склонны держаться того, что́ уже разъ нами усвоено, такъ и здѣсь повторяется то же явленіе, хотя во многихъ случаяхъ оно не совсѣмъ удобно для голосов. органовъ и несовсѣмъ благозвучно для слуха. И вотъ какимъ образомъ *частое* переходитъ въ *постоянное*. Но нынѣче я не могу объ этомъ распространяться — это составило бы цѣлый трактатъ, а между-тѣмъ главною цѣлью настоящаго моего труда было — составить книгу возможно менѣе объемистую и возможно болѣе доступную для большинства читателей. Затѣмъ, прощаясь съ читателемъ, считаю нелишнимъ предпослать ему слѣдующее послѣсловіе.

Мнѣ замѣтили, что моя теорія не имѣетъ твердыхъ основаній, ибо построена *лишь по слуху*, на который нельзя полагаться, не рискуя ошибиться. Хотя, вообще, это вѣрно; но если заняться, не говорю 12 л., какъ это я сдѣлалъ, а хотя бы только годъ-другой изслѣдованіями, подобными моимъ, то и со слухомъ неособенно тонкимъ можно достигнуть большихъ успѣховъ, такъ-что дѣйствительно можно опредѣлить помощью слуха, что напр. одинъ и тотъ же франц. акцентъ, т. е. акцентъ на конечномъ слогѣ, гораздо менѣе благозвученъ въ ф. фундаментъ, чѣмъ въ ф. корреспондентъ. И нетолько слухомъ, но и *пласти-*

чески можно чувствовать и даже зрѣніемъ видѣть, какіе неудобные переходы отъ одного органа къ другому во время артикуляціи извѣстныхъ звуковъ совершаются въ томъ случаѣ, когда мы дѣлаемъ не надлежащее удареніе, или когда, не обращая вниманія на это послѣднее, мы придерживаемся фонетики согласно законамъ морѳологіи и вопреки законовъ просодіи, какъ напр. въ ф. стóящій, вм. стóющій. Но, несмотря на все это, я вовсе не утверждалъ, что вся сила моей теоріи заключается на показаніяхъ внѣшнихъ чувствъ: напротивъ, есть цѣлые ряды фактовъ, собранныхъ мною помимо всякихъ чувственныхъ воспріятій и уже совершенно наглядно подтверждающихъ выводы, сдѣланные на основаніи этихъ послѣднихъ. Пусть не довѣряютъ ни зрѣнію ни слуху. Но если я напр. по слуху чувствую, что окончательный слогъ прилагательныхъ на ый чрезмѣрно длителенъ и поэтому, согласно моей теоріи, не долженъ бы терпѣть на себѣ ударенія и если, затѣмъ, словарь во всемъ своемъ составѣ фактически подтверждаетъ, что этотъ слогъ дѣйствительно совсѣмъ не носитъ на себѣ ударенія: то не вправѣ-ли я заключить, что я не ошибаюсь, полагаясь на слухъ? А такихъ и тому подобныхъ фактовъ въ моей книгѣ немало, какъ напр. изложенные въ §§ 41 и 55, 22, 23, 37, 39, 129 и проч. Говорятъ, что выводимые мною законы допускаютъ много исключеній. Но развѣ это моя вина? Обиліе исключеній доказываетъ не что иное, какъ тотъ, вездѣ въ мірѣ повторяющійся, фактъ, что чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ больше въ немъ уклоненій отъ общаго порядка вещей (таковы, напр., метеорологическія явленія). Затѣмъ, если всѣ исключенія легко объясняются извѣстными причинами (какъ это предусмотрѣно въ моей книгѣ), то они скорѣе подтверждаютъ, чѣмъ опровергаютъ вѣрность теоріи. Наконецъ, я утѣшаю себя надеждою, что, помимо всякихъ теорій, мой трудъ принесетъ пользу для нашего бѣднаго языкознанія уже по тому, что въ немъ собраны всѣ тѣ факты, которые даже при хорошемъ практическомъ знакомствѣ съ языкомъ немало однако затрудняютъ основательное изученіе его. Къ такимъ фактамъ, напр., относятся рязныя формы съ двоякимъ удар., односложныя формы съ подвижнымъ удареніемъ и, вообще, такія формы, которыя нерѣдко ставятъ въ тупикъ даже самихъ учителей русск. языка съ филологическимъ образованіемъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Списокъ словъ съ двоякимъ удареніемъ

(Прилож. къ §§ 130, 31, 32.)

А. Съ однимъ значеніемъ.

Въ предлагаемомъ спискѣ названія словарей обозначены инициалами авторовъ: А значитъ словарь Академіи, Д — Даля, М — Макарова, Р — Рейфа; причемъ, «Фил. Разыск.» Грота обозначены Гр. Затѣмъ, сдѣланы еще слѣдующія сокращенія: 1) Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ удареніи сходятся всѣ три главныхъ словаря, т. е. А, Д и М, то ставится цифра 3; когда же они разнствуютъ, то, кромѣ всего слова, прописываются еще тѣ слоги, гдѣ стоитъ удар., и тутъ же рядомъ инициалъ авторовъ; 2) Опущеніе того или другого автора знаменуетъ, что въ его словарѣ нѣтъ или самаго слова, или, что, по крайней мѣрѣ, это послѣднее необозначено удареніемъ; и 3) Въ двусложныхъ словахъ ударе́ніе не отмѣчено, такъ-какъ это было бы лишне: ибо въ такихъ словахъ оно и физически не возможно другое, какъ только на двухъ наличныхъ слогахъ.

I. Глаголы.

Ба́лова́ть Д, вать А М
большинствова́ть Д, вать А М
ботнуть Д
брыкать М, ать А Д
бубнить Д
вечеря́ть Д, рять А М
во́нить Д, нить А М
глянуть Д, нуть А М
грохать Д
гукнуть Д, гук А М
гуто́рить А Д, то М
добрить А Д, до М
досто́ить Д М, то А
ду́до́лить Д, до М
дюжѣть Д, жѣть А М
забо́та́ть Д
зазрѣть Д, рѣть А М
затишить Д

зубри́ть Д, рить А М
зыбать Д, зы М, бать А
изсте́кли́ться Д
исклохта́лась Д
испоро́жни́ть Д
княжить Д М, жить А
ко́зли́ться Д, ко А, лить М
ко́ртоми́ть Д, мить А М
начи́ни́ться Д, нить А
него́ди́ть Д
окли́ка́ть З
осте́рви́ться Д
очу́ди́ть Д
пе́ка́рить Д
перего́рчи́ть Д
переку́ба́риться Д
пили́ка́ть А М
пи́ршествова́ть Д, вать А М
плющить Д М, щить А
подки́да́ть Д, дать А М
позаво́рси́ться Д
поло́ши́ть Д, ло А, шить М
приса́ми́ть Д
разру́жи́ть Д (употр. только съ предлог.)
раску́та́ть Д, ку А М
склизнуть Д
сколзать и ско́льза́ть Д
скучить Д, ску А М
смѣрять Д, смѣ А М
соро́чи́ть Д
ста́кну́ться Д, стак М, нуть А
сѣти́ться Д
та́йни́чать Д, тай А М
такать Д, та А М
тара́ба́рить Д
тене́ти́ть Д, тить А М
типу́нѣть М, нѣть А
толо́чи́ть Д М, чить А
удить Д, у А, дить М
удо́лжи́ть Д
упра́здни́ть Д, нить А М (безъ предлога не употр.)
упро́сти́ть Д, рить А М (отъ простой, безъ предл. не употр.)
уско́ри́ть Д, рить А М (безъ предл. не употр.)
хапать Д, ха А М
хлобы́сну́ть Д, нуть А М
цапать Д, ца А М
черкать Д, чер М, кать А
шело́ми́ть Д
щелкать З
юркнуть Д, юр А М.

Примѣчаніе. Всѣ вышеперечисленные глаголы (кромѣ одного — зазрѣть) держатъ удареніе или на основной части слова или на его окончаніи. Нѣкоторые изъ этихъ глаголовъ, употребляясь въ простѣйшей формѣ, т. е. безъ приставокъ, носятъ только одно удареніе, именно слѣдующіе: бо́тать, тиши́ть, стекли́ть, клохта́ть, поро́жнить, чини́ть, годи́ть, кли́кать, стерви́ться, чуди́ть, горчи́ть, куба́рить, кида́ть, ворси́ть, са́мить, ку́тать, мѣрять, должи́ть. И, наоборотъ, нѣкоторые изъ простѣйшихъ глаголовъ, для выраженія извѣстныхъ видовыхъ оттѣнковъ, принимаютъ двоякое удареніе, какъ напр. дви́гать и двига́ть, сы́пать и сыпа́ть, — о чемъ, впрочемъ, обстоятельно говорилось уже раньше (гл. XIX). Слѣдующіе глаголы, будучи сложны съ предлогами, такъ же удерживаютъ двоякое удареніе на тѣхъ же слогахъ, какъ и въ простѣйшей формѣ: во́пи́ть и прово́пи́ть, но взопи́ть, возопи́ть (одно удар.), ба́лова́ть и поба́лова́ть, но поисба́ловать (одно удар.), поло́ши́ть и сполоши́ть, перепо́лоши́ть, у́ди́ть и нау́ди́ть.

II. Имена существительныя.

Ана́лизъ Д, лизъ А М
ана́пестъ А М, пестъ Д
байдакъ Д, дакъ А М
балда Д, да А М
ба́ловни́къ Д, ни́къ А М
безвре́ме́нность А Д, вре М
бе́ркутъ Д, утъ А М
библіоте́ка Д, те А М
бифстексъ (по словарямъ, но чаще говорятъ **бифште́ксь**) Д, би А, стексъ М
бобо́ви́къ Д, ви́къ А М
бо́йница М, ни А Д
бо́та́ло Д
брако́вщи́къ М, щи́къ А Д
бро́ня М, ня А Д
бѣсо́вщи́на Д, щи А М Гр.
ва(о)ро́ви́на Д, ви А
вербо́вщи́къ М, щи́къ А Д
вне́дреніе А, дрен М
во́дорость Д М, рость А
воро́та́ З
вы́травщи́къ Д
вы́шелуше́нье Д
ве́ри́тель Д М, вѣ А
ве́три́ло Д, вѣт А, ри М
вьюга Д, га А М
га́лче́нокъ Д, гал А
гарлу́па́ (растеніе) Д
гла́дышъ Д, ышъ А М
гнойникъ Д, гной А
голо́ви́ца Д, ви А М
голо́вщи́на Д, щи А М
го́лоле́дь Д
горстникъ Д
гра́жда́нинъ Д, нинъ А М
гру́зило Д, зи А М
гру́щи́на Д
гуса́рче́нокъ (ум. отъ гусарь) Д
гу́сени́ца Д, гу А М
гу́то́рка Д
да́рни́ца Д
дежа Д, жа А М
денжу́ра́ (шуточное: де́ньги и деньга́) Д
де́нщи́на Д (суточная работа)
деньга Д, день А М
де́рзостни́къ Д, дер А
деспотъ З
до́лжея А М, я Д
древе́сина А М, си Д Гр
ду́ри́ца Д, ду А М
дѣви́ца Д, ви А М
дѣво́нька Д
дѣ́ни́е Д, я А М
жа́рени́на (жаркое) Д
жемчугъ З
же́ни́ще (вступившая въ бракъ незаконно, напр. четвертая жена) Д, же А
жи́воко́сть А Д, жи М
жи́ли́ще Д, ли А М
за́во́дье (за́водь) Д
за́воло́чье А Д, лочь М
за́воро́тъ Д, ротъ А М
за́говѣ́нье Д, за А М
задво́рка Д М, за А
за́дво́рокъ Д, дво А М
за́мо́шье́ Д (мѣсто за мшинами, за болотомъ)
запа́сна́я (кладовая, клѣть) Д па А М

заплескъ Д
запонъ Д, за А М
за́су́ха Д, су А М
за́сѣ́дка (стойка въ кабакѣ) Д, сѣд А
за́сѣ́ка А М, сѣ Д
за́сѣ́къ А М, сѣ́къ Д
зимо́вье́ Д, мовь А М
зи́мородокъ Д, ро А М
зло́би́ще Д
зна́тье и знатьё Д
зубень (зубъ, зубецъ) Д
зя́бли́на Д, зя А М
и́збра́нникъ Д, бран А М
и́зволо́къ Д, локъ А М
и́згоро́да и и́згоро́дка (изгородь) Д, ро А М
и́змоло́тъ (количество зерна, вымолоченнаго въ одинъ разъ) Д, лотъ А М
изобрѣ́те́ніе Д, брѣ А, те М
испо́дни́къ (вещь, въ исподи лежащая) Д
и́сто́покъ Д
ка́мени́ще (увел. отъ камень) Д
кану́ра́ Д, ну А М
кара́гушъ Д, гушъ А М
ква́ку́шка Д, ква А М
ке́лейка А М, лей Д
ки́сли́ца Д, кис А М
кла́дбище Д, би А М
кла́дене́цъ Д, нецъ А М
климатъ Д, кли А М
клинокъ З
ко́бузъ А Д, бузъ М
ко́лове́рть А, верть Д М
ко́ловра́тъ Д, вратъ А
ко́ло́тье Д, ло А М
коля́да М, да А Д
ко́новязь А Д, вязь М
конкурсъ Д, курсъ А М
ко́нопать А Д, пать М
коно́пля́ и коно́пе́ль Д, пля и пель М
кормщикъ Д, корм А М
коро́вища А М, ви Д
ко́ртома́ и ко́рто́мъ Д, ма А М
кочевье́ А М, ье Д
кру́жевцо А М, цо Д
кру́пи́на Д, ку А М
кру́пи́нка З
ку́коль (кукля) Д, ку А М
ку́пина́ Д, на А М
кутникъ Д, кут А
лама (жрецъ) Д, ла А М
лапу́ха́ Д
ле́лекъ (лелёкъ) А М, лекъ Д
лемехъ Д, ле А М
ли́тіе и ли́тьё Д, ли А, ье М
ло́жби́ще Д
лоску́тье Д, куть А М
лѣха А, ха Д
ляда Д, ля А М
ма́ку́шка Д, куш А М
ма́сли́на Д, мас А М
ма́сли́чина Д, мас А М
міря́нинъ М, нинъ А Д
му́зы́ка Д Гр., му А М
мысли́тель (одно удар.) З, мы Гр и употребленіе
мы́шле́ніе Д, мы А, шле М
мѣдяни́ца (мѣдя́нка) Д, мѣ А М
мѣ́ри́ло А Д, ри М
мя́тье и мятьё (отъ мять) Д, мя А М
на́волокъ Д, на А
на́ковальня З, валь по Гр. и общему употребленію.

насморкъ З
наслудъ или на́слу́зъ (на́ледь) Д, слудъ А М
наспѐхъ А М, на Д
на́чесъ и начёсъ А, чёсъ Д М
негодъ (неудача) Д, годъ А М
не́доучъ Д, учъ А М
не́любо́вь Д, бовь А М
неоспо́ри́мость Д, спо А М
не́поворо́тень Д
не́про́махъ Д, про А М
не́удаль А М, у Д
ни́зина́ Д, на А М
ну́жда А Д, да М
ну́ждица А Д, ди М
обжигъ Д, жигъ А М
о́блачко́ А Д, об М
огне́ви́къ Д, викъ А М
огне́ви́ца Д, ви А М
озо́рство́ Д
о́льха (одно удар.) З, ха по употребл.
о́льши́на Д
о́соко́рь Д, ос А М
осо́ка́ Д, со А М
о́стрі́е (іе) Д М, ост А
отзывъ Д, от А М
откликъ Д, от А М
отмахъ Д, от А М
па́мяту́хъ А Д, па М
па́мятца М, ца А Д
пастьба Д, ба А М
пеня Д, пе А М
пе́рвенство́ Д, пер М, ство А
пере́дни́ще Д
перепрода́вецъ А Д, ецъ М
пе́реро́сль Д
пе́репе́ча Д, печ А М
нестри́на́ А Д, на М
пикникъ (англ.) Д, пи М, кникъ А
пи́ршество́ З
пла́вленіе А Д, вле М
плавщикъ Д, плав А М
пла́станье А М, стань Д
пла́ти́на А Д, ти М
пле́менни́къ (питомникъ) Д
плетень А М, тень Д
плита А Д, та М
повѣть Д, ѣть А
пого́ща́нинъ Д, го А
погу́то́рка (погу́дка) Д
позывъ Д, по А М
поло́вни́къ Д, лов А, никъ М
поско́ни́на Д, ско А М
посла́не́цъ Гр., сла М, нецъ А Д
по́слу́шникъ Д, слу А М
по́рость М, рость А Д
поста́ве́цъ Д Гр., ста А, вецъ М
пра́ба́бка Д, ба А М
пра́ба́бушка Д, ба А М
правщикъ (правильщикъ) Д
пра́зднество́ З
пра́роди́тельница Д, ди А М
при́запанъ и приза́понь А, за Д
прика́знослужи́тель Д, жи А М
принци́пъ Д, прин по употребл.
припу́щени́къ Д, пу А М
присвистъ А, свистъ Д
приступъ Д, при А М
при́хво́стникъ Д М, хво А
пріобрѣте́ніе М, брѣ А, те Д
про́во́ды А, про Д, во М
прогибъ Д
прозо́рливость М, ли А Д
прологъ А Д, огъ М. Впрочемъ, въ значеніи церк. книги съ однимъ удар. — про́логъ

простъ Д, про А
просви́рня (просви́рня) Д
просолъ А, про М, сол Д
прошесть Д
пуздро Д
пу́зи́шко (пу́зо) Д, зи А
пу́зище Д, зи А М
пу́зови́на Д
пурга (мятель) Д, пур А М
пчельникъ Д, пчель А М
пѣ́сту́нья Д, у А
пѣ́сту́ха Д
ра́ве́нство Д, ра А М
реше́ти́ны А Д
ро́зноплавъ Д
рубель А М, бель Д
ругань Д
руда Д, да А М
русло Д, рус А М
ру́чища Д, чи А М
ры́барь А, арь Д М
са́женецъ Д, ецъ А М
сажень А Д, жень М
сайга Д, сай А М
сби́теньщикъ М, щикъ А Д
сва́рли́вость З
свѣ́жи́на́ Д, жи М, на А
свѣ́жникъ (холодный родникъ) Д
связло Д, свя А М
се́льщи́на Д
серпу́ха Д, ха А М
си́ли́ще Д
символъ Д, сим А, волъ М
сино́дикъ Д, дикъ А М
сиринъ Д, си А М
сиро́тство́ Д, рот М, ство А
скважня З
сквозни́на́ Д
скла́дчи́на А Гр., склад М, чи Д
ску́льпторъ А, торъ А М
сланецъ Гр., сла Д М, нецъ А
сланье Д
слежникъ Д (лѣсъ, годный на слеги)
сло́ва́ри́шка Д, рищ А М
слова́ри́ще Д
слю́да З (одно удар.), да по употребл.
слюна Д, слю А М
сля́га́ и слега́ (1 удар.) Д
соба́чи́ща Д, ба А
соколъ Д, колъ А М
сосна З
сродство А, во Д М
ста́ви́ло Д, ста А
ста́ту́я (ста́ту́й) А М, ту Д
су́ме́жье Д, межь А
су́пе́сокъ Д, суп А М
су́ше́нье Д, шень А
схима Д, схи А М
та́волга А М, га Д
та́йга М, га А Д
тене́то́ М, не Д, то А
тепель, те́плина́ (теплынь) Д
тка́ни́на Д, ни А М
то́пли́во Д, топ А М
торецъ (торцъ) Д, то А М
транспортъ Д М, транс А
тра́пе́за З
тресна Д, трес А М
уго́лье Д, у А М
узо́ро́чье Д, рочь А М
украситель Д, си А
у́моло́тъ Д, лотъ А М
у́толо́къ и у́то́лока Д
фосфоръ Д, фос А М
хво́я А М, я Д

ходе́бщи́къ Д, деб А М
ца́па́ла Д
цели́буха Д, бу А М
цы́пушка А М, пуш Д
цѣли́зна́ Д, на А М
черва (червь, приплодъ пчелъ) Д, чер А
черёмха А М, ха Д
чере́сло́ Д, чре́сла́ А, чре М
чи́сле́нье Д, чи А, сле М
чугу́ни́на Д, ни А
шабашъ Д, башъ А
ше́лепе́нь (плеть; кнутъ) Д
ше́люга А М, лю Д
шма́ра (восточное) и шмара́ (южное) цвиль, рѧска, Д
ю́жа А Д, жа М
юродъ (юро́дивый) Д, ю А

Примѣчаніе 1-ое. Въ этотъ списокъ не вошли тѣ отглагольныя имена, кои, подобно своимъ непосредственнымъ производителямъ, отличаютъ видовыя оттѣнки помощью двоякаго ударенія. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ, изобилующихъ въ словарѣ Даля, мало извѣстны и почти не употребительны, какъ напр. за́тере́бъ, за́тра́въ, про́гиб̀ъ. Вотъ болѣе употребительныя: за́щи́пъ, за́че́рпъ, переч̀е́рпа́нье, поло́ше́нье, подки́да́нье, гото́вле́нье, окли́ка́нье, сре́за́нье, перере́за́нье, утыка́нье, расплавленье (отъ расплавить) и расплавле́нье (отъ расплавля́ть), ознако́мленіе (отъ ознако́мить) и ознакомле́ніе (отъ ознакомля́ть), перепа́данье (отъ перепа́дать) и перепада́нье (отъ перепада́ть) и проч. Впрочемъ, объ этомъ говорится еще въ другомъ мѣстѣ (§ 131 п. 1).

Примѣч. 2-ое. Между перечисленными въ вышеприписанномъ спискѣ словами есть нѣсколько и такихъ, кои не отмѣчены въ словаряхъ двоякимъ удареніемъ и кои однако вошли во всеобщее употребленіе съ сказаннымъ акцентомъ, какъ напр. на́кова́льня. И, наоборотъ, слѣдующія слова съ двояким̀ удареніемъ: фунда́ме́нтъ (по Ак.) и фено́менъ (по Мак.), феноме́нъ (по Рейфу), не помѣщены въ нашъ списокъ, ибо можно положительно утверждать, что они неблагозвучны съ удареніемъ: первое на конечномъ, а второе — на срединномъ слогѣ. (См. § 142 п. 2-й и «Русское Слогоуд.» стр. 240—242).

Примѣч. 3-ее. Въ книжкѣ В. Долопчева: «*Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи*» есть еще и другія слова съ двоякимъ удареніемъ, кромѣ помѣщенныхъ въ нашемъ спискѣ. Но мы взяли изъ нихъ лишь немногія, такъ-какъ фонетика бо́льшей части ихъ относится лишь къ мѣстному говору.

Примѣч. 4-ое. Обозначеніе слова *прика́знослужи́тель* надо понимать въ другомъ смыслѣ, чѣмъ во всѣхъ другихъ словахъ, помѣщенныхъ въ нашемъ спискѣ, и именно такъ: оно не произносится разъ съ тѣмъ, а другой — съ другимъ удареніемъ порознь, а произносится каждый разъ съ тѣмъ и другимъ, какъ два отдѣльныхъ слова. Есть и другія подобныя слова, какъ напр. церко́внослужи́тель, бла́гопріобрѣте́ніе, прихо́дорасхо́дная и проч. слова, которыя хотя въ словаряхъ обозначевы однимъ удареніемъ, но тѣмъ не менѣе произносятся съ двумя передышками: иначе, по причинѣ длительности ихъ артикуляціи, они вышли бы в. неблагозвучны (§ 41).

Существительныя, употребляющіяся только во множественномъ числѣ:

Двойни́чки́ (двойни, близнецы)
до́си́дки (послѣдки перегона вина, или дегтя)
за́рабо́тки
и́му́шки, имки, иму́шка (жмурки)
лишки (остатки)
по́дса́нки (родъ большихъ салазокъ, кои подвязываются позадь дровней)
па́зо́лки, подзо́лъ (выщелоченная зола)
при́го́ршни
роды
сапо́жки́
спо́ло́хи (сѣверное сіяніе)
су́ше́нки (сушки, крендельки)
чётки (въ смыслѣ бирюльки)
щурья.

III. Имена прилагательныя.

Ба́бова́тый Д
безвре́ме́нный А, врем Д М
бе́рцо́вый Д, бер А
бло́ни́стый (отъ блонь) Д
бро́ви́стый Д, ви А М
во́згла́сный Д, глас А М
ге́рбо́вый А Д, герб М
двуле́пе́стный Д, пест А
двума́что́вое судно Д
дла́ни́стый Д
дѣви́чій З
жи́воро́дный Д, род А М
за́боло́тный Д, лот А
за́ва́льный Д, за А М
за́навѣ́сный Д, вѣс А М
за́но́чный (образовавшійся за одну ночь) Д
зве́нько́вый (зве́ночный) Д
звѣ́здча́тый Д, звѣзд А М
зе́рка́льный Д М, зер А
и́збра́нный З
икря́ни́стая рыба Д
и́ско́нный Д, кон А М
ки́сли́чный Д, ки А М
кожу́ри́стый Д, жур А М
ко́нови́зный Д
коно́пе́льный Д, пель А М
ко́рмле́ный Д, кор А
кру́пча́тый Д, ча А М
ку́ря́чій Д, ря А М
ли́ся́чій Д, ся А М
ма́зо́вый Д
ма́слова́тый, ма́сля́ный Д, мас А
мироя́вле́нный Д, влен А
мѣдя́ный Д, мѣд А
на́бере́жный Д, на А М
на́воро́тный Д
неисчи́сли́мый Д, чис А, сли М
неоспо́ри́мый Д, пор А, ри М
непло́дли́вый Д
о́бми́рчивый Д
обы́де́нный Д, де А М
песи́кова́тая шерсть Д, ва А М
про́до́логъ (продолговатъ) Д
продо́лгова́тый Д, ва А М
прозо́рли́вый М, ли А Д
разо́вы́я деньги Д М
распа́шна́я земля Д

са́хари́стый Д, ри М
сва́рли́вый З
силенъ Д, си М
сле́са́рный Д М, сар А
сли́зкова́тый Д, ва А
со́лка́я соль (спорная) Д, сол М
со́ло́ный (прил.), соле́ный (прич.) Д, сол А М
спе́шли́вый Д
ссу́чли́вая верев а Д
суту́ловатый А Д, ват М
сча́стли́вый А М, ли Д
тра́ви́стый Д, ви А М
та́зовый М, зов А Д
тру́бча́тый З
уча́стко́вый Д, част А М
че́ля́дный Д, че А М
щу́рова́тый Д.

Кромѣ вышеперечисленныхъ, есть еще много другихъ именъ прилагательныхъ, употребляющихся въ двоякой формѣ и съ двоякимъ удареніемъ: или на *ой*, или на предыдущіе слоги передъ *ый*, напр. дне́вный и дневно́й. Приводимъ списокъ болѣе употребительныхъ:

безочере́дный и — о́й
бла́жный и — о́й
вре́менный и — о́й
водя́ный и — о́й
вы́игрышный и — о́й
вы́ходный и — о́й
гра́дскій и — о́й
гроздя́ной и — о́й
дне́вный и — о́й
досту́пный и — о́й
дюймо́вый и — о́й
зава́рный и — о́й
зве́здный и — о́й
и́гровый и — о́й
и́кряный и — о́й
кладо́вый и — о́й
концо́вый и — о́й
коре́нный (вм. корнево́й) и — о́й
медо́вый и — о́й
мѣдя́ный и — о́й
нажи́вный и — о́й
осно́вный и — о́й
о́трубный и — о́й
подочере́дный и — о́й
призы́вный и — о́й
прово́дный и — о́й
пудо́вый и — о́й
пухо́вый и — о́й
разры́вный и — о́й
ря́бый и — о́й
со́шный и — о́й
столо́вый и — о́й
сы́товый и — о́й
сы́тый и — о́й
торфя́ный и — о́й
тростя́ный и — о́й
уда́лый и — о́й
хвосто́вый и — о́й
хи́лый и — о́й, или хи́лкій и хилко́й
чере́пный и — о́й

Отглагольныя прилагательныя (причастія).

Страдательныя прич. прош. вр., подобно вышеприписаннымъ прилаг., такъ же часто носятъ двоякое удареніе, которое падаетъ или на предпослѣдній, или же на другіе (предыдущіе) слоги, обыкновенно согласно генетикѣ. Одни изъ этихъ причастій при томъ и другомъ удареніи остаются совершенно тождественными, другія же допускаютъ измѣненія въ удвоеніи согл. **н**. Вотъ *первыя изъ этихъ причастій*:

выли́ва́нный, вѣнча́нный, зацѣпле́нный, и́збра́нный, ко́рмле́ный, мо́ле́ный, наво́стре́нный, нало́же́нный, насы́ще́нный, нацѣже́нный (и пере), отва́ле́нный, отро́ще́нный, пла́вле́нный, пе́ре́данный, пересе́че́нный, поло́же́нный (и рас), прибли́же́нный, прилѣпле́нный, прова́ле́нный, рва́ный и разо́рванный, разбу́женный и разбуждённый, расхва́ле́нный, скле́е́нный (и на), су́че́ный, су́ше́ный, то́пле́нный, то́че́ный, уни́же́нный, я́вле́нный. При чемъ, надо замѣтить, что за исключеніемъ послѣдней формы (я́вле́нный), во всѣхъ остальныхъ именахъ гл. **е** (ён) съ ударе́ніемъ произносится за іо.

Причастія, въ коихъ съ перестановкою ударенія происходятъ измѣненія въ удвоеніи согл. **н**:

варёный и разва́ренный, заклю́ченный и заключёный, заря́женный и заряжёный, золо́ченый и золочённый, ко́шенный и кошёный, на́званный и назва́ный, пи́ленный, пилёный и распи́ленный, ско́бленный и скоблёный, скри́вленный и скривлёный, сушёный и подсу́шенный, торо́ченный и торочёный, чи́неный и чине́нный.

Нѣкоторыя изъ помянутыхъ причастій, вмѣсто **ный**, оканчиваются или на **тый** или на **той**. Согласно общему, намъ уже извѣстному закону (§ 101), въ первомъ случаѣ удареніе падаетъ на одинъ изъ предшествующихъ окончанію слоговъ, а во второмъ — на слогъ послѣдній. Вотъ нѣсколько примѣровъ на эти причастія: за́пертый и запертой, на́литый и налитой, на́ткнутый и наткнутой, на́чатый и начатой, о́тжитый и отжитой, при́нятый и принятой, про́клятый и проклятой.

IV. Нарѣчія.

Ало (отъ прил. алый) А М
безвре́ме́нно А, ме М
ва́ло́мъ или гу́рто́мъ Д
до́ве́ку (до конца жизни) Д
за́тепло (въ губ. сѣв. и вост.) и
затепло́ (въ губ. южн. и зап.) Д
издале́ка З
издре́вле З и съ́издревле Д
и́на́че З
и́скони́ Д, ни А М, и́ско́нно Д
и́спе́рва (сначала) Д, пер А
исподти́шка́ Д, ка А М
коро́тко́ Д, ко М
мокро З
навѣкъ (навѣки) Д, вѣкъ М
на́вѣ́теръ (зря) Д
на́гото́во Д
на́до́лго Д, до А М
на́мо́лоди (о мѣсяцѣ и о квасѣ) Д
на́пе́рво Д, на А
напро́ти́въ Д, про М, тивъ А
на́черно́ Д, но А М
не́ви́дко Д
невѣсть, невѣдь Д, вѣ А М
неза́до́лго Д, дол А М
неу́жели Д, же А М
ново Д, но А М
о́сене́съ (осенью) Д, ос А
плашмя Д, мя А М
по́голу́ (по голой землѣ) Д
по́да́вну (давно) Д, да А М
про́ти́ву Д, ти А М
спе́реди́ З
спроста А М, та Д
су́проти́въ Д, тивъ А М
сча́стли́во А М
темно А М
то́тчасъ А М, часъ Д

Примѣч. Кромѣ перечисленныхъ нарѣчій, есть еще и другія съ двоякимъ удар. нарѣчія, образующіяся изъ именъ прилагательныхъ качественныхъ и оканчивающіяся на *о*, какъ напр. высо́ко и высоко́, дале́ко и далеко́ и проч. (См. § 131 п. 5).

V. Другія части рѣчи.

Кромѣ перечисленныхъ нами глаголовъ, именъ существительныхъ, прилагательныхъ и нарѣчій, изъ остальныхъ частей рѣчи только весьма немногія допускаютъ передвиженіе ударенія. Такихъ словъ мы нашли всего только четыре: во-первыхъ, одинъ предлогъ — **пе́ре́дъ** (въ значеніи существительнаго допускающій только одно удареніе — **пере́дъ**); во-вторыхъ одинъ союзъ — **или** (у Даля вовсе неотмѣченный удареніемъ) и, втретьихъ, два числительныхъ: **ше́стеро** и **шестёро**, **че́тверо** и **четвёро** или **четверы́** (Даль).

Б. Слова съ двоякимъ удареніемъ и двумя значеніями.

I. Глаголы.

Ба́грить — ловить рыбу багромъ; **багри́ть**, багря́нить — наводить багряную краску.

Бла́говѣстить — звонить въ церковный колоколъ; **благовѣсти́ть** — объявлять, передавать благую вѣсть.

Вы́купать — окунуть въ водѣ; **выкупа́ть** — скупать, закупать всѣ, что есть; выкупа́ть изъ плѣну.

Вы́метать — выметнуть, выбрасывать; **вымета́ть** — вымести, напр., избу.

Вы́носить — отъ носить и **выноси́ть** — отъ нести.

Вы́сыпать — напр. зерно; **высыпа́ть** — выспаться.

Вѣ́трѣть и вѣ́трить (вѣ́триться) — провѣтриваться, просушиваться; **вѣтрѣ́ть** (о погодѣ): становиться вѣтреною, свѣжать, крѣпчать.

Го́рбить — гнуть спину, нагибаться; **горби́ть** — бить по горбу.

До́лить — дѣлить на доли; **доли́ть** — дополнить литьемъ.

Доро́жить — дѣлать выемки, фальцы; **дорожи́ть** — цѣнить.

До́хнуть — запыхаться, умирать (о животныхъ); **дохну́ть** — дыхать, дышать.

Досы́пать — отъ сыпать и **досыпа́ть** — отъ спать.

Забу́хать — убить изъ ружья; закричать; **забуха́ть** — пухнуть, вздуваться отъ сырости. Съ предлогомъ **на** употребляется тоже съ двоякимъ удареніемъ въ тѣхъ же значеніяхъ, съ видовыми, разумѣется, оттѣнками.

Забѣ́гать — начать бѣгать; **забѣга́ть** — бѣжать впередъ.

Замы́кать мычку — начать мы́кать; **замыка́ть** — запирать.

Запа́дать — видъ несоверш., напр. дождь запа́далъ; **запада́ть** — видъ сов., напр. мячъ нѣсколько разъ запада́лъ за шкафъ.

Заполо́зить (отъ ползти) — начать ползать. Дитя уже заползло; **заполози́ть** (отъ полозъ) — скользить. Колесо заполози́ло.

Зарѐстить сѣмена — положить сѣмена въ ростъ на солодъ или для опыта передъ посѣвомъ; **зарости́ть** — заращивать, напр. лугъ кустарникомъ.

Зато́кать — отъ то́кать, токова́ть (о птицахъ); **затока́ть** — отъ ткать.

Зато́пать — затоптать (напр. полъ ногами); **затопа́ть** — затопить (водою).

Зо́рить и (съ предлогомъ **до**) дозо́рить — давать чему дозрѣть; **зори́ть** и (съ предл. **до**) дозори́ть — разорять до конца.

Изма́кать (отъ мять) — изжевать, пережевать; **измака́ть** — размокнуть, смякнуть.

Кули́кать — кричать куликомъ; **кулика́ть** — пьянствовать.

Ми́ловать — прощать, снисходить; **милова́ть** — ласкать, любить.

Набѣ́гать рысака, пноходца — наѣзжать, выѣзжать; **набѣга́ть** — наталкиваться, натыкаться.

Назо́лить кому = досаждать; **назоли́ть** бѣлье — засыпать въ буклѣ золою.

Напа́дать — много па́дать и **нападать** — напа́сть.

На́шивать — отъ носить и **нашива́ть** — отъ шить.

Но́рить рыбу — ловить неводомъ; **нори́ть** землю — изрыть норами.

Ополо́зить рукава — обшмыгать, вытереть; **ополози́ть** околицу, весь городъ — объѣхать въ саняхъ, какъ *околесить*.

Отворо́жить молоко — обращать въ творогъ; **отворожи́ть** — испѣлять ворожбою.

Па́ить (отъ пай, паинька, умникъ) — по головкѣ гладить, баловать; **паи́ть** (безлично) счастливить, удаваться. Кому паитъ, у того и быкъ дойтъ.

Па́рить — подбирать парами, парова́ть; **пари́ть** — шпрять, носиться по воздуху.

Па́хнуть — вонять, ухать; **пахну́ть** — дуть, навѣвать.

Перемы́кать: 1) мычку (отъ мыкать) — дергать, чесать снова и 2) перетерпѣть горе; **перемыка́ть** — перегородить, отдѣлить.

Перепа́дать — падать изрѣдка, по временамъ: **перепада́ть** — падать сплошь, поголовно.

Повто́рить — держать второй голосъ, вто́ру; **повтори́ть** — сказать, сдѣлать вторично.

Пого́дить (безлично) — быть ненастью; **погоди́ть** — подождать.

Попа́дать (падать). Книги попа́дали съ полки; **попада́ть** (попасть). Какъ ты сюда попалъ?

По́рскать (звукоподр.) — смѣяться, фыркать; **порска́ть** (охотничье) — понуждать, возбуждать собакъ.

Посмы́кать пеньки, льну — понадергать немного; **посмыка́ть** — посомкнуть что, сомкнуть нѣсколько.

Посы́кать на собакъ — позыкать, велѣть молчать; — **посыка́ть** поускивать собакъ, потравить.

Пота́кать — приговаривать: такъ, да; **потака́ть**, пота́чить — потворствовать.

Пригу́**бить** — отвѣдать питья, приложить губы; **пригуби́ть** — погубить во множествѣ, поголовно.

Пы́жить — надувать, напыщать; **пыжи́ть** зарядъ — прибить пыжемъ.

Разстро́ить — разрушить, разладить; **разстрои́ть** — раздѣлить на трое.

Ру́шать — длить, кропть, рѣзать; **руша́ть**, ру́шить — разрушать, портить.

Сла́дить (отъ ладъ) — справиться, одолѣть; **слади́ть** (отъ сладкій) — сластить.

Сли́знуть — ослизнуть, становиться слизкимъ; **слизну́ть** — счищать языкомъ.

Со́пнуть — сопѣть; **сопну́ть** значитъ то же, что́ однокр. видъ отъ сопѣть.

Спа́ла — прошедш. вр. отъ спасть, упасть; **спала́** — прошедш. вр., отъ спать.

Спо́рить не соглашаться на что; **спори́ть** — помогать, придавать спорины. Съ предлогомъ **до** употребляется тоже съ тѣмъ и другимъ удареніемъ, какъ и гл. забухать.

Спѣшить — велѣть сойти съ коня; **спѣши́ть** — торопиться.

Ссо́рить — поселять раздоръ; **ссори́ть** (отъ сорить): 1) очищать отъ сору, 2) отцѣплять бичеву (при гонкѣ судовъ).

Стро́ить — воздвигать постройку; **строи́ть** — отъ трои́ть (утро́ить).

Стру́нить — вязать струной, или туго, какъ струной; **струни́ть**: 1) бренчать и 2) прямить ружейный стволъ, по струнѣ. Съ предлогомъ **на** и **по** — то же, что́ выше сказано о глаголахъ забу́хать и забуха́ть.

Су́толочить — толочь, топать; **сутоло́чить** — шумѣть, возмущать.

То́пить, ото́пить реп — вздернуть одинъ нокъ, опустя другой; **топи́ть**: 1) топить что въ воду; и 2) топить печку, олово и проч.

То́чить — обозначать точками; **точи́ть** слёзы, ножъ и проч.

Тру́сить — робѣть, бояться; **трусѝть** — трясти, стряхивать. Съ предлогомъ **за, пере** и **съ** то же, что сказано и о другихъ глаголахъ.

Ту́жить — напрягать, натянуть потуже; **тужи́ть** — горевать, кручиниться.

У́жинать — вечерять; **ужина́ть** — ужать, сжать.

Утóрить лады, клѣпки — нарѣзывать уторы; **уторѝть** дорогу, тропу.

У́хать 1) кричать громко и отрывисто; 2) бухнуть, бросить что громоздкое; **ухáть**: 1) нюхать; 2) благоухать.

Цѣ́лить — мѣтить; **цѣли́ть** — лечить.

Чу́диться кому — представляется, мерещится (съ предлогомъ **по** — тоже); **чуди́ться** чему — дивиться, изумляться (съ предлогомъ **по** — тоже).

Шерóшить — дѣлать шершавымъ, ерóшить, клочить; **шерошѝть** шелестить, производить шорохъ.

Прибавимъ къ этому еще глаголъ **заплати́ть**, который употребляется въ неопредѣленномъ наклоненіи въ двухъ значеніяхъ съ однимъ и тѣмъ же удареніемъ: 1) вмѣсто уплатить и 2) вмѣсто заплатать, и который въ формѣ 3-го лица будущаго времени два эти особыя значенія отличаетъ передвиженіемъ удренія. **Долгъ запла́тится** и **дира заплати́тся**.

II. Имена существительныя.

Арти́кулъ — статья, глава вообще; и въ грамматикѣ еще — членъ; **артику́лъ** — воинскій уставъ и ружейные пріемы.

А́тласъ — собраніе географическихъ картъ; **атла́съ** — шелковая матерія.

Ба́бушка — мать отца или матери; **бабу́шка** — употребляется въ нѣсколькихъ значеніяхъ, смотря по мѣстности: 1) вм. бабочка, 2) вм. бавýшка, игрушка, 3) стрекоза, 4) ложка и 5) разныя мучныя кушанья, въ видѣ лапши.

Булави́ще — рукоять булавы; **була́вище** (а) — увелич. отъ булавка.

Ба́горъ багря́нка — кошениль; **багóръ** — желѣзный крюкъ на шестѣ.

Ба́ушка — баба, бабушка; **бау́шка** — бавýшка, игрушка.

Блéсна — свѣтящіяся въ потьмахъ части нѣкоторыхъ слизняковъ; **блесна́** — оловянная рыбка, вмѣсто наживы.

Бу́рда — наростъ у птицъ; **бурда́** — дурной, мутный напитокъ.

Бу́рса (старин.) общежитіе казенно-коштныхъ воспитанниковъ духовно-учебн. заведеній; **бурса́** — персидская шелковая ткань.

Бу́ченіе отъ бу́чить; **бучёніе** отъ бути́ть.

Бѣ́лье, бѣль — все, что́ бѣлится на солнцѣ; **бѣлье́** — все, что́ сдѣлано обыкновенно изъ полотна или холста; бѣлье посильное и столовое.

Вёдро — ясная погода; **ведро́** — посудина для носки воды.

Вечёрница — вечерняя звѣзда, планета Венера; **вечерни́ца** — вечернее собраніе дѣвокъ, посидѣлки.

Вечеря: Господня и Тайная вечеря; **вечеря́** — кружицъ.

Водя́ница (сѣв.) русалка; **водяни́ца** растеніе.

Вóзгласъ — вообще возваніе, восклицаніе; **возгла́съ** — произносимое священникомъ вслухъ заключеніе молитвъ, читаемыхъ во время службы не вслухъ.

Вóлна — шерсть (овечья); **волна́** — водяной гребень, валъ.

Ворóна — птица; **ворона́** (морское) — отверстіе въ кормѣ судна, гдѣ проходитъ руль.

Вя́занка — варяшка, рукавица; **вяза́нка** — связка.

Гóмонъ (южн. и зап.), гомъ, гамъ, крикъ; **гомóнъ** (сѣв. и вост.), покой, тишина.

Гу́ба — края рта; **губа́** — морской заливъ.

Гу́льба — картофель; **гульба́** — погулка, попойка.

Гру́шевка — родъ яблокъ; **грушёвка** — грушевая наливка.

Добрóта, добрина́ — качество, достоинство вещи; **доброта́** — добродушіе и, вообще, нравственное качество человѣка.

Доли́на — низкое мѣсто; **долина́** — длина.

Ду́хи — безплотныя существа; **духи́** — благовонныя масла.

Ду́ша (или душъ) — холодныя обливанія; **душа́** — безсмертное существо, духъ.

Ёмщикъ, съёмщикъ — подрядчикъ; **емщи́къ** — ямщикъ.

Жа́воронокъ — вообще всѣмъ извѣстная птица; **жаворóнокъ** же уменьшит., т. е. молодой жа́воронокъ.

Желу́докъ — часть тѣла; **желудóкъ** — уменьшит. отъ желудь.

За́головокъ — передняя загнутая часть саннаго полоза; **заголóвокъ** — заглавіе.

За́йчина (и заячина) — заячье мясо; **зайчи́на** (и зайчи́ще) — увелич. отъ заяцъ.

За́мокъ — крѣпосца, дворецъ; **замо́къ** — снарядъ для закрѣпы, запирки чего.

За́молотъ — пробное молоченіе; **замоло́тъ** — плата за молотьбу.

За́мчище — увелич. отъ за́мокъ; **замчи́ще** — увелич. отъ замо́къ.

За́падъ — страна свѣта; **запа́дъ** — закатъ, заходъ солнца.

За́толока — скоромь, приправка ко щамъ или кашѣ; **затоло́ка** — уколачиваніе.

За́сѣкъ — сусѣкъ, закромъ; **засѣ́къ** — засѣка.

Зи́мникъ — зимняя дорога; **зимни́къ** — зимнее становище (у кочующихъ инородцевъ).

Зѣвникъ ум. отъ зѣвъ; **зѣви́къ** порода раковины.

И́глица — трава (мышій тернъ); **игли́ца** — игла для вязанья.

И́кра, крига (старинное кра), — льдина; **икра́**: 1) часть ноги и 2) рыбій плодъ.

Испо́дница — нижняя изба, ярусъ и, вообще, вещь исподи лежащая; **исподни́ца** — юбка.

Кали́на — кустарникъ; **калина́** (отъ калить) — раскаленное состояніе металла.

Ки́рка — протестантская церковь; **кирка́** — орудіе для копанія, родъ мотыги.

Ки́са — кошка; **киса́** — мѣшокъ.

Кля́пикъ — уменьш. отъ кляпъ; **кляпи́къ** — особаго рода ножъ.

Ко́злы — сидѣнье для кучера; **козлы́**: 1) животныя и 2) бревно на стойкахъ.

Колёсникъ — дѣлающій колеса; **колесни́къ** — колея.

Ко́лосъ — часть злака, вмѣщающая зерна, сѣмена; **коло́ссъ** — предметъ огромнаго размѣра.

Ко́лье и **кольё** — колья; **кольё** (коліе), франц. — ожерелье.

Коре́нникъ: 1) болотное топливо, торфъ, 2) коренщикъ, зеленьщикъ; **коренни́къ**, коре́нникъ — коренной конь въ оглобляхъ.

Ко́рецъ — хлѣбная мѣра въ Привислянск. краѣ (32 гарица); **коре́цъ** — ковшъ.

Ку́ра — курица; **кура́** — трава (видъ молочая).

Ла́са: 1) ласка (звѣрокъ), 2) лакомка; **лаза́** — лиса, льстецъ.

Ле́дникъ — погребъ со льдомъ; **ледникъ** — глетчеръ.

Лино́вище — кожа змѣи или насѣкомаго, скинутая на смѣну; **линови́ще** — привольное и скрытое мѣсто, гдѣ утки, гуси

и другая водяная птица собирается осенью и перебирается перомъ.

Лицевщи́къ — пишущій ли́ца образо́въ; **лицо́вщикъ** — кто лицуетъ.

Лу́чекъ — ум. отъ лукъ въ значеніи растенія; **лучёкъ** — ум. отъ лукъ въ значеніи орудія.

Маре́на — рыба (видъ сига); **марена́** — краси́льное растеніе (крапъ).

Мо́лодецъ (въ сказкахъ и пѣсняхъ) — хватъ, удалецъ; **молоде́цъ**: 1) молодой юноша, 2) прислужникъ и 3) видный, статный, удалой.

Мо́лотье — все, что́ смолочено — мука, крупа и проч.; **моло́тье** — меленіе, молка.

Мокро́та (мокро́тина) — харкотина, слизь; **мокрота́** (мокрина́, мо́кредь) — сырость, не́погодь.

Му́жикъ — ум. отъ мужъ; **мужи́къ** — простолюдинъ.

Му́ка — муче́нье; **мука́** — смолотое хлѣбное зерно.

Му́ченье — отгл. имя въ длит. видѣ отъ му́чить; **муче́нье**: 1) страданіе, мука и 2) отглагольное имя отъ мути́ть.

Мура́ва́ (двоякое удар.) — глазурь, полива; **мурава́** — (одно удар.) — луговая трава.

Мя́кишъ: 1) все мягкое и 2) ярь (зеленая углекислая мѣдь); **мяки́шъ** — безскорупое, мягкое яйцо (выплавокъ).

Не́водъ — сѣть; **невóдъ** — неимѣніе. (Этого слова нѣтъ ни у Даля, ни въ академич. Оно есть у Макарова съ слѣдующимъ опредѣленіемъ: «la diminution du bétail»).

Не́укладь неугомонный ребенокъ; **неукла́дь** неукладный товаръ.

Овся́никъ: 1) хлѣбъ изъ овсяной муки и 2) медвѣдь; **овсяни́къ** — сарай для овсяной соломы.

О́кругъ (и окру́га): 1) окрестность, околица; 2) область, управляемая однимъ лицомъ; **окру́гъ** — окружность, очертаніе близкое кругу. «Пречудныхъ стѣнъ округъ». Ломоносовъ.

О́рганъ — членъ, часть организма; **орга́нъ** — музыкальное орудіе.

Па́рникъ — вещъ, подходящая подъ пару другой; **парни́къ** — тепличка, ящикъ съ навозомъ.

Пе́редъ — предлогъ; **перёдъ** — сущ., передняя часть.

Пе́рекрестъ — крещенный еврей; **перекре́стъ** — перекрещиванье, перекрестка.

Пе́рекрутъ (перекрута, перекрутина) — огрѣхъ въ пряжѣ; **перекру́тъ** — перекрученое мѣсто въ веревкѣ.

Пе́речень — счетъ, итогъ сводъ; **пере́чень** — поперечина, брусъ.

Пече́нье — существит. отъ печь; **печенье́** — сгустившаяся кровь.

Пожа́рище — большой пожаръ; **пожари́ще** — мѣсто пожара.

Полóвщикъ — половинщикъ, половникъ; **половщи́къ** — столяръ, работающій полы.

По́логъ — завѣсъ у кровати, дверей, окна; **полóгъ**: 1) (церковн.) залогъ, 2) простонародное слово — повалка. Легли пологомъ на полъ.

По́ра — скважина въ естественныхъ предметахъ; **пора́** — время.

По́ростъ (морскіе поросты) — водоросли; **порóстъ** — поростанье. Пашню поростомъ одолѣваетъ.

Послу́шанье — отъ слушать ухомъ; **послуша́нье** — отъ глагола слушаться.

По́ѣздъ, напр. свадебный, похоронный и проч.; **поѣ́здъ** — поѣздка, отъѣздъ въ путь, дорогу.

Пра́вило — законъ, постановленіе; **прави́ло** — прямая доска со стойкой и отвѣсомъ и, вообще, все, чѣмъ правятъ.

При́толока — верхній брусъ, косякъ; **притолóка** — толока, выгонъ.

Прови́дѣнье — знаніе напередъ, предвидѣнье; **Провидѣ́ніе** — Промыслъ Божій.

Про́волочка — ум. отъ про́волока и **проволóчка** — медленность въ производствѣ дѣла.

Простыня́ — простота сердца; **простыня́** — покрывало.

Пу́стыня — уединенная обитель, монастырь; **пусты́ня** — необитаемое, обширное мѣсто, степь.

Пѣхóта — пѣшее войско; **пѣхота́** — пѣшее хожденіе.

Равни́на — ровное пространство; **равнина́** — ровность.

Ра́ка — гробница, ковчегъ съ мощами св. угодника; **рака́** — первая, вонючая выгонка вина изъ зятора.

Ре́гентъ (и ж. р. ре́гентша) — капельмейстеръ, начальникъ хора пѣвчихъ; **регéнтъ** (и ж. р. регéнтша) — правитель при малолѣтнемъ государѣ.

Рѣди́на, рѣди́нка — рѣденькая ткань, рѣдно; **рѣдина́**, редизна́, рѣдь — состояніе чего либо рѣдкаго, жидкаго.

Рѣ́чище — старое, покинутое русло; **рѣчи́ще** — увелич. отъ рѣка.

Рѣ́чушка — имя ласкат., а **рѣчу́шка** — уничиж.

Са́жалка — рыбный садокъ; **сажа́лка** — орудіе для сажанія чего-либо.

Свойство — своя особенность, качество; **свойство́** — родство по женитьбѣ.

Се́льбище — селитьба, селеніе и усадьба; **сельби́ще** — остатки и развалины селенія.

Скала́ (италіанское) — гамма и, вообще, мѣрило; **скала́** — круть, утесъ.

Слѣпень, слѣпы́нъ — слѣпой; **слепе́нь** — кровососная муха.

Снадобникъ — приборъ, нессесеръ; **снадобни́къ** — аптекарь.

Соба́чина — собачье мясо; **собачи́на**, соба́чища — увелич. отъ собака.

Ста́вникъ — подживотикъ, подставной столикъ подъ большой образъ; **ставни́къ** — 1) большая церковная свѣча и 2) большой церк. свѣчни́къ.

Ста́рица: 1) престарѣлая женщина и 2) монахиня; **стари́ца** — старое покинутое русло (руслище, рѣчище).

Старши́нство — должность, званіе старшины; **старшинство́** — первенство передъ младшимъ.

Сту́день — холодное, дрожалка (кушанье); **студе́нь**. Церк. 1) холодъ, стужа и 2) названіе мѣсяца Декабря.

Сту́па — сосудъ, въ коемъ толкутъ пестомъ; **ступа́** — самая тихая походка.

Сту́пень — слѣдъ ноги; **ступе́нь** — степень, уступъ, поперечины на лѣстницѣ, у крыльца и проч.

Сту́пица — колесная матица, въ коей ходитъ ось; **ступи́ца** и ступи́ха — (шуточное) нога.

Су́дно (мн. ч. суда́, судо́въ) — всякое плавучее строеніе; **судно́** (мн. ч. су́ды, или суды́) — посудина.

Сѣди́на (стар.) — трещина; **сѣдина́** — сѣдой волосъ.

Те́норъ — пѣвчій, тенористъ; **тено́ръ** — высокій мужской голосъ.

Топо́рище — увелич. отъ топоръ; **топори́ще** — древко, рукоять.

У́гольникъ — продающій уголь; **уго́льникъ** — снарядъ, треугольникъ.

У́жинъ — вечерняя ѣда; **ужи́нъ** — количество сжатаго хлѣба.

У́личка — отъ улица; **ули́чка** — отъ улика.

Хло́покъ и охло́покъ — пакля, очески, а также хлопчатникъ; **хлопо́къ** (одного происхожд. съ хло́покъ) хлопъ, клокъ льну, пеньки и проч.

Хо́децъ и хо́дникъ — ум. отъ ходъ; **ходе́цъ** — пѣшеходъ.

Худо́ба — животы, вещи; **худоба́** — худощавость лица, тѣла, худое, изорванное мѣсто на одеждѣ и т. п.

Хме́льникъ — мѣсто въ лѣсу, поросшее хмелемъ; **хмельни́къ** — огородъ, гдѣ разведенъ хмель.

Чино́вникъ — служащій; **чиовни́къ** — церковная книга.

Чи́сли́тель (двоякое удареніе) — числящій, исчисляющій что; **числи́тель** (одно удар.) — верхняя цифра дроби, показывающая число частей.

Ша́шня, ша́шни — стачка, продѣлка; **шашня́** — шашечница (шашечная доска).

Ю́ница (церковн.) — телица, яловка; **юни́ца** — молодка, молодица.

Примѣчаніе. Въ этотъ перечень не вошли два слова, хотя мало извѣстныя, но замѣчательныя въ грамматическомъ отношеніи: 1) голо́мя (стволъ дерева, лѣсина) и 2) голомя́ (открытое, голое море; употребляется въ Арханг. губ.). До сихъ поръ во всѣхъ грамматикахъ насчитывалось всего только десять словъ, оканчивающихся на **мя**; но и въ словарѣ Даля мы не нашли больше такихъ словъ, кромѣ этихъ двухъ. Слѣдовательно, если не считать слово голомя́, какъ мѣстное и не могущее войти во всеобщее употребленіе, то счетъ всѣхъ словъ на **мя** увеличится только однимъ противу принятаго въ грамматикахъ.

III. Имена прилагательныя.

Безо́бразный — лишенный внѣшняго опредѣленнаго вида, образа; **безобра́зный** — некрасивый, уродливый; неприличный. Происшедшія отъ этихъ прилагательныхъ существительныя: **безо́бразность** и **безобра́зность** тоже различаютъ свои значенія помощью ударенія.

Бере́стовый, берести́ный, отъ берёста (кора); **бе́рестовый** отъ бе́ресть (дерево).

Ви́шневый, происходящій или сдѣланный изъ вишни, напр. клей; **вишнёвый**, краскою похожій на вишневую ягоду.

Водя́ный, напитанный водою и **водяно́й**, относящійся къ водѣ.

Желу́дковый — отъ желу́докъ; **желудко́вый** — отъ желудь.

Желѣзистый — отъ желѣзо; **желези́стый** — отъ железа.

Же́стокъ отъ жёсткій и **жесто́къ** отъ жесто́кій.

За́головочный отъ за́головокъ; **заголо́вочный** отъ заголо́вокъ.

Изве́стковый, сдѣланный изъ извести; **известко́вый**, известь въ себѣ содержащій (известковая вода).

Камы́шистый, похожій на камышъ; **камыши́стый** (о мѣстѣ) — обильный камышами.

Ка́пельный — отъ капля, ка́пелька — крошечный; **капе́льный** — отъ капе́ль (паденіе капель, отепель).

Ки́рочный отъ ки́рка; **киро́чный** отъ кирка́.

Пе́рловыя серги и **перло́вая** крупа.

Полу́денный или **по́лде́нный** (двоякое удареніе), къ полдню относящійся. Полу́денная высота солнца; **полуде́нный** — полудне́вный, длящійся полдня.

Ра́ковистый изломъ, въ видѣ выщербинъ. Ра́ковистый стволъ ружья; **ракови́стый**, ракушечный, усѣянный раковинами (берегъ рѣки).

Снѣ́жистый — на снѣгъ похожій; **снѣжи́стый** — снѣжный, обильный снѣгомъ.

Ста́ршій — сравнит. ст. отъ старый; **старшо́й** — на́большій, старшина, начальникъ.

У́гольный — отъ у́голь и **уго́льный** — угловой (отъ у́голь).

У́жинный отъ у́жинъ; **ужи́нный** отъ ужи́нъ.

Къ этому списку надо еще прибавить имена прилагательныя, въ коихъ значеніе измѣняется нетолько отъ передвиженія ударенія съ предыдущихъ слоговъ на послѣдній, но и отъ измѣненія окончанія, а именно:

Бо́льшій — сравнит. ст. и **большо́й** — полож. ст., а также человѣкъ старшій, властный и проч.

Бо́рзый, скорый, рьяный (конь); **борзо́й** (о псахъ) хортъ.

Верхо́вый, лежащій на Волгѣ выше Самары, противоположный низо́вому (Верхо́вые города); **верхово́й**, конный.

Голо́сный — громкій, звучный, зычный; **голосно́й** v. **голосово́й** — къ голосу относящійся.

Домо́вый, домашній; **домово́й** — домови́къ, по народному повѣрью, духъ обитающій въ домѣ.

Зака́зный — заказанный, запрещ.; **заказно́й** — сдѣланный на заказъ.

Зелёный цвѣтъ; **зе́ленъ** (незрѣлъ) виноградъ и проч.; **зеленно́й** рядъ; **зелено́** вино.

Икря́ный ловъ, т. е. такой ловъ, когда рыба бываетъ съ икрою; **икряно́й** боченокъ, а также икряно́й камень.

Лю́бый — любимый, милый и **любо́й** — который на выборъ лучше нравится.

Ме́ньшій — сравнит. ст. и **меньшо́й** — младшій.

О́чный корень, **о́чная** трава, болѣзнь и проч. и **очна́я** ставка.

Па́рный — отъ па́ра; **парно́й** — отъ паръ.

Прикла́дный, къ прикладу относящійся; **прикладно́й**, приложенный, прибавленный (прикладная наука).

Распа́шна́я (2 удар.) земля и **распашно́й** кафтанъ, — **на́я** душа.

Свѣ́чное сало и **свѣчна́я** лавка.

Свя́зный — къ связи относящійся и **связно́й** — для связи служащій.

Сито́вый, къ растенію сито́внику относящійся; **ситово́й** и (съ удареніемъ на 1-мъ слогѣ) **си́товый**, иначе **си́тяный**, къ ситу относящійся.

Спиртово́й запасъ и **спиртово́й** градусникъ.

Стра́стный — увлекающійся страстью и **страстная** недѣля, пятница, — **но́е** Евангеліе и проч.

Сѣ́нный — отъ сѣни (сѣнить); **сѣнно́й** — отъ сѣно, напр. Сѣнна́я страда, косьба, площадь.

У́шный отъ **у́хо**; **ушно́й** отъ **уха**.

Че́стный, прямой, правдивый, неуклонный по совѣсти своей и долгу; **честно́й** — цѣнный, почетный, напр. Честны́е каменья (значитъ: благородные драгоцѣнные). Честно́й господинъ! (значитъ: почитаемый, чтимый).

Чу́дный — ди́вный, чудесный; **чудно́й** — странный, смѣшной.

Ша́левый — отъ шаль въ значеніи длинный платокъ; **шалево́й** — отъ шаль въ значеніи блажь, дурь.

IV. Нарѣчія.

Ве́рхомъ — сверхъ краевъ; **верхо́мъ** — сидя на лошади.

Во́-время — въ свое время; **во вре́мя** — впродолженіе извѣстнаго времени.

Во́льно — свободно; **вольно́** — укоръ въ свободѣ дѣйствія, напр. Вольно́ было тебѣ дурить.

Здо́рово — очень, сильно; **здоро́во** — полезно для здоровья.

Зе́лено, незрѣло и **зелено́** въ глазахъ.

Кра́сно по цвѣту, а **красно́** — хорошо, красиво.

Кру́гомъ — въ видѣ круга; **круго́мъ** — вокругъ.

Му́дро — разумно; **мудро́** — мудрено.
По́лно — будетъ, довольно; полно́ — до краевъ. Наливай полно́, станемъ жить въ одно.
По́тиху — украдкой, тайкомъ; **поти́ху** — тихо, медленно.
Свѣ́жо испеченный и **свѣжо́** (вм. прохладно) на дворѣ.
Свѣ́тло — великолѣпно, роскошно; **свѣтло́** — не темно, ясно.
Хи́тро — лукаво; **хитро́** — ловко, искусно.
Хо́лодно — непривѣтливо, недружелюбно; **холодно́** (о погодѣ).

Примѣч. Въ нѣкоторыхъ словахъ съ двоякимъ значеніемъ удареніе еще не установилось окончательно на практикѣ: и поэтому сказанныя слова или обозначены въ словаряхъ неточно и даже противорѣчиво, или и совсѣмъ не показаны. Къ таковымъ, напр. относятся: регентъ, теноръ, вишневый (здѣсь мы держались Далл). Два значенія слова **хо́лодно** и **холодно́** опредѣляемъ по личнымъ наблюденіямъ, слѣдя за говоромъ образованнаго класса людей. Слово **ледникъ** у Даля и Акад. обозначено двоякимъ удареніемъ безъ различія значенія. У Макарова, напротивъ, показано это различіе; при томъ у Даля подъ словомъ *глетчеръ* слово ледникъ отмѣчено только однимъ удареніемъ согласно съ Макаровымъ.

В. Слова съ троякимъ удареніемъ.

Къ вышеизложенному перечню словъ съ двоякимъ удареніемъ слѣдуетъ еще добавить слова, представляющія даже въ русскомъ языкѣ рѣдкую особенность, о существованіи которой многіе, незнакомые хорошо съ словаремъ Даля, даже и не подозрѣваютъ. Это — слова съ троякимъ удареніемъ. Мы ихъ нашли всего пятьнадцать, а именно:

Бра́ко́во́й Д, ой А
Бра́то́вщина А, бра М, щи Д
Во́роній — во́рону принадлежащій; **воро́ній**, принадлежащій воро́нѣ; **воронно́й** о конской масти (черный) Д.
Вре́менный — невсегдашній, непостоянный; **вре́менный** — относящійся до времени. Напр., вре́менное счисленіе; **временно́й** — переходящій, кратковременный. Д
Вѣтровой — прилагательное отъ существительнаго вѣтеръ. Д
Гусыня — гуся́. Д
Мачтовой — прилагательное отъ существительнаго мачта. Д
Мѣдяникъ Д.

Не́у́гомо́нь (неугомо́нъ) Д, не А, онь М.
Ни́зо́вьё — мѣстность, ближайшая къ устью рѣки Д.
Первина, первѝнка Д. (Больше употребляется съ удареніемъ на второмъ слогѣ), пер А М.
Пе́рево́рте́нь — перекрещенецъ, крещеный еврей, переметчикъ и проч. Д.
Про́во́дный А, про и ой Д, ой М.
Теплина — теплынь, теплота Д.
Туровить (вологод., вят., перм., пск.) — торопить, понукать Д.

Г. Списокъ именъ на ота (Прилож. къ § 78 п. 4).

1. **Съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ:** блевота, вольгота, дергота, дремота, забота, зѣвота, икота, льгота, ломота, однота (и одинота́, одино́чество), охота (и неохо́та), перхота, потягота, работа, рвота, рыгота, харкота, хрипота, чесота, чихота, щедрота.

2. **Съ удареніемъ на конечномъ слогѣ:** алкота; благота, блекота, бормота, босота, быстрота, бѣднота; вольнота, высота; горькота, глубота, глупота, глухота, густота; длиннота, долгота, дрягота, дурнота, духота; кислота, краснота, красота, кривота, круглота, крѣпота; лихота, лѣпота; мелкота, могота v. могута; нагота, немогота, неполнота, нѣмота; острота; пахота, пестрота, полнота, правота, простота, прѣснота, прямота, пустота; равнота, разнота, рѣснота; свербота, сивота, сирота, склизота, слѣпота, смѣхота, срамота, сухота; темнота, теплота, толстота, тошнота, тѣснота, тягота; хрипота, хрямота; частота, чернота, чистота; широта.

3. **Съ удареніемъ на третьемъ слогѣ** извѣстны только два слова: гра́мота и церк. стро́пота; и

4. **Съ двоякимъ удареніемъ:** добро́та́, воро́та́, мокро́та́, пѣхо́та́, сипо́та́ (Гр.), та́ 3.

Д. Списокъ одночленныхъ именъ существ. съ подвижнымъ удареніемъ при склоненіи.

(Прилож. къ § 115).

1. **Формы, переставляющія удареніе, начиная съ род. п. ед. ч.:** Азъ (но и а́за). Бичъ, блинъ, блющъ v. плющъ, бобъ, бобръ,

борщъ, быкъ. Винтъ, вождь, волхвъ, волъ, врагъ, враль, врачъ, вредъ (мн. ч. нѣтъ), врунъ, вьюнъ. Гвоздь (мн. ч. гвóзди, éй, я́мъ...), гербъ, горбъ, грачъ, грибъ, гроздъ (мн. ч. гро́зди, ей...), грошъ (и гро́ша), груздь, грѣхъ. Дворъ, дождь, драчъ, дроздъ, дьякъ. Ежъ, ёршъ. Жукъ, жгутъ, жезлъ, жнецъ, жрецъ, жрунъ. Киль, китъ, клещъ, клокъ, клоцъ, клыкъ, ключъ, кнутъ, ковшъ, колъ (мн. ч. ко́лья), конь (мн. ч. ко́ни, е́й...), котъ, кремль, крестъ, кротъ, крюкъ, куль, кустъ. Ларь, лгунъ, лещъ, лжецъ, листъ (мн. ч. ли́сты, о́въ... и ли́стья, ли́стьевъ...), лось (но и ло́ся), лучъ, льстецъ, лькъ. Мень (рыба), мечь, мостъ (но и мо́ста), моржъ, мячъ. Ножъ, ноль (нуль), нутръ (мн. ч. ну́тра). Одръ. Перстъ, плащъ, пестъ, плодъ, плотъ, полъ (по́ла — рода муж. или женск. и пола́ — низъ, настилка въ домѣ. По́дъ-доломъ поло́мъ ходитъ барыня съ коло́мъ, т. е. мышь); попъ, постъ (поста́ въ смыслѣ воздержанія и по́ста, франц., должность, мѣсто); пращъ, прудъ, прутъ, прущъ (раст. геранiй), прыщъ, псарь, путь (и́, ёмъ), пыжъ. Рабъ, рубль, руль. Свищъ, серпъ, сигъ, скотъ, слѣдъ, снопъ, снуръ (шнуръ), стволъ, стихъ, столбъ, столъ, стрижъ, стыдъ (мн. ч. нѣтъ), судъ. Ткачъ, трудъ, тузъ, тяжъ. Ужъ, умъ. Харчъ, хвостъ, хвощь, хлыстъ, холмъ (но и хо́лма), холстъ, хорь (хорёкъ), хрущъ, хрычъ, хрящъ. Царь. Червь (мн. ч. че́рви, е́й...), чижъ, чинъ (но и чи́на), чолнъ, чтецъ. Шагъ (но и ша́га), шаръ (но и ша́ра), швецъ, шестъ, шипъ (шипъ шипа́ — ость, колючка растенія и шипъ ши́па — отъ шипѣть, шипѣнье), шишъ, шлыкъ, шмель, шнуръ (снуръ), шпиль, шпень v. шпинь и шпынъ, штыкъ, шутъ. Щипъ, щитъ. *Примѣч.* Есть въ русскомъ языкѣ одно слово и именно — че(о)ртъ, которое в. употребительно въ насмѣшливомъ и ругательномъ смыслѣ и удареніе котораго в. своеобразно. Обыкновенно говорится: чёрта, чёрту и проч., но, напр., «онъ не знаетъ ни черта́». Во множ. ч. удар. тоже непостоянно: говорится въ им. п. че́рти, а въ косвенныхъ падежахъ: черте́й, я́мъ...

2. **Формы, переставляющія удареніе, начиная съ им. п. мн. ч.:** Балъ балы́, бинтъ бинты́, бокъ бока́, бортъ борты́, бѣгъ бѣга́, верхъ верхи́, возъ возы́, вѣкъ вѣка́, глазъ глаза́, годъ года́ v. (го́ды), гробъ гробы́ (но и гро́бы). гуртъ гурты́, даръ дары́, долгъ долги́, домъ дома́ (v. до́мы), другъ друзья́, дубъ дубы́

(но и ду́бы), жестъ жесты́, жиръ жиры́, зять зятья́, клинъ кли́нья и клинья́, князь князья́, край края́ (и кра́и), кумъ кумовья́, ладъ лады́, лугъ луга́, лѣсъ лѣса́, міръ міры́, мостъ мосты́, мужъ мужья́ (въ значеніи женатые мущины) и му́жи (въ значеніи почетные люди), мулъ мули́, мѣхъ мѣха́, низъ низы́, носъ носы́, панъ паны́, паръ пары́, пиръ пиры́, плутъ плуты́, пудъ пуды́, пукъ пуки́, рогъ рога́, родъ роды́ (и ро́ды), рядъ ряды́, садъ сады́, слой слои́ (но и сло́и), снѣгъ снѣга́, сортъ сорты́ (и сорта́), стогъ стога́ (и сто́ги), сынъ сыны́ и сыновья́, тесть тестевья́, торгъ торги́, усъ усы́, хлѣбъ хлѣба́ (и хлѣ́бы), хлѣвъ хлѣва́ (и хлѣ́вы), ходъ ходы́, цвѣтъ цвѣты́ (и цвѣта́), шаръ шары́, шкафъ шкафы́.

Е. Списокъ именъ сущ. ж. р., переставляющихъ удареніе въ винит. п. на предыдущіе слоги.

(Прилож. къ § 118).

1. **Двучленныя формы**: отъ бпткá — би́тку, отъ блоха́ — бло́ху, отъ весна́ — ве́сну (но и весну́), отъ верста́ — ве́рсту (Онъ уѣхалъ съ ве́рсту. Но также и версту́: онъ уѣхалъ цѣлую версту́), отъ верша́ — ве́ршу, отъ вода́ — во́ду, отъ гора́ — го́ру, отъ десна́ — дёсну (и Десну́, рѣку́), отъ доска́ — до́ску, отъ душа́ — ду́шу, отъ зима́ — зи́му, отъ коса́ — ко́су (въ смыслѣ волоса и песчаная отмель, мысокъ на рѣкѣ). Отъ косма́ — ко́сму, отъ кроха́ — кро́ху, отъ нога́ — но́гу, отъ овца́ — о́вцу (но и овцу́), отъ пола́ — по́лу (кафтана, плаща и проч.), отъ пора́ — по́ру (но и пору́: «Чую мрачной осени пору́»), отъ роса́ — ро́су, отъ рука́ — ру́ку, отъ спина́ — спи́ну, отъ сосна́ — со́сну, отъ соха́ — со́ху, отъ среда́ — сре́ду (въ смыслѣ недѣльнаго дня) и среду́ (въ смыслѣ, напр., окружающая насъ среда зловредна и проч.), отъ строка́ — стро́ку, отъ стѣна́ — стѣ́ну, отъ цѣна́ — цѣ́ну, отъ щека́ — щёку.

2. **Изъ трехчленныхъ и болѣе сложныхъ извѣстны слѣдующія имена, передвигающія удареніе въ винит. падежѣ**: голова́ — го́лову, борода́ — бо́роду, борозда́ — бо́розду, железа́ — же́лезу, острота́ — остро́ту (но и остроту́), полоса́ — по́лосу, скорлупа́ — скорлу́пу, середа́ — се́реду, сковорода́ — ско́вороду, сторона́ — сто́рону.

Кромѣ перечисленныхъ, есть еще нѣсколько именъ на **я**, тоже переставляющихъ удареніе въ винит. п. на предыдущій слогъ, а именно: возгря́ — во́згрю, земля́ — зе́млю, ноздря́ — но́здрю, сопля́ — со́плю.

Ж. Списокъ глаголовъ, въ коихъ происходитъ перестановка ударенія въ ф. наст. времени, по Гроту.

(Прилож. къ § 124 п. 4.)

Къ числу этихъ глаголовъ относятся:

I. Формы на ать:

1) съ буквою **д** передъ окончаніемъ а́ть: глода́ть — жу́, гло́жешь.
2) съ буквою **з**: вязать, казать, лизать, низать.
3) съ буквою **к**: скакать, икать, локать. *)
4) съ буквою **м**: дремать.
5) съ буквою **п**: клепать, трепать, хрепать, щепать, щипать.
6) съ буквою **с**: писать, плясать, тесать, чесать.
7) съ буквою **т**: клегтать, клохтать, метать, роптать, топтать, шептать.
8) съ буквою **х**: дыхать, махать, пахать, пыхать.
9) съ буквами **ск**, **ст**: искать, плескать, блистать, свистать, хлестать.

У шести глаголовъ уже въ первомъ лицѣ удареніе переходитъ на первый слогъ: зоба́ть, зо́блю; зыба́ть, зы́блю; алка́ть, а́лчу; страда́ть, стра́жду; бреха́ть, бре́шу; хрома́ть, хра́млю. Этимъ глаголамъ подобенъ и односложный въ неопр. накл. здать, зи́жду.

Два глагола: стонать и орать (въ смыслѣ пахать), у которыхъ согласная передъ **ать** неспособна измѣняться, принадлежатъ также къ перечисленному выше разряду.

Трехсложныхъ глаголовъ только 12; почти всѣ они звукоподражательные съ буквою **т** передъ окончаніетъ а́ть, съ повторяющимися гласными **о** или **е** и вставкою между ними губной или гортанной буквы: бормотать, грохотать, клеветать, клоко-

*) Вправильныя формы: икаю, локаю употребительнѣе пчу́, лочу́.

тать, лепетать, рокотать, скрежетать, трепетать, хлопотать, хохотать, щебетать, щекотать.

Сверхъ того мы въ этомъ разрядѣ находимъ еще глаголы: полоскать, колыхать и колебать; послѣдніе два уже въ 1-мъ лицѣ мѣняютъ ударе́ніе: колы́шу, коле́блю.

II. Формы на ить:

1) *Съ двоякимъ ударе́ніемъ (по алфавитному порядку гласныхъ въ коренномъ слогѣ)*:

а: сади́ть — сади́шь и са́дишь
вали́ть — вали́шь и ва́лишь
кати́ть — кати́шь и ка́тишь
дари́ть — дари́шь и да́ришь
вари́ть — вари́шь и ва́ришь
гаси́ть — гаси́шь и га́сишь
трави́ть — трави́шь и тра́вишь
мани́ть — мани́шь и ма́нишь
тащи́ть — тащи́шь и та́щишь

е: крести́ть — крести́шь и кре́стишь
черти́ть — черти́шь и че́ртишь
клеи́ть — клеи́шь и кле́ишь
щени́ться — щени́шься и ще́нишься

и: чини́ть — чини́шь и чи́нишь

о: боя́ться — боя́шься и бо́ишься
(за)нози́ть — занози́шь и зано́зишь
(по)ложи́ть — ложи́шься и (по)ло́жишь
вопи́ть — вопи́шь и во́пишь
крои́ть — крои́шь и кро́ишь
коси́ть — коси́шь и ко́сишь
твори́ть — твори́шь и тво́ришь

у: кури́ть — кури́шь и ку́ришь
тури́ть — тури́шь и ту́ришь
студи́ть — студи́шь и (про)сту́дишься
трубя́ть — трубя́шь и тру́бишь
блуди́ть — блуди́шь и блу́дишь
труди́ться — труди́шься и тру́дишься
пруди́ть — пруди́шь и пру́дишь
уди́ть — уди́шь и у́дишь
тупи́ть — тупи́шь и ту́пишь
кружи́ть — кружи́шь и кру́жишь
(за)глуши́ть — глуши́шь и глу́шишь
души́ть — души́шь и ду́шишь
суши́ть — суши́шь и су́шишь
туши́ть — туши́шь и ту́шишь
(раз)лучи́ть — (раз)лучи́шь и (раз)лу́чишь
(по)ручи́ть — (по)ручи́шь и (по)ру́чишь
сучи́ть — сучи́шь и су́чишь

ѣ: бѣли́ть — бѣли́шь и бе́лишь
цѣди́ть — цѣди́шь и це́дишь
гнѣзди́ться — гнѣзди́шься и гне́здишься
рѣзви́ться — рѣзви́шься и ре́звишься
свѣти́ть — свѣти́шь и све́тишь

мѣси́ть — мѣси́шь и мѣ́сишь
дѣли́ть — дѣли́шь и дѣ́лишь
лѣни́ться — лѣни́шься и лѣ́нишься
(за)мѣни́ть — (за)мѣни́шь и (за)мѣ́нишь
цѣни́ть — цѣни́шь и цѣ́нишь
я: ряди́ть — ряди́шь и ря́дишь
яви́ть — яви́шь и я́вишь.

2) *Съ однимъ удареніемъ (такъ же по порядку гласныхъ начальнаго слога)*:

а: дави́ть — да́вишь
хвали́ть — хва́лишь
плати́ть — пла́тишь (пло́тишь)
хвати́ть — хва́тишь
дразни́ть — дра́знишь
е: серди́ть — се́рдишь
жени́ть — же́нишь
о: (по)соби́ть — (по)со́бишь
копи́ть — ко́пишь
топи́ть — то́пишь
лови́ть — ло́вишь
броди́ть — бро́дишь
води́ть — во́дишь
ходи́ть — хо́дишь
(про)глоти́ть — (про)гло́тишь
корми́ть — ко́рмишь
ломи́ть — ло́мишь
гони́ть (неупотр.) — го́нишь
клони́ть — кло́нишь
(у)рони́ть — (у)ро́нишь
(при)слони́ть — (при)сло́нишь
вози́ть — во́зишь
проси́ть — про́сишь
дрочи́ть — дро́чишь
мочи́ть — мо́чишь
(на)скочи́ть — (на)ско́чишь
точи́ть — то́чишь
моли́ть — мо́лишь
скобли́ть — ско́блишь
у: губи́ть — гу́бишь
руби́ть — ру́бишь
купи́ть — ку́пишь
лупи́ть — лу́пишь
ступи́ть — сту́пишь
буди́ть — бу́дишь
суди́ть — су́дишь
пусти́ть — пу́стишь
шути́ть — шу́тишь
служи́ть — слу́жишь
тужи́ть — ту́жишь
(у)куси́ть — (у)ку́сишь
учи́ть — у́чишь
ю: люби́ть — лю́бишь
ѣ: лѣпи́ть — лѣ́пишь
лѣчи́ть — лѣ́чишь
цѣпи́ть — цѣ́пишь
бѣси́ть — бѣ́сишь
(за)стрѣли́ть — (за)стрѣ́лишь.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
КНИГ РСФСР
№ .....
..... 193 г.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано :	Должно быть :
2	10 снизу	от-	отпо-
7	2 свер.	вязея клюю	вязел, клюю
7	4,3 снизу	не къ предыдущему, а къ ...	къ предыду́щему, а не къ ...
9	11 »	лясь	ляясь
9	6 »	стояющей	стоящей
13	1 »	въ видѣ отрывочнаго	въ видѣ то отрывочнаго
14	19 »	кратность	краткость
16	3 »	согасными	согласными
19	9 »	независимо	независимо
25	1 »	столь	столько
28	5 »	сравнитнльно	сравнительно
34	13 »	на не одной	не на одной
40	12 »	вторыми	вторымъ
54	18—17 »	слова «пригорокъ»	вычеркнуть, какъ ненужныя
54	16 »	слова «засуха»	тоже вычеркнуть
55	10—9 »	слова «нивоpосль»	тоже вычеркнуть
71	9 »	бу́ркою	бу́ркаю
78	12 свер.	*противное* противиться	*противное* — противиться
86	15 »	усложнившіяся длительными	усложнившіяся такими длительными
89	12 »	(§ 5)	(§ 4)
92	13 »	шпло	шивороть
118	18 снизу	(устро́ить)	(у и стро́ить)
130	5 свер.	оканчивающіеся	оканчивающіяся
143	6 »	слово «хлопокъ»	вычеркнуть, какъ ненужное
164	14 »	па ой съ...	на ой, съ...
165	18 снизу	(отъ кирпи́чъ)	(отъ кирпи́чный)
197	9 свер.	торжествовалъ — вшій	торжествова́лъ — ва́вшій
200	16 »	Розыск.	Разыск.
211	18 снизу	оканчаніе	окончаніе
223	4 свер.	ни кому	никому
224	6 снизу	стоять	стои́ть
228	2 »	Руси́.	и въ части́ (но *только* въ значеніи полиц. участокъ)
254	19 свер.	благозвучно	благозвучію

СКЛАДЪ КНИГИ

въ книжныхъ магазинахъ:

1. **Н. Я. Оглоблина,** въ Кіевѣ и Москвѣ,
2. **Н. Гр. Мартынова,** въ С.-Петербургѣ,
3. **Карбасникова,** въ Варшавѣ,
4. **Е. П. Распопова,** въ Одессѣ.
5. **Бунтмана,** въ Херсонѣ.

Оставшіеся въ наличности экземпляры

„РУССКАГО СЛОГОУДАРЕНІЯ“

І. Шарловскаго

продаются въ тѣхъ же магазинахъ:

1-й вып. за 40 коп.,
2-ой » » 60 »
3-й » » 80 »

и брошюра **„О благозвучіи Русскаго языка“,** за 20 коп.

Цѣна **„Русской Просодіи“** 1 руб.